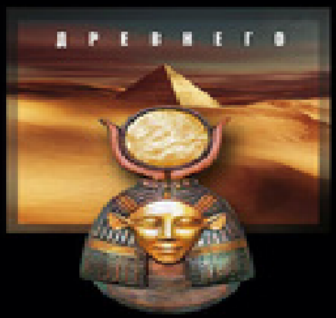
ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА



Адольф Эрман

Как прекрасно выстроен твой дом,
о Атум!
Как прекрасно основано твое жилище,
о Рути!

ГОСУДАРСТВО, АРМИЯ И ОБЩЕСТВО ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Историческое исследование известного немецкого ученого посвящено Египту – одному из самых древних государств мира. Используя все доступные современному человечеству источники достоверной информации – свитки папирусов из древних библиотек и архивов, надписи и рисунки из храмов и гробниц, предметы материальной культуры, обнаруженные в захоронениях мумий, древнееврейские книги и записки греческих путешественников, – автор выстраивает цепь исторических событий и дает правдивое представление о развитии египетской цивилизации трех периодов: Древнем, Среднем и Новом царствах.

- Адольф Эрман
  - Таблица сокращений
  - Введение
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Глава VIII
  - Глава IX
  - Глава X
  - Глава XI
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15

- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59

- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103

- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147

- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191

- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235

- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279

- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323

- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367

- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411

- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429

Адольф Эрман
Государство, армия и общество Древнего Египта

Таблица сокращений

Abb. – Папирус Эббота, опубликован в: Select Papyri in the Hieratic Character from the collections of the British Museum (Избранные папирусы, написанные иератическими символами, из собрания Британского музея). London, 1844–1860.

An. – папирусы Анастази в Select Papyri.

Ä. Z. – Zeitschrift fur ägyptische Sprache und Altertumskunde.

Bol. – папирус из Болоньи, опубликованный Линке, Korrespondenzen aus der Zeit der Ramessiden (Письма эпохи Рамессидов). Leipzig, 1878.

Br. Wb. – *Brugsch.* Hieroglyphisch-Demotisches Wörterbuch *(Бругш.* Иероглифическо-демотический словарь). Leipzig, 1867–1880.

Br. Gr. W. – *Brugsch.* Die ägyptische Gräberwelt *(Бругш.* Мир египетских могил). Leipzig, 1868.

Champ. mon. – *Champollion.* Monuments de l'Egypte et de la Nubie *(Шампольон.* Памятники Египта и Нубии). Paris, 1835, bis 1845.

Düm. Flotte – *Dümichen.* Die Flotte einer ägyptischen Königin *(Дюмихен.* Флот египетской царицы). Leipzig, 1868.

Düm. Res. – *Dümichen.* Resultate der… 1868 nach Aegypten entsendeten… Expedition *(Дюмихен.* Результаты египетской экспедиции 1868 г.). Berlin, 1869.

Ebers – Папирус Эберса. Das hermetische Buch Uber die Arzneimittel. Herausgegeben von G. Ebers (Герметическая книга о медицинских средствах, издана Г. Эберсом). Leipzig, 1875.

Harris (I.) – Facsimile of an Egyptian Hieratic Papyrus of the reign of Rameses III. *(Харрис.* Факсимиле египетского иератического папируса времен правления Рамсеса III). London, 1876.

Harris 500 – Папирус, опубликованный у Масперо в: Études égyptiennes. Vol. I. Paris, 1886.

Insc. In the hier. char. – Надписи иератическими символами из собрания Британского музея, Лондон, 1868.

L. A. – из коллекции Abklat Лепсиуса, которая находится в Берлинском музее.

L. D. – *Лепсиус.* Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien (Памятники Египта и Эфиопии). 1849–1858.

Lee – папирус Ли, см. далее P. j. T.

Leps. Ausw. – Lepsius, Auswahl.

Leyden – Папирус, опубликованный в: *Leemans.* Aegyptische Monumenten van het Nederlandsche Museum van Oudheden te

Leiden. Leyden, 1839–1882.

Lieblein – *Lieblein.* Dictionnaire de noms hieroglyphiques *(Либлейн.* Словарь иероглифических имен). Leipzig, 1871.

Mar. Cat. d'Ab. – *Mariette.* Catalogue géné ral des monuments d'Abydos *(Мариет.* Общий каталог памятников Абидоса). Paris, 1880.

Mar. Karn. – *Mariette.* Karnak. Leipzig, 1875.

Mar. Mast. – *Mariette.* Les Mastabas de l'ancien empire. *(Мариет.* Мастабы Древнего царства). Paris, 1881–1887.

Mar. mon. div. – *Mariette.* Monuments divers recueillis en Egypte *(Мариет.* Различные памятники старины, собранные в Египте). Paris, 1872, bis 1877.

M. E. – Среднее царство.

N. E. – Новое царство.

O. E. – Древнее царство.

d'Orb. – Папирус д'Орбиньи, опубликованный в Select Papyri.

Pap. – папирус

Pap. De Boul. – *Mariette.* Les papyrus égyptiens de Boulaq. *(Мариет.* Египетские папирусы Булака). Paris, 1872–1877.

Perrot – *Perrot et Chipiez.* Histoire de l'art dans l'antiquité. Tome I. l'Egypte *(Перро Ж. и Шипье Ш.* История искусства древности. Том I, Египет). Paris, 1882.

P. j. T. – *Deveria.* Le papyrus judiciaire de Turin et les papyrus Lee et Rollin *(Девериа.* Судебный папирус из Турина и папирусы Ли и Роллена). Париж, 1868 (из Journal asiatique).

Prisse – *Prisse.* Facsimile d'un papyrus égyptien en caractéres hiératiques *(Присс.* Факсимиле египетского папируса, написанного иератическими символами). Paris, 1847.

Prisse mon. – *Prisse.* Monuments égyptiens *(Присс.* Египетские памятники). Paris, 1847.

R. J. H. – *Rougé.* Inscriptions hiéroglyphiques *(Роже.* Иероглифические надписи). Paris, 1877–1879.

Rollin – папирус Роллена, см. выше, P. j. T.

Pos. M. C. – *Rosellini.* Monumenti dell' Egitto e della Nubia *(Розеллини.* Памятники Египта и Нубии). Пиза, 1842–1844. Часть, озаглавленная «Гражданские памятники».

Ros. M. stor. – Там же, часть «Исторические памятники».

Sall. – Папирусы Салье, опубликованные в Select Papyri.

Tur. – *Pleyte et Rossi.* Les papyrus de Turin Leyde, 1869–1876.

W. – *Wilkinson.* The manners and customs of the ancient Egyptians. New Edition by S. Birch *(Уилкинсон.* Нравы и обычаи древних египтян. Новое издание С. Бёрча). London, 1878.

Введение

Греки, которые начиная с VII века до н. э. часто бывали в долине Нила, приходили в изумление, обнаруживая там цивилизацию, которая, будучи явно древнее, была по меньшей мере равна их собственной. Их поражало то, что они видели, – могущественные многолюдные города, странные гигантские храмы и народ, который ни в чем не был похож на жителей Ионии или греческих островов. Этот народ почитал как богов быков и крокодилов, которым служили безволосые жрецы в льняной одежде; и египтяне отличались от других народов не только в религиозных обрядах, но и в повседневной жизни – они, казалось, делали все наоборот по сравнению с тем, что было принято в других странах.

Мудрый Геродот написал: «О Египте мои замечания будут очень длинными, потому что ни одна страна не владеет таким количеством чудес и ни одна не имеет так много произведений, которые трудно описать. Не только климат ее иной, чем в остальном мире, и реки не похожи на остальные реки, но также и народ в большей части своих нравов и обычаев полностью противоположен тому, как обычно поступают люди. Женщины ходят на рынки и торгуют, а мужчины сидят дома за ткацким станком, и в остальном мире уток ведут по основе снизу вверх, а египтяне ведут его сверху вниз. Кроме того, женщины носят грузы на плече, а мужчины на голове. Женщина не может занимать должность священнослужителя ни при боге, ни при богине, а жрецами и тех и других являются мужчины. Сыновья не обязаны обеспечивать своих родителей, если не желают этого сами, а дочери должны это делать, хотят они этого или нет. В других странах жрецы имеют длинные волосы, в Египте же их головы обриты; во всех других местах принят обычай, что на время траура родные умершего коротко обрезают волосы, а египтяне, которые в любое другое время ходят совсем без волос, при потере родственника отращивают длинную бороду и длинные волосы на голове. Все другие люди живут отдельно от животных, египтяне же всегда держат животных рядом с собой. Другие едят ячмень и пшеницу, в Египте делать это позор, а зерно, которым они питаются, – полба, которую некоторые называют «зеа». Тесто египтяне месят ногами, а грязь перемешивают руками. Их мужчины носят две одежды сразу, а женщины только одну. Египтяне прикрепляют кольца и закрепляют канаты на парусах с внутренней стороны, другие же народы прикрепляют их снаружи. Когда египтяне пишут или считают, то двигают рукой не слева

направо, как греки, а справа налево; и тем не менее они настаивают на том, что это они делают это направо, а греки налево».

Каким бы односторонним и преувеличенным ни было это описание, оно показывает нам, насколько странными и непонятными египтяне казались даже образованным грекам, действительно старавшимся понять этот древний народ. А греческий простой народ смотрел на египтян с тем же удивлением, с которым наши народы глядят на китайцев и японцев с их косичками. У таких греков египтяне были предметом для дешевых острот, и они шутили над тем, что эти люди поклоняются быкам вместо того, чтобы приносить их в жертву, почитают угрей вместо того, чтобы их есть, и оплакивают умерших кошек вместо того, чтобы снимать с них шкуру. И все же, несмотря на насмешки, греки испытывали уважение к этим людям, которые с высоты своей древней цивилизации смотрели на греков как на детей. Возможно, был какой-то глубокий скрытый смысл в этих странных божествах и храмах, и может быть, эти безволосые жрецы владели тайной мудростью, непонятной обычным людям. Многие греческие ученые совершали паломничество в долину Нила, надеясь, что эти жрецы помогут им решить великие головоломки мироздания. Стеснение и недоверчивость, с которыми принимали греков, не отпугивали их, и они жадно старались понять смысл старинной религии, который был так заботливо скрыт завесой тайн. Мы теперь понимаем, что эти тайны не имели глубинного смысла и что греческий философ стоял на более высокой ступени умственного развития, чем египетский жрец. Но греки так никогда по-настоящему и не поняли этого, и чем молчаливее и сдержаннее вели себя жрецы, тем больше греки верили, что те владеют чудесными секретами. А когда они со временем узнавали эти тайны и понимали то, что было написано в священных текстах об Осирисе, Исиде и Горе, вера в мудрость египтян уже имела в их душах такие глубокие корни, что они не могли взглянуть без предубеждения на эти совершенно лишенные духовности мифы. Вместо того чтобы почувствовать их внутреннюю пустоту, греки толковали их согласно своим собственным философским идеям.

Почтение к египетской старине становилось все сильнее с каждым проходившим веком, и в конце концов Исида и даже Анубис с его шакальей головой были приняты в круг олимпийских богов, а при римлянах мистерии этих богов торжественно праздновались повсюду под шум систра (трещотка, род кастаньет. – *Ред.)* и с тайными обрядами.

Простодушная вера греко-римского мира в неизвестную

мудрость египтян продержалась семнадцать столетий: еще недавно пирамиды и обелиски вызывали у нас удивление и страх, на саркофаги и простецкие изображения демонов на них мы смотрели с настоящим трепетом, а масоны использовали египетские иероглифы и символы в качестве талисманов.

Теперь, когда мы научились понимать значение монументов, читать надписи и изучили литературу Древнего Египта, былой блеск угас, вместо прежнего «тусклого света религии» взошло безжалостное солнце науки, и мы видим древних египтян такими, какими они были на самом деле, – не лучше и не хуже других великих народов. Старинная «мудрость» египтян в каких-то отношениях выглядит менее чудесной, а кое в чем стала даже казаться отвратительной, а их обычаи не более странные, чем обычаи любого другого народа, и не заслуживают ни нашего осмеяния, ни нашего почтения. В одном только отношении (в том, о чем сами древние думали мало) мы, люди современного мира, испытываем величайшее восхищение перед египтянами – из-за их искусства, которое достигло таких величия и самобытности, которые есть еще лишь у немногих народов.

Романтический интерес к старым временам теперь уступил место более серьезным исследованиям, которые вызваны прогрессом египтологической науки. История Египта, вероятно, берет начало в более давнюю эпоху, чем история любой другой страны, за исключением Месопотамии (Шумера. – *Ред.)*. Мы знаем внешний облик страны, ее язык, литературу, религию и искусство с очень ранней даты – с 3000 года до н. э., а о европейских странах почти ничего не известно до гораздо более поздних времен: в те дни, когда герои Гомера сражались под Троей, Древний Египет уже прошел пору своего расцвета и достиг времени упадка. Цивилизация многих других стран, возможно, и была такой же древней, но не оставила после себя никаких следов, а в Египте до нас дошло столько памятников, что их, кажется, невозможно сосчитать.

За это счастливое обстоятельство мы должны благодарить египетский климат: в течение многих веков сухой воздух и песок сохраняли для нас даже такие легко разрушающиеся вещи, как одежду и свитки папируса. Более того, египтяне под влиянием своих странных религиозных представлений очень заботились о долгом существовании и богатом украшении своих гробниц. Большинству народов, стоявших на том же уровне развития цивилизации, было достаточно разрушаемых временем могил, а египтяне готовили для своих мумий просторные долговечные гробницы, богатые украшения которых во всей полноте представляют нам жизнь этих людей. Таким образом, в Египте мы

имеем сведения о тех веках далекого прошлого, которые в других странах скрыты плотной завесой неизвестности.

Эта возможность заглянуть в Древний мир учит нас многому и развеивает ложное представление, что люди двух последних столетий отличаются от людей более давнего прошлого. Египтяне в 3000 году до н. э. были бы похожи на современных людей, если бы находились на той же стадии развития цивилизации и жили в той же среде. Их язык, религия и система управления развивались по тому же пути, что и у более поздних народов. Мир в эти древние времена был таким же, как сейчас: те вечные законы, которые управляли им, действуют и теперь. Прогресс цивилизации, изобретения, сделанные человечеством, внесли лишь небольшие изменения. Древние царства были основаны в результате войн, похожих на те, в результате которых были основаны современные государства; древнее искусство расцветало или увядало под действием тех же обстоятельств, которые влияют на сегодняшнее искусство.

Египет является для нас поучительным уроком еще в одном отношении: ни в одной другой стране нет такого малого числа пробелов в последовательности исторических событий. От дней царя Снофру (IV династия) до завоевания Египта Александром Великим и от времени греков до арабского вторжения мы видим почти нигде не разорванную во времени цепь памятников и сочинений. Только в этой стране мы можем наблюдать за одним и тем же народом в течение пяти тысяч лет; язык сменился один раз, религия два раза (а у коптов – один), национальное происхождение правящего класса много раз, но природные условия жизни оставались почти неизменными. То, в какой степени этот народ, несмотря на все эти перемены, сохранял свои старые представления и обычаи, вызывает у науки величайший интерес. При нынешнем запасе наших знаний мы не в состоянии удовлетворить его, но существует другой вопрос, более простой и едва ли менее интересный, на который ответ может появиться очень скоро. Нет сомнения, что в поздние времена (1500 лет до н. э.) египтяне много общались со своими северными соседями. Поэтому возникло предположение, что эти менее развитые народы многому научились у египтян, и что греки, в частности, заимствовали у них начала своего искусства. Теперь мы знаем, что народы классической древности получили мало знаний напрямую из Египта, но что был период времени, когда финикийцы полностью находились под египетским влиянием, и что этот деятельный торговый народ распространил достижения египетской цивилизации по всей территории Греции и Италии.

Нам доступны источники информации, из которых мы можем

узнать об особенностях цивилизации Древнего Египта. Это, во-первых, памятники в самом Египте – храмы и гробницы с их бесконечными рядами надписей и рисунков, свитки папируса из древних библиотек и архивов и многочисленные предметы, похороненные с мумиями. Во-вторых, это древнееврейские книги, в которых рассказано о жизни Иосифа и Моисея: в них много говорится о египетской жизни. В-третьих, это рассказы греческих путешественников.

Разумеется, в цепи исторических событий, которую мы складываем из того, что подсказывают памятники, есть много пробелов, но, если мы сами не будем делать по собственной вине ошибок в оценке этих сведений и позаботимся о том, чтобы не смешивать памятники разных периодов, мы получим очень правдивое и достаточно близкое к истине представление о развитии египетской цивилизации.

Трудно сказать, много ли мы можем узнать из Ветхого Завета («Книг Моисеевых»): в них в более поздние времена могли внести много редакционных изменений, а потому, если искать описание египетской жизни раннего периода, надо относиться к этому источнику с осторожностью.

Что касается греческих писателей, то главный из них – Геродот. То, что Геродот узнал со слов египетских жрецов о ранней истории Египта, по большей части представляет собой легенды и недостоверно. Но его собственные наблюдения – это самый правдивый рассказ, какой можно получить от туриста, несколько месяцев ездившего по чужой для него стране и не знающего ее язык. Геродот описал Египет более чем через пятьсот лет после той эпохи, о которой мы сейчас говорим (и более чем через две тысячи лет после постройки пирамид), и то, что было верно для его времени, не всегда верно для эпохи Рамсесов и еще менее верно для эпохи пирамид.

Поэтому для решения нашей проблемы мы обращаемся только к памятникам, и на первый взгляд кажется, что им просто нет числа. Уже опубликованные переводы надписей и папирусов могут заполнить не один большой том, множество египетских текстов ждет расшифровки и в Египте, и в наших музеях, и никто не может сказать, сколько их еще скрыто в египетской земле, ведь до сих пор лишь в немногих древних городах и кладбищах были тщательно проведены раскопки. К этому мы должны также прибавить огромное количество рисунков, покрывающих стены и колонны гигантских храмов и гробниц. Однако, когда мы начинаем сортировать этот материал, многое придется признать бесполезным и отсеять. Большие города и дворцы царей были построены из дерева и необожженного кирпича, и в оставшихся

на их месте кучах обломков мы мало можем найти такого, что рассказало бы нам о жизни их обитателей.

Храмы со своими надписями и настенными рисунками стоят и сегодня, но эти надписи и рисунки почти все относятся только к культу богов или же могут содержать сведения о том, что такой-то царь построил это святилище для своего отца-бога, который в награду за это благочестивое деяние дал ему жизнь длиной в миллионы лет. Если же мы (в виде исключения) обнаруживаем надпись, в которой идет речь о военных подвигах правителя, о них рассказано таким официальным стилем и в таких стереотипных выражениях, что мы на самом деле о египетской жизни узнаем мало нового.

Гробницы подходят нам гораздо больше, хотя даже в них, к нашему несчастью, религиозная тема в надписях и рисунках преобладает над всеми остальными. Однако в большинстве гробниц самого раннего периода все же изображены сцены из домашней жизни умершего или рассказано о его делах и о почестях, которых он добился. Кроме того, в гробницах находятся всевозможные предметы, которыми покойный пользовался в своей домашней жизни или на службе и которые теперь должны были служить ему и в подземном мире, – оружие, украшения, доска для игры в шашки, иногда письма от его родных или важный юридический документ. Однако эти гробницы со своим содержимым, как ни важна их роль, развертывают перед нами картину египетской жизни с некоторыми искажениями и не полностью. Видно, что умерший был готов рассказать о ярких моментах своего жизненного пути – о повышениях в должности, о наградах, полученных от царя, и т. д., но как его растили и воспитывали, как он жил дома – об этом (и вообще обо всех частных обстоятельствах своей жизни) он умалчивал, считая это неинтересным для потомства. Мы также не должны слепо верить всему, что находим в гробницах, поскольку ради того, чтобы создать у нас высокое мнение о богатстве и добродетелях умершего, надписи и рисунки могли не только преувеличивать и приукрашивать действительность, но во многих случаях были просто скопированы с других гробниц и потому не соответствуют действительности. Предметы, найденные в этих гробницах, часто изготавливались заранее и хранились в ожидании неизбежного, а потому могут не быть точным подобием тех вещей, которыми покойный пользовался при жизни.

Иероглифическая часть Розеттского камня

Что касается папирусов, то большинство из них также не годятся для нашей цели, поскольку их содержание чисто магическое или религиозное. Папирусы светского содержания – это в основном школьные учебники и предназначены для того, чтобы пробудить в юных учениках стремление к знаниям и добродетельной жизни. В этих папирусах счастье быть ученым так откровенно восхваляется за счет принижения других занятий, что в их утверждения невозможно слепо верить. Любовные и приключенческие повести тоже ненадежны: они описывают не Египет, а волшебную страну.

Однако существует много частных деловых писем, инвентарных списков, записных книжек и юридических документов, которые имеют важнейшее значение для изучения египетского народа. В них мы видим египтян такими, какими они были на самом деле, – со всеми их слабостями и без тех пышности и церемоний, которыми окружена жизнь, изображенная для нас на памятниках. К несчастью, их особенно трудно читать – из-за непонятных намеков на события повседневной частной жизни и странных выражений сомнительно, чтобы их когда-нибудь смогли полностью расшифровать.

Таким образом, наши источники информации при первом взгляде кажутся очень богатыми, но постепенно их число уменьшается, а те, которые у нас остаются, – очень односторонние и часто изображают или описывают одно и то же снова и снова – например, кормление скота и уход за ним представлены в сто раз чаще, чем ткачество или изготовление гончарных изделий. А многие занятия и обычаи, вероятно, считались слишком незначительными, чтобы их изображать. Мы не должны также отрицать, что египтяне могли пользоваться какими-то предметами (вещами), лишь по той причине, что не можем обнаружить изображения таких предметов (вещей) на памятниках.

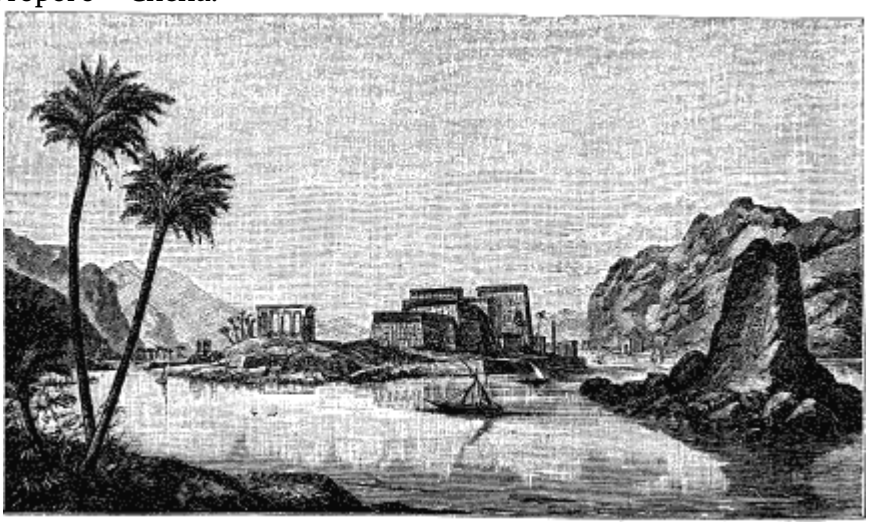
Нужно добавить к этому еще одну особенность, которая обычно затрудняет нашу задачу, то есть описание цивилизации Древнего Египта. Гробницы, где есть изображения сельскохозяйственных работ, иного крестьянского труда и различных ремесел, в большинстве случаев относятся к периоду Древнего царства, а почти все папирусы, по которым мы изучаем обычаи общественной и политической жизни, относятся к более поздней эпохе – Новому царству. Поэтому мы, например, точно знаем, как строились суда, но были ли труженики свободными землепашцами или зависимыми людьми – этого мы не знаем. С другой стороны, папирусы XIII и XII веков до н. э. много рассказывают нам о положении ремесленников и иных тружеников в обществе, но как эти люди выполняли различные работы, мы редко можем подробно и точно описать. Чтобы нарисовать картину жизни в Египте какой-то определенной эпохи, мы должны с помощью воображения заполнять подробностями ту или иную часть этой картины, поскольку она никогда не бывает полной.

Нет никаких указаний на то, что это положение может когда-либо измениться. Поэтому на последующих страницах мы создаем лишь набросок картины нравов и обычаев Древнего Египта: больше чем набросок сделать сейчас невозможно, и вряд ли мы можем надеяться, что даже в будущем впишем в картину все подробности.

Глава I
ЗЕМЛЯ ЕГИПТА

Нил (Белый Нил) принимает в себя свой последний крупный приток – Голубой Нил – возле Хартума, примерно под семнадцатым градусом северной широты (Голубой Нил гораздо многоводнее Белого Нила и обеспечивает около 70 процентов общего стока реки. – *Ред.).* Выше этого города река плавно течет по травянистым равнинам, ниже него поток перестает быть спокойным, потому что прокладывает себе путь через великое североафриканское плоскогорье, прорезая огромную дугу длиной более 1500 км в нубийском песчанике. В некоторых местах, где через песчаник проступают более твердые породы, река даже за многие тысячи лет не сумела до конца их проточить, и вода течет между скалами, образуя пороги.

Этих порогов шесть, в жизни Египта и Судана они играют важную и порой отрицательную роль. Это из-за них речное сообщение между Нубией и Египтом было возможно почти исключительно во время половодья, и даже в этом случае путь через пороги был рискованным для крупных судов. Последний из порогов является естественной границей собственно Египта; поблизости от него находится город Асуан, старинное название которого – Сиена.



Священный остров Филе (согласно Ленглу)

Ниже Асуана характер местности снова меняется, и долина реки постепенно расширяется – до Луксора ширина долины

колеблется от 3 до 8 км, ниже она увеличивается до 20–25 км. Причина этой перемены в том, что немного ниже Асуана по течению песчаник (который в Нубии встречается повсюду) уступает место известняку, отвесные обрывы из которого окаймляют долину реки на протяжении примерно 760 км. Там, где Нил достигает устья и образует дельту, известняк уступает место более молодым геологическим породам.

Таким образом, Египет по всей своей длине ограничен скалистыми стенами обрывов, которые иногда достигают высоты 180–250 м и являются обычным задним планом на горизонте любого пейзажа в этой стране. Эти известняковые скалы не являются горами в нашем смысле этого слова. Они не поднимаются в виде пиков, а образуют край большого плоскогорья, на котором местами расположены более высокие плато. На всем этом плоскогорье нигде нет воды; оно представляет собой песчаную пустыню, песок которой постоянно старается просочиться в Нил.

На западе это голое плато соединяется с движущимися песчаными барханами Сахары, которые до сих пор еще не были подробно исследованы. На расстоянии 170–200 км от реки параллельно с ней в плоскогорье есть несколько заметных понижений. Эти «оазисы» хорошо снабжены водой, и почва в них очень плодородная, но кроме как в этих оазисах, никакой растительности на этой голой земле, которая с давних времен носит название Ливийская пустыня, нет. К востоку от Нила находится такое же известняковое плато, которое называется Аравийская пустыня. Если двигаться дальше в глубь этой страны, она превращается в край невысоких гор, где поднимаются довольно крутые вершины, сложенные гранитами, порфирами, гнейсами и другими кристаллическими породами, иногда достигающие 1,5–2 км в высоту (высшая точка 2187 м – г. Шаиб-эль-Банат). Эта горная гряда вытянулась вдоль Красного моря; земля в этой местности почти бесплодна, но все же выглядит веселее, чем Ливийская пустыня. Источники воды здесь встречаются редко, но от расположенного поблизости моря поступает влага, и во многих местах есть маленькие оазисы, которые обеспечивают пищей диких зверей и скот кочевых племен.

Однако жара и нехватка воды делали жизнь в этих горах к востоку от Нила крайне трудной, и мы не можем не восхищаться мужеством и упорством древних египтян, которые содержали сотни рабочих для разработки больших каменоломен в этом краю безжизненных скал.

Но вернемся к рассказу о долине Нила. Если бы река просто

пробила себе путь в нубийском песчанике и египетском известняке, ее долина никогда бы не приобрела свое чудесное плодородие под не дающим дождя, пылающим от жары небом Египта – страны, где любая растительность без воды очень быстро засыхает. Но Нил – не просто вода, которая выливается из великих озер тропической Африки; он еще получает с запада все воды, стекающие с высоких гор Абиссинии (Эфиопии): эти горные потоки, которые несут с собой продукты разрушения гор, в сезон дождей с огромной скоростью мчатся вниз по склонам гор и питают две больших реки, Голубой Нил и Атбару, которые впадают в Нил возле Хартума и Атбары. Поэтому в середине лета река постепенно поднимается так высоко, что берега уже не могут удержать это огромное количество воды и ила. Река медленно разливается, а через несколько месяцев снова входит в свои берега. Пока вода разлива покрывает долину, содержащийся в воде ил, конечно, осаждается, и, когда река отступает, она оставляет на земле тонкий слой этого ила, смытого со склонов абиссинских гор (Эфиопского нагорья). Это и есть тот черный нильский ил, который создал и каждый год возрождает плодородие земли Египта. Теперь почва Египта состоит из этого ила, а от Хартума до моря отложения ила в нильской долине достигли высоты 30 футов (около 9 м. – *Пер.),* и уже в этом иле Нил проложил себе свое нынешнее русло.

Первый порог Нила между Асуаном и Филе – граница Египта и Нубии (согласно Л. Либи)

И еще в одном отношении Нил является источником жизни для Египта: он дает этой стране воду: в Египте так же, как и в

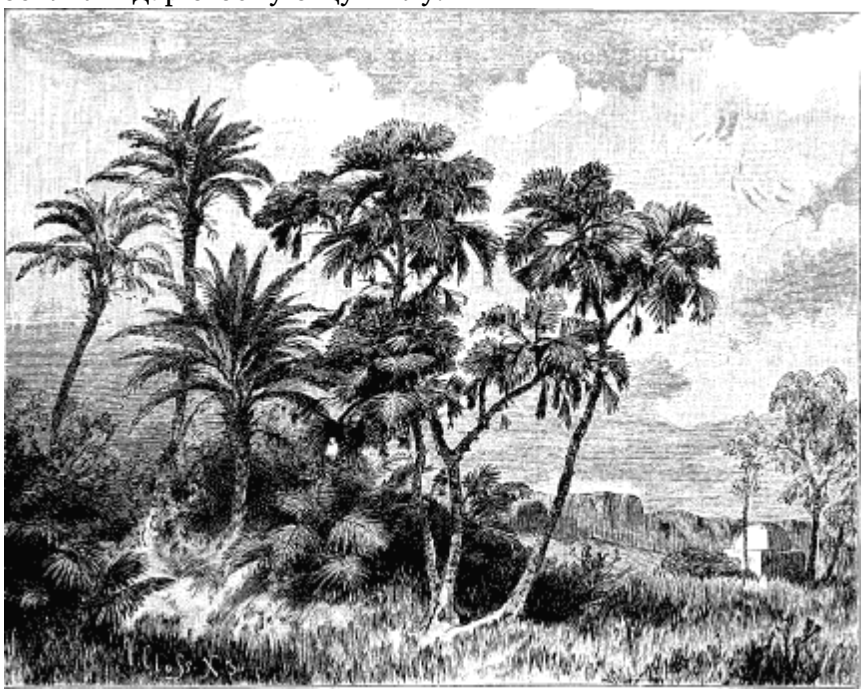
соседних пустынях, почти не бывает дождей. На берегах дельты и еще на протяжении нескольких миль к югу дожди идут так же, как на других побережьях Средиземного моря, но в Верхнем Египте их практически не бывает (иногда раз в пять лет). Ни родников, ни ручьев тоже почти нет (в сухих руслах вади вода появляется только во время дождя), поэтому вся вода для страны поступает из великой реки, текущей с далекого юга.

Климат Египта более однородный, чем в других средиземноморских странах, из-за того что здесь нет сезона дождей, который соответствует нашей зиме. С декабря по март воздух прохладен, и по ночам температура может понижаться почти до точки замерзания, но в течение остальных восьми месяцев года очень жарко, а в июле термометр показывает до 110 градусов по Фаренгейту и более (до 46° по Цельсию) в тени. Такая разница в температурах вызывается сочетанием нескольких причин. Жаркий юго-восточный ветер дует только с середины февраля до середины июня, но он часто усиливается, превращаясь в ураган, и приносит пыль, которая наполняет воздух и засыпает растения. В остальное время года, даже в самый жаркий его период, северо-западный ветер смягчает сильную дневную жару. Древние египтяне считали, что «вдыхать его сладкое дыхание»[1] – одна из лучших вещей в жизни. Разлив влияет на климат еще сильнее, чем ветер.

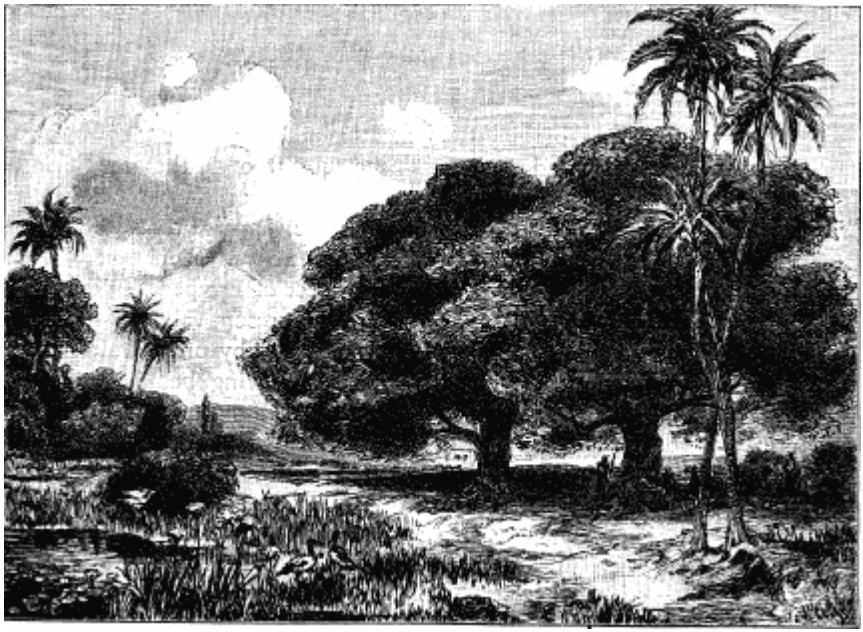
Река начинает разливаться в начале июня, к концу июля она становится могучим потоком; с конца сентября до конца октября вода достигает наивысшего уровня, а потом все быстрее отступает. В январе река снова оказывается в своем прежнем русле, но продолжает убывать до лета. Этот разлив (о котором не следует думать, будто он затопляет всю страну) несет с собой прохладу, влагу и плодородие. Страна оживает после гнета летней жары, и мы легко можем понять, почему древние египтяне отмечали Новый год 15 сентября – в то время, когда уровень воды в Ниле самый высокий.

Однако дни разлива были днями тревог и забот. Судьба всей страны висела на волоске: если вода поднимется недостаточно, и ее уровень будет всего на одну десятую меньше, чем надо, каналы, по которым вода доходит до более высоких участков долины, не наполнятся, а в результате поля не дадут урожая и начнется голод. Если уровень воды поднимется хотя бы немного выше нормального, то от этого тоже произойдут горе и опустошение – ограды и дамбы будут разрушены, а недавно возделанные поля, которые считались недоступными для разлива, зальет вода. Поэтому с самых ранних времен за разливом Нила внимательно следили правительственные чиновники, которые

определяли размер налога на год по результатам разлива. Были также созданы «измерители Нила» – колодцы с отметками как на линейке или водомере, позволявшими определять высоту воды в них. Эти колодцы находились под защитой государства. В старину так же, как и теперь, официально сообщалось о том, какова высота разлива; и так же, как сегодня, часто возникали подозрения, что официально объявленная величина завышена. Один старинный измеритель Нила до сих пор существует на острове Элефантина – на юге Египта у Асуана. Во времена греков говорили, что высота хорошего разлива в Мемфисе должна быть 16 локтей, и на прекрасной статуе Нила, которая находится в Ватикане, мальчик, изображающий 16-й локоть, с огромным удовольствием смотрит вниз с рога изобилия, на который забрался. Этот дух 16-го локтя изображен также на одной александрийской монете; на ней он преподносит свой рог изобилия в дар своему отцу Нилу.



Финиковые пальмы (предоставлено Штилером)



Сикоморы. На переднем плане – несколько папирусов (предоставлено Штилером)

В наше время, когда поверхность почвы в Египте стала выше из-за отложений ила, нужен еще более высокий разлив, чтобы в стране был хороший урожай.

Можно ожидать, что на плодородной египетской почве должен существовать необыкновенно богатый растительный мир; но, хотя растительность пышная, видов ее меньше, чем в любой другой стране, расположенной на той же широте. Деревьев очень мало. Единственные широко распространенные деревья – сикоморы и акация; но и они растут поодиночке, примерно так, как у нас липы или каштаны. Кроме них, есть плодовые деревья – финиковые пальмы, пальмы дум, смоковницы и другие. Нехватка древесины – настоящее бедствие для Египта. С травянистыми растениями дело обстоит так же: в этой земледельческой стране царят овощи, а дикие цветы почти невозможно найти.

Клунцингер, который знает Египет до мельчайших подробностей, пишет так: «В этой стране, если существует какое-то место, на котором могли бы расти дикие травы (то есть орошаемая земля), туда приходит земледелец, сеет свои семена и выпалывает дикие цветы. Здесь также нет ни высокогорных, ни лесных растений, ни вереска, ни тех растений, которые обычны для развалин, болот или озер, потому что в Египте нет таких мест и отчасти, возможно, еще из-за нехватки воды и тени. Остаются только пашни, засеянные или оставленные под паром, речные

берега и изгороди, река и русла каналов, предназначенных для распределения воды при разливе. На них есть небольшое количество диких растений, но они растут поодиночке и никогда не покрывают целиком какой-то участок земли; даже травы, разновидностей которых существует много, никогда не образуют зеленый дерн. Здесь нет лугов, которые очаровывают взгляд в других странах, хотя поля клевера, которые служат пастбищами для скота, и хлебные поля, пока они еще зелены, в какой-то степени восполняют этот недостаток». Даже земли вокруг водных потоков – многочисленных оросительных канав и каналов – беднее растительностью, чем можно ожидать под небом юга.

Нынешний вид Египта приятен, хотя и однообразен: сверкающие воды широкой реки мирно текут посреди зеленых полей, а дельта, которую рассекают многочисленные каналы, очень похожа на плодородную, хорошо возделанную европейскую равнину. Мы почти не осознаем, что находимся в Африке, на берегах реки, которая течет из самого сердца тропиков. Но в доисторические времена Египет, несомненно, выглядел совершенно по-другому и, вероятно, был похож на нынешнюю долину Нила во внутренних областях Африки[2].

Берега были покрыты первозданными лесами, река время от времени меняла русло, оставляя после себя старицы со стоячей водой; поверхность воды была покрыта пышно разраставшимися водорослями; гигантские растения папируса образовывали своего рода подлесок, через который было невозможно пройти, пока река не прорывалась сквозь него и не уносила папирусы, как плавучий остров, на другое место. Эти болота и леса, где жили крокодилы, буйволы и бегемоты, превратились в мирные поля – и не столько из-за изменения климата, сколько под действием человеческих рук, работавших в течение многих тысяч лет. Местные жители расчистили землю, с трудом отвоевывая каждый ее квадратный метр у болот, пока дикие растения и могучие животные, владевшие этой страной, не были полностью истреблены. Бегемотов теперь никто не видит южнее Нубии, а папирус начинает встречаться только на девятом градусе северной широты (т. е. в Судане, в провинции Верхний Нил. – *Ред.)*.

В первый исторический период – это 3000–2500 годы до н. э. – часть работы по расчистке земли была уже выполнена. Леса уже давно исчезли, и древесину для постройки лодок и судов давали нубийские акации[3].

Заводей, в которых росли тростники, было еще много, и это были любимые места для охоты, а сам тростник употребляли на множество полезных дел. Во времена Геродота дела обстояли так

же. В то время, о котором здесь пойдет речь, Египет не был так чрезмерно возделан, как сейчас, хотя здания были не меньше по размеру.

Климат в Египте такой, что кажется, он должен делать жизнь людей легкой: погода не приносит человеку огорчений, поля круглый год дают богатые урожаи, у скота всегда есть подножный корм, река полна рыбы. Поэтому мы должны были бы ожидать, что встретим здесь народ, который проводит свою жизнь весело и радостно – примерно так, как герои Гомера. Однако египетский земледелец и в наши дни, и в прошлом всегда был существом, у которого в жизни мало радостей. Он выполнял и выполняет свою работу серьезно и, по сути дела, неохотно – почти как его бык или осел. У египетского народа нет беспечной веселости греков, хотя небо Египта сияет ярче, чем небо Эллады. Для этой разницы в характерах есть серьезная причина. Какой бы легкой ни казалась жизнь египетского земледельца, в действительности она трудна, и ни один день не обходится без дел. Крестьянин никогда не может оставить свое поле без внимания, он всегда должен много работать – особенно перед разливом и во время разлива. Всеобщее мнение, будто Нил затопляет землю направо и налево, превращая страну в озеро, среди которого холмы с деревнями на них стоят как острова, неверно – по крайней мере, для разлива среднего уровня. Чтобы регулировать орошение полей, нужно немало работы. Воду отводят сначала в большие каналы, а из них в маленькие канавы, чтобы получить наибольшую выгоду от разлива. Для этого построены плотины, которые делят затопляемую разливом местность на большие или маленькие участки, а люди в нужное время открывают эти плотины перед водой, а потом удерживают воду столько времени, сколько пожелают, или позволяют ей стечь обратно в каналы с помощью шлюзов. Некоторые поля совершенно недоступны для разлива и орошаются только с помощью водоподъемных устройств.

Асьют во время разлива (согласно L. D. I. 62)

Весь этот труд, который выпадает на долю современных феллахов, нужно было выполнять и в древние времена, и нет сомнения, что он был тяжелым бременем для египетского народа. Постройка каналов, плотин и шлюзов заставляла народ проявлять изобретательность и приучала людей к систематическому труду. Вся эта система работ могла выполняться только большим количеством людей, и потому невозможно, чтобы древние обитатели долины Нила были свободными крестьянами, как в старые времена жители Германии. Жестокая логика фактов доказывает – для того чтобы следить за орошением полей и управлять им, всегда необходимо автократическое правительство. И действительно, самые ранние известные нам сведения об условиях жизни в Египте показывают, что уже в те дни политические и сельскохозяйственные отношения в обществе находились под строгим контролем власти. Это было государство, в котором отдельный человек значил очень мало, но правительство оказывало большую помощь при организации работ для блага общества и при надзоре за выполнением таких работ.

Возможно, у греков была более богатая и счастливая цивилизация, чем у египтян, но практические труды египетского народа более велики, чем труды греческого. Сравнивая молодое радостное искусство греков и суровое строгое искусство Египта, мы должны помнить, что египетское родилось на печальной земле долины Нила, где от каждого человека требовалась тяжелая работа. Мы также должны (если хотим быть справедливыми к египетскому народу) учесть и еще одну особенность его жизни –

характер окружавшей египтян местности. Грек среди своих невысоких гор, вокруг которых пенилось море и дули ветры, среди своих зеленых лесов и усеянных цветами лугов создал для себя радостные облики могучих богов Олимпа, наделенных человеческими чувствами и страданиями. Ужасы и величие пустыни повлияли на кочевников-семитов и углубили в них то религиозное чувство, которое пропитывает чистейшую форму религии. Ландшафт Египта был, напротив, однообразным: плодородные зеленые поля, пересеченные множеством оросительных каналов, кое-где группы пальм и повсюду одинаковый горизонт – стена известняковых обрывов, которая преграждала путь взглядам.

Такой пейзаж не предназначен для того, чтобы пробуждать в душе вдохновение. Человек, живущий в такой стране, неосознанно станет приземленным и прозаичным, и его боги будут бледными тенями, к которым он не будет испытывать сочувствия. По сути дела, египетский крестьянин с трудом смог бы понять, что такое живые, личные взаимоотношения между человеком и божеством. Если бы его воображению была дана свобода, духи и призраки, которых бы оно создало, не были бы похожи ни на доброго ангела, ведущего людей через дикий безлюдный край, ни на ангела-мстителя, простирающего свою руку над грешным городом, чтобы покарать его чумой, ни на ночных призраков, увлекающих путника к гибели. Это были бы демоны с лягушачьими головами демоны с головами, свернутыми в сторону, птицы с человеческим лицом, змеи с четырьмя лапами – отвратительные ребяческие образы, которые не могут вызвать ни удовольствия, ни страха.

Таким образом, египтянин рос в условиях, неблагоприятных для развития его духовной жизни, но которые должны были укреплять его ум и практическую изобретательность. Чужеземные влияния мало затрагивали жителя Египта, потому что он был отрезан от остального человечества. На востоке и западе была пустыня, на севере болота дельты, на юге пороги Нила и перевалы Нубии. Бедуины из Сирийской пустыни и ливийцы из западной части Сахары приезжали в Египет и пригоняли свои стада в дельту, но лишь в более поздние времена они приобрели в этой стране какую-либо политическую власть, а грабительские набеги в ранние эпохи были такими же, как в наши дни. У египтян было мало возможностей для дружеского общения с прочими народами, потому что земли соседних стран были намного менее плодородными, чем земли Египта, и цивилизация там развилась гораздо позже. Только в эпоху Нового царства народы Сирии, Малой Азии и Нубии достигли уровня цивилизации, сколько-

нибудь близкого к египетскому (здесь автор сильно ошибается; однако в его время многое не было известно; например, не были раскопаны Чатал-Хююк и Иерихон – возраст 9—10 тысяч лет. – *Ред.);* до этих пор они были варварами, которых египтяне презирали; а жители Месопотамии – шумеры (и их наследники), чья цивилизация была такой же древней и при этом могла сравниться с цивилизацией долины Нила, жили слишком далеко.

В течение долгого времени ничем не нарушаемый мир, в обстановке которого развивалась жизнь Египта, во многих отношениях был счастьем для египетского народа, но у него была и оборотная сторона: египтяне были наименее воинственным из всех народов Древнего Востока. Их стычки с бедуинами вряд ли можно назвать военными действиями, междоусобная борьба внутри государства никогда не достигала больших размеров из-за необычной, вытянутой в длину формы страны. Поэтому египтяне не имели героев-воинов, которых они могли бы прославить в песнях; у них, как у китайцев, героями были мудрые цари и князья давних времен; египтяне никогда не испытывали вдохновляющего и укрепляющего влияния великой общенародной войны.

Такой же большой неудачей было для них и то, что они никогда не учились вести торговые дела с другими народами. На севере дельты не было бухт, и прибрежные течения делали ее берег очень опасным для кораблей, а до гаваней Красного моря можно было добраться только после четырех дней пути через пустыню. Пороги мешали египтянам бывать в тех странах, которые находятся в верховьях Нила. Поэтому торговля для египтян всегда была немного странным делом, и они охотно оставляли ее финикийцам; а «Великое Зеленое море», то есть океан, во все времена вызывало у них ужас. По сравнению с путешествиями финикийцев морские плавания египтян были малы, а вот истинного величия египтяне достигли в сельском хозяйстве, искусстве и ремеслах.

Египет играл такую важную роль в мировой истории, что мы невольно имеем склонность считать эту страну большой по размеру. На самом же деле это маленькое государство: хотя его длина равна 912 км, площадь его всего лишь 32 360 км^2, то есть оно немного меньше Бельгии. Даже если добавить 1600 км от первого порога до Хартума, это увеличивает Египетское царство лишь примерно на 3000 км^2, так как верхняя часть долины очень узка. Поразительное плодородие Египта – вот благодаря чему он приобрел такое значение. Эта маленькая страна естественным образом делится на две очень непохожие части. Большая по размеру часть – дельта – представляет собой плоскую

низменность (в прошлом сильно заболоченную), пересеченную протоками Нила и каналами, где на климат влияет море и существует постоянно повторяющийся сезон дождей, который приходится на зимние месяцы. Меньшая (по площади) часть – это долина Нила, где, как правило, почти не бывает дождей и есть один великий водный путь, поскольку старицы со стоячей водой и каналы можно почти не принимать в расчет.

Так эта страна выглядит сейчас. И в прошлом ее облик мало отличался от нынешнего, только обе части были более болотистыми. Из этого, естественно, следует, что климат юга делал долину Нила более пригодной для земледелия, чем северные болота дельты. В Верхнем Египте после того, как первозданный лес был вырублен, мало осталось такого, что мешало обработке земли. В дельте же, наоборот, прошли тысячи лет, прежде чем практически все болота были превращены в пахотные земли. Эта работа еще не завершена и теперь, и многие участки дельты, которые в прошлом обрабатывались, теперь потеряны для земледелия. Солоноватые воды озера Манзала (северо-восток дельты) сейчас покрывают поверхность площадью более 2590 км^2, а в старину по крайней мере часть площади этого водоема занимали земли одни из самых плодородных в стране.

Ученые на основе вышеперечисленных фактов предположили, что родиной египетской цивилизации был Верхний Египет и что сельское хозяйство, ремесла и искусство процветали там, когда дельта была еще покрытым лесами болотистым краем, где жили преимущественно охотники и пастухи. В следах прошлого, подтверждающих эту точку зрения, нет недостатка. Геродот (ii. 4) рассказал нам легенду, которую услышал, путешествуя по Египту, и согласно которой во времена Менеса, первого царя, обитаемым был только Фиванский ном в Верхнем Египте. Вся остальная страна представляла собой болото, а дельта даже еще не существовала. Едва ли это верно для эпохи Менеса (примерно 3200 лет до н. э.), но эта легенда все же соответствует истине в том, что Нижний Египет оставался страной болот гораздо дольше, чем Верхний. О том же самом говорит нам тот факт, что Нижний Египет лишь в сравнительно поздние времена стал играть важную роль в жизни страны.

Мы можем прочесть, что во времена Древнего царства (около 3000–2500) пастухи время от времени пригоняли стада скота, принадлежавшие богатым людям, в дельту, которая считалась краем пастбищ (в отличие от Верхнего Египта, края хлебных полей). Кроме того, название, под которым была известна дельта, – «северная страна» – указывает, что она когда-то была присоединена к собственно Египту, который в Мемфисе называли

«юг», не добавляя слово «страна». Верхний Египет всегда ставили впереди большей по площади дельты: говорилось, что юг находится впереди, а север расположен сзади. Из этих фактов мы можем сделать вывод, что во времена Древнего царства дельта сильно отставала по развитию от южной части страны.

Во времена Нового царства (примерно 1300 лет до н. э.), видимо, произошел большой прогресс в развитии восточной части дельты, и эта местность приобрела большое значение благодаря тому, что через нее пролегал важный путь в Сирию. Старинный город Танис стал столицей, и в различных местах дельты были основаны новые города. Значительная часть запада дельты находилась в руках кочевников-ливийцев до VII века до н. э. – до времени, когда ее главный город Саис стал столицей в дни царствования семьи Псаметтиха. После основания Александрии этот новый город стал главным на тысячу лет. Даже в Средние века Башмур – болотный округ в дельте – был мало доступен; его населяли даже не египтяне, а другой народ, живший там с самых ранних времен.

В течение всей античной эпохи существовало определенное соперничество между Верхним и Нижним Египтом, которое, вероятно, началось в древнейшие времена, когда один из них так сильно отставал от другого в развитии. В старые времена они были отделены один от другого также и политически; их жители говорили на двух разных диалектах, и, хотя были несколько богов, которым поклонялись в обеих половинах царства, но под разными именами, остальные боги относились лишь к одной из этих половин. Народ во многих отношениях подчеркивал это различие между Верхним и Нижним Египтом. «Две страны» находились под защитой разных богинь: дельту оберегала богиня-змея Уаджет (центр культа – город Буто. – *Ред.),* а Верхний Египет хранила богиня Нехбет (в виде женщины с головой коршуна, увенчанной короной в форме хищной птицы. – *Ред.).* В мифические времена страна тоже была отдана во владение нескольким разным богам – дельта Сету, а Верхний Египет Гору.

В каждой части страны было свое характерное для нее растение: в дельте были густые заросли папируса, в Верхнем Египте – цветущего тростника. Эти растения и были использованы как фигуры на их гербах: изображение цветущего тростника стало символом Верхней страны, а изображение папируса –

Нижней страны. Цветы этих двух растений стали обозначать север и юг, и на изображениях пленники с севера связаны веревкой, у которой на конце завязан узел в виде цветка папируса, а пленники с юга – веревкой, концу которой придана форма цветущего тростника.

Я уже говорил о том, что причина большого значения Египта в истории – плодородие его земли. Та же причина привела к высокой плотности населения в этой стране. Сейчас население Египта составляет более пяти миллионов человек (точные статистические данные получить невозможно) (население Египта в середине 2005 года составляло 77,5 млн человек. – *Ред.),* и предполагается, что в древности оно было больше. Только такие высокоразвитые страны, как Бельгия или Саксония, так плотно населены сейчас, как Египет в прошлом.

Мы могли бы ожидать, что жители страны, живя так близко друг от друга, должны были в основном слиться в один народ, но большая длина Египта не дала этому произойти: жители определенного округа имели соседей только с двух сторон, и людям из дельты нужно было проделать утомительный путь, чтобы добраться до Верхнего Египта. Поэтому мы обнаруживаем в Египте небольшие города и части округов, которые развивались отдельно друг от друга, что очень напоминает условия жизни в Германии в начале ее существования (имеется в виду период феодальной раздробленности. – *Ред.)*.

Каждый округ, или провинция, имел своего главного бога и свои традиции; его жители часто воевали со своими соседями, и, когда власть центрального правительства слабела, царство оказывалось разделенным на маленькие княжества.

Округа были очень малы: средняя площадь одного округа в Верхнем Египте была примерно 700 км^2, в дельте, видимо, немного больше. Но их значение было больше, чем можно предположить по размеру, поскольку в одном округе жило в среднем 300 тысяч человек.

Верхний Египет в давние времена делился примерно на двадцать округов, или провинций – «номов», как называли их греки; деление дельты на то же число округов было искусственным и более поздним, и доказательством этого служит то, что их число было одинаковым для местностей, которые в четыре раза разнятся по площади. Официальный список этих провинций также в разные времена менялся, причем случается, что одна и та же территория иногда указывалась как независимая провинция, а иногда как подразделение соседней провинции. Эти провинции были правительственными округами, и потому их границы могли изменяться либо при смене правительства, либо

по политическим причинам, но основа деления страны на части всегда была одна и та же. Названия номов были очень разными. Некоторые из них были такими, какие легко могут прийти на ум первобытному народу: например, в Верхнем Египте мы обнаруживаем провинции Зайца, Газели, две провинции Сикомора, две Пальмовые, одну Ножевую, а самая южная его часть называлась просто Передняя земля. В дельте (первоначально преимущественно краю скотоводства) мы находим провинцию Черного быка, провинцию Теленка и т. д. Другие названия имели религиозное происхождение; например, второй ном Верхнего Египта назывался «место обитания Гора», шестой – «его гора», а двенадцатый ном в дельте был назван в честь бога Тота.

У каждой провинции был свой герб, созданный на основе либо ее названия, либо ее религиозных мифов. Его в торжественных случаях несли на шесте перед ее правителем. У провинции Зайца такой щит с гербом был понятен без объяснений – . Гербом восьмого нома был маленький ларец в котором хранилась голова Осириса – священная реликвия этого округа. Двенадцатая провинция имела в качестве герба знаки – , означавшие «его гора», и можно привести еще много примеров.

Дальше я намерен коротко рассказать о самых важных местах Древнего Египта – не для того, чтобы дать полный обзор географии этой страны, а чтобы помочь читателю понять, где расположены те места, которые чаще всего упоминаются в этой книге (см. прилагаемую карту).

На юге естественной границей Египта всегда был так называемый первый порог – полоса порогов длиной 11 км, расположенная на широте двадцать четвертого градуса там, где Нил прорывается (прорывался – теперь здесь вдхр. Насер. – *Ред.)* через мощную преграду из гранита. В давние времена в районе этого порога так же, как и сегодня, жили не египтяне, а другой народ – нубийцы, и находящийся в южном конце этого порога священный остров Филе, где египтяне более позднего времени поклонялись одной из гробниц Осириса, по сути дела – нубийская земля. Эта полоса порогов имела величайшее стратегическое значение, и египтяне ранней эпохи сильно укрепили город Сиену (Асуан) на восточном берегу реки, чтобы иметь возможность перекрывать путь, который вел в Египет по суше, и защищать

каменоломни, в которых они с самых ранних лет своей истории добывали великолепный красный гранит для обелисков и монументов. В Египте государство уделяло зданиям так много внимания, что отсутствию препятствий в работе этих каменоломен придавалось огромное значение.

Столицей этой первой провинции Египта была не Сиена, а

соседний с ней город Абу. Его название означает «слоновая кость» (греки называли его «Элефантина», что значит то же самое). На остров, где стоял этот город, нубийцы в давние времена привозили бивни убитых ими на охоте слонов, чтобы обменять эту слоновую кость на египетские товары. Даже во времена римлян этот город был важным центром торговли, так как был местом, где уплачивались таможенные сборы.

На 45 км дальше к северу на восточном берегу располагался город Нубит (Омбос), где стояло святилище бога-крокодила Себека, а еще через 22 км находился Хену, он же в древности Сильсиль, а в наши дни Сильсиле, стоявший в том месте, где возвышенности из песчаника сужают русло реки перед тем, как уступить место известняку. Так же как Сиена, этот город играл важную роль из-за больших каменоломен, находившихся вблизи него. Сильсиль был тем местом, где жителям Мемфиса и Фив было легче всего добывать твердый камень. Именно здесь были вырублены те гигантские каменные блоки, которыми мы до сих пор восхищаемся в развалинах египетских храмов.

Итак, «передняя земля», то есть первая провинция, своим большим значением была обязана торговле и каменоломням. В отличие от нее вторая провинция, называвшаяся «восторг Гора», имела, как указывает ее имя, только религиозное значение. Здесь бог-сокол Гор в облике крылатого солнечного диска одержал свою первую победу над Сетом, поэтому здесь было построено главное святилище этого бога. Нынешний храм в Идфу до сих пор посвящен ему. Храм этот хорошо сохранился и стоит на том же месте, где стоял древний Дебхот, но здание эпохи Птолемеев пришло на смену святилищу, построенному древними царями.

В третьем номе, на щите которого был изображен головной

убор Хнума – бога с бараньей головой, достойны упоминания три города. Первый из них – старинный Энит (Исна), религиозный центр, где, как и в Идфу, более поздний храм стоит на месте древнего здания. Второй – город Нехебт (Эль-Каб); мало было в Египте городов, которые играли бы в стране такую видную роль, как эта великая крепость, правители которой, пока занимали эту должность, были равны по рангу принцам крови. Эль-Каб имел также важное значение как центр поклонения богине Нехбет (Нехебт), покровительнице юга, которую изображали иногда в облике коршуна, а иногда в облике женщины, увенчанной короной в форме хищной птицы. Многочисленные надписи, сделанные паломниками, свидетельствуют о том, каким почетом пользовалась эта богиня в давние времена, и даже греки приезжали в Эль-Каб помолиться

богине, которую они называли Илифия[4].

Нехбет в облике коршуна

И наконец, на северной границе этого нома стоял на западном берегу очень древний город Он, который, чтобы отличить его от других мест, носивших это же имя, назывался «Он бога Монта». Этот город испытал судьбу, которая постигла и многие другие города во всех странах. Из-за политических причин соседний с ним город Фивы возвысился и из небольшого городка деревенского типа превратился в «город Ста ворот», столицу всего царства. А старинный Он потерял тогда всю свою силу, и лишь в те годы, когда Фивы после тысячи лет блеска и великолепия пришли в упадок, Он бога Монта снова приобрел важное значение под именем Гермонтис, как его называли греки. Теперь это процветающий город Армант, а на месте его великой соперницы-столицы находятся только деревни.

Теперь мы переходим к рассказу о том городе, чьи руины являются величайшим из чудес Египта и чьи здания были словно созданы народом великанов. Фивы не могли похвалиться ни таким древним возрастом, как Мемфис, ни святостью, как Абидос или Гелиополь[5], но этому городу выпала удача быть столицей страны в те века, когда Египет был одним из самых могущественных государств мира. Благодаря этому столица Египта стала повелительницей мира, Римом Древнего Востока, о которой еврейский пророк в изумлении восклицал: «Эфиопия и Египет были ее силой, и она не имела конца; Пут и Лубим (Аравия и Ливия) были твоими помощниками». Политическая мощь Фив была отражена и в облике зданий этого города, которые по великолепию превосходили все здания древних и современных столиц. Этого великолепия Фивы достигли в сравнительно позднее время, а первоначально они представляли собой лишь безвестный провинциальный городок, жители которого были преданы культу Амона; ни этот бог, ни его город не упомянуты в ранних священных книгах. Примерно в 2500 году до н. э. мы впервые обнаруживаем, что царь время от времени живет в Фивах, с 2000 года до н. э. этот город начал процветать, а

с воцарением XVIII династии (с 1559 г. до н. э.) этот расцвет достиг пика, и почти все памятники древности, найденные в Фивах, относятся к этому более позднему периоду.

Древнейшие Фивы назывались Уасет — ; этот город находился на восточном берегу и тянулся от нынешних развалин в Эль-Карнаке в глубь страны. Его портовый квартал был расположен поблизости от нынешнего Луксора. Когда город стал резиденцией правительства, цари стали энергично вести строительство в храме фиванского бога Амона, чтобы превратить жилище этого божества из простого в достойное главного бога царства. Поколение за поколением дополняло своими трудами здания этого храма, который назывался Ипет-Сут, век проходил за веком, и постепенно возникло гигантское святилище, развалины которого находятся возле селения Карнак и тянутся больше чем на полмили в длину. Основное из его сооружений, т. н. гипостиль, имеет около 370 м в длину и 110 м в ширину. Второй великий храм в честь того же бога был воздвигнут на берегу реки в Луксоре, кроме того, были построены меньшие по размеру храмы для других богов города. Посреди этих разнообразных святынь стоял «город Ста ворот», тот великий город, который исчез, как и все другие египетские города. Лишь одни гигантские развалины храмов остались от него, только они указывают, где находилась древняя столица мира, про которую даже греческие «варвары» в далекой Ионии пели[6]:

> Царские Фивы,
> Египетская сокровищница, чьим богатствам нет числа,
> гордящаяся своими ста воротами, через каждые из которых
> проезжают двести воинов с конями и колесницами.

За века на западном берегу реки возник странный город, о котором мы много будем говорить в этой книге. Этот «западный конец» столицы сильно отличался по своему предназначению от западной части Лондона или Берлина: он был не кварталом богачей, а местом, где жили мертвецы.

В крутых склонах причудливых по форме возвышенностей были вырублены усыпальницы для умерших, и этих усыпальниц стало так много, что один современный путешественник сравнил их с дырами в губке. В долине, которая теперь называется Долина Царей, находились могилы царей. Огромные галереи были прорублены в скалах согласно замыслам, которые по дерзости и

величию не имели себе подобия в Египте, и со времени греческих путешественников они стали одной из главных достопримечательностей Фив. В Египте покойнику оказывали почести как полубогу, и поэтому часовня для поклонения ему была необходимым дополнением к египетской гробнице. Как правило, такая часовня находилась вблизи гробницы или была ее частью, но в узкой пустынной Долине Царей не было места, чтобы построить заупокойные храмы, достойные царей, и поэтому храмы ставили на равнине. Так на границе западных гор возник ряд огромных зданий – заупокойные храмы царя Сети I в Эль-Курне, царицы Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри, Рамсеса III в Мединет-Абу, Рамессеум – храм Рамсеса II и другие, о которых мы еще будем упоминать. Разумеется, эти колоссальные постройки со своими землями, садами, скотными дворами и кладовыми должны были давать работу множеству чиновников и трудовых людей. Если мы добавим к ним еще целую толпу бальзамировщиков, изготовителей саркофагов и жрецов культа мертвых, которые обслуживали бесчисленные частные гробницы, а также каменщиков, строителей и других ремесленников, которые всегда необходимы для постройки новых гробниц, мы поймем, как это царство мертвых постепенно превратилось в настоящий город. Полоса между рекой и границей западных возвышенностей, несомненно, была в какой-то степени застроена домами, по крайней мере вдоль дорог, которые спускались от каждого большого заупокойного храма к Нилу.

По расчетам Страбона, протяженность Фив, включая западную часть, была равна 14 км. Даже если некоторые участки этого огромного города были заняты деревенскими домами и садами, его все же можно сравнить с крупнейшими городами современного мира.

Фивы пали так же, как Рим. Когда правительство переселилось в Нижний Египет, из города словно вынули сердце, он утратил свое значение и стал постепенно пустеть. Те участки города, которые можно было использовать под пашню, люди стали возделывать как поля, а оставшиеся жители города ушли из него в места, где стояли большие здания. И вот вокруг этих огромных храмов образовалось целое гнездо поселений – Эль-Карнак, Луксор и Мединет-Абу, которые и являются теперь наследниками великого города.

Двигаясь по течению реки от Фив вниз, мы доплываем до расположенного на восточном берегу нома Двух ястребов, который имел большое значение в древности и имеет его теперь по той же самой причине. Здесь река делает крутой поворот в сторону Красного моря, встречается с протянувшейся поперек ее

пути долиной Вади-Кена из Аравийской пустыни, и эта долина является естественной дорогой из Египта к морскому побережью. Египтяне во время морских походов в страну благовоний Пунт, греческие купцы, направлявшиеся в Южную Аравию (и дальше, вплоть до Индокитая и Южного Китая. – *Ред.),* средневековые индийские и иранские мореплаватели, современные паломники, которые идут в Мекку, – все они пользовались этой дорогой, и только после открытия Суэцкого канала все движение пошло по другому пути. Места, откуда путники отправлялись в пустыню, и гавани менялись с течением времени: в древности обычным началом пути был Коптос, в Средние века Кус, а в наше время начало пути – Кена, которая находится севернее.

В давние времена эта дорога имела также важное значение для больших каменоломен в Рехану, современном Хаммамате, которые расположены там, где известняк встречается с более древними породами. Почти весь – за исключением гранита – твердый темный камень, который использовали египетские скульпторы, поступал из этих каменоломен, и те, кто знает, как высоко египтяне ценили эти «вечные камни», могут представить себе, насколько важна была единственная дорога, по которой они могли дойти до этих сокровищ. Египетские воины защищали ее от бедуинов из Энте, которые, так же как их наследники троглодиты и абабде, внезапно нападали на путников. Существовала еще и защита другой силы, более высокой, чем воины: Коптос был обителью великого бога Мина (изображался как толстый мужчина с большим пенисом. – *Ред.),* своего рода Пана египтян, который, хотя и был в первую очередь богом плодородия, брал путешествующих по пустыне под свою особую защиту. Этот бог имел еще один знаменитый храм в городе Хеммис, в девятом номе, который граничил с пятым номом на севере.

Эта часть Египта поистине была домом великих богов. В шестом номе, на расстоянии примерно 23 км от Коптоса, стоял на западном берегу храм Дандары (Дендеры), священная обитель богини небес, земли и загробного мира (покровительствовала также женщинам в период беременности и родов) Хатхор (Хатор). Сейчас на месте древнего святилища стоит греко-римское здание. А на 60 км ниже его по течению, в восьмом номе находилось самое святое место Египта – Абидос ( ) могилой Осириса. Считалось, что на людях, похороненных в этом месте, лежит благословение, и многие из тех, кто предпочел быть похороненными поблизости от своего дома, ставили себе здесь могильную плиту, чтобы «Осирис, господин Абидоса» принял их в подземный мир. Так Абидос стал в первую очередь городом

мертвых, в котором, как и в западной части Фив, живые жили только ради гробниц. В политическом отношении соседний город Тин (Тис), который был расположен немного ближе к реке, был важнее, особенно в раннюю эпоху.

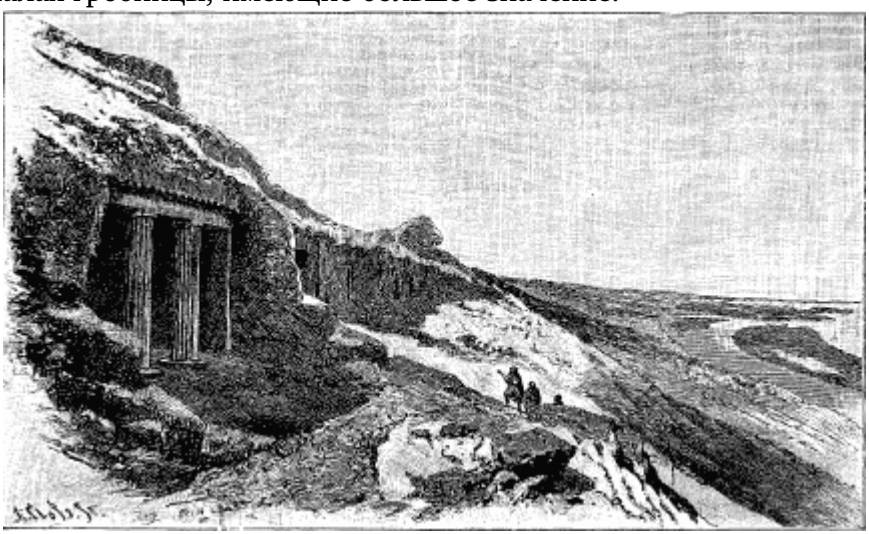
Номы десятый и одиннадцатый находились на западном берегу; они не играли большой роли в истории. Входивший в их состав округ на восточном берегу, называвшийся дом Двух богов, имел большее значение. Его главный город Дукау (Кау) (это название означает «высокая гора»), позже Антеополь, также стоял в начале одной из великих дорог через пустыню – той, которая вела к порфировым каменоломням в северной части Аравийской пустыни. По этой дороге, а затем через залив Акаба шел также путь к каменоломням Синайского полуострова; этот путь был легче, чем путь по морю из Нижнего Египта.

Ном двенадцатый – «его гора» – находился на восточном берегу и был главным местом поклонения Анубису, богу мертвых, имевшему голову шакала. Этого же великого бога чтили в номе, расположенном напротив, первом Сикоморовом номе, главным городом которого был Асьют. Этот последний факт имеет большое значение, поскольку этот ном и с ним два следующих в эпоху так называемого Среднего царства (около 2050–1750 гг. до н. э.) находились под управлением могущественного рода правителей, и интересные изображения и надписи внутри их вырубленных в скале гробниц – почти все оставшиеся у нас свидетельства, которые показывают нам, какой была египетская цивилизация в тот период. Почти в каждой главе этой работы мы будем упоминать об этих гробницах, которые находятся в Асьюте, Эль-Берше и Бени-Хасане.

Теперь мы переходим к рассказу о пятнадцатой провинции, которая, вероятно, называлась ном Заячий. «Город восьми богов» – таково значение его названия, а назывался он Хмуну – получил это имя потому, что в нем поклонялись духам восьми стихий мира. Главным богом этого города был бог мудрости Тот, который, как считалось, был руководителем этих восьми стихийных существ. Немного южнее Эль-Берше, там, где гряда невысоких гор на востоке немного отступает, мы обнаруживаем интереснейшие развалины – остатки храма и гробниц в Эль-Амарне (Ахетатоне, или Ахут-Атоне). Этот город был основан (около 1340 г. до н. э.) по не допускавшему возражений приказу так называемого «царя-еретика» Аменхотепа IV (Эхнатона), человека со странным характером. Он порвал с прежней религией, которая развивалась в течение веков, и желал, чтобы начатая им религиозная реформа не страдала от представлений, которые в умах людей были связаны со столицей его предков.

Поэтому он покинул Фивы и построил в Эль-Амарне новую столицу Ахетатон (Ахут-Атон), но она просуществовала недолго: через несколько лет после смерти великого еретика его город сровняли с землей.

Мы часто будем говорить о провинции Мех – шестнадцатом номе, гербом которого была антилопа, о связанной с шестнадцатом номом «восточной стране» и о городе Менат-Хуфу (что значит «кормилица царя Хуфу»). Гробницы наместников, управлявших этой частью Египта, находятся на восточном берегу; это знаменитые гробницы в Бени-Хасане. Они в высшей степени драгоценны тем, что проливают свет на историю египетских нравов и обычаев. В других местах, в восточных горах – например, в Завиет-эль-Мейтине и Ком-эль-Ахмаре, мы тоже обнаруживаем в скалах гробницы, имеющие большое значение.



Гробницы в скалах близ Бени-Хасана (см.: L. D., i. 61)

Две смежные провинции – пятая и девятая – служили богу Мину, а двенадцатая и тринадцатая – шакалоголовому богу Анубису, которому поклонялись также на противоположной стороне Нила в семнадцатом и восемнадцатом номах. Эти провинции не играли большой роли в политической истории страны, особенно восемнадцатом ном, где было мало пахотных земель, но к которому были причислены знаменитые алебастровые каменоломни, находившиеся в горах на расстоянии примерно одного дня пути. Девятнадцатый ном, расположенный на запад от Нила, был одним из немногих мест в Египте, где поклонялись Сету. Возможно, поклонение этому богу, врагу всякого плодородия, было связано с занятием местных жителей: большинство из них были проводниками караванов по пустыне[7].

Дорога в северные оазисы и в древности, и в наше время начиналась из этой провинции.

Дальше на западном берегу находились передний и задний номы Финиковой пальмы (двадцатый и двадцать первый), оба в Древнем Египте знаменитые. Первый из них прославился по религиозным причинам, поскольку бог солнца Ра впервые появился, неся в мир свет и порядок, на холме, где стояла древняя столица этой провинции – город Нен-несут (Гераклеополь, современный Ихнасья-эль-Мадина).

В состав заднего нома входил плодородный Файюм, и запасы воды, которые там были, имели величайшее значение для всего Египта. Другие оазисы находились на расстоянии 30 или 50 км от Нила и орошались родниками, а Файюм связан с Нилом через канал и находится так близко к западному краю долины, что за час с небольшим путник вполне может перейти разделяющий их водораздел.

Немного южнее упомянутого ранее Эль-Берше этот большой канал (сейчас он называется Юсуф[8]) поворачивает прочь от Нила, и его воды начинают течь на север, в стороне от западного края долины. Многочисленные изгибы и повороты этого канала доказывают, что он – не искусственное русло, а бывший рукав реки. Такой же речной рукав есть возле Абидоса и севернее, и он соединен с каналом Юсуф высохшей протокой – остатком старого русла Нила. Это русло легко можно проследить от этого места дальше на север до самой дельты. Геродот рассказывает, что современное восточное русло Нила – не самое древнее, и раньше эта река текла ближе к западному краю своей долины. Вероятно, это большое изменение произошло не из-за какой-то внезапной природной катастрофы: хорошо известно, что река, если она предоставлена себе самой и если у нее нет скалистых берегов, которые, как стены, удерживали бы ее, медленно сдвигает свое русло в сторону, а иногда может, создав себе новое ответвление, много столетий позволять своим водам течь по обоим руслам, прежде чем окончательно покинет старое, причем вода в старом русле убывает постепенно до тех пор, пока оно окончательно не высохнет.

Таким образом, в Древнем Египте, вероятно, кроме нынешнего русла Нила на восточной стороне долины существовало еще одно, более старое русло – ближе к западному краю долины. Оно, как рассказали Геродоту жрецы, выше Мемфиса было перегорожено плотиной – по велению Менеса, первого царя Египта, отдавшего такой приказ, чтобы создать место для своей новой столицы. Возможно, что одновременно с постройкой этой плотины была выполнена и другая работа, столь

же дерзкая по замыслу – сухое русло вади в водоразделе, соединявшее долину Нила и Файюмский оазис, углубили, и это позволило водам речного рукава течь в Файюм. Таким путем почти бесплодная впадина на поверхности земли была превращена в одну из самых плодородных частей Египта, и маленькая страна получила новую провинцию, которая насчитывала около 1500 км^2 пахотной земли. Но это было еще не все. Какой-то предприимчивый царь (вероятно, Аменемхет III в XIX в. до н. э.) построил плотины в несколько километров длиной и этим превратил юго-восточный угол Файюма в огромное водохранилище, количество воды в котором можно было регулировать с помощью шлюзов. Используя этот огромный бассейн площадью 106 км^2 (это озеро Мериса, изумлявшее греков, современное озеро Карун) люди регулировали разлив Нила в Файюме и в Нижнем Египте. Если вода поднималась слишком высоко, часть ее сохранялась в этом глубоком озере, если слишком низко, можно было взять оттуда часть запасенной воды. Естественно, в этом *озерном краю* – так в древности назывался Файюмский оазис – люди должны были почитать бога-крокодила Себека, чей храм должен был стоять в столице этого края, которая называлась Шедет, а в более поздние времена Арсиноя и Крокодилополь. Два нома Финиковой пальмы и не имевший важного значения ном напротив них (двадцать третий) завершают список провинций юга, иначе Верхнего Египта.

Теперь мы начинаем говорить о «северной стране», в которую входила самая северная часть долины Нила. Мы сможем сделать свой рассказ короче, поскольку Нижний Египет – за исключением его южной части – имел в древние времена меньшее значение. За прошедшие века ни одна часть долины Нила не перенесла так много изменений, как дельта. Сейчас Нил имеет только два рукава, Рашид (Розеттский) и Думьят (Дамиеттский), и множество каналов, но нам известно, что в греческую эпоху их было семь, а о том, какой была река в более ранние времена, мы, разумеется, не знаем ничего.

Как уже было сказано раньше, северная часть дельты была покрыта болотами, а запас наших знаний о ее южной части невелик. Поэтому трудно установить, где находилась та или иная провинция. Поэтому мы совсем не будем затрагивать этот вопрос и ограничимся лишь описанием нескольких важных городов.

Старая столица Египта, Мемфис (Меннефер), разумеется, занимает среди них первое место. Этот город находился на западном берегу Нила немного выше по течению, чем современный Каир (который, в свою очередь, находится в 20 км южнее начала дельты). Он полностью исчез, и только поросшие

пальмами холмы возле деревни Митрахин отмечают место, где когда-то стоял огромный храм Птаха. Знаменитая цитадель этого города – Белая стена – и все другие постройки полностью исчезли, очевидно, потому, что жители соседнего Каира использовали развалины Мемфиса как удобную каменоломню. Только длинный ряд пирамид, который протянулся на многие мили вдоль западной горной гряды, указывает на то, что здесь когда-то стоял могущественный город. Группы этих царских гробниц поднимаются над землей плоскогорья, которое тянется мимо Гизы, Завиет-эль-Ариана, Абу-Сира, Саккары, Дахшура и Лишта до Медума, расположенного уже недалеко от входа в Файюм. Каждую пирамиду окружают менее крупные гробницы придворных – так называемые мастабы, те самые древние могилы, которые очень много рассказывают нам о жизни древних египтян в ранний период египетской истории, так же как фиванские гробницы раскрывают перед нами жизнь Египта более позднего времени, а гробницы из Бени-Хасана – жизнь в эпоху Среднего царства. Почти все, что написано в этой книге о Древнем царстве, мы знаем благодаря частным гробницам этого мемфисского некрополя.

На расстоянии около 30 км к северу от Мемфиса, северо-восточнее поворота реки находился древний священный город Он ( ), более известный нам под своим греческим именем Гелиополь. Это имя – «город Солнца» – указывает нам, какому богу там поклонялись. Гелиопольский храм был одним из самых великолепных в стране, и, по словам Геродота, жрецы этого храма считались мудрейшими в Египте. Значительная часть древнеегипетской религиозной литературы, очевидно, была написана в этом городе[9].

В наши дни на месте и города, и храмов находятся поля, и единственный обелиск одиноко стоит среди этих полей – как указатель для тех, кто приезжает в эти места.

Западная часть дельты, вероятно, была населена в основном ливийцами; и там был лишь один город, часто упоминавшийся в древние времена, – Саис (Сау), город богини охоты и войны, позже – и мира Нейт. В VIII веке до н. э. этот город впервые приобрел историческое значение, поскольку ливийская семья, правившая в нем, возвысилась до царской власти: вожди из этого семейства, носившие имена Псаметтих и Нехо, взошли на престол Египта.

Восточная часть дельты была больше заселена: в городе Мендес (Пер-Неб-Джед) поклонялись священному барану, в

Бусирисе находилась знаменитая гробница Осириса, в Бубастисе в честь богини наслаждения Бастет, которая имела кошачью голову, устраивались праздники, похожие на дионисийские, на северо-востоке, на границе болот находился Танис (Аварис) – город, имевший большое значение даже в раннюю эпоху (когда назывался Пер-Рамсес). Похоже, что в самые древние времена там царствовали правители-неегиптяне (здесь дольше оставались неассимилированными остатки основавших египетскую цивилизацию шумероидов, пришедших с севера. – *Ред.)*. Цари более позднего времени тоже жили там и построили огромный храм богу-воину Сету. Мариет тридцать лет назад раскапывал эти обширные развалины, а с тех пор Египетский исследовательский фонд провел там новые работы и опубликовал их результаты[10].

Тот перешеек между Красным и Средиземным морями, через который теперь проложен Суэцкий канал, пересечен несколькими озерами – остатками пролива, когда-то отделявшего Африку от Азии. Эти озера связаны с дельтой через узкую долину, современное название которой Вади-Тумилат.

Одна из богинь-покровительниц обеих частей царства в облике змеи

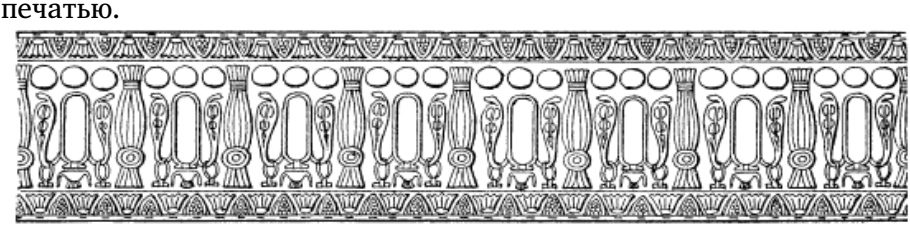
В давние времена от Нила в эту долину шел канал, который делал плодородными земли всего этого округа. Это и есть хорошо известная земля Гошен, где, согласно сказанию древних евреев, предки еврейского народа пасли свой скот. Города Рамсес и Пифом, построенные древними евреями, когда те были в «египетском рабстве», должно быть, тоже находились здесь. Тот самый царь Рамсес II, который приказал их построить, видимо, совершил здесь еще один великий труд – продолжил канал Вади-Тумилат до Горьких озер и приказал прорубить русло для воды в возвышенности, отделяющей их от Красного моря. Этот путь, соединявший Нил с Красным морем, был истинным предшественником Суэцкого канала. Однако этот великий труд вскоре стал бесполезным: его засыпал песок. Фараон Нехо и царь Дарий откапывали его снова, но вскоре песок опять заполнял русло. Впоследствии за эту работу брались императоры Траян и Адриан, а еще позже завоеватель Амр на какое-то время сделал этот канал судоходным. Это старое русло канала до сих пор

хорошо видно рядом с современным.

Суэцкий перешеек имел также огромное значение с военной точки зрения: он был укреплен, и нет сомнения, что это было сделано в очень раннюю эпоху. Вероятно, на нем стояла великая крепость Тару, которая часто упоминается как место, откуда начинались походы в глубь Сирии, а также сильно укрепленный город Пелусий (Пелузиум), который был расположен в устье восточного рукава Нила. Поблизости от него была крепость Аварис (Танис), которая в течение многих веков служила защитой для власти гиксосов – азиатских «варваров», завоевавших Египет.

Глава II
НАРОД ЕГИПТА

Люди, населявшие Древний Египет, живы и теперь в своих потомках – современных египтянах. Превратности истории заставили измениться и язык, и религию этого древнего народа, но никакие вторжения и завоевания не смогли сильно изменить внешний облик египтян. Сотни тысяч греков, а позже арабов, поселившихся в этой стране, были этим народом постепенно поглощены. Возможно, пришельцы изменили внешность египтян в больших городах, где завоевателей было много, но в сельской местности их влияние почти не чувствовалось. Современный феллах похож на своего предка, жившего четыре тысячи лет назад, и разница лишь в том, что потомок говорит по-арабски и стал мусульманином. В современной египетской деревне вас встречают люди, которые могли бы сойти с рисунков, сохранившихся в древнеегипетских гробницах. Правда, мы не должны отрицать того, что отчасти это сходство вызвано и другой причиной, помимо продолжения жизни древнего народа. Каждый тип местности и каждый вид условий жизни накладывают на людей свой отпечаток, придавая им определенные свойства. Кочевник из пустыни имеет в своем облике одни и те же характерные черты вне зависимости от того, кочует ли он по Сахаре или по внутренним областям Аравии; а копт (египтянин-христианин), который сохранил свою веру, несмотря на многовековые притеснения, может быть по ошибке принят за польского местечкового еврея, который, чтобы сохранить свою веру, был вынужден замыкаться в гетто. Таким образом, земля Египта, создававшая одни и те же неизменные условия жизни, всегда отмечала людей, населявших долину Нила, одной и той же печатью.



Орнамент, составленный из картушей и змей-уреев, которые их охраняют

Вопрос о происхождении египетского народа долго вызывал споры между этнологами и филологами: первые отстаивали

теорию африканского происхождения египтян, вторые держались мнения, что египтяне – потомки азиатов. Этнологи утверждают, что в строении тела египтян нет ничего, что бы отличало их от коренных африканцев, и что между египтянами и негритянским населением тропической Африки есть цепочка связей, в которой не могло быть разрыва. Они заявляют, что египтян нельзя отделить от берберов, тех от келауи или тиббу, а эти народы от тех, кто живет вокруг озера Чад. Для этнолога все они представители одной расы, и разница между ними создана только различиями в образе жизни и климате. Поэтому, говорят они, многие старинные обычаи древних египтян теперь можно обнаружить у народов, живущих в верховьях Нила. Я скажу лишь для примера, что странная египетская подпорка для головы до сих пор применяется на востоке Судана для защиты парика и что необычный меч в форме серпа и теперь есть у вождей Мангбету (северо-восток Конго), которые носят его с таким же достоинством, как в древности фараоны. С другой стороны, филологи утверждают, что язык древних египтян явно состоит в родстве с языками так называемых семитских народов.

Скульптурный портрет неизвестного мужчины времен IV династии. Рабочие Мариета приняли этого человека за нынешнего шейх-эль-беледа (то есть старосту) Саккары (Перро – Шипье)

По всей Передней Азии, а также востоку и северу Африки распространена большая семья языков, произошедших от общего корня; эту семью называют семито-хамитской. К ней относятся семитские языки Аравии, Сирии и Месопотамии, а также, в Восточной Африке, близкие к ним эфиопские (амхара, тигре, тиграи) и языки народов оромо и сомали. К этой семье относятся и языки, на которых говорят берберы (туареги, шлёх, кабилы и др.), населяющие Северную Африку до Атлантики, и, как мы уже упоминали, древнеегипетский язык.

Филологи считают, что народы, говорящие на этих языках, принадлежат к одной и той же расе. Другие причины подводят нас к выводу, что семитские народы переселились в те местности, где они потом стали жить, из Азии. Поэтому была принята теория, что эфиопский, ливийский и египетский народы в покрытые мраком прошлые времена покинули свои дома в Азии и завладели севером и востоком Африки. Эта теория полностью противоположна теории этнологов, по мнению которых все эти народности – чисто африканские (сформировавшиеся в Сахаре в тот период, когда климат ее был гораздо влажнее и когда здесь произошло смешение европеоидов Средиземноморья с негроидами, в результате чего и возникли семиты и хамиты. – *Ред.)*. Однако, если мы освободимся от предрассудков, которые до сих пор не встречали для себя препятствий в этой области науки, мы сможем примирить эти две теории предположением, что древние народности спокойно жили в каком-то суровом к людям краю до тех пор, пока им в силу разных причин (перенаселенность, ухудшение природных условий) вдруг не приходила на ум мысль покинуть свои земли и уйти с семьями и скарбом искать страну получше.

Такие переселения, несомненно, бывали у варварских орд. Пример тому – древние германские или скифские (а еще раньше – все арийские. – *Ред.)* народы. Часто следы таких народов исчезали в завоеванных ими странах, и по внешности жителей современной Италии, Испании или Туниса никто не мог бы представить себе, что целые племена германской расы покорили когда-то эти страны. Ни язык, ни расовая принадлежность местных жителей не изменяются навсегда от вторжений (если они не являются массовыми и не сопровождаются геноцидом. – *Ред.)*.

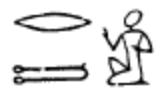
С другой стороны, если относительно небольшое число

«авантюристов»-захватчиков завоевывает страну и затем позволяет своим соплеменникам селиться в ней, постоянный приток иммигрантов, даже если их немного, оказывает огромное влияние на коренной народ. В первую очередь завоевателям удается добиться, чтобы их язык использовали в официальных случаях; высшие классы покоренной народности, желая принадлежать к правящему слою общества, тоже начинают усваивать новый язык. Так в нашу собственную эпоху мы не раз видели, как один народ распространял свои национальные признаки на людей из другого народа – например, относительно малое число испанцев и португальцев в Южной Америке, малое число арабов среди коптов и берберов, малое число англосаксов среди кельтов в Англии. В каждом случае мы видим, что в ходе этого процесса меняется только язык покоренного народа, но не сам народ (часто – и сам народ. Например, Чили или Бразилия, где большинство – белые, немало негров и мулатов (в Бразилии), а индейцев – меньшинство. – *Ред.)*.

Феллах из Эль-Каба (с фотографии Эберса)

Вероятно, подобным же образом происходили и преобразования древних наций. С доисторических времен жители Ливии, Египта и Эфиопии принадлежат к одной и той же расе. По строению тела они и теперь африканцы, хотя в более поздние времена перешли на азиатский язык (а египтяне к тому же приняли в себя создавших цивилизационное ядро шумероидов. – *Ред.)*. Никто не может сказать, как долго они говорят на родственных наречиях. Видимо, их языки произошли от одного языка, на котором они все говорили вначале, и они произошли от какого-то племени, про которое мы ничего не знаем. Принимая во внимание то, как мало мы знаем о древнеегипетском языке, мы можем предположить, что своим более поздним языком долина

Нила была обязана в первую очередь вторжению ливийцев с запада и что подобное же вторжение наделило семитским языком жителей Сирии и Аравии, а те передали его жителям Восточной Африки. Конечно, это всего лишь гипотеза, поскольку этот процесс мог идти и несколько иными путями. Вероятно, мы никогда не будем знать этого точно, поскольку эти события произошли более пяти тысяч лет назад – таков размер временного периода, который мы надеемся окинуть взглядом. Но не слишком важно, как именно это произошло, важно лишь помнить, что не обязательно произошло великое переселение египтян из какого-нибудь отдаленного места в Азии. Мы можем с чистой совестью считать их коренными уроженцами их собственной страны, детьми их родной земли, даже если будет доказано, что их древний язык был так же, как и современный, принесен из других стран.

Хорошо известно, что египтяне считали себя исконными жителями своей страны, в которых нет никакой чужеземной примеси. Разве они не были избранным народом, который особенно любят боги? Разве великие боги впервые явились в этот мир не в Египте, где правил и сражался бог солнца и где потомки этого бога до сих пор восседают на престоле? Поэтому египтяне только себя называли словом «люди» –  (romet); другие народы были негры, азиаты, ливийцы, но не *люди*[11].

Согласно мифу, предками этих народов были враги богов: когда бог солнца разгромил своих противников в Идфу, небольшое число их сумело спастись. Те враги, кто убежал на юг, стали эфиопами, кто на север – азиатами; от бежавших на запад произошли ливийцы, от бежавших на восток – бедуины[12].

Египтяне называли свою страну по цвету ее почвы «черной землей» (Кемет) и этим отличали ее от *красной страны* варваров. Они также считали, что у них лучший цвет кожи, чем у чужеземцев. Сирийцы были светло-коричневыми, ливийцы белыми, негры черными, но египтяне свой прекрасный цвет кожи – очень темный коричневый у мужчин и светло-желтый у женщин – получили в дар от богов[13].

Египтяне делали и обрезание (мальчикам в возрасте от 6 до 12 лет), причем уже в ранние времена, но, вероятно, не придавали этому странному обычаю так много значения, как евреи и магометане. Знаком принадлежности к определенной религии оно впервые стало у евреев, которые усердно старались всеми способами отличить себя от язычников, которые их окружали. Если бы египтяне тоже считали обрезание божественным установлением, они бы чаще упоминали о нем.

Читатель сможет судить о внешности древних египтян по иллюстрациям к этой книге. Нужно отметить, что в лицах знатных людей Древнего царства, как правило, мало аристократических черт. Эти важные особы древности имеют ширококостные лица с грубоватыми чертами (аристократы, жрецы и цари Древнего царства имели вполне европеоидные черты, в дальнейшем шло постепенное размывание уже упомянутого шумероидного цивилизационного ядра в массе египетского населения. – *Ред.)* и умным лукавым выражением, которые мы привыкли считать характерными для много знающих старых крестьян. У великих людей Нового царства выражение лица становится более утонченным – это обычное влияние долгой цивилизации с высоким развитием интеллекта на высшие слои общества.

О характере и умственных способностях египетского народа было высказано много мнений, противоположных одно другому. Геродот хвалит мудрость и хорошую память египтян, а Диодор считает их самым благодарным народом в мире, но император Адриан написал, что во время путешествия по Египту обнаружил, что египтяне крайне легкомысленны, охотно верят любому праздному рассказу, злобны, бездельники и клеветники.

Точно так же многие современные ученые описывают их как набожных людей, которые больше думают о загробной жизни, чем о земной, а другие хвалят их за умение по-детски радостно наслаждаться тем, что существует в земном мире. Но те, кто выдвигает обе эти теории, смотрят на предмет обсуждения слишком односторонне, а на самом деле ответ на этот вопрос может быть лишь субъективным. Характер человека сложен, характер народа еще сложнее; и то, что Фауст говорит о «духе времен», так же верно и для «духа народов», ведь, в конце концов, хорошо известно, что в душе народа отражается сам человеческий разум.

Статуя неизвестного писца, которая находится в Лувре (Перро– Шипье)

В предыдущей главе мы уже сказали, что мы думаем о характере древних египтян. На наш взгляд, это был народ умный, практичный и очень энергичный, но лишенный воображения; именно этого мы и должны были ожидать от народа крестьян, живущих в стране, где земледелие требует больших затрат труда. Мы можем процитировать здесь слова одного человека, хорошо знающего Египет, о современных египтянах из низших слоев общества, то есть о людях, в которых характерные свойства их народа проявляются наиболее естественно. Он говорит так: «В молодости египетский крестьянин изумительно послушен, разумен и деятелен; в более зрелом возрасте из-за нужды, забот и постоянного труда для подвода воды к полям он теряет веселость, свежесть и гибкость ума, благодаря которым он выглядел таким обаятельным и талантливым, когда был мальчиком. Он сеет и жнет, трудится и зарабатывает деньги, но его пиастры редко остаются в его собственности, и он видит, как плоды его труда переходят в руки тех, кто стоит выше него. Поэтому характером он похож на талантливого ребенка, который вырос в суровых условиях и, став старше, понимает, что пользу из его труда извлекают другие люди»[14].

Это описание народа, который весел от природы, но теряет этот счастливый нрав и становится себялюбивым и ожесточенным от суровой трудовой жизни, верно и для древних представителей того же народа, какими они выглядят для глаз наблюдателя, не имеющего предвзятого мнения.

Самые ранние дошедшие до нас памятники позволяют увидеть, что уже тогда египтяне имели древнюю цивилизацию, а также сформировавшуюся систему письменности, литературу, высокоразвитое искусство и строго упорядоченную систему управления страной. До этого первого периода египетской истории должно было пройти много времени мирного развития, о котором мы не имеем сведений. Египетские ученые воображали, что времена до их первого царя Менеса были чем-то вроде золотого века, когда правили боги; современные же ученые называют этот период «каменным веком». Обе теории, без сомнения, искусно построены, но обе одинаково трудно доказать. Мы лишь в редких случаях можем сделать какие-либо выводы о том, какой была жизнь в Египте доисторического времени, имея информацию только об обычаях, существовавших у египтян в историческую эпоху. Однако по форме царских одежд мы можем прийти к выводу, что сан *царя* существовал у египтян еще в те

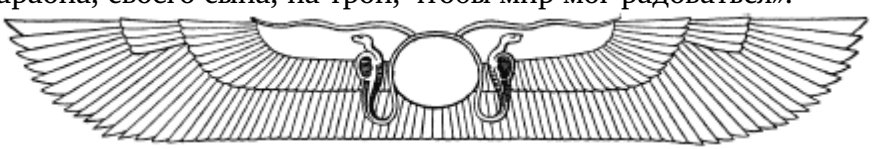
времена, когда люди этого народа, как нынешние негры, носили только набедренную повязку. Наряд царя в те прошедшие времена состоял из передника и львиного хвоста, а знатные люди выделяли себя из народа тем, что накидывали себе на плечи шкуру пантеры. Охотники прокладывали свой путь через болота на лодках, построенных из тростника, и охотились там с помощью бумеранга. Их ножи или, по крайней мере, некоторые из ножей, а также наконечники их стрел были сделаны из кремня, но отсюда мы не должны делать вывод, что они не были знакомы с металлами. Они отсчитывали годы с помощью зарубок, а это напоминает нам о времени, когда письменность была неизвестна.

Все эти обычаи, которые отмирали уже в самом начале исторического времени, были унаследованы от той древней эпохи, когда египетская цивилизация была, вероятно, на том же уровне, что цивилизация современных сомали или галла (оромо). Сколько сотен или тысяч лет понадобилось для превращения этих примитивных дикарей в цивилизованных подданных царя Снофру, мы не можем предположить даже приблизительно.

Во многих частях Египта, где природные условия были неблагоприятными, люди, без сомнения, сильно отставали в цивилизованности от остальных своих соотечественников – например, люди, жившие в болотах *(сохете),* которые изображены на памятниках Древнего царства как пастухи или охотники на птиц с силками. Их одежда из тростниковых циновок, а также прически и бороды придавали им весьма варварский вид. Возможно, эти болотные жители принадлежали к иному народу, чем коренные египтяне. Мы знаем, что на северо-западе дельты жили ливийцы и что было время, когда какое-то иноземное население существовало также на ее северо-востоке. Под этим населением мы имеем в виду тот народ, чьи хорошо заметные отличительные черты мы узнаем у так называемых гиксосских сфинксов из Таниса и чьими потомками были средневековые башмуриты.

Глава III
ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

В предыдущей главе мы, к несчастью, были обязаны иметь дело главным образом с условиями жизни в доисторическую эпоху, о которых мы можем лишь делать предположения. С появлением первых надписей мы оказываемся на более твердой почве исторического знания. Читатель не должен ожидать очень многого от короткого наброска истории Египта, который будет здесь дан: значительная часть наших знаний – это лишь имена царей и последовательность, в которой они сменяли один другого, а для некоторых периодов даже цари определены не вполне точно. Как правило, из надписей можно узнать мало фактов, поскольку эти надписи содержат в основном глупые преувеличенные славословия в честь монарха. Сто текстов расскажут нам о том, что фараон был «другом богов» и что он «разгромил варваров», но, возможно, всего одна-единственная надпись сообщит нам, какой храм он построил или против какого народа посылал сражаться своих воинов. О гражданских войнах и спорах по поводу наследования престола надписи всегда умалчивают, чтобы потомки знали лишь о том, что «боги возвели фараона, своего сына, на трон, чтобы мир мог радоваться».



Солнечный диск с ярко окрашенными крыльями – символ победоносного царя

Хронологических данных нам тоже не хватает. Мы можем с уверенностью сказать, что сын Псаметтиха царь Нехо II правил в 610–595 годах до н. э., царь Шешонк I в 950–929 годах до н. э., Рамсес II в 1317–1251 (или 1290–1224) годах до н. э., а Тутмос III[15] в 1525–1473 (или 1490–1436) годах до н. э., но кроме этого мы мало что можем сказать. Правление Аменемхета I одни помещают примерно в 2130-е гг. до н. э., другие примерно в 2380-е гг. до н. э., а третьи около 2466 года до н. э. (современные источники дают около 2000–1970 годов до н. э. – *Ред.),* а для царя Снофру и его преемников количество различных предлагаемых дат еще больше. Выберем ли мы 2830 год до н. э., как предлагает Эдвард Мейер, или 3124 год до н. э., как Лепсиус, или 3766 год до н. э., как Бругш, одну дату так же невозможно доказать, как

другую (в современных источниках принято: или XXVII век до н. э., или 2613–2589 годы до н. э. – *Ред.)*. Мы смогли бы составить почти точную хронологическую таблицу, если бы у нас был весь Туринский папирус, а не лишь несколько его отрывков, поскольку в этом документе содержится список царей с указанием длительности их правления, – или если бы до нас дошла целиком вся история Египта, написанная на греческом языке Манефоном, а не всего несколько скупых цитат из нее.

Но и тогда наши датировки не были бы вполне достоверными, поскольку мы знаем, что и составитель Туринского папируса, и Манефон не всегда имели верные сведения о самых древних царях.

Лепсиус собрал вместе все, что можно найти в этих двух источниках, и его хронология в целом дает нам верное представление об истории Египта, в особенности о ее более поздних периодах. Поскольку было бы невозможно назвать точные данные, я предпочитаю давать в этой книге хронологию в круглых числах, чтобы читатель с первого взгляда понял, что они только приблизительные. Я буду следовать хронологии, которой придерживается Эдвард Мейер в своей прекрасной «Истории Древнего Востока», и приведенные цифры могут считаться близкими к истине начиная примерно с 1530 года до н. э. Для более раннего времени это лишь наименьшие даты, то есть наиболее поздние из возможных даты царствования того или иного правителя; например, сказано, что Аменемхет I царствовал в 2130 г. до н. э., это значит, что он правил не позже этого времени, хотя мог править на одно или даже два столетия раньше (как уже было ранее показано, современные данные – около 2000–1970 годов до н. э. – *Ред.)*. Разумеется, чем более ранний период мы рассматриваем, тем меньше уверенности, и, когда мы заявляем, что самая поздняя возможная дата правления царя Снофру 2830 год до н. э., мы, возможно, помещаем его на пятьсот лет позже времени, когда он жил (современные источники дают XXVII век до н. э. и даже позже – см. выше. – *Ред.)*. Чтобы справиться с трудностями, возникающими из-за неточной хронологии, египтологи по примеру Манефона разделили царей Египта на династии, которым дали номера. С точки зрения истории это деление не всегда точное, но оно полезно с практической точки зрения и помогает нам сохранить привычные старинные названия различных периодов египетской истории. Кроме этого, нам почти нечего делать с 30 династиями, на которые было поделено время до завоевания Египта Александром и из которых главные перечислены ниже:

Династии III—VI	Около 2800—2250 гг. до н. э. (первый переходный период около 2250—2050 гг. до н. э.)	Так называемое Древнее царство
Династии XI—XII	Около 2050—1750 гг. до н. э.	Среднее царство
Династии XIII—XVII	Второй переходный период (1750—1550 гг. до н. э.)	
Династия XVIII	Около 1550 — около 1338 (или 1306) гг. до н. э.	Новое царство
Династия XIX	1338 (или 1306) — 1188 (или 1207) гг. до н. э.	
Династия XX	Около 1188 — около 1069 гг. до н. э	

Мы должны принимать во внимание только это деление на три периода и просим читателя хорошо запомнить их и обратить внимание на следующие факты: после трех первых династий не осталось никаких памятников, периоды с VII по X и с XIII по XVII династии были т. н. переходными (смутными) эпохами, а от времени после XX династии сохранилось так мало надписей и папирусов, что они дают слишком мало материала для нашей цели (XXI–XXV династии, XI–VII вв. до н. э. – третий переходный период. – *Ред.)*.

К началу эпохи IV династии Египет уже был объединен в одно царство, но мы можем быть уверены, что политическое положение в этой стране не было таким с самого начала. Нет сомнения, что до этого она делилась на две части, граница между которыми проходила немного выше Мемфиса. Мы не знаем, при каком царе эти «две страны» были объединены (они не слились по-настоящему в одну страну); вероятно, этим царем был один из правителей Верхнего Египта, поскольку более поздние цари всей страны носили только титулы этих правителей. Это мог быть Менес, о котором в египетской легенде говорится, что он был первым царем людей, что он был родом из Тина (Тиса) в Верхнем Египте и основал Мемфис. В этом случае Египет ко времени правления IV династии уже около трехсот лет был единым царством, но каким бы сильным ни было это единое царство, нет никаких следов того, чтобы оно заявляло свои права на власть где-либо за пределами Египта. Мы не знаем ни о великих войнах, ни о завоеваниях, возможно, потому, что эти правители находили более важное, по их мнению, применение ресурсам своей страны. Они должны были строить себе гигантские гробницы – те стоящие на Мемфисском плато пирамиды, которые стали символами

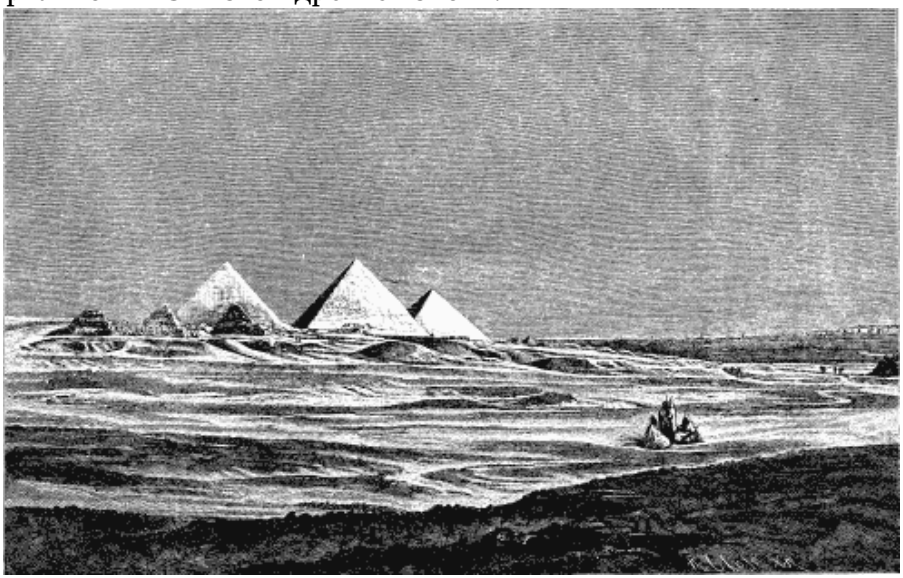
Египта.

Все цари Древнего царства позволили себе эту роскошь, и эта эпоха по праву получила название век пирамид, поскольку практически вся жизнь страны вращалась вокруг строительства этих царских гробниц.

Особенно прославились постройкой своих гробниц три царя из IV династии – Хуфу (Хеопс), Хафра (Хефрен) и Менкаур (Микерин). Им мы должны быть благодарны за три знаменитые пирамиды в Гизе. Преемники этих фараонов тоже построили себе великолепные гробницы, и если ни одна из них не может соперничать с усыпальницами Хуфу и Хафры, то, возможно, потому, что более поздние цари не могли уделять своим гробницам так много времени, как эти два монарха, чьи царствования были очень долгими. Одновременно велись и другие работы: восстанавливались или расширялись храмы, разрабатывались месторождения на Синайском полуострове, возводилось бесчисленное множество частных гробниц для придворных, причем частично на средства государства.

Царь Хафра (музей в Гизе, из книги Перро – Шипье)

Так египтяне активно удовлетворяли во времена Древнего царства свою безумную любовь к строительству, столь характерную для них, и принцы с гордостью носили титул «надзиратель за работами царя». Мы должны быть благодарны этим древним архитекторам, потому что без нерелигиозных рельефов, которые украшают частные гробницы, окружающие каждую пирамиду, мы почти ничего бы не знали о веселой и приятной жизни этой древней эпохи.



Менкаур (Микерин), Хафра (Хефрен), Хуфу (Хеопс). Долина Нила. Пирамиды в Гизе – вид с юга (согласно L. D. I. 19)

Интересно отметить, какой эпоха Древнего царства казалась египтянам, жившим позже. Во времена Нового царства люди смотрели на нее как на туманное прошлое, которое было намного раньше классической эпохи, и, если они желали представить какое-то событие (например, обнаружение священной книги) как произошедшее очень давно, они приписывали его одному из этих древних правителей. Людям времени Псаметтиха (VII в. до н. э.) Древнее царство, напротив, казалось самой прекрасной эпохой в истории Египта; они с наслаждением подражали обычаям того времени, даже там, где это было нежелательно, – например, в трудной орфографии. Простой же народ поздних времен и греческие путешественники, получавшие сведения от простых людей, смотрели на век пирамид как на время, когда низшие слои населения Египта были тяжело угнетены принудительным трудом. И наконец, современному миру кажется, что Древнее

царство было временем молодой силы и ничем не нарушаемого развития, поскольку не только в рисунках из гробниц не видно отвращения к земному миру, но и само по себе искусство этого времени свежее, чем в любую последующую эпоху. Позднейшие художники не смогли достичь уровня таких произведений, как статуя писца (сейчас в Лувре. – *Ред.)* или статуя царя Хафры.

Согласно подсчетам, IV и V династии правили около 300 лет, и за это время могли смениться пятнадцать царей. Народ за это время тоже не остался без изменений, и если мы сравним какой-нибудь памятник времен Снофру, одного из первых царей IV династии, с памятником эпохи Исеси или Унаса, правивших в конце V династии, мы сразу увидим, что старинная простота уступила место большей роскоши.

Сфинкс из Таниса

Пепи I (Пиопи), третий царь VI династии, достоин особого внимания. Он, видимо, был могущественным монархом, поскольку его памятники обнаружены по всему Египту, а также в различных рудниках и каменоломнях. Он строил здания и в Дандаре, и в Танисе, и все же в его время, видимо, произошла децентрализация власти. Это могло случиться во время возвышения VI династии. До этого времени знатных людей страны, хотя едва ли все они жили в столице, хоронили в мемфисском городе мертвых, а в эти годы в стране возникли и другие кладбища. Многие княжеские семьи находили вечный покой возле своих домов (например, так появились гробницы в Завиет-эль-Мейтине), а другие, особо набожные, возводили себе гробницы на священной земле Абидоса, возле могилы Осириса. Одна надпись рассказывает нам о большом походе Пепи I в Палестину и Сирию (для чего созывалось общеегипетское

ополчение, а также вспомогательные отряды «эфиопов мирных» или «приученных», всего «много десятков тысяч». – *Ред.)*.

О царях, правивших непосредственно после Пепи (Пиопи) I, мы знаем мало, хотя их гробницы и имена все же дошли до нас. После них наступает период, о котором нет никаких исторических сведений. Мы не знаем, что случилось с царством Пепи I, и, хотя можем предположить, что оно потом распалось на маленькие княжества, история по этому поводу молчит. Мы не можем сказать и о том, как долго страна была расколота таким образом – вероятно, это продолжалось долго, поскольку в эпоху Среднего царства Египет выглядел уже совершенно по-иному.

Востоком дельты в это время, вероятно, управлял могущественный род правителей, первый царь которого, по сообщению Манефона, был более могущественным и более злым и порочным, чем любой предыдущий монарх. Эти варвары, вероятно, были исконными жителями этой части дельты, и я полагаю, что именно ими созданы те замечательные неегипетские статуи и сфинксы, которые обычно считаются памятниками более поздней эпохи вторжения гиксосов.

В Фивах тогда же правила другая династия, которую называют XI. Все правители в ней носили имена Антеф (Иниотеф) и Ментухотеп. Один из последних представителей этой династии, Ментухотеп II, снова объединил все царство и восстановил систему централизованного правления. Со смертью Ментухотепа IV эта династия, сделавшая так много для Египта, прервалась, и фараоном стал Аменемхет I, ближайший к предыдущему царю сановник, основавший XII династию. Он продолжил наведение порядка в стране, «чтобы одолеть зло, он, сиявший как бог Атум, должен был восстанавливать то, что находил разрушенным. Он отделил один город от другого, он определил границы земель каждого города и установил межевые камни, прочные, как небосвод».

Царь делал это не руководствуясь только собственным желанием, «он искал сведения в книгах о том, какой округ орошаемых земель принадлежал каждому городу, и границы такого округа проводились согласно старым записям, потому что он очень любил истину»[16].

Таким образом, первые цари XII династии продолжали организовывать страну, и в результате они сумели поднять свое царство на более высокий уровень цивилизации.

Эти цари, которые носили имена Аменемхет (I, II, III, IV) или Сенусерт (I, II, III) (а также была и фараон-женщина Нефрусебек. – *Ред.),* возвели во внутренних областях страны много построек, и не только храмов и гробниц, но и таких, которые служили на

благо всем. Аменемхет III разработал замысел постройки огромного водохранилища в Файюме – того, которое обычно называют озером Мериса и о котором мы говорили в первой главе. Литература и искусство тоже процветали.

Результатом этого преуспеяния в собственном доме стало распространение власти египетских правителей на другие страны. Насколько нам известно, в это время египтяне активно завоевывали чужие земли, и в первую очередь направили свое оружие против Нубии. Там их привлекали не пахотные земли узкой в этой стране долины Нила, а золотые рудники в пустыне. Цари XII династии снова и снова сражались в Нубии за обладание ими, а Сенусерт III построил большую пограничную крепость в Семне. Поэтому он считался подлинным завоевателем Нубии, и через пятьсот лет после него Тутмос III, когда вел такие же войны, посчитал своим долгом воздвигнуть храм в память своего великого предшественника. Цари XII династии постоянно поддерживали связь также с Сирией и Южной Аравией, но это общение, похоже, чаще было мирным (известно, что Сенусерт III ходил войной на Палестину. – *Ред.)*. Короче говоря, двести с лишним лет правления XII династии были для Египта эпохой такого процветания, что легко понять, отчего египтяне более поздних времен смотрели на это время как на классическую эпоху своего народа. Цари XII династии считались идеальными мудрыми правителями, а язык того времени – образцом хорошего стиля для письменных сочинений.

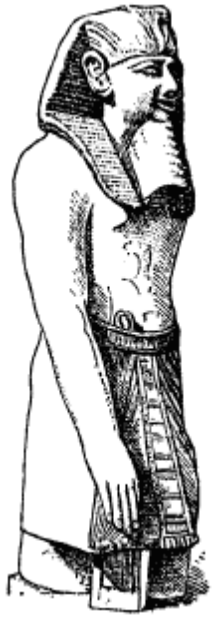
Затем наступила долгая эпоха безвестных царей, от которой до нас дошло мало памятников и построек. Вероятно, снова наступило время политических беспорядков, когда царство расшатывалось и разделялось на части в результате споров за наследство (хотя такого распада, который последовал за периодом Древнего царства, не произошло. – *Ред.)*. В конце концов смертельный удар ослабленному государству нанесло знаменитое вторжение «правителей пастухов», которые у греков назывались «гиксосы». Чужеземные кочевники (весьма пестрого племенного состава – от арийцев до семитов. – *Ред.)* вторглись в дельту с северо-востока и завоевали Египет. Мы не знаем всех подробностей истории гиксосов. Но мы знаем, что их правители сделали столицей Египта Аварис на востоке дельты и что гиксосы молились своему местному богу Сутеху (который хотя и именовался по-египетски Сет, но, видимо, только отождествлялся с ним. – *Ред.)*. Вероятно, события развивались так же, как при подобных этому вторжениях варваров. Царство, ослабленное междоусобной борьбой, было уничтожено ужасающим по силе ударом, но затем, когда наступил мир, гиксосы, вероятно,

обнаружили, что, хотя они смогли завоевать Египет, они не могут им управлять. Тогда возродилась старая форма правления, и только гарнизоны варваров остались единственным признаком того, что страна находилась в руках у чужеземцев. Силу гиксосам давала их крепость Аварис; правители жили в этой крепости и были довольны, что князья провинций присылают им большую дань. После смены нескольких поколений завоеватели, разумеется, стали цивилизованными людьми, и гиксосы, возможно, были такими же хорошими египтянами, как потомки Чингисхана и Хулагу стали хорошими мусульманами. И так же, как монголы, гиксосы лишились своего могущества, поскольку цивилизация в конце концов уничтожает грубый кочевой народ так же верно, как растения пустыни гибнут в плодородной почве. Если бы гиксосы достаточно долго оставались в Египте, они бы, несомненно, были поглощены египетским народом и не оставили после себя никаких следов. Но случилось иначе: гиксосов после ста с небольшим лет владычества прогнали из Египта силой.

Местом рождения Нового царства стали Фивы. Там правила, выплачивая дань гиксосам, т. н. XVII (по Манефону) династия, которая, возможно, вела свой род от прежних царей (от XIII династии. – *Ред.)*. Один правитель из этой династии, по имени Таа, начал борьбу с гиксосами (третий гиксосский царь Апопи I перед этим передал часть своей власти семейной ветви, классифицированной Манефоном как XVI династия). Преемник Таа, Секененра, продолжил национально-освободительную войну (его мумия свидетельствует о насильственной смерти), его сменил Камос (пал в бою) и, наконец, Яхмос, ставший основателем XVIII династии. – *Ред.)*. Гиксосы оказали отчаянное сопротивление в Аварисе, и только с третьего раза этот город был взят приступом. Яхмос сумел очень выгодно использовать свою победу: сразу же после нее он повел войска на восток и дошел до далекого Шарухена в Палестине. Этот поход играет важную роль как один из шагов в том направлении, по которому политика Египта развивалась потом в течение нескольких веков. Новое царство – эпоха завоеваний – начинается с Яхмоса. Кажется, что Египет в предыдущие годы накапливал силу как поле, лежащее под паром, и теперь эта страна поднялась до таких высот процветания и могущества, каких она не достигала ни до, ни после этого. Ее сила проявилась не в гигантских постройках, как в более ранние дни ее славы, а в завоевании чужих земель. Фараоны этой эпохи довели свои войска до Евфрата и ввели их в далекий Судан. Египтяне словно вышли из тьмы и взошли на вершину: они стали одним из сильнейших народов мира, и результаты этого нового положения скоро стали видны.

Египтяне вошли в соприкосновение с чужеземными народами, на которые раньше смотрели сверху вниз, считая их варварами, – и теперь обнаружили, к своему удивлению, что их северные соседи имеют цивилизацию, почти равную их собственной. Они начали восхищаться этой цивилизацией; вскоре стало допустимым поклонение Балу (Ваалу) и Астарте и сделалось модно щеголять чужеземными ханаанскими словами – это очень похоже на то, как в прошлом (то есть XVIII. – *Пер.)* веке было у немцев с обрывками французского языка.

Затем XVIII династия направила свои военные действия против Нубии, которую нужно было завоевывать снова. Яхмос снова и снова сражался за обладание Нубией, а его внук Тутмос I покорил эту страну до третьего порога Нила. С этого времени «презренная страна Куш» была превращена в провинцию Египта и постепенно стала цивилизованной; но при этом она находилась под отдельным управлением, а правивший в ней наместник носил титул «царский сын из страны Куш» и был одним из самых важных должностных лиц при дворе в эпоху Нового царства. Аменхотеп I сражался только против ливийцев, но его сын Тутмос I помимо того, что завоевал Нубию, провел еще одну большую войну на севере. Он покорил всю Палестину и всю Сирию, разбил войско такого крупного государства, как Митанни (хурриты, во главе которых стояло арийское племя митанни. – *Ред.),* проник в Месопотамию и восточнее Евфрата поставил стелу, чтобы сообщить потомству о своих победах. Однако эта великая война не имела долговременных результатов, так как после смерти этого царя Тутмос II и его сводная сестра и супруга, царица Хатшепсут, которые стали царствовать после него, предпочли отказаться от обладания провинцией, которую было очень трудно удерживать. Согласно завещанию их отца, эти царь и царица правили совместно, но как долго, мы не знаем; вероятно, это продолжалось лишь короткое время. Когда Тутмос II умер, Хатшепсут начала свое царствование в качестве единственной правительницы с того, что стерла имя своего брата со всех памятников, и подозрение, что она была в какой-то мере причастна к смерти своего брата, видимо, справедливо. У нее был номинальный соправитель, несовершеннолетний племянник Тутмос III (сын Тутмоса II от одной из жен (не главной).



Тутмос III (гранитная статуя в музее Гизы)

Царствование этой женщины, египетской Екатерины II, было мирным; похоже, что ее единственным подвигом в чужих странах было великое плавание на родину благовоний – в страны Красного моря, о котором у нас часто будут случаи упомянуть позже. Она также очень много строила; мы должны особо упомянуть ее храм в Дейр-эль-Бахри, в западной части Фив. При подобном правлении царицы всегда существует могущественный фаворит. В этом случае фаворитом был, видимо, некто Сененмут, который первоначально был жрецом в храме Амона, а затем и управляющим личным хозяйством фараона и хозяйством Амона. В надписи на своей статуе, которая находится в Берлинском музее, он хвалится тем, что его государыня сделала его «великим в обеих странах» и «вождем над вождями» во всем Египте[17].

Хатшепсут умерла, процарствовав более двадцати лет, и Тутмос III расплатился с ней за тот вред, который она причинила его отцу, – приказал стереть ее имя со всех памятников, и снова мы не можем не подозревать, что смена власти произошла насильственным путем. Как бы то ни было, правление Тутмоса III было великой эпохой в истории Египта, поскольку этот молодой правитель шел вслед за своими предками по пути завоеваний. На двадцать втором году своего формального царствования, то есть в первый год своего настоящего правления, он повел войска в Сирию. На юге Палестины у него не было никаких трудностей, но возле города Мегиддо, на севере Палестины, он впервые встретился с серьезным сопротивлением: на его пути встала

армия союза всех городов Палестины и Сирии под командованием правителя города Кадеш. Произошло сражение, и египтяне одержали полную победу, а Мегиддо сдался после нескольких недель осады, и вся страна покорилась завоевателю. После этого первого похода неутомимый победитель совершил еще не меньше четырнадцати других и этими войнами в конце концов укрепил свою власть над всей Палестиной и Сирией (на севере вплоть до современного залива Искендерун) к западу от Евфрата, через который он переправился со своей армией. Более далекие страны, например Сангара (восточнее Евфрата, современные горы Синджар), Ассирия, Киликия и Кипр, не принадлежали ему, а так называемая дань, которую он получал от них, на самом деле была подарками, которые они добровольно присылали своему могущественному соседу. В летописи, где описаны дела Тутмоса III, мы впервые встречаем упоминание о царе народа хета (хетты): их город Кадеш этот египетский монарх захватил во время одного из последних походов. Примерно через сто лет как раз хетты сумели занять в мировой политике то место, которое прежде принадлежало Египту.

Похоже, что одновременно с войнами в Сирии шли войны на юге, и границы Египетского царства были раздвинуты до Судана. Тутмос III также строил огромные здания, используя для этого военнопленных, и мы легко можем представить себе, каким героем он казался потомкам. Даже при XIX династии частные лица помещали его на своих печатях[18].

Счастливый случай сохранил для нас мумию этого великого завоевателя, и мы можем видеть, что он, подобно Наполеону, был мал ростом.

Его сын Аменхотеп II и его внук Тутмос IV, которые оба правили недолго, сохраняли единство царства, энергично подавляя все попытки восстания покоренных народов. Его правнук Аменхотеп III правил всеми странами от Эфиопии до Евфрата, и со временем эта обширная империя могла бы стать единым прочным царством, если бы после смерти Аменхотепа III в Египте не начались беспорядки, из-за которых стало невозможно удерживать сирийские владения. Эта смута произошла не из-за споров за наследство, которые обычно становятся причиной политических волнений на Востоке, а из-за попытки реформировать египетскую религию.

Аменхотеп III – изображение в его гробнице (из книги Шампольона)

Древняя религия Египта была, если говорить обобщенно, поклонением солнечным богам. Ра, Гор, Атум, Осирис все были различными представлениями о боге солнца (они были соединены в самый ранний период истории Египта. – *Ред.):* один был солнце – податель жизни, другой – солнце, разгоняющее тьму, третий – солнце, умирающее сегодня и снова восходящее завтра. В одной местности люди предпочитали называть своего бога Ра, в другой Гор, в третьей Осирис. В разных храмах возникли разные обычаи и разные легенды, связанные каждая только с одной из форм солнечного божества. Таким образом бог солнца в египетской религии был все же разделен на части, которые в представлении людей были отдельными богами. Едва ли могло быть иначе, потому что мифы о Горе были совершенно иными, чем мифы о Ра или Осирисе. Но даже в самые давние времена образованная часть общества считала, что по своей сути эти божества – одно и то же, и жрецы не отворачивались от этого учения, а боролись за то, чтобы усвоить представление о едином боге, которого поэзия и мифы разделили на разных богов. В эпоху Нового царства Ра, Атум, Гор и Осирис были лишь разными именами одного и того же бога. Чтобы усовершенствовать свою религиозную систему, они развили эту идею даже дальше – отождествили с богом солнца богов, которые на самом деле не имели с ним ничего общего, например Амона, бога урожая, и Себека, бога водной стихии и плодородия. Как обычно бывает в любой религии, когда она в упадке, границы, отделяющие одно божество от другого, были стерты, и верующие, обращаясь к своему богу, на одном дыхании называли его Ра, Амон, Атум и Гор. Однако сословию жрецов не хватило мужества на то, чтобы сделать последний шаг, то есть уничтожить те различия, которые они называли искусственными, и поклоняться одному богу под

одним именем. Они продолжали жить по-старому, сохраняя поклонение всем богам так же, как сохраняли самые банальные обычаи более грубых времен. Легко представить себе, как много противоречий возникало из-за этого.

Аменхотеп IV. Статуя, находящаяся в Лувре, – из работы Шипье

И вот теперь один из египетских царей, Аменхотеп IV, сын Аменхотепа III и царицы Тии, которая, похоже, играла важную роль при дворе своего сына, попробовал сделать этот последний шаг: на место запутанной системы из многочисленных богов прошлого он попытался поставить бога солнца как единственного живого бога. Как этот молодой царь сумел освободиться от суеверного почтения к вере своих отцов, мы не знаем; по его портрету мы можем видеть, что у него было не слишком крепкое здоровье, и возможно, что фанатизм, с которым он взялся за эту достойную похвалы реформу, был вызван его телесной слабостью. Он ввел поклонение солнцу как единственному богу и, следуя, вероятно, гелиопольскому учению, называл этого бога Ра-Хармахис или, что бывало чаще, Этен (в книгах русских авторов по истории Египта это имя читается Атон. – Пер.), то есть солнечный диск. Если бы он ограничился лишь тем, что официально учредил новый культ, его усилия могли бы увенчаться успехом; но он попытался применить насилие, и потому его нововведение, хотя и имело временный успех,

просуществовало недолго. Он начал истреблять всякую память о прежних богах, и в первую очередь объявил войну великому богу своих предков, Амону, имя которого стер со всех памятников.

Эхнатон, его супруга и шесть дочерей приносят дары солнечному диску. К царю спускаются лучи света, которые заканчиваются ладонями. В надписи указаны имена и титулы бога и царской семьи

Свое имя, в которое входило имя Амона, он сменил на новое – Эхнатон, что значит «благой для солнца» (или «угодный Атону»), а поскольку столица, где жили его знаменитые предки, была полна памятников, созданных в честь Амона, этот царь-протестант решил больше не жить в таком месте поклонения прежнему богу; поэтому он покинул Фивы и построил новый город под названием «Горизонт Солнечного Диска» («Горизонт Атона») возле того места, где сейчас находится Эль-Амарна. Мы не знаем, как долго он жил там со своей матерью Тией, своей супругой Нефертити и своими семью дочерьми. Рисунки в построенных там гробницах (о которых мы часто будем упоминать) показывают, что в новой столице были возведены роскошные здания и обитал блестящий царский двор.

Когда Эхнатон умер, престол занял сначала его зять

Сменхкара, затем другой зять Эхнатона, Тутанхамон (первоначально Тутанхатон), а потом бывший начальник колесничного войска Эйе, который ранее был горячим приверженцем новой религии. Уже при Сменхкаре начался возврат к прежней религии, Тутанхамон его продолжил (в т. ч. сменив имя), а пришедший к власти через четыре года правления Эйе главный военачальник Хоремхеб приказал удалить из всех надписей в стране имена трех предыдущих фараонов (заменив их собственным), энергично положил конец реформации и сровнял с землей здания, построенные фараоном-еретиком. Мы всегда будем сожалеть о печальном конце реформации Эхнатона, поскольку, хотя прекращение беспорядков и было хорошо для страны, эта победа старой ортодоксальной партии навсегда определила судьбу египетской веры: больше никто не пытался ее реформировать, и потому религиозные взгляды египетского народа стали более узкими.

Преемники Хоремхеба, цари XIX династии, старались восстановить власть Египта на севере, но перед ними встали трудности, которые были теперь гораздо большими, чем у их предшественников из XVIII династии. Похоже, что во время религиозных столкновений, когда Египет был не в силах удерживать свои владения в Сирии, Хеттское царство хорошо использовало удачное время и завладело тем наследством, которое оставили в том краю фараоны. Хетты в те времена, видимо, были могущественным народом, поскольку они овладели Сирией, севером Месопотамии и большей частью Малой Азии. У нас мало точных знаний о них. Судя по названию этого народа (название заимствовано у местного кавказоязычного народа хатти, а первоначально хетты объединились вокруг племени несийцев. Пришли же они в Малую Азию около 2300–2200 годов до н. э. из степей и лесостепей Восточной Европы и родственны кельтам, славянам, германцам и другим арийским народам, а особенно будущим италикам, в т. ч. римлянам – прослеживаются лингвистические общности. – *Ред.),* его язык не был семитским (он был индоевропейским. – *Пер.),* но похоже, что его религия была преобладающей в Сирии. Этот народ был известен ассирийцам, в более поздние времена одно из хеттских княжеств, уцелевших после гибели державы, имело свою столицу на Евфрате (Кархемиш), полулегендарные «хиттим» Ветхого Завета, вероятно, тоже хетты. В то время, о котором мы рассказываем, это был народ с высокой цивилизацией, и нужно надеяться, что систематические раскопки на севере Сирии (и в Малой Азии, где с 1906 года раскопана столица Хеттского царства Хаттусас) могут значительно увеличить число известных нам памятников и

надписей хеттских царей. Те немногие, которые уже найдены, позволяют нам увидеть, что этот народ писал иероглифами, немного похожими на египетские, но его искусство находилось больше под влиянием Ассирии и Вавилона. Таким образом, теперь египтянам противостояло могучее царство, а не несколько маленьких государств, и поэтому мы не удивляемся, узнавая о том, что эти войны были не такими успешными, как войны Тутмоса III. (Уже после смерти Тутанхамона Египет едва не был покорен хеттами. Вдова Тутанхамона предложила царю хеттов Суппилулиуме I прислать своего сына, чтобы тот взял ее в жены. Но молодого хетта умертвили египетские вельможи. Мстя за сына, Суппилулиума разгромил египетское войско. Египет спасла какая-то повальная болезнь, выкосившая хеттскую армию, наступление которой было прекращено. – *Ред.)*

Эти боевые действия начал Сети I, второй царь XIX династии. В первый год своего правления он воевал против кочевников, живших между Египтом и Ханааном, и в результате снова открыл себе путь в Северную Палестину, которая покорилась ему. Там его встретил Муваталлу, царь хеттов, и, поскольку завоевания были незначительны, вызывает сомнение, чтобы она действительно завершилась такими великими победами, как это описано в египетских надписях. Похоже, что царь Египта немного продвинулся и в южную часть Палестины.

В последующие годы своего правления он должен был воевать на западной границе Египта, отстаивая ее от ливийцев, которые вместе с «народами моря» (с островов и побережья Средиземного моря – народами «шардена, шакалаша, турша и акайваша» (акайваша – ахейцы, турша – тирсены, будущие этруски; шардены заселили позже Сардинию. – *Ред.)* вторглись в западную часть дельты. Сети разбил их, и таким образом эта опасность была устранена – правда, лишь на время. Его сын Рамсес II, вступив на престол, снова повел войска против Хеттского царства. Первые годы своего царствования он отдал покорению Палестины, а потом повернул свои войска против самих хеттов. Их царь Муватталлу собрал все силы своего царства и союзников; это войско заняло позиции возле города Кадеш на реке Оронт. В пятом году правления Рамсеса II (в 1312 или 1286 г. до н. э.) произошла великая битва; сначала она шла крайне неудачно для египтян, но в конце концов едва спасшийся Рамсес II приказал написать, что была одержана победа (хеттские колесницы, всего 2,5 тысячи, покинули поле боя, а свою пехоту хеттский царь так и не двинул в бой). Рамсес не решился штурмовать Кадеш и возвратился в Египет. Война продолжалась затем еще шестнадцать лет. Египтяне прорывались до самых

подступов к Малой Азии, но итог боевых действий был скромным. Наконец на двадцать первом году своего царствования Рамсес II заключил с царем хеттов Хаттусили III не просто перемирие, а мирный договор. Египет сохранил за собой южную часть Палестины, а хетты закрепились в Сирии. Теперь Египет относился к Хеттскому царству как к равному. Это «согласие» продлилось долго, а через тринадцать лет Хаттусили III побывал в гостях у своего египетского союзника, и его дочь стала одной из главных супруг фараона. Вскоре между двумя царствами началось оживленное мирное общение, и египетская цивилизация была приближена к племенам Передней Азии, а сами египтяне стали все больше испытывать влияние своих ханаанских соседей.

После заключения этого мира Рамсес II правил еще сорок шесть лет, он умело распорядился этим временем и использовал его для великих дел. Ни один царь Египта не строил так много. От Таниса до пустынь Нубии он возвел бесчисленное количество храмов, и говорят (хотя трудно сказать, насколько это верно), что половина всех дошедших до нас египетских зданий может быть приписана ему. Похоже, что он особенно любил вести строительство на востоке дельты, в городе, который в его честь носил название Пер-Рамсес – «дом Рамсеса», или, официально, «дом Рамсеса, любимца Амона, великого образа бога солнца». В этом городе, недалеко от границы с Палестиной, он держал свое правительство; эта смена резиденции легко объясняется новым политическим положением царства.

Сети I. Рельеф из Абидоса

Рамсес II не только пережил тринадцать из своих сыновей, но, видимо, пережил и славу своего царства. Однако после его смерти страна все же смогла выдержать еще один удар извне. В пятый год правления его четырнадцатого сына Меренптаха, который унаследовал после него престол, орды уже упоминавшихся средиземноморских народов вторглись в западную часть дельты, и в это же время Мараю, царь ливийцев, повел свое войско на Египет. Меренптах в шестичасовой битве разбил объединенную армию противников, убив более 8500 и взяв в плен 10 тысяч воинов врага.

Вскоре после этого царь Египта умер; поскольку его сын Сети II был не в силах противостоять своим внутренним врагам, наступило время беспорядка и борьбы за престол. Появилось несколько претендентов на царский трон, но ни один из них не мог одержать верх.

Рамсес II. Статуя из Турина. По Перро – Шипье. Рисунок Уилке

Поэтому, как часто случалось в истории Египта, за этим последовало «много лет, когда страной Египта управляли узурпаторы, которые убивали один другого от гордости и высокомерия и делали то, что им нравилось, поскольку не имели главы»[19]. Так, казначей Ирсу, сириец, любовник правившей в то время царицы Тусры, сумел «в годы голода» фактически подчинить себе страну. Сын его противника с благочестивым ужасом рассказал нам, что во время правления Тусры (а фактически Ирсу) один объединялся с другим для пиратских набегов и «они обращались с богами так же, как обращались с людьми: никто не приносил никаких пожертвований в храмы».

Ирсу действительно, опираясь на свою силу, осмелился прикоснуться к доходам храмов, за это впал в немилость у

жрецов, и они стали поддерживать одного из его соперников, который носил имя Сетнехт. На официальном языке мы читаем: «Боги посадили своего сына, рожденного от богов, на свой великий трон в качестве правителя всей страны. В гневе он был подобен богу Хепре-Сету. Он привел в достойный вид всю страну, в которой был беспорядок. Он убил врагов, которые были в стране», а когда он достиг власти, он «предоставил храмам священные доходы» и этим привлек жрецов на свою сторону.

Рамсес III (IV, если считать Рамсесом III Рамсеса-Саптаха, царя конца XIX династии), первый царь XX династии, пожал плоды трудов своего отца Сетнехта. Его царствование продолжалось тридцать три года и явно было одним из самых блестящих. Сам он желал уподобиться Рамсесу II с его славой и потому называл своих сыновей именами сыновей этого своего великого предшественника и дал каждому из них ту государственную должность, которую раньше занимал тот, в честь кого этот принц был назван. Снова верховным жрецом в Мемфисе был принц Хамуэсе, а верховным жрецом в Гелиополе – принц Мериатум[20].

Рамсес III (IV) завоевал дружбу жрецов тем, что преподносил им ценные подарки и огромные здания; он повсюду восстановил старые культы, «он творил истину и отменял ложь». Он по-новому организовал разработку рудников на Синайском полуострове и экспедиции в страны благовоний. Он также был и великим воином. Ливийцы в упомянутое здесь более позднее смутное время так же, как было при Сети I и Меренптахе, завладели западной частью дельты, и в этот раз они прорывались до самых окрестностей Мемфиса. Рамсес III разбивал их на пятом и на одиннадцатом году своего царствования. А в промежутке между этими двумя войнами стране угрожала еще более серьезная опасность.

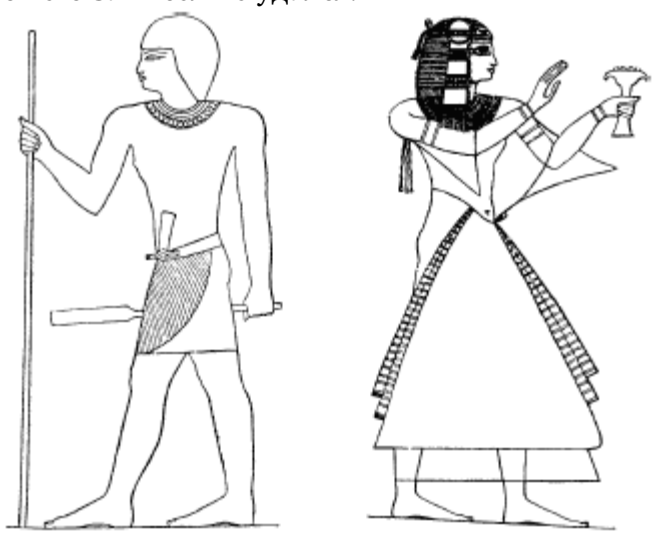
Сети II (статуя из Лувра). Из Перро– Шипье

«Народы моря», которые уже несколько раз проникали в Египет, снова не могли жить спокойно. Они вторглись в Северную Сирию, и это было настоящее переселение народов. Они двигались вместе со своими женами и имуществом частично по суше в запряженных быками повозках, а частично по морю на кораблях. Похоже, что это они разрушили Хеттское царство (кроме них, на хеттов обрушилась новая волна арийских племен из Юго-Восточной Европы, таких как фригийцы и др. – Ред.), которое с этих пор исчезло из истории Египта, но в Палестине Рамсес III (IV), в восьмой год своего правления, встретил их в бою и победил на суше и на море. (Разбитые представители «народов моря», филистимляне, осели затем на палестинском побережье, возможно с разрешения фараона. – *Ред.)* Это последний раз, когда нам становится известно о вторжении ливийцев и «народов моря»; вероятно, больше они никогда не пытались напасть на Египет. Но они уже вошли в эту страну иным способом: со времен Рамсеса II значительная часть египетской армии состояла из наемников – шардена и ливийцев, и их предводители постепенно приобрели власть в египетском государстве.

Мы очень мало знаем о девяти царях, которые правили после

Рамсеса III (IV). Все они носили имя Рамсес, и некоторые из них были его сыновьями. Большинство из них были лишь игрушками в руках двух тогдашних сил: могущественного жречества и иноземных наемников. Вначале одержала победу первая из этих сил: примерно через столетие после времени Рамсеса III верховный жрец Амона в Фивах Херихор заставил последнего из Рамсесов отречься от престола в его пользу. Цари-жрецы продержались на престоле примерно сто лет, а затем при великом царе Шешонке управление страной перешло в руки ливийцев, чьи вожди и до этого уже имели большую силу в египетском государстве. При них Египет стал совершенно ливийским: всеми городами управляли наместники-ливийцы, и даже верховные жрецы в Фивах и Мемфисе были ливийцами.

Похоже, что сторонники прежних царей-жрецов бежали в Эфиопию, где примерно в это же время возникло независимое царство с египетской цивилизацией, в котором власть священнослужителей была настолько абсолютной, что даже сам царь был обязан склоняться перед ней. В VIII веке до н. э. царю Эфиопии Пианхи I удалось временно овладеть Египтом. В конце VIII века до н. э. царь Шабака снова завоевал Египет (и покинул свою столицу, которая называлась Напата и находилась на широте южнее девятнадцатого градуса северной широты). Шабака был бы рад пройти еще дальше и ввести свои войска в Сирию, но ассирийцы, которые тогда господствовали в ней, были сильны, и потому этот его замысел не удался.



Слева: Принц Мереб, сын царя Хуфу (Хеопса) (L. D. ii. 20f.) *Справа:* Принц Ментухерхопшеф, сын Рамсеса III (IV) (L. D., ii. 217 a)

Тогда началась вражда между царствами Ассирийским и Эфиопским. Эфиопы участвовали в бурных событиях того времени в Сирии, но ассирийцы в годы правления царя Асархаддона в 674 году до н. э. вошли в Египет, а в 671 году до н. э. захватили эту страну до Фив, и правители египетских городов стали вассалами великого царя Ассирии. Египтяне и эфиопы дважды разбивали ассирийские гарнизоны, но вновь в страну приходила карательная армия из Ассирии, и эфиопы бежали. В 664–663 годах до н. э. ассирийцы страшно покарали Фивы за поддержку эфиопов. Однако власть ассирийцев была недолгой: около 654 г. до н. э. князь Псаметтих, потомок ливийских вождей, правивших в Саисе, сумел при помощи наемников-греков, карийцев и лидийцев царя Гига изгнать ассирийцев из Египта.

Псаметтих был основателем знаменитой XXVI династии, при которой Египет вновь поднялся на ноги и достиг процветания после тех бед, которые он перенес в предыдущие века. Знаменитые имена Псаметтих, Нехо и Амасис известны каждому, кто читал Геродота. Эти цари, с одной стороны, покровительствовали греческим поселениям в своей стране, а с другой – старались восстановить то управление Египтом, которое было в древности. Они старались связать себя с Древним царством и для этого пользовались в своих надписях теми же царскими титулами, тем же языком, даже той же орфографией. Искусства возродились, но, хотя в произведениях искусства этого времени много изящества и красивости, в них нет души, и мы чувствуем, что люди, их создававшие, жили в искусственном мире.

Таким образом, XXVI династия – это, по сути дела, период возрождения, когда люди старательно пытались вернуть к жизни цивилизацию, ушедшую в прошлое. Эта мечта о новом царстве фараонов просуществовала всего сто с лишним лет, и, когда в 525 г. до н. э. персидский царь Камбис напал на Египет, страна не выдержала этого мощного удара.

После этого Египет стал провинцией Персидской (Иранской) империи; несколько восстаний были жестоко подавлены, а страна была разорена. Позже (в 332 г. до н. э.) Египет был завоеван Александром Великим, а при дележе его империи достался Птолемею и его семье. И наконец, в 30 году до н. э. эта страна стала римской провинцией.

В эту долгую эпоху чужеземного правления жрецы поддерживали видимость существования Египетского царства. В храмах и иранский царь Дарий, и Александр, и Птолемей, и римский император Адриан – все считались истинными

фараонами. Даже в 250 году н. э. Деций (римский император, известный тем, что сурово преследовал христиан. Правил очень короткий срок и погиб в 251 году в бою со скифо-сарматами при Абритте в современной Добрудже. – *Пер.)* назван фараоном в надписи, написанной иероглифами во времена, когда большинство египетского народа уже приняло христианскую веру.

В этой работе мы намерены говорить только о трех периодах египетской истории – Древнем, Среднем и Новом царстве. Состояние Египта в более поздние века – при ливийцах, эфиопах, ассирийцах, греках и римлянах – для нас является слишком сложной темой, чтобы ее можно было обсуждать вместе с Египтом более ранних времен. Но даже ограничившись временем с IV до XXI династии, мы все же должны будем обозреть самое меньшее восемнадцать веков – столько же времени, сколько отделяет современных римлян от римлян эпохи императоров.

Мы легко можем понять, что эти века, пройдя над египетским народом, не могли не оставить на нем своих следов. И действительно, если бы какой-то придворный из дворца царя Хуфу (Хеопса) смог каким-то чудом побывать при дворе Рамсеса III (IV), он бы решил, что попал в чужую страну. Никто бы не смог понять язык этого придворного, только ученые смогли бы разобрать то, что он написал, а его одежда была бы узнана только по изображениям богов или статуям царей. Я прошу своих читателей все время помнить об одном: Древнее царство по времени так же далеко от Нового царства, как времена полуфантастического короля бриттов Артура, героя романов, от более прозаических дней королевы Виктории (XIX в.).

Глава IV
ЦАРЬ (ФАРАОН) И ЕГО ДВОР

То представление о государстве, которое оставили миру в наследство греки и римляне, для древних народов Востока было таким же странным, каким оно выглядит и теперь для современного восточного человека.

На Востоке господствовала – и существует до сих пор – точка зрения, согласно которой вся государственная машина приводится в движение одной лишь волей правителя: налоги уплачиваются для того, чтобы наполнялась его казна, войны ведутся для его славы, и великие здания возводятся, чтобы ему оказывали больше почета. Все имущество страны принадлежит этому правителю по праву, и если он делится этим имуществом с кем-то из своих подданных, то всего лишь дает ему эту долю имущества взаймы и может в любой момент потребовать ее обратно. Подданные восточного правителя тоже принадлежат ему, и он может по своей воле распоряжаться их жизнями.

Однако это все лишь в теории, которую не всегда возможно осуществить на практике, потому что царь, хотя и считается, что может распоряжаться всем, как бог, редко бывает в состоянии действовать независимо. Такие народные массы, как те, что теперь являются такой важной составной частью современного государства, действительно не были известны в древности; но существовали другие силы, которые могли сделать правителя бессильным, каким бы абсолютным владыкой он ни выглядел.

Богиня Нехбет, покровительница царей

Царя окружали старые советники, которые раньше служили его отцу и которым чиновники и служащие привыкли слепо повиноваться, а также военачальники с войсками, которым платили жалованье, и священнослужители, власть которых над низшими слоями общества была безграничной. В маленьких

городах старинные и богатые знатные семьи, живущие в своих сельских имениях, были ближе к домам простых людей, чем монарх, живущий в далекой столице. Царь боялся оскорбить любого из этих могущественных людей, он должен был оберегать самолюбие чувствительного к обидам министра, находить способ удовлетворить честолюбие военачальника, не создавая этим опасности для страны, внимательно следить за тем, чтобы его чиновники не нарушали права знати, и прежде всего оставаться в милости у жрецов. Только если царь умел выполнять все эти требования и одновременно понимал, как использовать в этой игре одну партию против другой, он мог ожидать, что его царствование будет долгим и станет временем процветания. Если ему это не удавалось, его шансы остаться у власти были малы, потому что рядом с ним поджидали своего часа самые опасные его враги – его родственники. Всегда существовал царский брат или дядя, который имел не меньше прав на престол, чем правящий царь, или жены покойного государя, каждая из которых считала роковой ошибкой, что царский венец унаследовал не ее собственный сын, а его соперник, сын другой жены. При жизни царя все они притворялись покорными, но напряженно ждали момента, когда можно будет сбросить эту маску. Они хорошо понимали, как надо вести интриги и как усилить любое недоразумение, возникающее между царем и его советниками или его полководцами, пока наконец один из них, посчитав себя пострадавшим или оскорбленным, переходил к открытой борьбе: поднимал бунт и начинал войну, провозгласив одного из претендентов единственным истинным царем, которого несправедливо не допускают к престолу. Результат всегда был один и тот же: остальные восхищались отвагой «повстанца» и спешили сделать то же, что и он; наконец в стране становилось столько же претендентов на престол, сколько было партий. Кто бы ни победил в этой борьбе, разница была невелика; победитель всегда прокладывал себе путь к престолу по крови своих противников, а потом начинал борьбу против тех, кто ему помогал. Если ему везло и он был энергичным, он оказывался в состоянии устранить их со своего пути, в ином случае новый царь становился игрушкой в руках тех, кто его окружал, и при первых признаках независимости с его стороны они организовывали его убийство и сажали вместо него на трон более послушного правителя.

Пока все это происходило, в тех частях страны, где не было гражданской войны, жизнь мирно шла своим обычным путем: земледелец трудился на своем поле, а мелкий чиновник на службе – с восточным безразличием к этой войне, словно ничего

не происходило. Но если правительство было слабым, народу становилось особенно тяжело. Власть повышала налоги и собирала их в неустановленное время, чтобы удовлетворить желания алчных военачальников и их воинов; чиновники становились более бесстыдными в своих вымогательствах и капризах, а общественные здания, каналы и плотины разрушались от ветхости. В такой обстановке процветали только аристократы и жрецы: когда центральной власти не было, они становились чем дальше, тем более независимыми и могли получать все новые уступки и дары от каждого просителя. Следующий сильный правитель был должен тратить много времени на приведение страны в порядок и, даже сделав это, не мог тешить себя надеждой на то, что его труд будет долговечным, поскольку на Востоке все правящие семьи постигала одна и та же судьба.

Такие создававшие смуту условия, которые мы описали в общих чертах в средневековой истории Востока, существовали и в Древнем Египте во все периоды его существования. Надписи могут заставить нас поверить в то, что это было идеальное царство – царство, где «добрый бог», окруженный «дорогими друзьями» и «мудрыми князьями», заботился о своей стране как отец, вызывал горячую любовь у своих подданных, страх у врагов и почтение у жрецов как «истинный сын бога солнца». Но, приглядевшись внимательнее, мы видим те же роковые условия, которые всегда в истории Востока приводили к губительным результатам.

В предыдущей главе читатель уже видел, как часто наступали эти периоды политических беспорядков, причем мы знаем лишь о тех, которые продолжались долго, и почти ничего не знаем о кратковременных спорах из-за наследования престола. Цари, воевавшие один против другого, как правило, были всего лишь куклами в руках честолюбцев; это мы можем видеть по надписи, в которой некий Баи совершенно открыто хвалится, что «утвердил царя на престоле его предков»[21].

Даже могущественные правители постоянно жили в опасности, исходящей от их же родственников; доказательство этого – протокол суда по делу о государственной измене, относящийся ко времени Рамсеса III (IV). Правление этого царя, несомненно, было прекраснейшим: в стране, наконец, наступил мир, сердца жрецов были завоеваны строительством великих храмов и огромным количеством даров. Все, казалось бы, шло благоприятно, но даже в это царствование действовали те губительные подводные течения, которые приводили к быстрому падению каждую династию, и этот царь, возможно, лишь

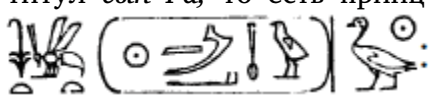
благодаря счастливому случаю избежал гибели. В его собственном гареме возник заговор, во главе которого стояла знатная госпожа по имени Тия, которая, несомненно, была царского происхождения, а возможно, была матерью или мачехой царя[22].

Мы не знаем, кто из принцев был выбран в соискатели престола (в папирусе он упомянут только под псевдонимом), но по письмам женщин из гарема к их матерям и братьям мы можем видеть, как заговор развивался до своего раскрытия: «Волнуйте народ и возбуждайте тех, кто враждебен, чтобы они начали военные действия против царя». Одна из этих дам в письме к своему брату, который командовал войсками в Эфиопии, явным образом приказала ему прибыть и сражаться против царя[23].

Когда мы видим, как много высших должностных лиц участвовали в этом заговоре или знали о нем, мы понимаем, насколько серьезна такая опасность для всех восточных царств. Я специально показал здесь оборотную сторону такого образа правления и прошу читателя все время помнить, что за всей пышностью и роскошью, которые окружали египетского царя и его двор, скрывалась обстановка, вероятно, не лучшая, чем описанная выше.

Титул *царь* существовал в Египте с доисторических времен. Знаки царского достоинства фараонов явно возникли в те времена, когда египтяне носили только набедренную повязку и когда признаком, по которому царя отличали от остальных, было то, что он дополнял эту повязку лоскутом шкуры или циновки впереди и украшал ее львиным хвостом сзади. Мы не знаем, сколько времени прошло, пока вожди полудикого народа превратились в божественных фараонов, не можем мы и выяснить, какие войны предшествовали постепенному объединению отдельных областей Египта в одно государство. Мы лишь знаем, что до возникновения Древнего царства должен был существовать долгий период, когда Египет делился на два царства – южное и северное, или, как они назывались на официальном языке Египта, «две страны». Эти государства, должно быть, были оба мощными и равными по силе, так что не могло быть и речи о том, чтобы одно из них было поглощено другим; а после своего объединения оба остались независимыми и были связаны только той ненадежной связью, которая называется «личный союз». Царь Египта мог называть себя именами *господин обеих стран,* или *объединитель двух стран,* или же, как в более поздние времена, *государь Египта,* но его официальный титул был «царь Верхнего и Нижнего Египта». Так же обстояло дело и с титулами его слуг: первоначально они были

управляющими обоими «домами серебра» или обеими кладовыми, поскольку каждое царство имело свою житницу и свою казну. Такое объединение через личность не могло продолжаться долго; даже в Египте оно скоро стало лишь видимостью, хотя все время сохранялось в титулах царей.

Царские имена и титулы всегда были для египтян чем-то в высшей степени важным. Первый титул состоял из имени, которое царь носил, когда был принцем. Только этим именем его называл народ, и только оно использовалось в истории. Оно было слишком священным, чтобы писать его как обычное слово, и потому его обводили овальной рамкой, чтобы отделить от несвятых слов. Перед ним ставили титул «царь Верхнего и Нижнего Египта». Например, «Царь Верхнего и Нижнего Египта, Хуфу». В эпоху Древнего царства возникла мысль, что не следует царю, который, взойдя на трон, стал полубогом, по-прежнему носить то обыкновенное имя, которое он носил, когда был принцем. Поскольку именем Пепи (Пиопи) звали многих обычных людей, не следовало *благому богу* носить это простое имя. Поэтому при его вступлении на престол царю давали новое имя для применения в официальных случаях, и оно, разумеется, имело благочестивый смысл. Пепи стал «любимцем Ра», Исеси, когда был царем, назывался «образ Ра прочен», а Ментухотеп назывался «Ра, господин двух царств». Мы видим, что все эти официальные имена включают в себя имя бога солнца Ра – символ царской власти. Однако царь не отказывался и от семейного имени, которое носил, когда был принцем, поскольку оно, хотя и не использовалось для официальных целей, все же играло важную роль среди царских титулов. Это имя свидетельствовало о высоком происхождении правителя и о том, что он – потомок царей, а поскольку существовало верноподданническое предание, что царский род ведет свое начало от бога солнца Ра, то перед этим именем ставили с особым смыслом титул *сын Ра,* то есть принц Аменемхет, став царем, назывался  «царь Верхнего и Нижнего Египта, говорящий истину, сын Ра, Аменемхет». Но и на этом имя для высокого стиля еще не кончалось: при вступлении на престол царь принимал еще три титула: – «Гор»; – «носитель венца коршуна и змеи» и – «золотой Гор»; они

говорили о его божественности, поскольку Гор – это молодой, побеждающий бог солнца, а два венца – короны богов. К этим титулам снова добавлялись прозвища; например, один из царей XIII династии назывался «Гор, объединивший два царства, носитель венца коршуна и змеи, неизменно великолепный, золотой Гор богов, царь Верхнего и Нижнего Египта; Ра великолепно живущий, сын Ра; Себекхотеп».

Таковы были фразы, необходимые, чтобы обозначить царя Египта по полному чину, и даже эти длинные титулы часто были слишком малы для верноподданных писцов эпохи Нового царства, чье почтение к своему правителю иногда даже выражалось в коротком псалме, добавленном к его имени. Например, датировка стелы, поставленной в царствование Рамсеса II на пути к нубийским золотым рудникам, выглядит так: «В третий год царствования его величества Гора, могучего быка, любимого богиней правды, носителя венца коршуна и змеи, защитника Египта и покорителя варваров, золотого Гора, долголетнего, великого победами, царя Верхнего и Нижнего Египта, Ра, сильного в правде, избранника Ра, сына Ра, Рамсеса; любимого Амоном, дающим вечную жизнь, любимого фиванским Амоном-Ра, владыки храма, трона двух царств, который сияет ежедневно на своем троне среди людей подобно своему отцу Ра, доброго господина, господина юга, Гора с ярким оперением из храма в Идфу, прекрасного серебряного сокола, который защищает Египет своими крыльями, готовя тень для человечества, оплот силы и победы, который грозно вышел из чрева своей матери, чтобы обрести себе славу, раздвигая свои границы, цвет его тела подобен силе бога войны Монту, бог Гор, бог Сет, небеса радовались его рождению, боги сказали: мы воспитали его, богини сказали: он родился от нас, чтобы возглавить царство Ра, Амон сказал: это я сотворил его, я поместил истину на ее место; ради него обустроена земля, удовлетворены небеса, ублаготворены боги; могучий бык против жалких эфиопов, чей яростный рев направлен против страны негров; пока его копыта топчут троглодитов, его рог пронзает их; его дух могуч в Нубии, и страх перед ним достигает страны Кари; его имя знаменито во всех странах благодаря победам, которые одержало его оружие; при упоминании его имени золото выходит из гор, как от имени его отца; бог Гор земли Бака; он горячо любим страной юга как Гор в Меаме, бог страны Бухен, царь Верхнего и Нижнего Египта, Ра, сильный в истине, избранник Ра, вышедший из лона Ра, носитель венцов, Рамсес, любимый Амоном, ежедневно дающий вечную жизнь, как его отец Ра»[24].

Когда читатель проберется через этот отупляющий треск

ничего не значащих слов (которые применялись по отношению даже к самому слабому монарху), он все еще не будет знать содержания надписи, поскольку мы бы выразили все, что он прочел, словами «в третий год царствования Рамсеса II». Эти преувеличенные титулы доказывают нам, что египтяне верили, что их царь в некотором роде божество, и действительно называли его так, как называют бога.

Между царем и богом было одно различие: Амон, Ра, Осирис и Гор именовались «великие боги», царь, как правило, ограничивался наименованием «благой бог». Каждый царь имел божественное происхождение, потому что, пока его признавали государем, он считался прямым потомком бога Ра. На эту веру не влияло то, что престол часто переходил от одной семьи к другой: для специалистов по генеалогии, живших в эпоху Нового царства, возвести родословную узурпатора Сетнехта или ливийца Шешонка к древнему роду царей было не труднее, чем для мусульманских специалистов по генеалогии возвести родословную царских семей Северной Африки, несмотря на их берберское происхождение, к сподвижникам пророка, которые были арабами. В наше время историки XVII и XVIII веков делали то же самое для других царских семей. Таким образом, египетские цари, не смущаясь, называли своих предшественников своими предками, потому что всегда легко могли создать себе какие-то родственные связи с ними. Народ тоже рано привык видеть в своих правителях богов, поскольку в прекрасной песне времен XI династии, где говорится о том, что все на земле проходит, сказано: «Боги, которые были у нас в старину, покоятся в своих пирамидах»[25].

Египтяне избегали произносить имя царствующего монарха точно так же, как мы чувствуем некоторый благочестивый страх перед употреблением имени Бога без необходимости. Поэтому они говорили о царе так: «Гор, господин дворца, благой бог, его величество, твой господин» или же (обычно в эпоху Нового царства) вместо всех этих наименований пользовались неопределенным местоимением «он», обозначая им священную власть. Фразы «Он приказал тебе» или «Он теперь живет в Фивах» в стиле более ранних времен имели бы вид: «Царь приказал тебе» или «Царь теперь живет в Фивах». Когда шла речь о делах царей, применялось еще одно название правителя, созданное по способу, общему для многих народов: так же, как, например, турки называли свою империю (и правительство) «Высокая Порта», так и египтяне во все времена предпочитали говорить, подразумевая правителя, о правительственных зданиях: «дворец, дом царя, великий двойной зал»[26], но главным образом «великий дом» –

пер'о — были обычными обозначениями царя. Последнее из них применялось так часто, что древние евреи и ассирийцы использовали его (произнося «фараон») почти как собственное имя египетского монарха.

В ранний период идея божественности царя не была проведена до самого конца: в честь *благого бога,* пока он жил среди людей, еще не строили храмы и не приносили ему жертвы.

Похоже, что такой обычай был введен во времена Нового царства, и следует отметить, что храм, в котором Аменхотеп III поклонялся себе самому (мистическое официальное выражение звучало так: он поклоняется своему *живому земному образу,* то есть образу бога солнца), стоял не на египетской земле. Это рискованное нововведение возникло, лишь когда египетская религия была принесена в Нубию[27].

Царь конечно же отличался от своих подданных одеждой. Знаки царского достоинства были описаны с такой точностью, и им придавалось такое большое значение, что мы должны ненадолго остановиться на рассказе об их постепенном развитии. В эпоху Древнего царства царские украшения были очень простыми[28].

Легко увидеть, что обычный наряд царя возник в очень примитивные времена. В доисторическую эпоху, когда единственной одеждой египтян была повязка на бедрах, свисающая спереди, или завязки, считалось роскошью уже то, что царь заменял эти завязки куском циновки или меха и, как дополнительное украшение, прикреплял к ней сзади еще львиный хвост. На каменных стелах в синайских каменоломнях царь Сахура стоит одетый таким образом и убивает своих врагов-бедуинов.

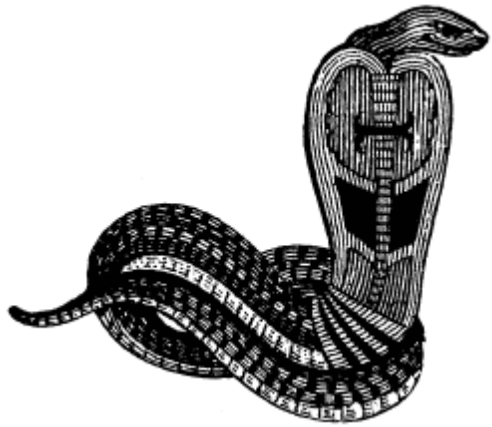
Это лишь символическое изображение, и мы не должны думать, будто царь действительно носил этот наряд вождя дикарей. Во времена V династии набедренная повязка уже давно стала одеждой низших слоев общества, а все люди из высших сословий в Египте носили короткую юбку. Царь носил эту юбку иногда поверх своего прежнего официального наряда, но чаще под ним. В таком случае у куска ткани, из которого была изготовлена юбка, оба угла делали круглыми, чтобы между ними был виден конец повязки, превратившийся в переднюю часть наряда. Иногда все это делалось из золотистой плиссированной ткани, и такой наряд был очень изящным.

Памятник в честь победы Сахуры в Вади-Магара (L. D., ii. 39 и след. с.)

Его величество сбривал себе и волосы, и бороду так же аккуратно, как и его подданные, и так же, как они, заменял настоящие бороду и волосы искусственными. Даже в этом он отличался от народа: искусственная борода, которую он укреплял под своим подбородком, была длиннее, чем та, которую обычно носили в эпоху Древнего царства. Царь также носил головной убор особой формы, бока которого спускались ему на плечи в виде двух плиссированных лент. Сзади эти ленты были сплетены вместе и свисали вниз в виде короткой косички.

Обычная одежда царя в ранний период

На головном уборе царя всегда был *урей* — символ царской власти. Эта ярко окрашенная ядовитая змея на лбу словно приподнималась на лбу царя, готовая к броску, и угрожала всем его врагам так же, как когда-то она грозила всем врагам бога Ра.



Священная змея-урей

В праздники царь носил корону – либо белый венец Верхнего Египта, странный высокий колпак, либо чуть менее причудливый красный венец Нижнего Египта с высокой и узкой задней частью и украшением из проволоки, которое под наклоном отходило от венца вперед. Иногда он носил оба венца сразу, то есть *двойной венец*, в котором белый был вставлен внутрь красного, а проволочное украшение отходило вперед от белого.

Белая корона

Красная корона

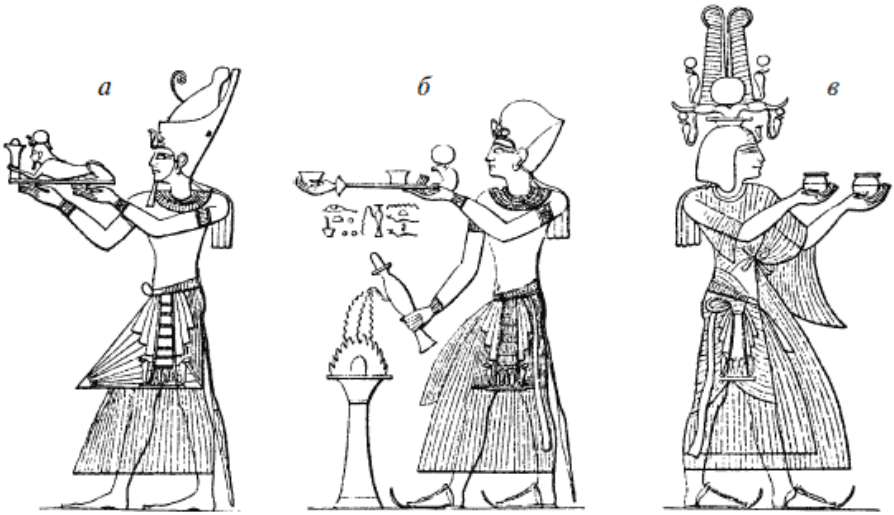
Двойная корона

Жезл

Плеть

Меч в форме серпа (*хопеш*)

Царь в одежде богов (L. D., ii. 39 и след. с.)



Обычная одежда царей в эпоху Нового царства: *а* – короткая юбка поверх нижней одежды, двойная корона (подношение шкатулки для ароматных мазей); *б* – короткая юбка под нижней одеждой, военный шлем (подношение напитка и благовоний); *в* – короткая юбка, верхняя и нижняя одежды, венец богов (подношение вина)

Знаками царя были также крючковатый жезл и плеть, а меч в форме серпа, который из-за этой своей формы назывался «бедро» *(хопеш),* похоже, был символом царского сана.

Иногда царь появлялся перед людьми в одежде бога; в этих случаях он либо обертывал свою царскую набедренную повязку вокруг узкой женственной одежды, в которую, по представлениям людей из народа, одевались их боги, либо надевал один из венцов, которые носили боги, – это были странные сооружения из рогов и перьев – и нес в руке жезл богов[29].

Знаки царского сана были очень сложными даже в эпоху Древнего царства. В более поздние времена они были в своей основе такими же, только более роскошными внешне. В более поздний период особое внимание уделялось передней части царской юбки, которую богато украшали вышивкой, змей-уреев изображали изгибающимися в стороны, и появились белые ленты, которые прикрепляли урей к ремню. Если фараон, в соответствии с древним обычаем, был одет только в эту юбку, ее передняя часть выступала вперед в виде острия, которое украшали золотым узором. Но обычно цари эпохи Нового царства предпочитали одеваться так же, как их подданные, а в праздники надевали длинную прозрачную нижнюю одежду и вместе с ней – верхнюю одежду, покрывавшую все тело; короткая же юбка в этих случаях надевалась либо под эти одежды, либо поверх них. Царские венцы

тоже не изменились, но венцы богов с рогами и перьями стали более модными[30], чем в предыдущую эпоху. Существовал также обычай, чтобы фараон даже в мирное время носил военный шлем, который назывался *хепереш,* и это вполне соответствовало воинственному духу того времени.

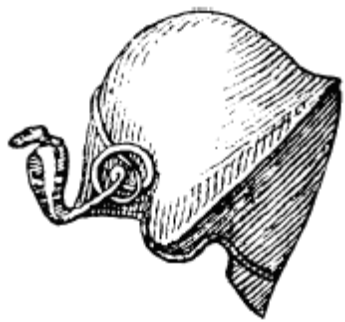
Мы уже написали так много об одежде и украшениях царя, но их полное описание заняло бы целый том: так подробно изображали их египтяне. За тем, чтобы эти предметы применялись, как надо, следили смотрители царских нарядов, принадлежавшие к знати. В эпоху Древнего царства носителей этой должности было много, и похоже, что они занимали высокое положение при дворе. Они назывались «смотритель царских одежд», «главный белильщик», «мойщик одежд фараона» и «главный дворцовый мойщик». Даже у сандалий был особый хранитель, а для париков существовали «изготовитель париков фараона», «старший и младший изготовители париков царя» и «управляющий изготовителями париков». Этим должностным лицам, которые заботились о волосах монарха, были также поручены и остальные многочисленные головные уборы царя. Такие чиновники называли себя «хранителями венца» и хвалились тем, что «украшали чело своего бога», или «Гора». Существовали особые управляющий и счетовод, «главный рабочий по металлу и главный художник для ухода за царскими драгоценностями», которые в то же время были и частью казны; надзор за царскими нарядами был также поручен служащим, состоявшим при казне.

Царь в царском фартуке более поздней формы и в головном уборе. Он подносит благовония в дар богу

В более поздние времена таких чиновников было меньше, но все же в эпоху Среднего царства «хранитель венца, украшающий

царя» занимал при дворе высокое положение. Он носил звание «тайного советника двух венцов» или «тайного советника царских драгоценностей и создателя двух магических царств»[31]. Царским венцам Верхнего и Нижнего Египта приписывалась магическая сила, их называли «магические царства», и в эпоху Среднего царства при них состоял специально назначенный штат священнослужителей, которых набирали хранители венца.

В эпоху Нового царства должность хранителя венца, похоже, была упразднена или же его заменил «надзиратель за благовонными мазями в царской сокровищнице, смотритель царской головной повязки благого бога»[32].



Царский шлем *(хепереш)*

Трон живущего, то есть *великий трон*, на котором *сиял* царь во время торжественных приемов, тоже входит в число знаков царского сана. В более поздние времена этот трон, несомненно, ни по форме, ни иным образом не был бы опознан как символ царского сана.

Балдахин на красивых деревянных столбиках, толстый ковер на полу, табурет и подставка для ног обычной формы, все это ярко расписано и блестяще украшено – таким был *великий трон Гора,* согласно его многочисленным изображениям, относящимся ко времени Нового царства.

Вглядевшись в его украшения, мы заметим, что они соответствуют назначению царского трона: сиденье как бы несут негры и азиаты, а по бокам, на обоих подлокотниках изображен царский сфинкс, уничтожитель всех врагов. На полу, а значит, под ногами у монарха, написаны имена врагов, которых он покорил, а вверху, на навесе изображены два ряда змей-уреев[33] – символы царской власти.

При дворе существовал обычай, чтобы фараон, или, вернее, на поэтическом языке Египта, *бог солнца,* сиял, когда выходил из-за горизонта и показывался людям. Поэтому каждый раз, когда мы видим фараона за пределами дворца, он окружен величайшей роскошью. Когда царь, согласно древнему обычаю, выезжал из

дворца в кресле-носилках, он сидел на этом кресле в полном парадном одеянии, две фигуры шагающих львов поддерживали кресло, а шесты, на которых оно стояло, покоились на плечах восьми знатных придворных[34]. Царя сопровождали носители опахала, которые обмахивали его веерами, чтобы воздух был свежим, и взмахивали букетами возле его головы, чтобы воздух вокруг *благого бога* был наполнен приятными запахами. Обычные носители опахала шли впереди и сзади монарха, но высокопоставленный чиновник, который сопровождал царя «как носитель опахала справа от него», нес красивый веер и маленький букет только в качестве знаков своего звания, а работу оставлял слугам.

Рисунок из Эль-Амарны, на котором изображено, как царь Эхнатон посещает своего бога Атона – солнечный диск[35], – позволяет нам увидеть, как отправлялась в путь царская семья.

Царь Тутанхамон (XVIII династия) на своем троне принимает губернатора Эфиопии Хуи. У царя на голове военный шлем, а в

руках плеть и жезл; губернатор держит в руках жезл и (как знак своего сана) веер. Балдахин украшен вверху змеями-уреями, а внизу грифонами – символами мудрости, с их помощью правит царь. Возле царя написаны его имена: «царь Верхнего и Нижнего Египта, бог для всех существ, сын Ра, Тутанхамон, господин Гермонтиса, который живет вечно, как Ра» (L. D., iii. 115)

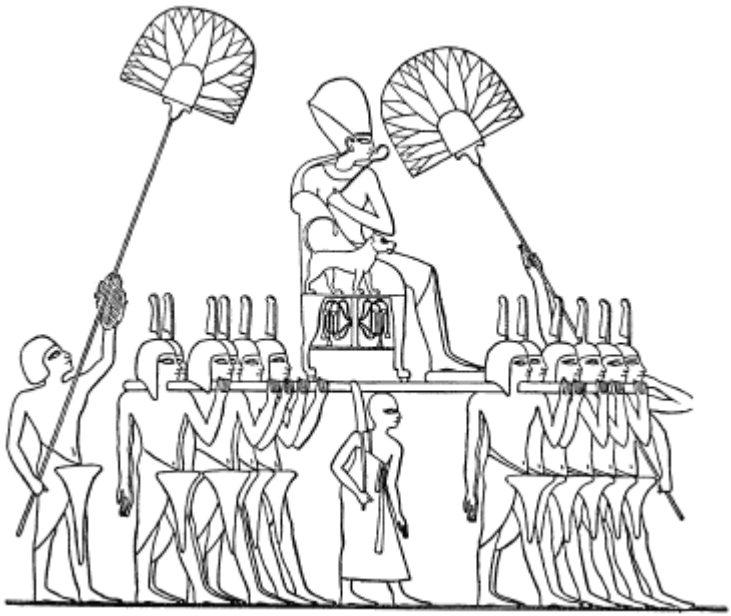
Из двора царского жилища выезжала процессия, окруженная самой пышной роскошью. Вначале два скорохода поспешно расчищают в толпе любопытных зрителей дорогу для царской колесницы. На небольшом расстоянии сзади них едет его величество, которого везут богато украшенные кони, такие резвые, что его слуги едва сдерживают их. По бокам бегут пешие телохранители – по одному с каждой стороны, идут воины-египтяне и наемники-азиаты, вооруженные всевозможными видами оружия; перед ними несут их штандарты, а сзади едут на колесницах военачальники. За колесницей царя следуют колесницы его супруги и его дочерей; две из молодых принцесс едут вместе, старшая держит поводья, а младшая нежно прижимается к сестре. Сзади них шесть повозок с придворными дамами, и с каждой стороны от нее еще шесть – с придворными, состоящими при царской спальне. По бокам процессии быстро движутся, размахивая палками, скороходы и слуги.

Вряд ли можно представить себе более великолепное зрелище, чем эта процессия, когда она быстро проезжала мимо зрителей, – позолоченная колесница, разноцветные перья, украшавшие коней, роскошная сбруя, яркие веера, развевающиеся белые одежды, и все это освещено пылающим египетским солнцем.

Когда фараон умирал и его хоронили – или, как сказали бы египтяне, «когда он, подобно богу солнца, ушел за горизонт и для него были исполнены все обычаи Осириса; когда он переплыл через реку в царской ладье и ушел на покой в свой вечный дом к западу от Фив», – на престол торжественно вступал его сын. «Его отец Амон, владыка богов, Ра, Атум и прекрасный лицом Птах, владыки обеих стран, коронуют его на место его предков; он радостно наследует сан своего отца; страна радуется и пребывает в мире и покое; народ рад, потому что признает его правителем обеих стран, как Гора, который управляет обеими странами в покоях Осириса. Его коронуют венцом Атеф, на котором находится урей; к этому венцу добавляют венец бога Татенена – тот, который с парными перьями; он сидит на троне Хармахиса и украшен как бог Атум»[36].

Мы мало знаем о подробностях церемоний, происходивших в

день вступления царя на престол; этот день становился ежегодным праздником[37], а тридцатую годовщину отмечали с особой пышностью[38]. Нам известно лишь одно изображение праздника, которое явно относится к торжествам по случаю коронации[39]: это большой праздник шествий и жертвоприношений, который царь торжественно посвящает своему отцу богу Мину, который дает земле плодородие.



Царь Хоремхеб, которого несут воины; впереди и позади настоящие носители опахал, возле него знатный «носитель опахала справа от царя». Трон украшен изображениями связанных в один пучок цветов Верхнего и Нижнего Египта, что означает единство двух частей царства (L. D., iii. 121 a)

Естественно, что царь этой земледельческой страны начинал свое правление с подношения жертвы богу плодородия Мину.

Вначале мы видим, как царь, «сияя подобно солнцу», покидает «дворец жизни, постоянства и чистоты и направляется на носилках в дом своего отца Мина, чтобы созерцать его красоту». Фараон сидит под балдахином в богато украшенном кресле-носилках, некоторые из его сыновей несут его, а другие обмахивают большими веерами. Впереди идут два жреца, которые жгут благовония; третий, жрец-чтец, произносит «все, что необходимо читать перед царем, когда тот находится в пути». Группа родственников царя, царских детей и знатнейших князей движется впереди царя, другие следуют за ним; во главе процессии идут барабанщики и трубачи, а в ее конце – воины.

Тем временем бог Мин покинул свое святилище и движется

навстречу царю. Двадцать жрецов несут крытый пьедестал, на котором стоит изображение бога; другие обмахивают бога букетами и веерами. «Белый бык», священное животное Мина, задумчиво шагает впереди, а сзади идет длинная процессия жрецов, несущих знаки царского сана и символы бога, а также изображения предков царя, статуи царей Верхнего и Нижнего Египта. В это время жрец-чтец читает по странной книге «слова негров», и процессия бога встречается с процессией царя, которая ждет на террасе, где еще раньше были поставлены два штандарта – древки с головным убором бога Мина. Здесь жрец выпускает в небо четырех гусей, чтобы они сообщили богам всех четырех частей неба, что «Гор, сын Исиды и Осириса, получил белый и красный венцы, что царь Рамсес получил белый и красный венцы»[40].

После того как монарха подобным образом провозгласили царем перед богами, он приносит им царскую жертву в присутствии статуй своих предков. Жрец подает царю золотой серп, которым тот срезает пучок колосьев и рассыпает их перед белым быком; это значит, что царь подносит богам первые плоды своего царствования. Затем он, находясь перед статуей бога, приносит в жертву благовония, а тот же жрец в это время читает отрывок из таинственной «Книги танцев Мина». После того как фараон с помощью этих и других подобных им обрядов обретает сан своего отца, он принимает поздравления своих придворных. Если какой-либо обладатель высокой должности неизбежно должен был отсутствовать, он присылал поздравительное письмо. Например, вот стихотворение, которое казначей Кагабу прислал царю Сети II по случаю его коронации[41], чтобы оно могло быть прочитано во дворце Меримат в горизонте Ра:

> Склони ко мне свой слух, о восходящее Солнце,
> Ты, освещающий обе страны красотой,
> Ты, солнечный свет для человечества, прогоняющий из Египта тьму;
> Твой облик таков же, как у твоего отца Ра, когда он восходит в небесах.
> Твои лучи достигают самых далеких стран.
> Находясь в своем дворце, ты слышишь слова из всех стран,
> Ибо поистине у тебя миллионы ушей.
> Твои глаза ясней, чем небесные звезды,
> Ты видишь дальше, чем Солнце.
> Если я говорю вдали, твое ухо меня слышит,
> Если я делаю скрытое дело, твой глаз видит его.

О Ра, богатейший из существ, избранник Ра,
Ты – царь красоты, дающий всем дыхание.

Если можно верить тому, что о повседневной жизни царя рассказывает Диодор[42], то мы обнаружим, что каждый день фараона проходил по расписанию, которое соблюдалось самым строгим образом. На рассвете царь отсылал свои письма и отвечал на чужие, затем он купался, одевался в парадные одежды и присутствовал на жертвоприношении в храме. Там верховный жрец и народ молились, чтобы бог благословил царя, и жрец иносказательно давал понять монарху, что в его правлении заслуживает похвалы, а что – порицания. После этой проповеди царь приносил жертву, но не уходил из храма сразу, а еще слушал чтение тех мест из священных книг, где говорилось о поступках и правилах знаменитых людей. Распорядок жизни монарха в остальную часть дня был определен очень подробно – вплоть до времени прогулок и еды – небольшого количества гусятины, говядины и вина. По словам Диодора, все это было организовано так строго и разумно, как если бы «было предписано врачом».

Невозможно, чтобы правители царства, которое процветало в течение трех тысяч лет, действительно были такими куклами, какими их изображает Диодор. Этот историк описывает нам идеальный образ набожного царя согласно представлениям жрецов более позднего времени, и возможно, что последние цари XX династии в самом деле вели такую жизнь под управлением фиванских священнослужителей, пока первосвященники не посчитали более целесообразным самим взойти на престол. Однако во многих отношениях это описание отчасти верно и для более ранних эпох, поскольку египетский царь всегда должен был выполнять религиозные обязанности. Поскольку любой египтянин, занимавший высокое место в обществе, исполнял какую-либо жреческую должность в храме своего бога, так и царь был жрецом всех богов. Каждый раз, когда изображения вводят нас внутрь египетского храма, мы видим там царя, приносящего жертву богам. В большинстве случаев это символическое обозначение того, что царь преподнес храму дары и доходы, но невероятно, чтобы эти изображения существовали, если бы царь не служил иногда в храмах сам. На многих празднествах (например, на упомянутом ранее празднике в честь бога Мина) объявлялось на официальном языке надписей, что главное дело царя – «восхвалять его отцов, богов Верхнего и Нижнего Египта, ибо они дают ему силу, победу и долгую жизнь длиной в миллионы лет»[43].

Рамсес II приносит жертву богине Нехбет. Он «дает своей матери два сосуда молока». Богиня обещает ему, что «он будет вечен, как небеса»

Руководство правительством и ведение войн было частью работы царя, но теоретически его долг перед богами был важнее. Он был воистину «сын Ра, который царит в его сердце, которого он любит больше всего и который пребывает с ним, сияющее воплощение владыки всего, созданный богами Гелиополя. Его божественный отец создал его, чтобы возвысить его славу. Амон сам короновал его на его троне в южном Гелиополе, избрал его пастырем Египта и защитником человечества»[44]. Когда боги благословляли страну, они делали это ради *своего сына;* когда они, после многих неудач, позволяли какому-то делу завершиться успешно, это происходило в ответ на молитвы *их сына.* При такой точке зрения что может быть естественнее для народа, чем считать царя посредником между богами и его страной? Только он и верховный жрец могли входить в святая святых храма, только он мог открывать двери внутреннего святилища и «видеть своего отца-бога».

Едва ли монарх мог исполнять кроме этих религиозных обязанностей еще и административные. Его «кабинет»[45] был центром управления страной, куда все высшие должностные лица

обязаны были «представлять свои отчеты»[46] и куда «должна была подниматься снизу правда». Когда отчеты были готовы, их подавали правителю, на его суд также отдавались вопросы, в которых было что-то особое. Так, во всяком случае, было в напряженных условиях Нового царства.

Если схватывали, судили и признавали виновным вора, суду не было разрешено вынести приговор, а о деле сообщали фараону, который и решал, какое наказание будет назначено[47]. Когда земледельцам предоставляли дома, по этому поводу беспокоили царя[48].

Короче говоря, в определенных обстоятельствах все, что угодно, могло быть отдано на суд фараона, и, если монарх не мог сам вынести решение по данному делу, он был обязан назначить вместо себя своего представителя[49]. Мы, которые знаем, какое удовольствие египетские писцы получали от судебных дел, можем представить себе, сколько отчетов царь должен был читать каждый день и сколько царских повелений он должен был отдавать. Монарх также был должен ездить по своей стране, лично выясняя, в каком состоянии находятся здания и т. д.

Нам известно несколько случаев, когда царь проезжал через пустыню, чтобы понять, в каком положении находятся каменоломни и оазисы[50].

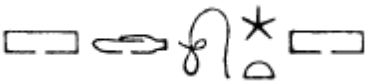
Царь, разумеется, имел заслуживающих доверия чиновников, которые помогали ему в этой работе. Глава этих чиновников носил звание «тате», что можно перевести как «губернатор» или «наместник», и его мы можем считать главой администрации; он разговаривал с царем о государственных делах через глашатая[51]. В трудных случаях царь вызывал своих советников, или, как они назывались в эпоху Нового царства, «своих князей, которые стояли перед ним»[52], и спрашивал их мнение. Часто царь назначал своего сына-наследника своим соправителем; так делали большинство царей XII династии. Мы читаем, что царь «назначает его своим наследником на троне бога Геба; он становится великим начальником Египта и отдает приказы всей стране»[53].

Таким образом, «великий дом», в котором жил царь, был не только жилищем бога (его «горизонтом», как привыкли говорить египтяне), но и местом, где находилось правительство, сердцем страны. Это двойное назначение отражалось в планировке царского дома: он всегда делился на две части – внешнюю, служившую для приемов, и внутреннюю, жилище «благого бога». Внешняя часть представляла собой просторный двор, окруженный

крепостной стеной , и носила название *усехет* – «пустота». Внутренняя часть была богато украшенным узким зданием, которое называлось *аха* — и находилось у задней стороны стены[54].

Эти две части дворца были строго отделены одна от другой, особенно в эпоху Древнего царства, когда звание придворного чиновника говорило о том, к какой из этих частей относится его обладатель. Царские приемы происходили в усехете, и поэтому высшие правительственные сановники, «великие люди юга» и судьи, назывались «наблюдающие из прихожей», «начальники, допущенные в прихожую» или «управляющие письменными делами, допущенные в прихожую». А вот дворец *аха* был домом царя, и потому, если кто-то назывался «начальник, допущенный во дворец», значит, это был либо принц, либо личный служитель царя, его «гофмейстер».

Сам дворец в эпоху Древнего царства тоже делился на много разных частей. В нем был – большой зал с колоннами, в котором собирался совет.

И что было еще важнее, там находился «дом поклонения» –  , то есть жилые комнаты царя. Только сыновья царя, его ближайшие друзья и управляющий дворцом имели разрешение носить титул «тайный советник, допущенный в дом поклонения» – «комнатный дворянин короля», как сказали бы при французском дворе. Египетский царь имел несколько дворцов[55] в разных городах своего царства, а Рамсес II и Рамсес III создали себе благородные дворцы даже в двух храмах, которые они построили для Амона в западной части Фив[56]. Мы должны предполагать, что в этой стране церемоний дворцы получали имена, и мы узнаем, что, например, дворец Сети II назывался «Любимый богиней истины».

Даже в наше время считается особой честью лично общаться с правителем государства и быть к нему близким. Если так обстоит дело сейчас, когда мы считаем его только главным чиновником (президент, премьер-министр) или первым дворянином (король) его страны, насколько же выше была подобная честь в Египте, где в фараоне видели бога. Тот, кто был избран для такого великого счастья, никогда не забывал написать об этом в своей гробнице для сведения потомков, и использовал много фраз и титулов, чтобы выразить свои чувства по поводу той высокой чести,

которой был удостоен: «Он знал, где ступает нога царя, и следовал за ним, своим благодетелем, в пути, он следовал за Гором в его доме, он жил под ногами своего господина, он был любим царем, больше всех людей Египта, он был любим царем как один из царских друзей, он был верным слугой царя, дорогим царскому сердцу, он был поистине любим своим повелителем». Снова и снова мы встречаем эти слова в усыпальницах знатнейших людей, и все это означало, что покойный входил в круг придворных – на языке египтян, принадлежал к – «избранной охране» царя.

Эти придворные ревниво следили за тем, чтобы ни один из них не оказался ближе к царю, чем другой: на этот счет существовали законы – «обычаи дворца и правила двора», – которые строго соблюдались сановниками, «позволявшими придворным иметь доступ к царю». Это представление царю придворных в порядке очередности открыто считалось важнейшим делом, и те, чьей обязанностью было «расставлять князей на их места», то есть назначать друзьям царя время подойти к нему, когда он стоял или сидел, хвалились тем, как прекрасно они исполняли эту обязанность.

Кроме этого, мы мало что знаем о церемониале египетского двора; то, что царь Шепсескаф позволял Птахшепсесу, одному из своих вельмож, целовать свою ногу вместо земли перед собой, показывает нам, каким строгим был этот этикет уже в эпоху Древнего царства.

Следует упомянуть о том, что человек, избранный для этой высокой чести, был не только верховным жрецом Мемфиса, но и зятем его величества[57]. В эпоху Древнего царства египтяне заходили в этих условностях дальше, чем в любую более позднюю эпоху, и длинный список званий таких сановников показывает нам, что царский двор строителей пирамид имел много общего с византийским двором.

Во времена Нового царства, похоже, *целовать землю* было уже не в моде, особенно среди высших сановников. Время от времени подобные слова встречаются в надписях и в эту эпоху, но на рисунках князья только кланяются его величеству – либо опустив руки вдоль тела, либо подняв их в молитвенном жесте. Жрецы, торжественно встречая царя у ворот своих храмов, тоже лишь почтительно кланяются, и даже их жены и дети поступают так же, когда в знак приветствия дарят фараону цветы и кушанья. Только слуги при виде монарха падают перед ним ниц и *целуют землю*[58].

Похоже, что в эпоху Нового царства существовал обычай,

когда люди приветствовали царя коротким славословием, если они «говорили в его присутствии» (этикет не позволял «говорить с царем») – например, когда царь собирал своих советников, говоря им, что он принял решение выкопать колодец на одной из дорог в пустыне, и спрашивая их мнение по этому поводу. Мы можем подумать, что они сразу же давали ему ответ, тем более что они уже при его входе в зал «подняли руки, восхваляя его». Однако князья считали нужным сделать такое вступление:

«Ты подобен Ра во всех своих делах, все совершается по желанию твоего сердца. Мы уже видели от тебя много чудесных дел с тех пор, как ты был коронован в цари двух стран, и мы не видели и не слышали ничего равного тебе. Слова твоих уст подобны словам Хармахиса, твой язык подобен весам, а твои губы точнее, чем маленький язык на весах Тота. Есть ли путь, которого ты не знаешь? Кто исполняет всё, подобно тебе? Где есть место, которого ты не видел? Нет страны, через которую бы ты не проехал, а чего ты не видел, о том ты слышал. Ибо еще из чрева своей матери ты руководил и правил нашей страной со всем достоинством ребенка царского происхождения. Все дела двух стран приносились тебе на рассмотрение уже тогда, когда ты был ребенком с прядью волос, заплетенной в косу. Ни один памятник не был воздвигнут, ни одна сделка не была заключена без тебя. Когда ты был еще у материнской груди, ты был начальником войска, на десятом году своей жизни ты предложил план всех работ, и все дела проходили через твои руки. Когда ты приказал воде покрыть гору, океан немедленно повиновался. Ра присутствует в твоих руках и ногах, и твой создатель Хепра обитает внутри тебя. Ты – живой земной образ своего отца Атума Гелиопольского. Бог вкуса обитает у тебя во рту, бог знания – в твоем сердце; твой язык царит в храме правды, бог восседает на твоих устах.

Твои слова исполняются каждый день, и мысли твоего сердца осуществляются так же, как мысли Птаха, бога-творца. Ты бессмертен, и твои замыслы будут исполняться, а твоим словам люди будут повиноваться вечно».

После того как князья выразили свое восхищение молодым царем в этом красивом, но, с нашей точки зрения, полном преувеличений и лишенном смысла стиле, они уже могли обращаться к нему напрямую «наш владыка-царь» и отвечать на его вопросы[59].

Особые титулы служили указателями того, какое положение знатный человек занимал относительно царя. В древнейшие времена самыми высокими из них были – «друг» и

– «горячо любимый друг» царя. Эти звания присваивались одновременно с назначением на некоторые должности. Один высокопоставленный чиновник времен VI династии получил должность «помощника управляющего пророками царского города мертвых» и одновременно звание «друга»; когда он позже был назначен «начальником пограничного с Нубией округа», он стал «горячо любимым другом». Присвоение какого-либо звания не было строго привязано к каким-либо должностям, звание давалось скорее как особый знак царского благоволения.

Среди *ближайших друзей* царя Пепи был один, имевший более низкое звание «надзиратель за писцами»; в этом случае ему был присвоен титул, обычно предназначавшийся для чиновников более высокого ранга. Принцы из семьи царя обыкновенно получали это звание быстрее, чем все остальные, поскольку, как правило, ни один верховный жрец и ни один «казначей бога» не носил титул «друг», но сыновья царя, занимавшие эти должности, часто именуются «ближайшими друзьями» своего отца. Хотя эти титулы обычно присваивались только самым высоким сановникам, все же многие из «великих людей юга» числятся «друзьями», а многие верховные судьи не имеют этого звания. Похоже, что дворцовые чиновники получали этот титул, когда становились «тайными советниками достопочтенного дома», а верховные жрецы, как мы уже говорили, были полностью исключены из числа его носителей.

Звание «друг» сохранялось и в более поздние времена, хотя не играло такой важной роли, как раньше. В эпоху Нового царства звание «носитель опахала справа от царя» давалось принцам, судьям, главным казначеям, военачальникам и другим высокопоставленным особам.

Они имели привилегию носить символические знаки – веер и маленький боевой топор[60] (см. рис.). Причем наличие топора, символизирующего воинственный дух Нового царства, говорит о том, что первоначально звание носителя опахала присваивалось высоким военным чинам, и действительно, мы обнаруживаем, что в армии некоторые знаменосцы и носители опахала несут веер. Веер вручали также и особам женского пола, его часто носили фрейлины царицы и царевен[61]. Несомненно, это считалось большой честью: об этом мы можем догадаться по тому, что счастливый обладатель этих регалий никогда не бывает изображен без них: даже если руки подняты в мольбе, веер или топор изображен на перевязи, которую носили через плечо.

Знаки высокого звания в эпоху Нового царства

Выше я уже упомянул о том, что те, кому присваивался ранг «носитель опахала», получали также титул «ближайший друг», который в эпоху Нового царства означал то же самое звание. Подобные консервативные обычаи – сохранение прежних имен и титулов – часто можно заметить, изучая эпоху Нового царства. Например, хотя состояние государства коренным образом изменилось, мы можем увидеть, что при Тутмосе III царская ладья носила то же название «Звезда двух стран», что и ладья царя Хуфу (Хеопса) на двенадцать столетий раньше.

До сих пор мы смотрели на царя только как на официальное лицо – как на полубога, который стоял высоко над всеми другими людьми. Но этот потомок бога солнца был, несмотря на свою божественную природу, человеком и частным лицом. Поэтому, хотя формально вся страна принадлежала царю, он, по крайней мере в эпоху Древнего царства, имел свою «личную» собственность, «дом дворца», который имел свою администрацию и, возможно, свою сокровищницу и свой суд. Точно так же, как фараон имел свою собственность, хотя теоретически ему принадлежала вся страна, он имел и своих супруг, хотя, по древним представлениям, все жены его подданных принадлежали царю.

У царя была лишь одна законная жена – царица; она была из царской семьи или из высшей знати и действительно могла быть «дочерью бога», то есть покойного царя, а значит, сестрой своего мужа. Ее титулы указывают на ее положение при дворе.

Царица эпохи Древнего царства именовалась:

> «Та, кто видит богов Гора и Сета (то есть владычица обеих

половин царства),
самая приятная,
высокохвалимая,
возлюбленная того, кто носит два венца»[62].

В эпоху Нового царства царица называлась:

«Супруга бога,
мать бога,
великая супруга царя»[63];

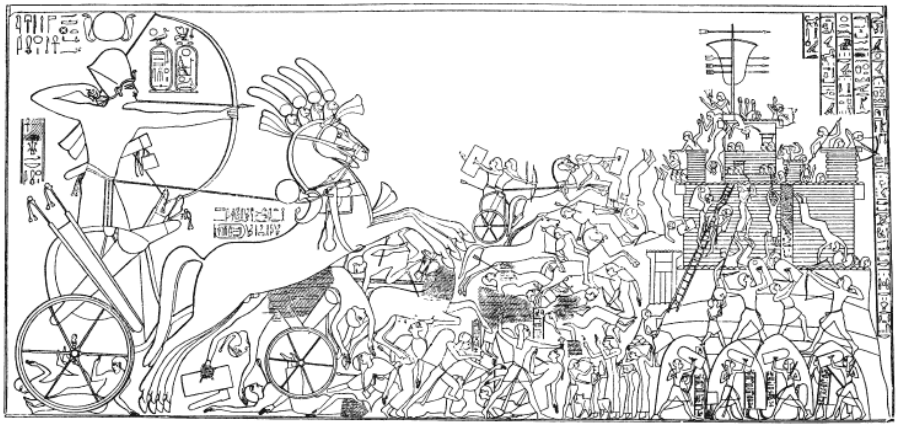
и ее имя окружали картушем так же, как имя ее мужа.

Похоже, что царица, как правило, была равна своему мужу по рождению; она получала свою долю во всех почестях. К сожалению, на памятниках она всегда показана как официальное лицо, и потому мы почти ничего не знаем о том, что происходило в «покоях жены царя»[64]. Только художники царя-вероотступника Эхнатона освободились от условностей и показали нам сцену из семейной жизни фараона. Мы видим царя сидящим на складном стуле в увитой зеленью беседке, крышу которой образуют гирлянды цветов; царица стоит перед ним и наливает ему вино, а маленькая дочь царя несет ему цветы и пирожки[65].

После смерти своего мужа царица сохраняла свою роль при дворе, а в качестве матери царя она имела собственное имущество с отдельным управлением[66]. Многим царицам воздавались божеские почести даже через много лет после их смерти; в особенности так поклонялись в начале Среднего царства двум из них – Ях-хотеп и Яхмос-Нефертере; вероятно, они считались прародительницами XVIII династии.

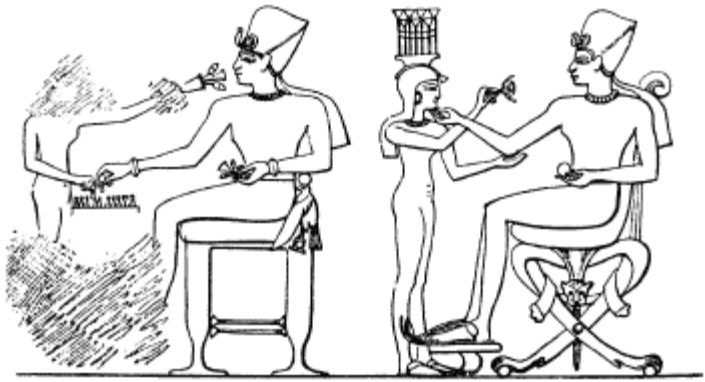
Кроме главной супруги и других супруг, фараон имел гарем[67], обитательницы которого, *затворницы,* жили под надзором пожилой и почтенной знатной госпожи и, когда надо, доставляли удовольствие монарху. Чиновники высокого уровня, например «управляющий царским гаремом», писец гарема, «представитель гарема», вели его административные дела, а многочисленные привратники не давали гаремным дамам поддерживать ненужные сношения с внешним миром[68]. Некоторые из этих *затворниц* были египетскими девицами из хороших семей, но многие были рабынями-иностранками.

Царь Аменхотеп III получил в дар от одного князя из Нахарины старшую дочь этого князя и 317 девиц, самых избранных среди *затворниц.* Это свидетельство позволяет нам представить себе, какое огромное множество женщин, должно быть, жило в доме женщин, принадлежавших ко двору фараона.



Рамсес II в сопровождении своих сыновей берет приступом сирийскую (хеттскую) крепость. Принцы Ментухерхопсет и Хамуэсе сражаются в рукопашном бою; принцы Мериамун, Аменемуэа, Сети и Сетпенра командуют войсками возле навесов, под прикрытием которых войска движутся вперед, чтобы пойти на приступ; еще два принца (не названные по имени) взбираются на стену по штурмовым лестницам (по L. D., iii. 166)

Мы почти ничего не знаем о жизни гарема, кроме того что его обитательницы развлекали монарха музыкой. Лишь один раз царь позволил нам бросить взгляд внутрь своего гарема: в здании, которое стоит перед большим храмом в Мединет-Абу, мы видим изображения Рамсеса III с его гаремными дамами[69]. Они так же, как их господин, одеты только в сандалии и ожерелья, они носят прическу царских детей, и потому некоторые ученые посчитали их дочерьми царя. Но почему здесь стали бы изображать дочерей Рамсеса III, а не его сыновей? Кроме того, изображать членов царской семьи, не указав рядом их имена, совершенно противоречит обычаям египтян. Поэтому мы со спокойной совестью можем считать, что эти красавицы с изящными фигурами – те самые дамы, которые организовали великий заговор с целью свержения Рамсеса III, о котором мы рассказывали раньше. На этих рисунках нет никаких указаний на заговор: женщины мирно играют со своим господином в любимую игру – бирюльки, приносят ему цветы и едят вместе с ним фрукты.



Царь Рамсес III с женщинами из своего гарема

При таких обстоятельствах у египетских царей, разумеется, не было недостатка в потомстве, хотя не все они были так многодетны, как Рамсес II, о котором мы можем прочесть, что он имел 200 детей, из которых нам известны 111 сыновей и 59 дочерей. На воспитание этих принцев выделялись особые средства из доходов страны – во всяком случае, в ранние времена. В эпоху Древнего царства принцы получали также должности в правительстве – например, один из них, который именовался «казначей бога», ведал доставкой гранитных блоков из каменоломен, расположенных в пустыне; другие служили верховными жрецами в гелиопольском храме, а третьи (носившие титул *epnate*, что значит «принц крови») становились «верховными судьями» или «писцами божественной книги».

И почти все они были, кроме того, «главными жрецами-чтецами своего отца» и в качестве «начальников, допущенных во дворец», входили в ближний круг придворных.

В эпоху Нового царства, когда на передний план вышла армия, принцы предпочитали военные звания и назывались военачальниками своего отца. Они с большим усердием участвовали в боях и первыми отважно поднимались по лестницам при штурме вражеской крепости – по крайней мере, об этом нам сообщают официальные изображения битв. Даже те из них, кто посвятил себя занятиям жреца и в старости был верховным жрецом, как благочестивый Хамуэсе, сын Рамсеса II, в молодости также участвовали в боях.

Принцы (или, как их называли в эпоху Нового царства, «отпрыски бога») могут быть узнаны по одежде. В более поздние времена они, кроме того, всю жизнь носили локон на боку – старинную прическу ребенка, но не в его изначальном виде, поскольку вместо косы из волос у них в прическе находилась гофрированная лента.

Один из сыновей Рамсеса III с веером в руке – символом своего звания (L. D., iii. 214). (Ср. также изображения двух принцев на виньетке в предыдущей главе

Принцев воспитывали в доме их отца – в особой части дворца, которая называлась *шеп* – ; их воспитатель , который занимал одно из самых высоких мест при дворе, назывался – странно сказать – «кормилица». Во времена Аменхотепа I князь Эль-Каба Пахри был *кормилицей* принца Уадмеса; Семнут, фаворит царицы Хатшепсут, был *кормилицей* принцессы Ранофру; а Хекернехех, знатный придворный Аменхотепа II, заботился о воспитании предполагаемого наследника, Тутмоса II, и еще семи принцев. Помимо этих кормилиц-мужчин, настоящая кормилица-женщина тоже играла при дворе важную роль, например, при дворе царя-вероотступника Эхнатона «великая кормилица, которая кормила бога и покрывала голову царя» была влиятельной особой. «Покрывать голову царя» означает какую-то обязанность, которую кормилица исполняла при коронации. Во времена Нового царства один «хранитель венца» хвалился тем, что «кормил бога и украшал Гора, господина дворца».

Во времена Старого и Среднего царства существовал симпатичный обычай: царь разрешал другим детям учиться при дворе вместе с его сыновьями.

Царь приносит в жертву вино перед сфинксом – символом царского сана

Птахшепсес, который позже стал верховным жрецом в Мемфисе, был воспитан царем Микерином (Менкаур) «среди царских детей в великом доме царя, в покоях и жилище царя, и царь предпочитал его всем остальным мальчикам». Когда Микерин (Менкаур) умер, сменивший его на престоле Шепсескаф оставил Птахшепсеса среди принцев и почитал его больше, чем всех других юношей. Когда Птахшепсес достиг возраста мужчины, его величество отдал ему «великую дочь царя Матху в жены, и его величество желал, чтобы она жила с ним, а не с кем-либо еще из мужчин»[70]. Так же было и в эпоху Среднего царства: в эти времена номарх Сиута с гордостью рассказал, как он учился плавать[71] вместе с царскими детьми, а высокопоставленный дворцовый чиновник хвалился тем, что в детстве «сидел у ног царя как ученик Гора, владыки дворца»[72]. Еще один человек рассказывал[73]: «Его величество в моей молодости сажал меня у своих ног и предпочитал меня всем моим товарищам. Его величество изволил ежедневно давать мне пищу, и, когда я ходил вместе с ним, он каждый день хвалил меня больше, чем накануне». «И, – продолжает он, – я стал настоящим родственником царя». Эти последние слова легко объяснить: ему была оказана такая же честь, как Птахшепсесу: рассказчик получил в жены одну из дочерей царя.

В эпоху Древнего царства нам постоянно встречаются эти – «царские родственники» в различных званиях и на различных должностях. Мы редко можем выяснить, какими были их родственные связи с царем, и предполагаем, что те, у кого родство с царской семьей было лишь дальним, злоупотребляли этим титулом, который когда-то получили их предки. Во времена XII династии каждый, кто был в родстве с царем, явным образом указывал, что он *«настоящий* родственник царя», а слова «царский

родственник» без этого дополнения стали расплывчатыми по смыслу.

Глава V
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЕГИПТЕ ЭПОХИ ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА

В этой главе я постараюсь коротко и в общих чертах обрисовать структуру египетского государства в разные исторические эпохи. В то же время я должен попросить моего ученого читателя осознать, как много трудностей возникло при этой первой попытке, особенно в связи с изучением самой древней эпохи. Хотя в гробницах времени Древнего царства действительно точно названы все должности, которые занимал покойный, но, даже если мы терпеливо исследуем до конца этот утомительный список бессмысленных титулов, мы едва ли станем знать больше о том, что нас волнует. Из тридцати или более титулов, которые носил один из этих знатных людей, мы сможем понять значение самое большее двадцати, и с трудом наберется десять званий, о которых мы сможем сказать, какие обязанности были с ними связаны. Еще меньше мы будем знать о том, какая из должностей покойного была главной и как были связаны между собой его различные должности и звания. Эти великие люди Египта почти всегда ограничивались тем, что с явным восторгом перечисляли только одни титулы, которые им милостиво дал в знак благоволения царь, однако без пояснений. Они назвали себя «правитель города», «начальник края» или «главный пророк», но не сообщили нам, где находился город, край или храм, которым они управляли; не сообщили и о том, какие обязанности они должны были выполнять. Если мы прочтем длинный список титулов, сохранившийся в гробнице «князя Уны, управляющего югом, главного жреца-чтеца, ближайшего друга царя, главы великих людей, помощника начальника пророков при пирамидах царя Пепи и царя Меренры, заведующего казначействами, писца по учету напитков, управляющего обоими полями жертвоприношений»[74] и т. д., мы никогда не поймем, что это тот человек, о котором мы прочли в другой надписи, что его обязанностями было отдавать приказы о добыче камня для царской пирамиды и надзирать за состоянием всего государственного имущества.

Египетский узор для потолков. Он состоит из условных изображений цветков лотоса

Еще труднее нам было бы догадаться, что Уна в молодости служил в должности судьи, а позже командовал египетской армией в опасной войне. Его титулы никак не указывают на то, каковы были его важнейшие достижения в жизни, при этом другие люди могли носить титул «начальник солдат», но ни разу не участвовать в бою.

Данные, которые мы имеем относительно эпохи Среднего царства, удовлетворят нас немного больше, а по эпохе Нового царства есть много хорошего материала, но, к сожалению, пока нам доступна лишь небольшая их часть. Нужно было провести обширные исследования, чтобы составить из этих фрагментов даже короткий обзор истории государственного правления в Египте. Основные характеристики здесь, вероятно, достаточно точны, подробности же, вероятно, придется в будущем исправлять и дополнять. Классические авторы и надписи в храмах одинаково сообщают нам, что Египет традиционно делился на провинции, которых было около сорока, а памятники более ранних времен позволяют нам увидеть, что это было, по сути дела, старинное деление, издавна существовавшее у жившего здесь народа: названия многих из этих провинций встречаются в надписях эпохи Древнего царства. Но неизменной оставалась лишь основа этого деления; в некоторых его характеристиках происходило много изменений и перемещений – например, в количестве и границах провинций, особенно в дельте, которая позже, видимо, была полностью поделена на двенадцать провинций в подражание Верхнему Египту, где их было двенадцать. В дельте, где в эпоху Древнего царства была всего одна провинция[75] , позже мы обнаруживаем в одном случае восточную и западную провинции, а в другом провинцию , часть которой называлась

«западная страна» и которую потом разделили на северную и южную провинции. В более поздние времена нам ничего не известно о других древних провинциях, например о «восточной провинции» или о восточной и западной «крокодильих провинциях», – по крайней мере, под этими названиями. Точно так же наши знания об административном делении дельты в эпоху Среднего царства[76] совпадают (в общих чертах, но не в подробностях) с более поздним делением.

В эпохи Среднего, а также и Древнего царства в каждой провинции была своя старинная знатная семья, представители которой в течение многих поколений передавали один другому по наследству должности правителя провинции и верховного жреца ее храма[77]. Верно, что эти провинциальные князья формально могли завещать своим детям только семейные имения и место члена жреческого сообщества в местном храме своего родного края. Но если не было каких-либо особых препятствующих обстоятельств, фараон всегда поручал управление провинцией ее крупнейшему землевладельцу, а жрецы, выбирая своего главу, едва ли могли не избрать самого богатого и влиятельного человека среди таких людей.

По крайней мере, в его городе они позволяли ему называться титулами его предков, даже если он не исполнял сам все обязанности по этим должностям. Было сделано предположение, причем очень правдоподобное, что эти провинции со своей знатью, своими гербами и собственным ополчением были остатками маленьких независимых княжеств и что поэтому все вместе они являются наследием древнейшего политического устройства страны. Эпоха такого устройства должна относиться к очень древним временам, так как похоже, что в основе политического строя Древнего царства лежали уже другие условия: как мы уже видели в предыдущей главе, оно состояло из двух царств, связанных личной унией. Эти два государства управлялись по-прежнему раздельно, и лишь однажды за всю эпоху Древнего царства мы видим высокопоставленного сановника, который один управлял в качестве наместника всей страной: это был Кагемне, «начальник всей страны, юга и севера»[78].

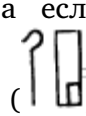
Как правило, деление страны на две части соблюдалось во всех случаях: вся система правления была разделена на «два дома», так что имущество храма или государственные земли принадлежали «двум домам, северному и южному»[79]. В теории вся собственность государства делилась на две части, и высокопоставленные чиновники, чьим делом было надзирать за казной или за складами зерна, всегда назывались управляющими

«двумя домами серебра» или «двумя житницами»[80]. Даже если в казне или на складе зерна хранились доходы только одной провинции или одного города, они все же были частью «двух домов серебра» или «двух житниц», собирая доходы от двух стран. Царские драгоценности тоже изготавливались в «двух мастерских» и хранились в «двух домах золота»[81]. Для поддержания существования живых имелись «две обители пищи», чтобы поддерживать существование мертвых, были «два поля жертвоприношений»[82]. Первоначально военное ведомство тоже состояло из двух частей, но похоже, что в этой области египтяне рано почувствовали необходимость концентрации власти, поскольку это ведомство чаще было единым, чем двухчастным[83]; это же относится к царскому двору и к судам.

Насколько мы можем судить, система управления не была одинаковой для обеих половин царства. Например, Верхним Египтом управляли «великие люди юга», а соответствующих им «великих людей севера», видимо, не существовало. Могло быть так, что каждое государство даже после их объединения сохранило свое прежнее устройство. Но при этом мы так мало знаем о дельте в эпоху Древнего царства, что невозможно составить окончательное мнение.

Поэтому на последующих страницах мы расскажем только о положении в Верхнем Египте, который играл ведущую политическую роль.

Верхний Египет, официально называвшийся «юг», делился на большое число округов, каждый из которых имел свое местное управление. Мы не знаем, в какой степени эти округа совпадали с провинциями страны. Общее число «великих людей юга» было тридцать, но многие из них только числились участниками управления страной, поскольку их «округами» были пустыня, Нил или рыбные промыслы[84].

Эти наместники, которые всегда носили гордое звание «первый после царя» – , выполняли две роли – судьи и администратора. Наместник был – судьей и – главой округа (возможно, именно так переводится второй из этих титулов)[85] в подчиненной ему части страны, а если там находился большой город, он также был правителем () этого города. Очевидно, с этим главным чиновником было связано немало чиновников более низкого ранга; мы говорим «очевидно» потому, что в большинстве случаев эти младшие чиновники владели только титулами, не имевшими подлинного содержания.

Эти древние бюрократы очень любили создавать особый титул для каждой своей судебной или административной функции; если, например, кто-то из них должен был передавать по назначению приказы царя для своего округа или города, он по этой причине именовал себя «тайный советник царских приказов», а поскольку в обязанности чиновников входило руководство общественными работами, они называли себя «управляющим царскими работами» или «надзирателем за царскими поручениями». Если чиновники собирали налоги на пшеницу и скот или командовали местным ополчением, они носили титул «управляющего домами жертвоприношений и продовольствия» или «управляющего военным ведомством». Если кто-то из них имел контору для различного рода секретарей, имевших отношение к его управленческой или судебной работе, он принимал титул «управляющего царскими писцами» или «управляющего судебными писцами». Кроме того, чиновники имели различные жреческие обязанности. В качестве судей они были служителями богини истины Маат; преданность царской семье заставляла их быть жрецами царя и его предков; и, наконец, они почти всегда получали (не знаю почему) должность пророка богини гермопольской космологии Хекет (богиня плодородия), изображавшейся в виде лягушки или женщины с лягушкой на голове.

Мы не знаем, насколько велики были округа, которыми управляли эти «великие люди юга», но нет сомнения, что округ не был равен целой провинции.

Однако великие вожди многих провинций принадлежали к сообществу «великих людей юга». Амтен, современник царя Снофру, был князем семнадцатой провинции, князем восточной части Файюма и, кроме того, имел звание начальника округа в нескольких провинциях дельты. С другой стороны, были такие «великие люди юга», которые не имели административных обязанностей на юге, но по особой милости царя все же считались членами этого сообщества, например, Рахотеп, верховный жрец в Гелиополе – городе, который едва ли мог входить в юг; области, которыми Рахотеп руководил в качестве «главы округа», были явно необычными: это были рыбные ловли и Нил. Управление ими было поручено ему для того, чтобы такой важный человек имел место в великом совете; место в совете обычно давали также управляющему сельскохозяйственным ведомством.

Тридцать «великих» были не равны по званию, поскольку некоторые из них были заместителями управляющих, а во главе

их всех стоял «начальник юга». Это была очень высокая должность: после того как Уна, любимец царя Пепи, верно прослужил ему много лет и достиг высоких почестей, Меренра, преемник Пепи, назначил этого достойного старого человека на должности «начальника юга» и «главы великих людей» и одновременно дал ему титул князя. По словам Уны, это был особый знак благоволения государя к нему, и он старался хорошо управлять югом, чтобы показать себя достойным доверия своего повелителя. Уна справедливо распределял обязанности и два раза приказывал провести перепись всего имущества и всех доходов, которыми царь владел на юге. Этого раньше никогда не делали, и за свой энергичный труд Уна был тогда назван «настоящим начальником юга», то есть его должность не была лишь формальной, какой, возможно, она была при многих его предшественниках. Как мы видели, эта должность давалась в знак особой благосклонности царя; ненамного раньше того времени, когда жил Уна, она была присвоена номарху пятнадцатой провинции Верхнего Египта.

Мы мало знаем о том, как управлялась «северная страна», то есть дельта. В эпоху Среднего царства мы встречаем «начальника северной страны». Возможно, эта должность существовала и в более ранние времена, хотя странно, что она ни разу не встречается среди бесчисленных титулов в более древних гробницах. Дельтой также управляли начальники округов, о чем свидетельствуют надписи в гробнице уже упомянутого ранее Амтена, «великого человека юга»[86], – той самой гробнице, которая теперь является одним из главных сокровищ Берлинского музея.

Амтен управлял семнадцатой провинцией и восточной половиной Файюма на юге, но среди назначений, перечисленных в его гробнице, эти должности не идут ни в какое сравнение с теми, которые он занимал в дельте: там он был «князем великого дома» приблизительно в двенадцати крупных городах. Нельзя с уверенностью сказать, управлял он самими этими городами или же только государственной собственностью – имуществом «великого дома», которая находилась в них. В любом случае положение Амтена было очень высоким, так как делало его «начальником округа в провинции каждого города». В этой должности он управлял священным городом Деп[87] (позднее называвшимся Буто), «городом двух псов» в провинции Мендес, несколькими городами в провинции Саис, городом Сент в восточной части дельты и другими. В каждой из этих провинций он был также «начальником округа», на землях к востоку от Саиса

управлял городом Хесуар, он был также «князем, отвечавшим за сельское хозяйство». Однако самым заметным среди этих городов был один, называвшийся «Коровий дом» и находившийся, вероятно, в одном из оазисов (возможно, современный оазис Фарафра). В качестве князя этого города он был начальником округа «иноземной страны», то есть пустыни, и в этом же качестве был «вождем бедуинов» и «начальником царской охоты». Последняя из этих должностей была у него любимой, поскольку в своей гробнице он не позволил изобразить ничего, кроме дичи, которую приносят его слуги. Помимо своих административных обязанностей, Амтен, как обычно, должен был исполнять судейские и жреческие: он был пророком и главой жрецов различных божеств, а также «судьей по вопросам сельского хозяйства» в провинции Быка.

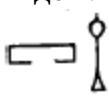
Статуя Рахотепа из Музея Гизы

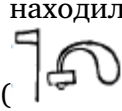
Амтен также рассказал нам о своем служебном пути: как он, хотя уже по рождению был знатным человеком (он был «царским родственником»), должен был пробиваться к вершине с низших должностей.

Вначале он был «писцом в доме пищи» (возможно, это означало «заведующий складом продовольствия»), затем постепенно возвысился до «начальника округа» и «заместителя судьи по сельскохозяйственным делам» в провинции Быка на западе дельты. После того как Амтен побывал на многих должностях, в том числе на должности «заведующего всем царским урожаем», ему были присвоены те высокие звания, которые он сохранил за собой до самой смерти.

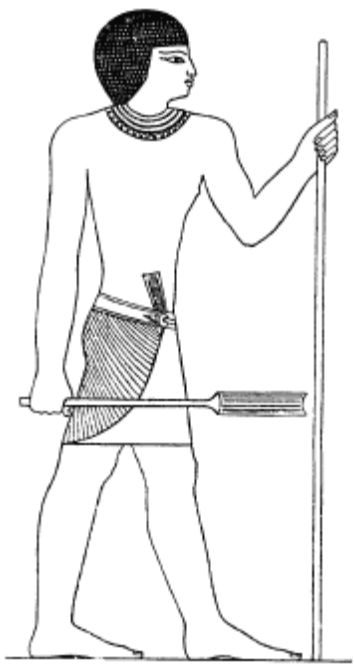
Эта надпись содержит почти все, что нам известно об

управлении «северной страной», и этих свидетельств достаточно, чтобы увидеть, что государство там было организовано не в таком строгом соответствии с традицией, как на юге. Амтен получил такой-то и такой-то города, он стал вождем в некоторых провинциях, но не получил ни одного из тех титулов и ни одной из тех дополнительных должностей, которые всегда были связаны с такими назначениями на юге. Он управлял провинцией Саис, но не был ни «заведующим зданиями», ни «заведующим поручениями», ни «заведующим письменными делами», – а такие титулы он имел по отношению к своим округам Верхнего Египта; похоже, что в дельте не было бюрократической организации управления. Из этих фактов мы делаем вывод, что между двумя половинами царства была большая разница в цивилизованности: Верхний Египет имел строго упорядоченную древнюю административную систему, а в Нижнем Египте господствовал более простой порядок.

Как мы видим по вышеприведенному описанию, Древнее царство не было централизованным. Многочисленные и малые по размеру округа, на которые разделилась страна, имели свои суды, свои склады зерна и свое ополчение. Централизующей силой (с нечеткими очертаниями), которая связывала все эти организации вместе, была «Хуну» – *внутренняя,* то есть государственная казна. Она имела во всех провинциях страны имущество, которым управлял в качестве ее представителя «начальник юга»[88], а кроме сокровищниц отдельных провинций существовало еще центральное казначейство, которое также заботилось об одеждах и украшениях монарха. В этом «доме серебра казны» служило много людей – его «управляющий», «заместитель управляющего» и «писцы дома серебра» с их начальником[89]. Однако «дом серебра»  подчинялся большому казначейскому ведомству или , и звание государственного казначея было одним из самых высоких в царстве – . Именно его обязанностью было собирать и оценивать все ценности, «которые даны небом, или произведены землей, или принесены Нилом», ароматные вещества из стран благовоний, минералы из гор и дорогостоящие каменные блоки из каменоломен[90].

Практическая работа этого ведомства – добыча и транспортировка этих ценностей – как правило, находилась в ведении его второго человека[91] – «казначея бога» (). Это

был полувоенный чин, который очень желали иметь царские сыновья. Такой сановник, чтобы выполнять свои разнообразные обязанности, должен был быть одаренным человеком во многих областях[92]. Во время поездок он бывал в пустыне и во вражеских странах, а потому являлся «начальником пехоты» и «начальником дома войны», а также «главным начальником юношей». Для того чтобы командовать грузовыми судами, он был «начальником корабельных дел», по этой причине ему поручали заботиться и об остальных судах и кораблях царства, и поэтому «казначей бога» считался адмиралом своей страны[93]. Он должен был обеспечивать перевозку блоков через пустыню, поэтому он был «начальником рабочих отрядов бога», а поскольку свои поездки он предпринимал, как правило, ради царских зданий, он также был «заведующим всеми работами царя» или «заведующим его поручениями».

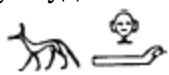


Принц Мереб, казначей бога при царе Хуфу (Хеопсе)

Другие государственные ведомства, видимо, тоже имели такого центрального управляющего – например, был «начальник складов зерна», собиравший те налоги, которые выплачивались зерном, а это была самая важная часть податей[94]. Свое центральное ведомство имел и управляющий сельским хозяйством, поскольку из-за разливов в этой области было необходимо единоначалие. Поэтому «управляющий сельским хозяйством и писцами по делам сельского хозяйства» занимал

должность в «обоих домах – доме севера и доме юга», то есть в обеих частях, на которые делился Египет[95].

Точно так же для лесов «передней страны» (то есть границы Египта с Нубией), обладание которыми было важно для кораблестроения, существовало отдельное ведомство, во главе которого стоял «главный управляющий передней страной фараона».

Правосудие тоже было централизованным. С должностью «судья» мы встречаемся во многих видах. Одна из самых низших судебных должностей, которую часто занимали сыновья более высокопоставленных судей, называлась «судья и начальник писцов» ( ). Другая должность называлась «судья из города Нехента» ( ); о нем иногда бывает сказано, что он помогает главному судье «во всех тайных делах»; третья должность называлась  , что могло означать «судья по делам сельского хозяйства». Эти низшие судебные посты, как правило, занимали «великие люди юга» или их сыновья, и их юрисдикция распространялась на город или провинцию соответствующих крупных владетелей. Каждый судья принадлежал к одному из «шести великих домов», то есть к одному из крупнейших судов, в которых обсуждались «тайные слова», а глава этих великих людей, начальник юга, был членом всех шести судов. Во главе этого суда стоял «верховный судья» ( ), который возглавлял всю судебную систему страны. Этот верховный судья всегда был очень высокого происхождения – если не один из сыновей царя, то один из «верховных жрецов великих богов», или «наследственный князь», или, самое меньшее, «настоящий князь».

Для такого правила были серьезные основания, потому что должность верховного судьи в эпоху Древнего царства была самой высокой, которую мог получить человек. Верховный судья был тате, то есть главой всей администрации – начальником, или, как мы могли бы перевести этот титул, «предводителем великих людей юга и севера», «вторым после царя».

Во все эпохи истории Египта эта должность была самой популярной в царстве. Когда поэт описывает дворец царя, он

добавляет, что в этом дворце «правит начальник судей, чье сердце милостиво к Египту», а о боге Амоне он не может сказать ничего лучше слов «он так же милосерден к беднякам, как хороший начальник судей». Даже бог солнца не может править без помощи хорошего начальника судей и выбирает на эту должность бога мудрости Тота.

Среди египтян было широко распространено представление, что земные наместники и верховные судьи должны были соперничать в мудрости со своими образцами-небожителями, и потому мудрым наместникам древности приписывали мудрые изречения. Люди из народа простодушно считали, что Кагемне или Птаххотеп получили высокие судейские должности благодаря своей великой мудрости; и они верили, что прекрасные изречения первого из этих мудрецов о «бытии человека» побудили царя Снофру назначить его начальником судей и управляющим городом. Сами начальники судей тоже были очень высокого мнения о своей должности: Ментухотеп, верховный судья при Сенусерте I (иначе звался Усертсен, а также Сесотрис), хвалился тем, что «очаровал сердце царя сильнее, чем любой житель обеих стран, был любим друзьями царя и могуч против его врагов, могучим в обоих царствах и первым в долинах пустыни и в обеих странах. Он был единственным, кого любил царь, не имеющим себе равных, великие люди приходили к нему с поклоном, и весь народ радовался в лучах его света».

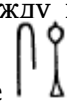
В этом нет ничего странного, поскольку обязанностью Ментухотепа было «давать законы, повышать людей в должности, уточнять места межевых знаков и улаживать споры между чиновниками. Он устанавливал мир повсюду, как носитель истины в обеих странах, чье свидетельство верно, как свидетельство бога Тота. Он, глава судей, словами своих уст заставлял братьев мирно возвратиться домой; писания Тота были у него на языке; и по верности он превосходил язычок весов. Он знал тайны каждого, он слушал хорошо и говорил мудро, он заставлял трепетать тех, кто был враждебно настроен по отношению к царю, он сдерживал варваров и устраивал так, чтобы бедуины жили мирно».

Это соответствует тому, что мы узнаем о верховных судьях из других источников. Некий Амони-сенеб, жрец из Абидоса, живший при XIII династии, с гордостью рассказывает нам, как начальник судей послал к нему своего служащего в качестве гонца, чтобы вызвать его к себе, как он пошел к этим служащим, нашел начальника судей в его, начальника, собственном зале и там получил от него поручение. Явно для священнослужителя низкого ранга был великой честью вызов к самому этому

великому человеку лично. Даже «великих людей юга» должны были вводить к нему и докладывать о них, даже они должны были простираться ниц перед ним[96]. Почтение к начальнику судей доходило даже до того, что иногда мы видим возле его имени как добавления слова «жизнь, здоровье, счастье», которые обычно прибавлялись только к именам царей и принцев[97].

С этой должностью был связан еще один не имевший себе подобия знак почета: к верховному судье применялись те же церемониальные выражения, что и к царям: например, люди не могли говорить что-либо великому судье, а говорили *перед ним,* не писали начальнику судей, а *клали свое письмо перед ним.*

Естественно, люди, занимавшие такое высокое положение, постепенно расширяли сферу своего влияния. В эпоху Древнего царства верховные судьи часто захватывали в свои руки и управление казной: они были управляющими «домами серебра» и складами зерна и даже носили гордый титул «государственный казначей». Они были также верховными жрецами или – в более поздние времена – начальниками главного города. Эти верховные судьи часто сохраняли за собой звание «первый после царя», полученное до вступления на их высокую должность; и точно так же многие из них сохраняли за собой в загробном мире все почетные звания, которые носили на прежних должностях. Таким образом, количество их должностей в итоге становилось огромным; например, есть упоминание о том, что некий Кае имел их больше сорока, но это множество должностей все же не мешало верховным судьям исполнять обязанности их высокого судейского сана, поскольку мы знаем, что они лично вели допросы во время тайных судебных процессов против домочадцев царя.

На этом наскоро сделанном чертеже показаны лишь основные черты государственного устройства Древнего царства. Бюрократическая иерархия в этом государстве была разработана до мельчайших подробностей. Над писцами и начальником писцов стоял их глава , а между пророками и их управляющим были младшие управляющие  и заместители управляющего[98] . Затем были «первые люди», «главы», «великие люди», «помощники» и другие должностные лица. Тут было много простора для честолюбия египетского чиновника, и он, если жаждал иметь звучные титулы, всегда мог их получить. Например, существовал великолепный титул «глава

тайн» – глава тайного совета, как сказали бы мы. Были тайные советники по всем областям управления. Чиновники, состоявшие при дворцовом хозяйстве, стали «тайными советниками по делам почтенного дома», судьи – «тайными советниками по тайным словам в суде», а главы провинций – «тайными советниками по царским поручениям». Тот, кто управлял царскими зданиями, назывался «тайным советником по всем царским работам». Один военачальник был «тайным советником по делам всех варварских стран», а верховный жрец Гелиополя, который исполнял также обязанности астролога, даже назывался «тайный советник по делам небес»[99].

Эти титулы были настолько лишены всякого значения, что египтяне обычно довольствовались только первой половиной – говорили, например, «глава секретов» – так же как мы сократили бы наши титулы «тайный советник королевства» или «тайный советник адмиралтейства» в просто «тайный советник».

Все эти титулы не были придуманы во времена V и VI династии, а имели более давнее происхождение, поскольку мы находим в них такие указания на политическое положение, которые не имели смысла в исторические времена. Например, в списке титулов особую роль играет город Эль-Каб (в древности Нехебт или Нехент): как я уже говорил, в эпоху Древнего царства многие судьи носили титул «судья из города Нехебт», а «главный судья города Нехебт» – обычное обозначение главного царского жреца-чтеца, который помогал царю во время богослужений. Возможно, в еще более древнюю эпоху эта придворная должность была привилегией номархов Нехебта, а позже этот титул сохранили за собой те князья и придворные, которые читали священные тексты перед царем.

Из того, что было сказано, становится видно, что структура древнего Египетского царства была не совсем четкой. Пока царская власть была сильна, правители провинций – так называемые номархи – были всего лишь чиновниками и осуществляли свою власть под руководством двора, центра системы правления. Как только центральная власть слабела, номархи начинали чувствовать себя независимыми правителями и смотреть на свою провинцию как на маленькое государство, которое принадлежит их семейству. Показателем того, считали себя номархи из какого-либо рода чиновниками или князьями-государями, служат внешние признаки – а именно места, которые они выбирали для своих гробниц.

При IV и V династиях «великих людей юга» всех без исключения хоронили на столичном кладбище – возле царя, как и других придворных чиновников. Но при VI династии княжеские

семейства Среднего Египта предпочитали покоиться в своей родной земле, и в Шейх-Саиде, Завиет-эль-Мейтине и Каср-Сайяде правители соответствующих номов вырубили для себя великолепные усыпальницы-гроты в скалах своей родины, словно мемфисское кладбище больше не было для них подходящим местом. В последовавшие за этим годы безвластия этот обычай среди номархов укоренился, и при могущественных царях XII династии каждый князь-правитель провинции в Среднем Египте обретал вечный покой на земле своей провинции.

Аменемхет I, основатель XII династии, пытался реорганизовать разделенное царство, но для выполнения этой трудной задачи нужно было не только смирить независимых князей и превратить их в послушных вассалов, но и забрать у многих из них часть их имущества.

На старые границы округов давно уже не обращали внимания; могущественные правители городов и провинций захватывали территорию своих более слабых соседей и таким образом создавали для своих семей маленькие царства. В таких случаях царь действовал энергично: он «прошел через всю страну, сияя, как бог Атум, чтобы наказать зло и восстановить то, что было разрушено. Он отделил один город от другого и определил границы каждого города. Он заменил межевые камни и сделал их прочными, как небеса». Аменемхет I также определил, какая часть Нила и различных каналов принадлежит каждой из провинций; и, «поскольку он горячо любил истину», при этом делении страны взял за основу «то, что было написано в книгах и что он нашел в старых записях».

Но хотя царь, возможно с помощью военной силы, успешно наказал зло и восстановил порядок, он так и не смог полностью подчинить себе номархов, которые приобрели такую огромную власть. По гробницам и надписям в Бени-Хасане мы совершенно ясно видим, что похороненные там номархи считали себя в первую очередь князьями своих провинций и лишь во вторую – слугами царя. Все свои дела, которыми хвалятся номархи, они – это говорится явным образом – совершили для своей провинции; они не давали возникнуть в ней голоду и во главе ее войск сражались за царя. Их предки хвалились тем, что были любимы царем больше, чем все его другие слуги; они же в своих усыпальницах хвалятся в надписях тем, что «любимы своим городом». По сути дела, со своим народом они были связаны теснее, чем с царем, и две трети жителей провинции составляли люди, названные в честь правящей семьи. Даже время в государстве отсчитывали по годам правления царя, а в номах времен Среднего царства – по годам правления номарха.

Номархи эпохи Среднего царства, как вассалы Средних веков, хотя и были верны фараону как своему сеньору, но уже не были его слугами. Хотя бюрократическое государство эпохи Древнего царства стало государством феодальным, это все же не привело к большим переменам в стране, и все зависело от царя, который отдавал провинции верным и преданным людям. Выбор этих людей царю облегчало то, что наследниками были не только сыновья[100], но и сыновья дочерей[101], и поэтому у фараона было достаточно кандидатов.

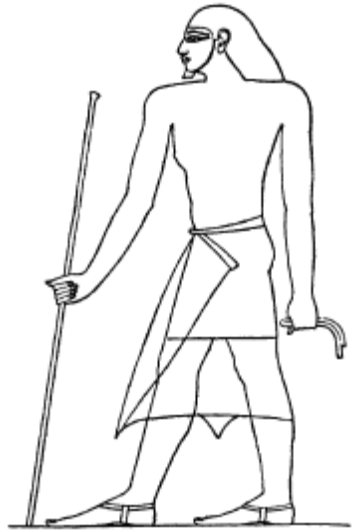
Как номы переходили от одной семьи к другой, мы можем увидеть в текстах, которые часто упоминаются в этой работе, – в надписях из гробницы номарха Хнемхотепа в Бени-Хасане. Две провинции – Газели и Шакала – находились на левом берегу Нила, где-то ниже Сиута (Асьюта) – там, где Нил, делая петлю, приближается к западным возвышенностям и оставляет свободной равнину примерно в 22 км шириной и 144 км длиной. Маленький участок пахотной земли на правом берегу, носивший звучное имя Горизонт Гора, был слишком незначительным, чтобы стать отдельной провинцией, и потому был присоединен к восточной пустыне. Его главный город носил странное имя Менат-Хуфу, что значит «кормилица Хуфу».

Этот город не мог находиться далеко от столицы нома Газели, поскольку гробницы жителей обоих городов находились в одном и том же месте, посвященном Бастет (Пашт) – богине любви и плодородия с головой кошки, возле современного Бени-Хасана. Аменемхет I, подчинив себе этот округ, отдал «из своих уст» приказы относительно города Менат-Хуфу. Он объявил правителя этого города «наследственным князем, правителем и князем восточных земель в Менат-Хуфу, он определил южную границу и установил северную так же прочно, как прочны небеса». Восточной границей стала пустыня, западной – середина Нила. Должно быть, новый князь доказал, что достоин доверия своего повелителя, потому что, когда намного позже освободилось место правителя соседнего нома Газели, Аменемхет отдал и его князю Менат-Хуфу. Он снова установил границы его территории – на юге с номом Зайца, на севере с номом Шакала, как было указано на новых пограничных камнях. Все внутри этих границ и на другой стороне между серединой реки и пустыней – «вода, поля, рощи и песок» – должно было принадлежать ему. В то же время новый номарх сохранил за собой свое наследство – город Менат-Хуфу и должность правителя восточных земель. Похоже, что после смерти этого номарха на восемнадцатом году правления Сенусерта I этот царь предпочел снова отделить эти два княжества одно от другого: сын покойного, носивший имя

Нахт, получил собственность своей семьи – город Менат-Хуфу, а Амони (также, несомненно, сын покойного князя) унаследовал ном Газели[102].

Затем Менат-Хуфу попал в руки другой семьи. Дочь старого князя по имени Бакет, что значит «олива», вышла замуж за Нехера, правителя города Хат-Ра-шетпеб (и, возможно, члена семьи номарха соседнего нома Зайца). Сын этих супругов носил имя Хнемхотеп. На девятнадцатом году правления Аменемхета II место правителя Менат-Хуфу освободилось (возможно, по причине смерти Нахта), и фараон отдал эту должность Хнемхотепу, которого считал наследником семьи. Хнемхотеп, увидевший, как выгодно иметь матерью предполагаемую наследницу, женился на Хети, дочери правителя соседнего нома Шакала. Его расчет оказался верен: при Сенусерте II его старший сын Нахт унаследовал этот ном. Поскольку границы нома Шакала были не вполне ясны, Нахт добился, чтобы царь их пересмотрел, – или, как он выразился в красивом, но туманном стиле, он добился от монарха, чтобы тот разрешил «его великим достоинствам достичь своей воды». Царь удовлетворил его просьбу: он «создал для себя памятник в номе Шакала тем, что восстановил в нем то, что нашел в развалинах. Он отделил один город от другого и определил для каждого города его провинцию, пересмотрев все по старинным книгам». На юге он установил всего один пограничный камень, но на севере, где его земля примыкала к ному Скипетра, отношения с которым были враждебные, он поставил пятнадцать пограничных камней. На востоке ном Шакала должен был достичь середины реки, а на западе протянуться до гор.

В это же время Нахт был назначен на должность «начальника юга». Мы видим, что его карьера была многообещающей, а поскольку один из его братьев, младший Хнемхотеп, был в очень большой чести при дворе, перспективы семьи были блестящими.



Номарх Хнемхотеп (по L. D., ii. 131)

Так, надписи из Бени-Хасана сообщают нам, как номы Среднего Египта передавались по наследству в течение одного века, а еще одна надпись того же времени из Асс (Асьюта) позволяет нам бросить взгляд на обстоятельства, касавшиеся имущества одного из этих номархов[103]. Как можно себе представить, они были очень сложными, поскольку имущество и доходы, которые этот номарх унаследовал от своих предков, то есть «дом его отцов», всегда были отделены от «дома правителя» – то есть от поместий и выплат, которые полагались номарху по должности. Первое из этих двух хозяйств было его собственностью по-настоящему: номарх мог по своему желанию отказаться от нее или дарить ее; вторым же он владел только как держатель, вассал царя, и, даже если он дарил кому-то небольшую частицу «дома правителя», это дарение не имело законной силы, и такие подарки скупой наследник дарителя всегда мог потребовать обратно. Оба хозяйства все целиком, со «слугами, скотом, садами и прочим», что к ним относилось, составляли, разумеется, богатое владение, а кроме них, были еще всевозможные наградные выплаты и налоги. Например, номарх получал одну ногу от каждого быка, принесенного в жертву в некрополе, а также имел долю от быков, принесенных в жертву в храме, а братство «почасовых жрецов» святилища в Эпуате присылало целых коров и коз для «пропитания правителя». Для личного имущества номарха было важно, чтобы его семья участвовала в управлении местным храмом и чтобы по этой причине он был по рождению членом сообщества жрецов: как один из них, он получал определенный доход со «всего хлеба,

пива и мяса, которые поступали в храм». Этот доход принадлежал ему по наследству, и он мог делать с ним все, что угодно. Существовал еще и третий источник доходов. Обычно номарх занимал первое место в сообществе жрецов и, как главный пророк, получал некоторые вознаграждения – например, кусок жареного мяса от каждого быка, заколотого в храме, и кувшин пива в дни торжественных шествий. Мы должны добавить, что это имущество, как правило, принадлежало одному и тому же человеку, но так получалось лишь по воле случая, и правитель нома мог вполне свободно располагать только своей наследственной семейной собственностью.

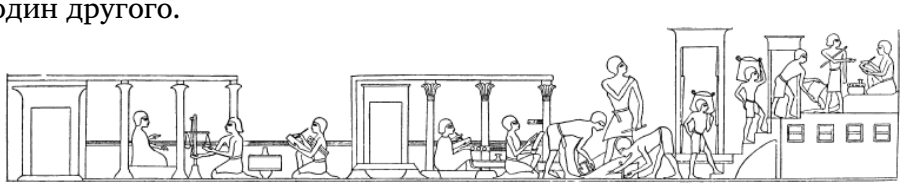
Амони много лет управлял номом Газели, который отдал в его руки Сенусерт I. И вот он рассказывает нам, как хороший номарх должен начальствовать в своей должности. «Я не обидел ни одного младшего сына, не причинил вреда ни одной вдове, не взял под стражу ни одного чернорабочего, не изгнал ни одного пастуха, ни у одного начальника над работниками я не увел рабочих от их дела. В мое время не было бедняков, и никто не был голоден в мои дни. Когда наступил голод, я вспахал все поля нома от южной границы до северной; я сохранил жизнь его жителям и дал им пищу, так что никто не был голоден. Я давал вдове столько же, сколько той, кто имела мужа, и никогда не предпочитал великих малым». По этой причине Амони был «весьма любим, и любовь к нему в народе все время увеличивалась; он был правителем, которого любил его город». Он также был в почете у царя. Все, что «царский дом» приказывал сделать в его номе, проходило через руки Амони, и он показал себя особенно полезным при сборе доходов. В двадцать пятый год своего правления он сумел сберечь для царя три тысячи упряжных быков из имущества храмов своего нома. Поэтому неудивительно, что Амони «каждый год хвалили в царском доме», и хвалили еще больше потому, что он действовал с идеальной честностью, доставлял по назначению все доходы, не оставляя ничего себе. В качестве номарха Амони также командовал войсками своего нома и три раза должен был вести их в поход. В первый раз он участвовал в войне против нубийцев еще до того, как стал номархом: «по желанию дворца он занял место своего старого отца», и в Эфиопии он заслужил себе «похвалу, которая достигла небес». Во втором походе Амони с отрядом в 500 своих воинов сопровождал одного принца до нубийских золотых рудников, а в третьем походе он провел начальника главного города и 600 воинов к каменоломням Хаммамата.

Как ном был государством в миниатюре, так и его правительство было уменьшенной копией правительства

страны[104]. Ном тоже имел казну и казначея, который был важной особой, осуществлял верховный надзор за всеми ремесленниками – плотниками, столярами-краснодеревщиками, гончарами и кузнецами – которые работали на номарха. Казначей даже строил гробницу для своего господина, а номарх ценил казначея так высоко, что разрешал ему путешествовать на ладьях с принцами. Существовали также военачальник, который командовал войсками нома, начальник складов зерна, начальник быков, начальник по делам пустыни, несколько начальников в доме и великое множество других писцов и чиновников.

На приведенной здесь иллюстрации мы можем увидеть часть служебных комнат Хнемхотепа. Они расположены во дворе, который, похоже, окружен стеной. Здание слева – казначейство, и мы видим, как в нем взвешивают только что полученные деньги. Казначей Бакте сидит на низком диване и следит за этой работой, а за стенами здания в это время писец Нетернахт отмечает ее ход записями.

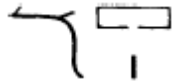
Рядом находится здание «управления по надзору за принадлежностью доходов», и в нем писцы особенно сильно заняты работой. Только что закончился сбор урожая, и зерно собирают в амбары; каждый мешок наполняют на глазах смотрителя и отмечают в записях, а когда мешки несут вверх по лестнице на крышу амбара, писец Нутерухотеп принимает их там и записывает количество мешков, из которых зерно было высыпано через отверстие в крыше. Тем самым предотвращалось любое хищение со стороны работников, а служащие проверяли один другого.



Правительственные здания нома Газели (по L. D., ii. 127)

Таким образом, номарх был окружен двором – уменьшенным подобием царского – и так же, как царь, имел «глашатая» , который приносил ему доклады обо всем.

В эпоху Среднего царства из-за независимого положения номархов порядок в устройстве государства стал менее строгим, но одна отрасль управления страной, которая была централизована еще во времена Древнего царства, осталась без изменений – это было управление казной и имуществом царей. По сути дела, большинство высокопоставленных сановников,

которые были похоронены на абидосском кладбище, служили именно в этом ведомстве, которому в те времена оказывали больше почета, чем когда-либо. Оно явно было центром государственной системы. Мы обнаруживаем целый список «домов» с их начальниками;  – это были «отделы» – комнаты писцов и комнаты счетоводов – в составе различных «департаментов» правительства, и обязанностью их начальников было «вести учет работ, записывать их по тысяче и складывать по миллиону». Ведомство, которое раньше подчинялось «начальнику складов зерна», теперь называлось «дом подсчета зерна», и его управляющий занимал высокое положение.

Служба, ведавшая быками, – «дом учета быков» – находилась в подчинении у «начальника быков всей страны», который носил также звание «смотритель рогов, когтей и перьев».

Со второй из названных должностей часто соединялась должность «начальник складов», и, наконец, было еще ведомство финансов – «дом серебра» в эпоху Древнего царства, – которое называлось также «великий дом»[105]. Это последнее ведомство, похоже, было самым главным из всех, остальные даже входили в его состав – например, мы иногда обнаруживаем, что ведомства, которые занимались складами и быками, подчинялись казначейству.

Во главе казначейства стоял высокопоставленный чиновник, звание которого обозначается и который, дерзко преувеличивая истину, называл себя «управляющий всем, что есть и чего нет». По приказу царя он выдавал из своей казны жертвоприношения для богов и для умерших, и это он «кормил людей», то есть выдавал государственным служащим зарплату хлебом и мясом. Даже в эпоху Древнего царства положение государственного казначея было очень высоким, а в более поздние времена его влияние было еще больше, если это возможно: например, его титулуют «величайший из великих, глава придворных, князь человечества; он дает советы царю, все боятся его, и вся страна отчитывается перед ним». Один из них упомянут как «военачальник всей страны, глава северной страны», другой как «верховный командующий войсками». Но, несмотря на свое высокое звание, они лично исполняли свои должностные обязанности: мы встречаем одного из них в каменоломнях на Синае, другого во время поездки в Аравию, третьего на пути к нубийским золотым рудникам. Им было положено лично подносить в дар одному из крупнейших храмов

их родины драгоценности, привезенные из чужих стран.

Второй по рангу чиновник казначейства – «казначей бога», чьим главным делом был надзор за перевозкой ценных грузов, – встречается нам на рудниках, в Нубии и на пути в Аравию.

Он по-прежнему «водитель кораблей» и «управляющий работами», но его титул был изменен так, чтобы соответствовать духу времени, когда бюрократическая иерархия состояла из более пышных званий, чем в дни Древнего царства, и потому он назывался в первую очередь «министр кабинета по делам зала казначея» либо «министр кабинета (или «главный министр кабинета») по делам дома серебра»; вместе с тем он сохраняет и свой прежний титул, но только как титул, а не как обозначение своей должности. «Министр кабинета» тоже занимал высокое место при дворе: один обладатель этой должности хвалится, что «предоставлял истине доступ к своему повелителю и показывал ему нужды обеих стран», а другой рассказывает, что «предоставлял придворным доступ к царю».

Титулы низших чиновников казначейства тоже изменились: вместо своего старого названия – «казначей» они предпочитали более модное «помощник ( ) начальника казначейства».

Мы уже видели, что многие из верховных казначеев называли себя высшими по титулам чиновниками в египетском государстве. Но высшим среди чиновников мы, как правило, должны считать «наместника и верховного судью»; конечно, он мог быть еще и «главным казначеем». В эпоху Среднего царства этот «вождь вождей, начальник наместников и старший над советниками, наместник Гора при его появлении» часто получал в свои руки управление столицей; а в более поздние времена это стало правилом.

Сказанного выше может быть достаточно, чтобы коротко и в общих чертах обрисовать официальную сторону жизни Египта эпохи Среднего царства. Характерной особенностью этого времени было то, что помимо высокопоставленных чиновников, которые существовали уже в дни Древнего царства, более заметное положение стали занимать их подчиненные. А подчиненных был целый легион – например, казначейство имело, помимо уже упомянутых чиновников, «заместителя начальника казначеев», «письмоводителя при этом начальнике», «письмоводителя дома серебра», «главного письмоводителя казначейства», «стража дома серебра», «управляющего чиновниками дома серебра» и т. д. Ясно, что эти чиновники

низшего уровня стали видными и значительными людьми, и, даже не имея возможности блеснуть длинными титулами или же назвать себя «тайным советником» или «другом» царя, они так же, как и представители старой аристократии, имели слуг и рабов[106] и воздвигали себе великолепные усыпальницы в Абидосе. Они образовали средний класс египетского общества.

Как это произошло – совершенно очевидно: в результате процесса, который всегда присутствует в жизни любого государства. Человеческие страсти, которые влияют на управление царством или королевством, одинаковы повсюду и во все времена, и поэтому развитие государства идет, как правило, всегда и везде по одному и тому же пути. Высокопоставленный чиновник всегда полагает, что ради интересов государства ему следует исполнять, помимо его собственных обязанностей, обязанности его сослуживца, чтобы в системе управления было больше единообразия и простоты. Если кому-то удалось иметь одновременно две должности, каждый его преемник старается сделать то же самое, и таким образом объединение этих должностей в одних руках становится правилом. С течением времени в результате честолюбия сановников управление становится все более централизованным, обладатели высоких государственных чинов постоянно прибавляют новые должности к тем, которые у них уже есть, и, наконец, мы видим неестественное положение, подобное тому, которое возникло в древней империи, когда один человек занимал огромное число должностей.

Нетрудно догадаться, к чему приводила эта вредная для общественного организма концентрация всей власти в немногих руках. Даже самый энергичный человек, отвечая за тридцать учреждений, не может сам исполнять даже очень малую часть своих обязанностей в каждом из них. Никто не может одновременно судить, управлять казной, командовать войсками, ведать зданиями, находиться в свите царя во дворце, приносить жертвы Гору или покойному фараону, начальствовать над храмом и исполнять кроме этого еще массу обязанностей. Счастливый обладатель этих почетных должностей вскоре начинал довольствоваться тем, что руководил своими ведомствами, а работу в каждом из них оставлял своим подчиненным; и, поскольку какие-то обязанности были важнее других, он сосредотачивал свои силы на выполнении более важных, а остальные полностью передавал чиновникам более низкого уровня. Но, отдав работу в другие руки, он продолжал формально сохранять за собой связанную с ней должность ради вожделенного титула. Со временем положение выправлялось,

поскольку знатнейшие люди страны обнаруживали, что вместо власти, которую они, по их мнению, получили, они имеют лишь много звучных титулов.

Египет пережил это на очень раннем этапе своей истории. Во времена Древнего царства по поводу многих титулов возникало подозрение, что они – только ничего не значащие слова, так что их владельцы, зная об этих подозрениях, прибавляли к ним слово *настоящий.* Например, в годы правления V династии некий Тепеманх назвал себя так:

настоящий друг царя,
настоящий начальник поручений,
настоящий судья и глава округа,
настоящий судья и главный писец,
настоящий судья и писец.

Нет сомнения, что в эпоху Среднего царства многие звания, которые в знак отличия носили правители номов Среднего Египта, были только почетными титулами; и действительно, те, кто их носил, торжественно объявляли, что они *действительно* главные пророки или *действительно* царские родственники, а это указывает, что не все указания на их должности в одинаковой степени заслуживают доверия. Номархи из Асьюта, Бени-Хасана и Эль-Берше носили титул «государственный казначей», но мы не встретим ни одного свидетельства о том, чтобы кто-то из них бывал на Синае или в Хаммамате. В данном случае это явно был титул, который они унаследовали из прошлого; возможно, кто-то из их предков действительно исполнял эту должность, и фараон присвоил ее как почетный титул его потомкам.

Крестьянки приносят дань от деревень, названия которых означают «озеро», «пироги», «винные горы», «похоронные жертвоприношения» и т. д. Из гробницы Ти (по книге *Bädeker.* Lower Egypt, с. 411)

Перед тем как продолжить разговор о развитии египетского государства, мы должны бросить взгляд на те общественные

отношения, на которые опиралась государственная структура в древнейшую эпоху.

В начале главы I я показал, что в Египте существовала аристократия – *знать* ( ), и в руках ее представителей находилось управление теми городами и номами, где они жили.

Староста деревни приведен для отчета. Рисунок из гробницы Ти. По: *Bädeker.* Lower Egypt, c. 409

Они сидели на местах «своих отцов, знатных людей древних времен» и были ярчайшим примером наследственной аристократии. Их основным богатством были земельные владения, и в их гробницах мы видим изображения длинных процессий – шествия крестьян и крестьянок, представляющих различные деревни, принадлежавшие покойному. Названия деревень написаны сбоку от этих фигур и позволяют нам узнать много интересного. Большинство деревень названы по главному продукту, который в них производят, – рыба, пирог, сикомор, вино, лотос, хлеб, пиво и т. д.; а поскольку одно такое название могло быть использовано для нескольких мест, к нему добавляли имя владельца: «лотос Пехена», «рыбная ловля Пехена», «озеро Энхефттка», «озеро Ракапу» и т. д. Некоторые владельцы предпочитали религиозные названия; например, Сабу, верховный жрец бога Птаха, назвал свои деревни так: «Птах дает жизнь», «Птах дает вечную жизнь», «Птах действует правильно», «Птах заставляет расти» и т. д. Другие, как верноподданные своих государей, выбирали царские имена; например, некий Птаххотеп дал своим деревням названия: «Сахура дает прекрасные приказы», «Эссе, любящий правду», «Гор желает Усеркафу жить», «Мут желает, чтобы Какае жил», «Харекау имеет великолепные венцы», «Харекау дает великолепные награды». Мы предполагаем, что царские имена, которые часто принадлежат фараонам прошлых времен, – это, возможно, имена тех царей, которые даровали данной семье эти владения. Упомянутый ранее Сабу, который жил при царе Тете, в таком случае, должно быть, получил

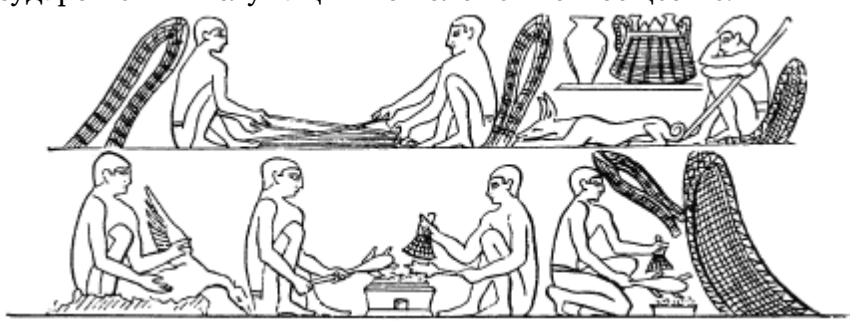
несколько деревень от предыдущих царей Унаса и Эссе, но одно из его поместий, *почетное*, вероятно, дал его предкам древний царь Хафра (Хефрен); деревни Сабу не находились все вблизи Мемфиса, где он занимал должность, а были разбросаны по всей дельте.

Разумеется, чтобы управлять большим имуществом, нужно было много служащих. Их изображения часто встречаются на рисунках; это были «писцы», «начальники писцов», «дворецкие», «управляющие делами», «писцы при складах зерна» и т. д. Очень часто самые высокие должности по управлению имуществом крупного землевладельца давались его сыновьям. В поместье был также свой особый суд, который следил за тем, как велись списки скота, и в этот суд приводили старосту деревни, если он не доставлял в срок налоги, собранные с подчиненных ему крестьян. Кроме земледельцев, в таких поместьях было много рабочих и пастухов; эти люди ходили на войну со своим господином, из них составляли различные военные части, каждая из которых имела свое знамя. В эпоху Среднего царства условия жизни крупных землевладельцев, видимо, были совершенно такими же, как описанные выше.

Изучение рисунков в гробницах эпохи Древнего царства может привести нас к выводу, что население Египта в ту эпоху состояло только из тех людей, которые там изображены, – из знатных господ с их большими поместьями, высокими государственными постами и жреческими должностями, подчиненных им всевозможных чиновников более низких уровней и, наконец, массы подневольных земледельцев и крестьян. Других в гробницах не изображали: нам никогда не удается хотя бы мельком взглянуть на свободных крестьян, ремесленников или торговцев. Такая своеобразная структура общества может быть результатом необычных политических событий, но трудно понять, каким образом столь высокая цивилизация могла бы развиваться в обществе с такой неестественной и односторонней структурой. Рабы вряд ли смогли бы довести искусство и ремесла Египта до того совершенства, которое мы видим в гробницах эпохи Древнего царства.

У нас, по сути дела, нет убедительных доказательств того, что Египет в древнейшие времена был населен такой «нацией рабов». Мы не должны забывать, что все наши знания добыты из гробниц, построенных людьми из высшего класса тогдашнего общества. Естественно, эти князья и царские родственники желали передать потомству имена своих верных слуг и приказывали изображать крестьян, пастухов и ремесленников, которые работали в их владениях. Но у людей из высшего класса

не было никаких оснований увековечивать в своих гробницах тех соотечественников низкого звания, которые не были связаны с ними как слуги или иначе; а если нас удивляет, что эти низшие люди не строили себе гробницы, то мы не должны упускать из виду, что обычай строить себе несокрушимые усыпальницы, вероятно, возник лишь в эпоху Древнего царства. Только главнейшие люди страны позволяли себе эту роскошь, и (насколько мы можем судить по раскопкам Лепсиуса и Мариета) за триста лет правления IV и V династий на мемфисском кладбище вряд ли была бы построена тысяча гробниц. Только в эпоху Среднего царства круг людей, строивших себе гробницы, стал шире, и в абидосском некрополе мы находим бесчисленное множество кенотафов (гробниц без останков умершего. – *Пер.)* в память людей, несомненно принадлежавших к более низким разрядам чиновничества. Одновременно с этими «писцами гарема» и «писцами нома» на абидосском поле нам начинают встречаться многие другие люди без титулов и чинов; возможно, это богатые свободные граждане, более мелкие землевладельцы, богатые купцы или ремесленники. Эти гробницы имеют не меньшее значение, чем погребения царских чиновников; те, кто в них похоронен, имели каждый своих «управляющих хозяйством», слуг и служанок, и часто кто-нибудь в семье умершего находился на государственной службе. Таким образом, эти люди были равны государственным служащим по положению в обществе.



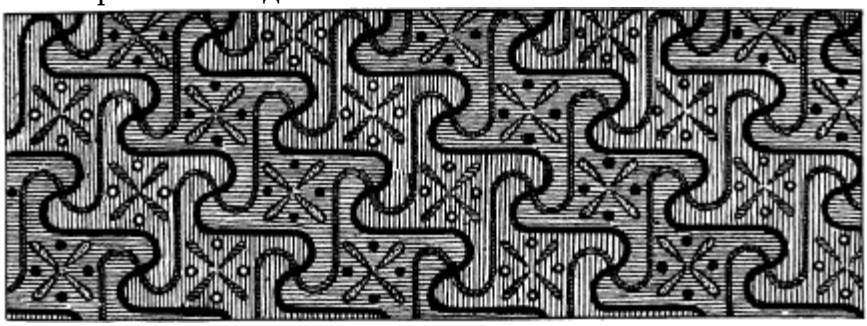
Приготовление пищи пастухами, эпоха Древнего царства (согласно Перро – Шипье, с. 36)

Очень древнее стихотворение рассказывает нам о торговцах и ремесленниках, которые не были ни крепостными знатных господ, ни чиновниками государства, а работали на себя самих. Об одном сказано, что он ходит и ездит по дельте, чтобы «заработать себе деньги», другой – цирюльник, который ходит с одной улицы на другую и собирает новости, третий, оружейник, покупает осла и отправляется в чужие земли продавать свое оружие. В этом же стихотворении мы читаем, что ткач должен

всегда сидеть дома за работой, а если он хочет глотнуть немного свежего воздуха, он должен подкупать привратника; отсюда видно, что поэт считает его подневольным слугой.

Глава VI
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЕГИПТЕ В ЭПОХУ НОВОГО ЦАРСТВА

Несмотря на все перемены и нововведения, Среднее царство имело ту же политическую основу, что и Древнее; а вот политический порядок эпохи Нового царства нужно рассматривать как новый, созданный в эту эпоху, и он отличался от политического строя старых времен настолько же, насколько военизированное государство Наполеона I отличалось от феодального королевства Людовика IX Святого (правил в 1226–1270 гг. – *Ред.).* Многие старые судебные органы и многие титулы продолжали существовать и в эту более позднюю эпоху, но основные принципы управления страной изменились настолько, что эти признаки сходства могли быть лишь внешними.



Египетский узор, украшавший потолок

Прежде всего, в эпоху Нового царства совершенно исчезли правительства провинций, которые были опорой старого государства: больше не было номархов, старая аристократия потеснилась и уступила место царским чиновникам, а земли перешли из рук старинных знатных семей в собственность государства и крупнейших храмов. Это, несомненно, произошло в результате правления гиксосов и войн, которые они вели.

Фиванские династии в течение многих поколений вели борьбу против этих правителей-чужеземцев и сражались при этом не за свободу мелких княжеств, а за собственные интересы. Едва ли они отвоевали страну и изгнали из нее гиксосов под влиянием патриотических чувств, о наличии которых у себя заявляем мы, люди современного мира. Они смотрели на освобожденные ими земли как на свои собственные, с трудом добытые владения и просто занимали место чужеземных правителей. Мы можем

понять, почему царь Таа не только не получил поддержки от мелких князьков, но встретил с их стороны сопротивление, поскольку они предпочитали оставаться вассалами чужеземного правителя из Хату ара, чем подчиниться равному себе. И действительно, мы видим, что после освобождения страны по-прежнему вспыхивали восстания, которые Яхмос должен был подавлять. Особенно выделяется одно сообщение: мы читаем, что некий Тетеан «собрал злодеев» и начал поход против Яхмоса, который победил его в ожесточенной битве. С другой стороны, Яхмос был обязан наградить титулами тех князей, которые его поддерживали, и потому в начале правления XVIII династии мы встречаем частных лиц с высоким титулом «первый сын царя»; очевидно, высокий сан был дан им в уплату за отказ от их притязаний. Четыре поколения семьи правителей Эль-Каба (Нехебта) несомненно сохраняли титул «первый царский сын», и к ней принадлежал Аменхотеп, сын Хапу, знаменитый мудрец и придворный Аменхотепа III. Каковы бы ни были подробности, в общих чертах мы можем считать истиной, что Таа и Яхмос истребили старую знать способами, очень похожими на те, которыми Мухаммед-Али истребил мамлюков (в 1811 г. – Ред.), и как он приобрел наибольшую часть всей земельной собственности в стране за счет конфискации земель у мамлюкских беев (в 1808 г. – Ред.), так и эти цари подобным же образом завладели землями мелких княжеств[107]. Так возникло то неестественное положение, которое мы обнаруживаем в Египте позже, когда все земли, кроме полей жрецов, принадлежали фараону, и государство отдавало их в аренду за плату в размере 20 процентов. В библейской Книге Бытия (47: 20–24) это положение названо результатом деятельности Иосифа (в современном русском переводе Библии это место звучит так: «…и купил Иосиф всю землю Египетскую для фараона, потому что продали Египтяне каждый свое поле; ибо голод одолевал их. И досталась земля фараону. И народ сделал он рабами от одного конца Египта до другого. Только земли жрецов не купил, ибо жрецам от фараона положен был участок, и они питались своим участком, который дал им фараон; посему не продали земли своей. И сказал Иосиф народу: вот, я купил теперь для фараона вас и землю вашу; вот вам семена, и засевайте землю. Когда будет жатва, давайте пятую часть фараону; а четыре части останутся вам на засеяние полей, на пропитание вам и тем, кто в домах ваших, и на пропитание детям вашим». – *Пер.)*.

Новое царство было основано военной силой и утверждало свою власть с помощью войн на севере и на юге; поэтому неудивительно, что оно стало военным государством и что воины

в нем приобрели больше власти, чем когда-либо ранее. До того времени роль армии были невелика; даже в эпоху Среднего царства войны в Нубии вели ополчения отдельных номов; существовал лишь один элемент постоянной армии – «идущие вслед за царем» , гвардия телохранителей, с которой мы так часто встречаемся в Нубии и исключительно в Нубии, поэтому можем предположить, что она была гарнизоном этой покоренной страны. Похоже, что в эпоху Нового царства все изменилось: мы постоянно встречаемся с пехотой, отрядами колесниц и их командирами и «царскими писцами»; на границах страны и в завоеванных землях мы обнаруживаем наемников и их вождей, а внутри страны войска из иноземных наемников выполняют военные и полицейские задачи. Все эти виды воинской службы исполняли для фараона по большей части варвары, и при Рамсесе II мы встречаем на оплачиваемой службе у египтян ливийцев и шарденов.

Воин эпохи Нового царства (согласно L. D., iii. 121 b)

Из этого следует, что такая армия наемников, какую мы сейчас описали, вскоре должна была стать могущественной силой в государстве и многими способами вмешиваться в управление им. Что так и было на самом деле, мы часто можем догадаться по сохранившейся до наших дней переписке, которую вели писцы. «Начальник воинов» дает точные указания о том, как и где нужно копать канал, а его заместитель не только отдает приказы о перевозке каменных блоков, но и организует перевозку статуи. Возница царской колесницы, который занимает высокую должность в армии, надзирает за перевозкой памятников, и это же делает начальник ополчения. Таким образом, мы видим, что армейские начальники заняли места прежних «государственного

казначея» и «казначея бога». Прошло еще несколько веков, и наемники сбросили фараона с престола, а на его место посадили своего верховного предводителя.

Однако судьба определила Египетскому царству еще до этого покориться другой власти, и грозные признаки этой опасности были видны уже в эпоху Нового царства. Я говорю о сословии жрецов, чье положение в царстве после XVIII династии стало все больше выходить за пределы нормы. Признаки роста их могущества можно легко разглядеть на кладбище Абидоса, где мы подобным же образом увидели возвышение низшей части чиновничества в эпоху Среднего царства: со времени правления XVIII династии там повсюду появляются гробницы жрецов и храмовых чиновников.

Воин эпохи Среднего царства. Рисунок из Асьюта, согласно W., I, 202

В более ранние времена в жрецах тоже не было недостатка, но большинство из них – исключением были первосвященники главных богов – занимали низшие должности, полученные от номархов или высших чиновников. От тех времен у нас мало сообщений и о поместьях или богатстве храмов; самое большее, с чем мы встречаемся, – должность «казначея» святилища. В эпоху Среднего царства положение было немного иным: в это время мы обнаруживаем «писца при жертвоприношениях», «управляющего поместьями храма», «верховного казначея храма», даже «писца – составителя отчетов по зерну и управляющего складами зерна богов в Тинисе». Однако они мало значили по сравнению с бесчисленными «управляющими от собрания министров» и «хранителями дома», служившими в казначействе. В эпоху Нового царства все изменилось: четверть могил на кладбище в Абидосе – это гробницы жрецов и храмовых чиновников. У каждого бога был

свой управляющий его имуществом, полями, скотом, складами зерна и кладовыми; боги имели своих управляющих зданиями, а также собственных живописцев и золотых дел мастеров, своих рабов и слуг; в каждом крупном святилище был даже свой главный цирюльник. Эти храмовые чиновники обычно были людьми хорошего происхождения и имели видное положение в обществе. Итак, мы видим, что в эпоху Нового царства жречество было одной из главнейших составных частей государства. Тут нет ничего удивительного, потому что как раз в это время религия подрывала и истощала силы египетского народа: цари разоряли себя, тратя свои средства на постройку гигантских храмов или отдавая добычу, взятую в захваченных городах, богу Амону; и рисунки чисто религиозного характера заняли место прежних ярких изображений повседневной жизни. Естественно, что на почве этого религиозного фанатизма пришедшей в упадок нации жречество должно было расцвести пышным цветом. Когда мы читаем в папирусе Харриса об огромных богатствах, которые лишь один из царей преподнес своим «отцам-богам», нас не удивляет, что служители этих богов скоро стали соперничать с царями по могуществу и действительно в конце концов отбросили их прочь.

Командиры наемников, с одной стороны, могущественные жрецы – с другой занимают в эпоху Нового царства место старой аристократии. И совсем не случайно то, что мы видим, как с этими двумя объединяется третья группа людей, определяющая жизнь страны, – та, которая возникает лишь тогда, когда государство больно, а именно рабы, принадлежащие правящему классу.

На рисунках, изображающих придворную жизнь номарха Хнемхотепа (которого здесь уже часто упоминали), мы можем видеть начальников кухни сада и, кроме них, нескольких домашних слуг, которые названы словом . Вероятно, они служили на кухне этого князя, поскольку они присутствуют при том, как закалывают скот, и приносят своему господину жареное мясо, кувшины с вином и еду. Однако по Берлинской стеле мы знаем, что знатная семья той эпохи имела четырех таких слуг, которые начальствовали над «пекарней» и «домом плодов»[108]. Мы также встречаем их в качестве слуг низшего разряда в других домах того времени – например, в доме одного человека, который не имел вообще никакой официальной должности. Поэтому мы не сделаем ошибки, если переведем это слово как *раб*.

При X династии эти рабы стали играть важную роль в государстве и достигать высоких почестей. Один из них –

служащий в казначействе, другой отдает чиновникам приказы относительно того, как нужно воздвигать памятники, а при Рамсесе IX мы встречаем даже двух *рабов-князей,* которые по рангу занимали место сразу после верховных жрецов. Это были «раб царя Несамун, писец фараона и управляющий имуществом верховной жрицы Амона-Ра» и «раб царя Нефер-ка-Ра-ем-пер-Амун, глашатай фараона». В следующей главе мы встретимся с ними обоими как с исполнителями официальных должностей и будем иметь случай обсудить подробнее их неестественное положение в государстве.

Эти рабы в большинстве случаев были по рождению варварами: из одиннадцати, которые упомянуты как входящие в число придворных Рамсеса III, пять носили иноземные имена; например, один был ливийцем по имени Инене, а другой с радостью носил красивое финикийское имя Махар-баал. Из тех, кто носил египетские имена, многие, вероятно, тоже были родом иноземцы. Их чужеземное происхождение заставляет нас предположить, что в этом случае речь идет о *рабах,* а отрывок из стихотворения, где цветистым стилем описан триумф царя, устраняет все сомнения в том, что это так и есть. Там сказано, что старшие из пленных киликийцев, которых провели перед царским балконом во время триумфального шествия, будут работать на пивоварне, а младшие будут либо лодочниками, либо, после того как их искупают, натрут благовонными мазями и оденут, станут рабами его величества. Такие рабы стали любимцами у фараонов эпохи Нового царства, которые, похоже, подобно средневековым султанам, пытались, покупая рабов, окружить себя людьми, которым можно было бы доверять. В этом случае рабы занимают то же место, что мамлюки, и мне вряд ли нужно говорить, что одна и та же причина, а именно недоверие к своим подданным, в обоих случаях заставила монархов использовать странное средство – возвысить рабов, в результате чего в обоих государствах невольники заняли высокие должности. На деле рабы (так же как и много позже мамлюки) не всегда были верны своим господам: к примеру, некоторые из них участвовали в большом заговоре против Рамсеса III.

Среди придворных сановников мы тоже часто встречаем иноземцев, которые, возможно, раньше были рабами. Например, при царе Меренптахе должность «первого глашатая его величества», через посредство которого царь разговаривал с теми, кто входил в его свиту, была дана ханаанею по имени Бен-Матана, сын Иупаа из Дарбарсаны. При дворе этот ханааней, конечно, взял себе египетское имя: он назывался «Рамсес в храме Ра» и (возможно, потому, что это благородное имя носил еще кто-

то из его сослуживцев) носил еще и дополнительное имя – «любимый Гелиополем». Вероятно, не все варвары так добросовестно указывали на свое иноземное происхождение, как Бен-Матана, а следовательно, мы можем предположить, что многие чиновники, носившие имена в честь царствующего фараона, могли быть финикийцами или киликийцами.

Мы уже отметили, что феодальный строй Египта, вероятно, был уничтожен насильственно; однако от прежних провинциальных правительств кое-что сохранилось, хотя и в сильно измененном виде[109]. То и дело упоминается – по крайней мере, в стихах – Совет тридцати. Прежний титул

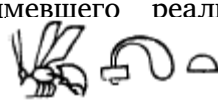
номархов – «князь» – продолжали носить правители больших городов, например Фив или Тиниса, но они потеряли то влияние и ту власть, которые были у князей эпохи Среднего царства. Они стали только лишь правительственными чиновниками, не имевшими никакого значения в политике.

Фивы имели двух таких князей – одного для самого города, другого для квартала мертвых. Если мы можем верить рисунку времен Сети I, «югом и севером» в более ранние времена управляли 19 князей[110].

Между фараоном и правительственными чиновниками теперь стоял заместитель царя; он назывался «главные уста», или, иначе, «вождь вождей и начальник над начальниками работ»; при царице Хатшепсут в этом качестве выступал ее любимый слуга, но обычно эту должность занимал предполагаемый наследник престола[111]. Однако во главе самого правительства мы по-прежнему обнаруживаем «главного судью» и «наместника»; теперь их часто бывает два одновременно[112]. В более ранние времена эти люди обычно имели еще одну высокую должность, а именно «государственного казначея». В эпоху Нового царства – и, вероятно, раньше[113] – они управляли *городом,* то есть тем из городов, где находилось правительство страны, будь это Фивы, Мемфис или новый город Пер-Рамсес в восточной части дельты, основанный при XIX династии. В столице наивысшей властью даже в делах храмов был *наместник,* который по должности был даже выше верховных жрецов. Когда работники не могли добиться, чтобы им вовремя доставили зерно, то, исчерпав все остальные средства, они обращались к нему. О каждом преступлении докладывали наместнику, и он должен был расследовать дело и провести судебный процесс. Короче говоря, он был главой полиции в столице и, вероятно, также во всем царстве. В эпоху Нового царства наместником и «начальником города» часто выбирали священнослужителя – верховного жреца

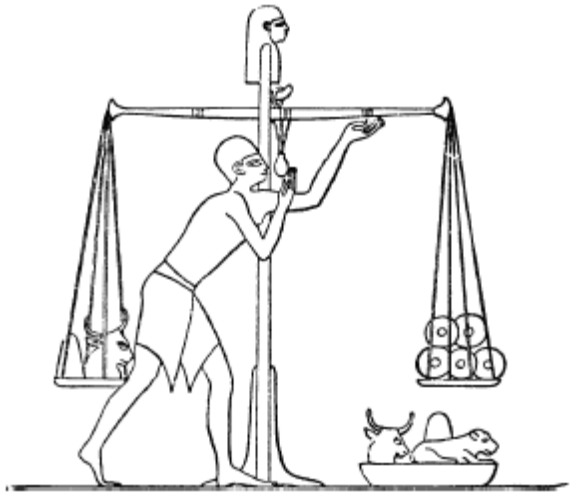
великого фиванского бога Амона или верховного жреца великого мемфисского бога Птаха. Такой сановник объединял в своем лице высшую светскую и высшую духовную власть и был не только «главой великих людей юга и севера», но и «начальником пророков юга и севера», то есть, как сказали бы мы, министром внутренних дел и министром по делам религий одновременно. Древние ведомства, управлявшие царским имуществом, тоже были сохранены – и управление *домом*[114] (то есть земельными владениями), и управление складами зерна, и управление, распоряжавшееся быками, и их многочисленные начальники были людьми высокого звания, способными воздвигать себе великолепные гробницы. Особенно велико было значение должности «начальника складов зерна», поскольку, несмотря на все завоевания и дани, истинным богатством Египта было производимое на его землях зерно. «Начальник складов зерна» должен был следить за тем, чтобы этого зерна было много и хватало на содержание всех чиновников, солдат и зависимых крестьян; он должен был держать под своим контролем и требовать крупных поставок зерна от «управляющих поместьями (?) фараона, от жалкой страны Эфиопии до границ страны Нахарины. Каждый год для страны наступал великий день, когда «начальник складов зерна» на торжественном приеме представлял монарху «отчет об урожаях на юге и севере»; и если он, как Хаемхет, начальник складов зерна при Аменхотепе III, мог объявить своему повелителю, что разлив Нила был хорошим, что «урожай был лучше, чем за тридцать лет», то его величество проявлял особое благоволение к своему верному слуге: в присутствии монарха начальника умащали благовониями и украшали дорогими ожерельями.

Хаемхет, «начальник складов зерна» при Аменхотепе III (по L. D., iii. 77 e)

Однако казачейское ведомство, хотя и имевшее совершенно иной облик, продолжало занимать первое место в управлении страной. Теперь мы редко встречаем сведения о «казначее»[115] , кроме не имевшего реального содержания титула «главный казначей»  , который по-прежнему носили наместники. «Казначеи» исчезли, а вместе с ними исчезли «начальники собрания министров». Основную часть их работы выполняют военные, а то, что остается, – мы назвали бы это работой департамента финансов – взял на себя «дом серебра», который раньше был лишь подразделением казначейства. Во главе его стояли различные «начальники дома серебра»[116] – они занимали высокое положение и по рангу были следующими после наместника. В подчинении у них были «заместители» и «писцы дома серебра», переписка которых сильно займет наше внимание. Мы увидим, как они поставляли лес строителям кораблей, как они организовывали украшение царского дворца и как они обеспечивали снабжение двора продовольствием в пути.

Забота о царских драгоценностях была, как и в более ранние времена, поручена казначейскому ведомству: она входила в обязанности «начальника умащений в казне господина обеих стран, хранителя царского венца благого бога». По этой причине «начальник дома серебра» имел у себя в подчинении некоторое число художников; это были «заместитель художника дома серебра», «главный живописец» и «писец при живописцах», а также «главный архитектор дома серебра»[117]. Мы также должны упомянуть еще нескольких чиновников, имевших отношение к этим работам, – например, «хранителя весов дома серебра», который хвалит себя за то, что «не уменьшил доходы богов и не подделал стрелку весов». Существовали также высокопоставленный библиотекарь «дома серебра», «главный хранитель книг», и «писец склада зерна, полученного как дань».

Переписка между «писцом Эннаной» (и его предшественником в этой должности) и наставником Кагабу, «писцом дома серебра», послужит нам хорошим примером работы этого ведомства. Оба они, вероятно, служили в казначействе города Рамсеса, хотя Эннана в то время жил в восточной части дельты.



Государственный казначей, взвешивающий золотые кольца (согласно L. D. iii., 39 a)

Кагабу получил от своего начальника, «Параемхеба, начальника дома серебра», поручение покрасить заново царский дворец, пока там нет царя, и черновую часть этой работы передал Эннане. Тот вместе с ремесленником Сераменнахтом должен был также починить ладью из акации, которая не была на воде уже много лет и теперь разваливалась на куски. Кагабу пишет: «Когда вы получите мое письмо, пойдите вместе и посмотрите на акациевые доски, которые остались лежать вместе с ладьей бога в кладовой в Ресну, выберите из них четыре доски очень длинных, очень широких и очень красивых и установите их как боковые доски на ладью из акации, которая хранится вместе с ними в кладовой; на каждый бок поставьте по две доски. Посмотрите, какое еще осталось хорошее дерево для обшивки, и почините ладью от носа до кормы»[118].

В другой раз Кагабу поручил Эннане осмотреть виноградник при храме Амона в городе Пер-Рамсес и доставить по назначению выжатое там вино. Эннана в точности выполнил эти указания и послал своему предшественнику отчет о своей поездке, который является для нас хорошим примером стиля таких официальных докладов. Вот что он сообщил:

«Когда я прибыл в Най-Рамессу-Мри-Амун, что на берегу Потера, на грузовой ладье моего господина с двумя упряжками быков из дома Сети II, в храм Амона, несокрушимого на миллионы лет, я определил количество садовников в храме Амона, несокрушимого на миллионы лет. Вот что я обнаружил:

Садовники:

Мужчин – 7

Юношей – 4
Подростков – 4
Мальчиков – 6
В с е г о: 21 душа

Список вин, которые я обнаружил опечатанными главным садовником Татери:

Вино, кувшины, – 1500
Шедех (напиток), кувшины, – 50
Пауэр (напиток), кувшины, – 50
Эхармаа (плоды), корзины, – 50
Связки виноградных гроздей, корзины, – 50
упаковки, – 60

Я загрузил две запряженные быками повозки из дома Сети II в храме Амона, несокрушимого на миллионы лет, и приехал по суше, двигаясь вдоль Нила (протоки Нила. – *Ред.),* в город дома Рамсеса II, великого образа Ра-Хармахиса. Там я передал их в руки служащего, который отвечает за дом Сети II в храме Амона, несокрушимого на миллионы лет, и теперь пишу моему господину этот доклад».

Эннане было доверено также еще одно поручение, гораздо более важное, а именно снабжение царского двора продовольствием. Находясь в пути, царь требовал, чтобы во всех многочисленных местах, где он собирался останавливаться, было заранее приготовлено все необходимое, и у «писца дома серебра» было едва ли не больше дел, чем он был в силах выполнить, по доставке всего необходимого для временного проживания двора. Начальник «писца дома серебра» прислал ему письмо, где сообщал ему о предполагаемом приезде «фараона, его доброго господина», и настойчиво просил его выполнить указания точно как положено по распорядку царских остановок, и ни в коем случае не оказаться виновным «в преступной лени». Это была задача не из легких, потому что количество продуктов было очень большим. Были нужны шесть разновидностей *хорошего хлеба,* всего 16 тысяч кусков, другого хлеба 13 300 кусков, 4 тысячи пирогов различных видов и 200 корзин.

Кроме этого – 100 корзин сушеного мяса, 90 кувшинов сливочного масла и соответствующие этому количества молока, гусей и т. д. Количество корзин, наполненных инжиром, виноградом и другими плодами, тоже было значительным; 100 венков понадобились, чтобы украсить цветами кувшины с вином, 100 грузов сена нужны для лошадей, 2000 кусков дерева пошли на дрова для кухни, и на топливо для нее же потребовалось 200

грузов угля. Корзин, которыми обычно пользовались в казначействе, не хватало для упаковки и перевозки всего этого, и потому письмоводитель должен был еще заказать у плетельщиков 500 новых корзин из тростника.

Будем надеяться, что Эннана хорошо справился со своей трудной задачей и таким обазом избежал кары, которой ему угрожали. Если бы он допустил, чтобы фараон «путешествовал в Гелиополь, не имея при себе всего, что требуется», это посчитали бы *великим преступлением.*

В другом случае Эннана действительно оказался в очень трудном положении. Выполняя свои обязанности, он, наряду с другими делами, должен был управлять каким-то количеством зависимых крестьян, которые работали в полях, а их жены в это время ткали для государства. За несколько месяцев до этого Эннана передал своему ближайшему начальству, «начальнику дома серебра», большое количество тканей, изготовленных этими женщинами, а теперь готовился передать еще 178 кусков материи, сотканных за прошедшее с тех пор время. А в это время другой крупный чиновник, «господин дома» (то есть управляющий поместьем), которому Эннана должен был сдать урожай, собранный этими крестьянами, выяснил, что работа крестьянских жен должна быть сдана тоже *ему,* и в таком его мнении на этот счет, вероятно, была какая-то доля правоты. По этой причине он смело пришел к Эннане и, по словам того, «чинил ему зло всяческими способами». Затем он приказал трем своим слугам отвести Эннану к Хуи, начальнику солдат, и Птахемхебу – писцу, который составлял списки зависимых крестьян в этой местности. Перед Эннаной положили список его крестьян – содержавший, по его утверждению, много ошибок. «После того как мне предъявили реестр крестьян, – писал Эннана Кагабу, – он подстрекал своих людей говорить мне: «Сдай работу крестьянок». Так он говорил. Но ведь я уже сдал работу этих крестьянок начальнику дома серебра, и работа была принята больше чем за пять месяцев до случившегося, во втором месяце лета! Тогда он взял у меня ту материю, которую я собирался сдать начальнику дома серебра. Я прилагаю список тканей, отнятых у меня, чтобы начальник дома серебра смог его увидеть:

Царский лен – 87 кусков

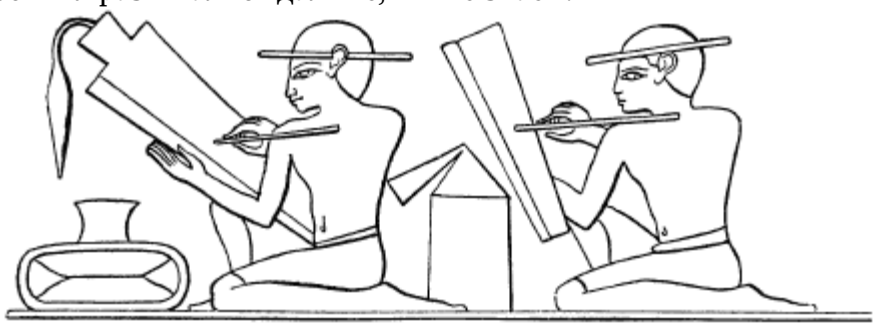
Лен – 64 куска

Хороший лен из Верхнего Египта – 27 кусков

В с е г о – 178 кусков».

Эннана в конце концов вызвал своего противника на суд *князей,* и благодаря их вмешательству это дело, похоже, было улажено – по крайней мере, внешне; но Эннане пришлось вынести

еще много обид от «начальника дома». «Когда этот начальник послал двух солдатских писцов забрать урожай, они второй раз увели двух крестьянок из деревни Паешему и приказали Эннане дать им слугу-юношу, хотя у Эннаны был в распоряжении только один юноша – тот, который ухаживал за скотом владельца деревни Тутмоса». Это и многое другое управляющий поместьем предпринял только из желания отомстить Эннане и сам же открыто ему сказал: «Это происходит с тобой из-за того, что ты отдал тканую работу крестьянок начальнику дома серебра». Эннана был не в силах ничего сделать своему могущественному врагу и мог лишь добиваться от своего начальника Кагабу, чтобы тот замолвил за него слово «великому человеку дома», стоявшему над злым «начальником дома», чтобы тот смог вернуть обратно четырех крестьянок, которых забрали у Эннаны без какой-либо обоснованной причины. Имела ли эта просьба успех и как события развивались дальше, мы не знаем.



Писцы в эпоху Древнего царства (L. D., ii. 9)

До нас дошло много документов, которые показывают, как велась отчетность в этом «доме серебра» и в других подобных ему ведомствах, но перевод этих документов представляет величайшую трудность оттого, что в них много неизвестных слов и сокращений. В этих документах точно указано, сколько получено того-то или того-то, от кого и когда поступило полученное и подробности того, как оно было использовано. Такую педантичность проявляли не только тогда, когда количество продукта было большим: даже самые малые количества зерна или фиников тщательно вносились в список. Эта мания все записывать (никаким другим словом мы не можем ее назвать) была характерна не только для более поздней эпохи: нет сомнения, что и во времена Древнего и Среднего царства писцы трудились так же усердно, как и при Новом царстве. Об этом свидетельствуют рисунки из древних гробниц: измеряют ли зерно, проводят ли мимо кого-то скот, повсюду при этом присутствуют писцы. Они сидят на земле, опустившись на

корточки, рядом с писцом стоит коробка с принадлежностями для его работы или футляр для свитков папируса, за ухом у писца находится запасное перо, а в руках – полоса папируса, на которой он пишет. Каждое поместье имело свою особую контору, которую часто возглавлял сын владельца. В государственных службах мы обнаруживаем то же положение дел: каждый судья носил еще и звание «главный писец», а каждый главный судья был «начальником письменных дел царя»; один из «великих людей юга» назывался:

начальник письменных дел по сельскому хозяйству,
заведующий письменными делами в ведомстве сельского хозяйства,
управляющий письменными делами по вопросам сельского хозяйства (?),
старший писец, писец царя,
управляющий писанием прошений (?).

Короче говоря, мы видим, что все дела по управлению страной велись в письменной форме. *Управлять* и *писать дела* было, с точки зрения египтян, почти одно и то же, и писец был чиновником. В более поздние времена в каждом ведомстве было огромное множество писцов: например, в «доме серебра», где служили Эннана и Кагабу, писцов было по меньшей мере девять, и даже в армии управление было бюрократическим, потому что одним из старших командиров был «войсковой писец».

Были также писцы, которые лично сопровождали начальников различных ведомств, например, наместника, «князя» города и «начальника дома серебра». Нет сомнения, что эти чиновники часто имели большое влияние как представители своих господ. Монарх всегда имел личного секретаря; в эпоху Древнего царства мы обнаруживаем должность «писец в присутствии царя», во времена Среднего царства был «писец и свидетель в присутствии царя», а при Новом царстве «царский вассал и писец фараона».

Хорошо известное положение «что нельзя вписать в документы, того не существует» действовало и в делах египтян, и поэтому к деловым письмам часто добавляли такую фразу: «Я пишу это тебе, чтобы это могло послужить свидетельством в отношениях между нами, а ты должен хранить это письмо, чтобы в будущем оно могло послужить свидетельством». С некоторых документов снимали копии, чтобы копия и оригинал были подтверждением друг для друга. Казначейство ничего не выдавало без письменного приказа. Кроме того, необходимо было

полностью предоставить все данные в письменном виде: один «начальник ополчения» напрасно пытался получить у командира наемников определенное число зависимых крестьян: ему не могли дать ни одного, пока он не принес список их имен. И этот начальник целиком и полностью одобрил такой формализм. Пунктуальность доходила до того, что отмечались даже мельчайшие подробности: если кто-то на время брал быков для молотьбы у кого-то другого, погонщик имел список переданного ему скота; если работник получал положенное количество зерна себе на еду, вместе с зерном ему давали официальную расписку в получении зерна.

Писец оформлял документы одним из двух способов: «для переписывания» или «для хранения в архиве наместника». После этого документы передавались на ответственное хранение главному библиотекарю[119] того ведомства, к которому они имели отношение, а он помещал их в большие вазы и аккуратно составлял их перечень. К примеру, один библиотекарь, живший при XX династии, записал, что в шестой год правления царя осмотрел две из своих ваз с книгами[120]. В первой из них (если я понял верно) находились два отчета, принадлежавшие частным лицам и хранившиеся в архивах, протокол осмотра «венков» для храма Амона, а также два больших и четыре маленьких свитка, содержавшие дела, имевшие отношение к храму Рамсеса III:

«Общее число свитков, обнаруженных в вазе для книг, – 9».

В других вазах хранились документы, касавшиеся судебного процесса против грабителей могил, о котором мы будем говорить в следующей главе. Там были следующие документы:

«Расписка в получении золота, серебра и меди, которые, как оказалось, были украдены рабочими в некрополе – 1

Отчет о повторном осмотре пирамид – 1

Суд над людьми, которых застали оскверняющими гробницу на кладбище города, – 1

Осмотр пирамиды царя Ра-сехем-мери-тауе – 1

Осмотр гробницы наместника Сера, проведенный Уаресом, мастером работ по металлу, – 1

Список медных вещей, украденных ворами в некрополе «Место красот», – 1

Имена воров, – 1

Суд над Пайкахаем, бывшим смотрителем, теперь снятым с должности, – 1».

Два папирусных свитка, которые сейчас находятся в Берлинском музее, были найдены в вазе.

Рассказанная выше история развития Египетской империи может быть значительно дополнена в результате будущих исследований, в особенности история эпохи Нового царства; но основные ее черты все же не изменятся. И потому, вместо того чтобы излагать еще какие-либо исторические подробности, я предлагаю читателю описание нескольких случаев, которые показывают, какой была египетская бюрократия. Все они произошли с чиновниками времен Нового царства, но служители более древнего государства имели много общего с теми, о ком мы сейчас будем говорить.

Об этих случаях я узнал в основном благодаря так называемым учебным письмам, то есть частично реальной, частично вымышленной переписке между учителем и его учеником или между начальником и подчиненным, что сводилось к одному и тому же. В более позднюю эпоху египетской истории был такой обычай: каждого, кто желал посвятить себя занятию чиновника, сперва отдавали под присмотр одному из начальников писцов казначейства, который не только учил новичка практическим навыкам работы, но также давал ему воспитание и упражнял его ум. Естественно, что при таком профессиональном характере образования взгляды чиновника на жизнь становились узкими. Подобные преподаватели внушали своим ученикам, что положение писца, то есть чиновника, – самое высокое из всех: все остальные люди похожи на ослов, а чиновник на погонщика, который гонит перед собой тяжело нагруженного осла. «Его должность благородна и великолепна, его книги и принадлежности для письма приятны и богаты», поскольку на этом пути трудолюбивый ученик достигает высокого положения в обществе, власти и богатства.

Правда, даже самый прилежный ученик не мог получить положение, власть и богатство, если его начальник («его господин», как говорили египтяне) не изволил милостиво дать их ему. Поэтому писец должен был прежде всего стараться хорошо выглядеть в глазах своего начальника и для этого поступал по правилу, которое было в ходу во все времена: «Сгибай спину перед своим старшим», – учил древний мудрец Птаххотеп, и египетские чиновники добросовестно следовали этому правилу. Покорность и смирение перед вышестоящими начальниками стала у писцов второй натурой, и это отразилось даже в стиле официальных писем. Начальник пишет своим подчиненным коротко и без лишних слов: «Когда получишь мое письмо, сделай то или это», и редко случается, чтобы он не прибавил к этому

наставления и угрозы; а подчиненный униженно склоняется перед ним. Подчиненный не смеет лично говорить с начальником и осмеливается писать лишь для того, чтобы «порадовать сердце своего господина, чтобы его господин знал, что он выполнил все данные ему поручения, чтобы его господин не имел оснований упрекнуть его». Писать в подобном стиле были обязаны все без исключения: писец Эннана писал так «своему господину Кагабу, писцу дома серебра», и в таких же выражениях он заверял о своем почтении «Паремхеба, начальника дома серебра». Кроме этой официальной переписки, младший по чину часто присылал старшему выражения своих личных покорности и любви; один благодарный молодой подчиненный отправил своему начальнику такие строки:

Я – как конь, бьющий землю копытом;
Мое сердце не спит днем,
А мои глаза – ночью,
Ибо я желаю служить моему господину,
Как раб, который служит хозяину.

А «служить своему господину» в том деле, которое выполнял этот человек, он, несомненно, мог бы и без бессонных ночей; подчиненный представил себе, как бы он строил начальнику загородный особняк, и описал ему это воображаемое здание в стихотворении из двадцати четырех строк. Обязанностью начальника было защищать права подчиненного от нарушения со стороны других лиц, и есть пример, когда писец, несправедливо обиженный одним своим собратом по профессии, жаловался своему господину, что живет так, словно не имеет старшего, и беззащитен совершенно так же, как вдова.

Много мелких неприятностей приходилось испытывать чиновнику на его службе. Один чиновник, веря в то, что его господин был «царским слугой, стоящим ниже ног царя», то есть жил при дворе фараона, осмелился немного отступить от указаний, которые получил относительно поля, расположенного в далекой провинции. Но *сам его господин,* услышав об этом, прислал виновному письмо-выговор: «Один из моих слуг (господин поступил мудро – не назвал имя обвинителя) пришел и сказал мне, что ты поступаешь нечестно с той частью моего поля, которая находится в округе Та…эт-Ра. Как мне понимать то, что ты таким образом нарушаешь мои указания?»[121] Этому слуге повезло, что он так легко отделался: часто бывало, что виновному чиновнику «приносили царский приказ», то есть выговор ему делали центральные власти. К примеру, однажды случилось, что

один из высокопоставленных чиновников казначейства недостаточно подробно осмотрел каких-то людей (я не совсем смог понять, кто обозначен словом «тектана»), которые пришли в Египет из оазиса; он позволил им уйти, а потом должен был послать в оазис одного из своих писцов. Такое упущение считалось большим преступлением, чиновникам царского казначейства казалось невероятным, что дело обстояло именно так, и они надеялись, что боги Ра и Птах услышат более удовлетворительный отчет. И все-таки князь написал: «Если бы ты дал лазутчикам-тектана уйти, куда бы ты повернул? В какой бы дом ты бежал? Он обрушился бы тебе на голову подобно песчаной буре». Чиновнику был дан – с прибавлением угроз – совет привести это дело в порядок, и сразу же после того, как «это письмо фараона» было получено одним из его писцов, этот чиновник послал в оазис своего самого быстрого курьера и приказал ему под страхом смерти привести обратно одного из *тектана.*

Писец должен был бояться не только суровости тех, кто стоял выше него, но и неприятностей от своих сослуживцев и товарищей. Каждый высший чиновник ревниво следил, чтобы никто не смел вмешиваться в его дела и чтобы низшие чиновники сдавали свои отчеты и работу зависимых крестьян ему, а не кому-либо из его сослуживцев. Он всегда был склонен рассматривать мелкие нарушения своих прав как преступные отступления от хороших старинных обычаев и докладывать об этих нарушениях вышестоящим властям, если же он не мог этого сделать, то досаждал своему сопернику всем, чем только мог.

Другим несчастьем, которое всегда могло выпасть на долю чиновника, было направление в плохое место. В Египте были такие места, и те, кто должен был жить в болотах дельты, имели достаточно оснований жаловаться. До нас дошло письмо, написанное одним из таких несчастных писцов своему начальнику; он жил в городе Кенкен-тауэ, известном нам только из этого текста, – и, по его словам, город этот был плох во всех отношениях.

Если он хотел построить что-нибудь, то «не было никого, чтобы формовать кирпичи, и поблизости не было соломы». Что ему было делать в таких обстоятельствах? «Я провожу время, разглядывая то, что находится в небе (то есть птиц), – жалуется он. – Я ловлю рыбу, мои глаза наблюдают за дорогой… Я лежу под пальмами, плоды которых невозможно есть. Где их финики? Они не дают ни одного!» Остальная еда тоже была плоха; из напитков лучшим, что можно достать, было пиво из Кеде. Правда, мух и собак в Кенкен-тауэ имелось в изобилии. По словам этого

писца, там было 500 собак, из них 300 волкодавов и 200 других; каждый день они подходили к двери его дома и шли с ним рядом во время прогулок. Такое количество собак было для него слишком большим, хотя двух он любил так, что, за отсутствием другой темы, полностью описал их в своем письме. Одна из собак была маленьким волкодавом, принадлежавшим одному из его сослуживцев; этот пес бежал впереди писца и лаял, когда он выходил на прогулку. Другим любимцем писца был рыжий пес той же породы с необычно длинным хвостом, рыскавший по ночам вокруг конюшен и хлевов. Кроме этого, писец мог сообщить мало новостей из Кенкен-тауэ – только описание болезни одного из сослуживцев. У больного судорога сводит все мышцы лица. «Его глаза страдают от болезни уашатете. Червь грызет его зубы». Возможно, это были последствия плохого климата.

Другой писец, уроженец Мемфиса, пишет о том, как сильно он страдает от скуки и тоски по дому там, где служит теперь. Его сердце покидает тело и спешит вверх по течению Нила к родному дому. Писец пишет: «Я сижу неподвижно, а мое сердце рвется прочь, чтобы узнать, как идут дела в Мемфисе. Я не могу делать никакой работы: так бьется мое сердце. Явись ко мне, Птах, и отведи меня в Мемфис или позволь мне хотя бы увидеть его издали». По праву считался счастливым тот, кому удавалось обойтись без такого неприятного жизненного опыта – кто оставался дома или был направлен служить рядом со своим отцом; такого счастливца поздравляли все друзья. Например, Серамун, начальник наемников и иноземцев, писал Пахрипедту, начальнику наемников, который был послан в то место Сирийской пустыни, где уже находился на службе его отец: «Я получил известие, о котором ты мне написал. Ты писал мне так: «Фараон, мой добрый господин, показал мне, что доволен мной: он назначил меня командовать наемниками в этом оазисе». По милости Ра, ты теперь находишься там же, где твой отец. Ура, ура! Я был рад сверх меры, когда читал твое письмо. Пусть Ра-Хармахиту будет угодно, чтобы ты долго пробыл там же, где твой отец. Пусть фараон делает тебе то, что согласно с твоими желаниями. Да станешь ты еще могущественней. Прошу тебя, пиши мне, присылай письма с письмоносцем, который приходит сюда от тебя, и рассказывай, как идут дела у тебя и твоего отца». Поистине счастлив был тот чиновник, к которому фараон так хорошо относился, который «получал награды от царя и был любим царем, правившим в его время». О нем поэт справедливо сказал:

Ты жив, ты счастлив, ты здоров,
Ты живешь без бедности и без страданий,
Ты так же прочен, как время:
Твои цели прочны, твоя жизнь долга.
Твои слова прекрасны,
Твой глаз видит то, что хорошо,
Ты слышишь то, что приятно,
Ты видишь хорошие вещи, ты слышишь приятные вещи,
Ты стоишь крепко, а твой враг падает,
Тот, кто говорил против тебя, уже не существует.

Такая удача не доставалась людям случайно, а была даром великого бога Амона-Ра. Кагабу, писец «дома серебра», верил в него, когда, жадно желая повышения по службе, писал: «Ты увидишь, что Амон исполняет твое желание в час милости. Тебя хвалят в кругу князей, ты прочно стоишь во дворце истины. Амон-Ра! Твой великий Нил заливает даже горы, он господин рыбы, он богат птицами, он утоляет желания всех сирот; поэтому помести князей на княжеские места, а писца Кагабу помести перед Тотом, твоим (писцом) истины».

«Видимые знаки признания» (современный синоним для выражения «знаки отличия») в этом упорядоченном государстве имелись в более чем достаточном количестве. Уже в эпоху Среднего царства один высокопоставленный чиновник хвалился, что «ему было дано в награду золото», а при правлении XVIII династии такие награждения стали обычными. Биографы военачальников, служивших этим воинственным царям этой династии (таким, как Тутмос I, Тутмос III или Аменхотеп III), никогда не забывали указать, сколько раз покойный получил от своего повелителя «золото в награду». Яхмос, сын командующего флотом Эбаны, был «награжден золотом» семь раз. В первый раз он получил «золото за доблесть» в юности, во время сражения против гиксосов, а в последний раз в старости, во время войны Тутмоса I в Сирии. Его современник, тезка и земляк, полководец Яхмос, получил золото в награду от каждого из фараонов, в чьи царствования он участвовал в войнах, а Аменемхеб, полководец времен Тутмоса III, в царствование этого монарха заслужил такую награду шесть раз. И каждый раз он бывал награжден «за доблесть»: он приводил пленных из-за Евфрата, захватывал в плен сирийских вождей или во главе самых отважных воинов врывался в пролом городской стены во время штурма.

Что представляла собой эта награда, обладать которой так страстно желали знатные люди всех эпох? Это было не просто

одно украшение, как наши ордена или «почетные цепи» XVI века, а много драгоценных украшений разных видов. Например, *золото,* которое было «преподнесено перед всеми людьми» Аменемхебу перед битвой при Кадеше, состояло из льва, трех ожерелий, двух пчел и четырех браслетов – все из самого чистого золота; награда, которую он же завоевал немного позже в стране Техсе, состояла из предметов, очень похожих на эти. Аменхотеп I наградил полководца Яхмоса «золотом» в виде четырех браслетов, одного сосуда для притираний, шести пчел, льва и двух топоров; Тутмос I был еще щедрее: он дал Яхмосу четыре золотых браслета, шесть золотых ожерелий, три лазуритовых сосуда для притираний и две серебряные застежки – скреплять одежду на плечах. Мы видим, что в таком подарке уже одна цена металла была очень велика, и все же «награда золотом» ценилась больше за свое символическое значение, чем за свою стоимость. Самые богатые и высокопоставленные люди страны соперничали между собой за то, чтобы быть торжественно награжденными царем «перед всеми людьми, на глазах у всей страны». Мы не знаем, как проходила церемония награждения в военном лагере или на полях сражений упомянутых здесь воинственных царей, но замечательные рисунки в гробницах, изображающие жизнь при дворе царя-еретика Эхнатона, показывают нам, как она проводилась дома и в мирное время.

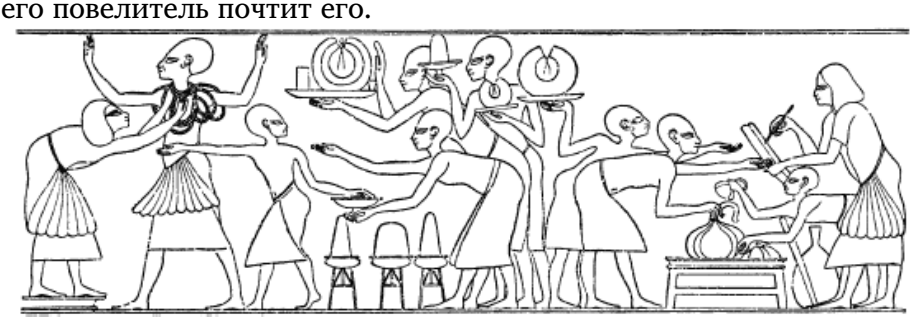
«Божественный отец Эйе» (современные ученые считают его отцом царицы Нефертити. Эта точка зрения отразилась и в научно-популярной литературе. Например, в книге А.В. Волкова и Н.Н. Непомнящего «Хетты. Неизвестная империя Малой Азии» (изд-во «Вече», 2004) сказано (с. 150): «…Эйе, отец Нефертити и верховный жрец страны». – *Пер.)* играл видную роль при дворе в новом городе «Горизонт Солнца» Атона[122] (Ахетатон). В старой иерархии Эйе не занимал высокого места, но при Эхнатоне возвысился до положения его доверенного лица – возможно, благодаря своему активному участию в реформаторской деятельности царя. Похоже, что Эйе не имел высокого религиозного сана; при дворе он носил титулы «носитель опахала справа от царя» и «воистину любимый писец царя», а также заботился обо всех царских лошадях; но в религиозной иерархии не поднялся выше звания «божественный отец», которое имел в начале реформы. Супруга Эйе Тия очень помогала ему в его возвышении при дворе: она раньше была кормилицей и воспитательницей царя.

Естественно, что при такой благосклонности к нему монарха Эйе должен был публично получать награды, и его должны были наградить золотом. Действительно, Эйе получил этот знак

отличия по меньшей мере два раза. Первый раз это случилось до его свадьбы с Тией[123]. На соответствующем рисунке Эйе прибывает во дворец царя на колеснице, его сопровождают многочисленные носители опахал и слуги. На заднем плане мы видим его величество вместе с царицей на балконе дворца; толпа почтительно приветствует их. Царь, повернувшись к казначею, приказывает ему наградить Эйе: «Надень золото на его шею, на его спину и золото на его ноги, потому что он слушал учение». Казначей приказывает своим слугам принести драгоценности всех видов – золотые цепи, ожерелья и красивые сосуды для притираний; а пока он отмечает на своей табличке для письма, насколько уменьшились в тот день сокровища царя, слуги обвивают горло и шею Эйе золотыми цепями.

Эйе радостно поднимает руки, и царь с удовольствием кивает ему с балкона. Кроме того, в этот день пострадал ради Эйе и царский склад продовольствия: царь приказал отнести в дом своего любимца сосуды с вином и огромное количество еды.

Когда Эйе получил «золото» во второй раз, он уже был мужем Тии, и по тому, как была вручена ему награда, мы видим, что этот брак сделал его близким человеком царского семейства. Теперь движение к дворцу колесниц с высокородными женихом и невестой было обставлено с царской пышностью: их сопровождали целые отряды скороходов и носителей опахал и охраняли солдаты – сирийцы и нубийцы; Эйе даже привел с собой десять писцов, чтобы они записали милостивые слова, которыми его повелитель почтит его.



И когда Эйе и Тия оказались под царским балконом, они получили почести намного выше тех, что ожидали. Царь не вызвал своего казначея, чтобы тот их украсил, а сам вместе со своими женой и детьми пожелал вручить наградное золото этим верным слугам своего семейства. Опираясь на пестрые подушки, лежавшие на перилах балкона, монарх бросал награждаемым ожерелья; царица, державшая на руках свою самую младшую дочь – царевну Анхесенпаатон, – бросала вниз золотые цепи, и две старшие царевны, Меритатон и Мекетатон, приняли участие в этой игре и разбрасывали браслеты. На Эйе и Тию пролился

целый дождь драгоценностей; они не могли унести все это, тем более надеть на себя. Эйе надел семь толстых ожерелий и девять тяжелых браслетов; остальное слуги должны были отнести в его дом. Толпа, увидев милость монарха, выразила свою радость криками, а мальчики, которые шли позади Эйе, танцевали и прыгали от радости. Счастливая пара гордо вернулась домой, и веселье, которое началось в доме, когда их увидели подъезжающими к нему, было поистине великим. Их слуги радостно вышли встретить их, горячо целовали ноги Эйе и простирались в пыли перед дарами царя. Крики радости были такими громкими, что их услышали даже старики-привратники, сидевшие на корточках перед задними постройками, далеко от двери. Они стали с удивлением спрашивать друг друга: «Что значат эти радостные крики?» И один из них сказал своему мальчику: «Скороход, сходи посмотри, что означает эта великая радость?» – «Иду, иду», – ответил мальчик и скоро вернулся с новостью: «Они радуются за божественного отца Эйе и за Тию, которые стали людьми из золота!» Так все порадовались этому «счастливому случаю».

Этот обычай давать подарки в знак благоволения и почета был в ходу долгое время: почти в конце дней правления XX династии мы встречаем некоего Пеннута, который управлял одним из округов Нубии и благодаря наместнику Нубии получил две серебряные чаши с драгоценными притираниями как знак высокого отличия.

Благодаря могуществу и дарам, полученным от царя, чиновники стали богатеть, и теперь любой, у кого хватало средств, позволял себе иметь красивый особняк, изящную повозку, великолепную ладью, много негров в качестве лакеев, слуг и чиновников своего хозяйства, а также сады и скот, дорогие кушанья, хорошее вино и роскошные одежды. Вот пример, позволяющий представить размер богатства, которое добыли таким путем многие египетские вельможи. В Египте был старинный обычай, сохранившийся до наших дней: в Новый год «дом делает подарки своему господину». Рисунок в гробнице одного высокопоставленного чиновника времен Аменхотепа II (к несчастью, его имя утрачено) позволяет нам увидеть «новогодние подарки», которые он преподнес этому царю. «Среди них есть колесницы из серебра и золота, статуи из слоновой кости и черного дерева, всевозможные ожерелья, драгоценности, оружие и произведения искусства». Статуи изображали царя и его предков в различных положениях и одеждах или в облике сфинксов с портретной головой монарха. В набор оружия входили боевые топоры, кинжалы, щиты всех видов, а также кольчуги,

несколько сот кожаных колчанов различной формы, 680 щитов из кожи какого-то редкого животного, 30 дубин из черного дерева, украшенных золотом и серебром, 140 бронзовых кинжалов и 360 бронзовых серповидных мечей, 220 рукояток для хлыстов – из слоновой кости, инкрустированной черным деревом, и т. д. Кроме всего этого, там было много сосудов странной азиатской формы из драгоценного металла, две большие статуэтки газелей с цветами во рту, вырезанные каждая из целого куска слоновой кости, и, наконец, настоящий шедевр – изображение здания, заросшего фантастическими растениями, на которых цветут гигантские цветы, а среди них гоняются друг за другом крошечные обезьянки. Вероятно, это была часть чего-то вроде столового сервиза из драгоценного металла.

Великолепные гробницы, где покоятся похороненные в Фивах главы чиновников эпохи Нового царства, создают у нас такое же представление о великом богатстве. Разумеется, лишь небольшое число чиновников поднимались до такого высокого положения; большинство должны были жить на свое жалованье, которое обычно выплачивалось натурой – зерном, хлебом, пивом, гусями и другими различными вещами, необходимыми для жизни; все это «заносилось в списки от имени» соответствующего чиновника. Однако нам известны и случаи, когда платили медью: в письме, которое некий Аменемопет направил своему ученику, носившему имя Паебпаса, сказано, что автор письма выделил 50 утенов (то есть примерно 4,5 кг) меди «для нужд зависимых крестьян гелиопольского храма».

Однако похоже, что склады Древнего Египта вряд ли снабжались лучше, чем казна современной страны: во всяком случае, мы видим в письмах того времени много жалоб на невыдачу положенной платы. Слуга по имени Аменемуе жалуется *князьям,* что «несмотря на все обещания, в храм, где я нахожусь, не поставлено никакого продовольствия, мне не дают хлеба, мне не дают гусей». Один несчастный старшина рабочих получил свое зерно лишь после того, как десять дней говорил каждый день: «Умоляю, дайте его мне». Правда, часто случалось, что поставка ждала своего часа, а его определяли удобство или вежливость сослуживца. «Что я скажу тебе? – жаловался некий писец. – Дай десять гусей моим людям, но ты не идешь ни к этой белой птице, ни к этому прохладному пруду. Хотя у тебя мало писцов, у тебя есть много слуг. Почему же моя просьба не исполнена?»

В дополнение к своему жалованью чиновник часто имел доступ к какой-либо собственности государства. В делах такого рода правила были нестрогими, и вдова чиновника нередко продолжала пользоваться такой собственностью после смерти

мужа. В одном случае, когда у некоего чиновника умерла мать, которой при жизни была предоставлена одна из царских колесниц, сын попытался получить у своего начальника право пользования этой колесницей для своей сестры, которая за год до того овдовела. Начальник не ответил сразу же согласием на эту просьбу, но и не отказал напрямую, а сообщил чиновнику, что, если тот заедет к нему, когда будет в пути, он посмотрит, что можно сделать.

У этой видимой щедрости египетского правительства была оборотная сторона: совершенно ясно, что тот, кто пользуется государственной собственностью, обязан платить за это государству какую-то долю доходов, которые зарабатывает с ее помощью: он ведь пользуется этой собственностью только как залогом.

Основная часть урожаев, которые зависимые крестьяне собирали с государственных полей, а также пряжа и ткани, изготовленные их женами, разумеется, принадлежали государству и взимались с крестьян без всякой жалости. Каким бы плохим ни был урожай, в крестьянские дома приходил писец, которого сопровождали негры с палками, и требовал зерно, и было бесполезно говорить, что зерна нет: тогда негры избивали их почти до смерти. Даже у тех, кто не принадлежал к числу зависимых людей, налог требовали с той же суровостью: писец наместника даже ворвался в дом женщины по имени Такарет, которая не пожелала отдать первого теленка своей коровы. Налоги тогда платили так же неохотно, как сейчас, и многие люди считали, что платят больше, чем положено. До нас дошло обращение слуги Аменемуе к *князьям.* Тутмос, служитель храма Тота, в течение четырех лет – с 31-го по 34-й год – требовал с этого человека следующее[124]:

Шкуры, сырые, 4 штуки, стоимость в меди 8 утенов.

Шкура, выделанная в виде кольчуги, 1 штука, стоимость в меди 5 утенов.

Палки – посох с инкрустацией, 1 штука, стоимость в меди 4 утена.

Палки – палочка для чесания тела, 1 штука, стоимость в меди 1 утен.

Бумага – 1 полоса.

Бумага – 1 рулон.

Мотыга – 1, стоимость в меди 2 утена.

Зерно – 2 $^{3}/_{4}$ бушеля.

Мука – столько же.

На следующий год он снова должен был поставить три полосы бумаги и четыре утена меди; таким образом, он должен

был платить примерно 5 утенов (около 0,5 кг) меди в год – крупная сумма для слуги. Это было для него еще тяжелее из-за того, что – как он с горечью жалуется – продовольствие, которым государство должно было его обеспечивать, не поступало к нему. Похоже, что такие случаи вовсе не были чем-то необычным. Обеспечение, предоставленное государством, могло задержаться в пути, а могло и совсем не попасть в руки своего законного владельца, но, если такой дар государства отмечен в списках как отправленный на чье-то имя, от адресата все же требовали выполнения связанных с этим даром обязанностей. Например, пастух по имени Тутмос потерял осла, а некий Паэре, который должен был вернуть осла пастуху, предпочел под каким-то предлогом оставить себе это полезное животное. Поэтому Тутмос написал ему такое убеждающее письмо: «Хана, старшина артели «Сияющая, как солнце», которая находится в стране Дапер, дал тебе осла и велел тебе отдать его Тутмосу. Но ты не отдал его мне. Тогда я схватил тебя, когда ты был в Мемфисе с Аменмосе, начальником конюшни, и сказал: «Отдай мне осла». Ты тогда сказал мне: «Не веди меня на суд. Осел у меня, но, если ты пришлешь людей забрать его, я его не отдам». Так ты сказал, и ты поклялся жизнью своего господина, что велишь привести осла ко мне. Но смотри: ты не прислал его ко мне, а теперь с меня спрашивают работу этого осла, год за годом, за то время, когда он был у тебя».

«Работа» осла, о которой здесь идет речь, – это налог, который Тутмос должен был платить за пользование этим животным.

К каждому из крупных ведомств египетского государства были приписаны ремесленники и земледельцы, которые делились на «артели». С этими артелями ( ) мы встречаемся в поместьях богатых землевладельцев и видим, что впереди них стоит знаменосец и что господин устраивает им смотр. Гребцы каждого большого судна или боевого корабля составляли «артель», и даже духи, которые вели ладью солнца через ночь, назывались так же. Рабочие храма и некрополя были организованы таким же образом: египетский чиновник всегда думал о низших сословиях как о просто толпе: один рабочий для него существовал не больше, чем один солдат существует для наших старших офицеров. Их рассматривали только в массе; одни лишь суды имели с ними дело как с отдельными личностями. Говоря об одном рабочем, мы всегда должны добавлять имя старшего, под чьим началом он работал, и ведомства, при котором он состоял: «рабочий Усерхопеш, подчиненный

старшины рабочих Нахтемхета, из некрополя». Я вряд ли смогу сказать, были или нет в составе этих рабочих артелей зависимые крестьяне: похоже, что обычно между рабочими и подневольными крестьянами храма или некрополя была какая-то разница.

Ремесленники иногда тоже бывали «крепостными», например «мастер работ по металлу Пейхару из западного города, кабальный слуга дома Рамсеса III в храме Амона, подчиненный первому пророку Амона-Ра» или «художник Сетнехт» из того же храма, «подчиненный второго пророка Амона-Ра». Но ремесленники обычно не состояли на учете в ведомстве рабочих «артелей»; зависимые крестьяне должны были приносить воду, ловить рыбу, рубить дрова, доставлять корм для скота и выполнять другую подобную работу[125].

Во главе каждой артели рабочих стоял старшина, который носил звание «начальник артели»; по положению он был ненамного выше своих подчиненных, поскольку нам известен пример, когда один и тот же человек в одном месте обозначен как просто «рабочий», а в другом точнее – как «старший рабочий». Тем не менее он гордился своей должностью и, подобно служащим более высокого уровня, старался завещать ее одному из своих сыновей[126]. Какой бы мелкой ни была эта должность, ее обладатель был большим человеком для подчиненных ему рабочих. Он аккуратно делал в книге отметки об их прилежании. На грубой табличке из известняка, которая находится в Британском музее, какой-то старший рабочий записал имена сорока трех своих подчиненных-рабочих и возле каждого имени указал дни месяца, в которые этот человек не появился на работе. Многие были в высшей степени прилежны и едва ли пропустили хотя бы один день за целый год; остальные были менее надежными: они пропустили больше двух недель. Предлогов для отсутствия в пропущенные дни было бесчисленное множество; старший рабочий записывал их красными чернилами. Разумеется, самый частый из них «болен»; в нескольких случаях мы обнаруживаем запись «ленится». Некоторые рабочие были «набожными» и «приносили жертву богам»; иногда легкое недомогание жены или ребенка считалось уважительной причиной для неявки на работу.

Нам известно несколько точных подробностей о поведении «артели рабочих», которые трудились в фиванском городе Мертвых во времена Рамсеса IX. Мы не знаем в точности, чем именно они занимались, но похоже, что в их числе были мастера работ по металлу, плотники и другие подобные ремесленники. Их старшина вел свою книгу очень аккуратно и вписал в нее все достойное внимание, что произошло с его артелью за полгода.

Помимо этого, он каждый день отмечал, «работали» его люди или были «без дела». Два полных месяца (с 5-го дня месяца фаменота до 11-го дня месяца пахонса) от них не требовали никакой работы, хотя с разрешения начальства эти дни отмечались как рабочие. В следующие после этого два месяца половина времени тоже была занята праздниками. Однако рабочие не страдали из-за отсутствия работы: они каждый день получали свое продовольствие независимо от того, работали они или нет. Четыре раза в месяц они, похоже, получали от других чиновников более крупное жалованье рыбой (возможно, 200–300 кг рыбы), которая, видимо, была их основной пищей. Кроме того, они каждый месяц получали порцию каких-то бобов и определенное число *кувшинов,* в которых могли находиться растительное масло и пиво, а также какое-то количество топлива и зерна. Однако о зерне можно рассказать целую историю. Одна из общепризнанных особенностей современного Египта (конец XIX – начало XX в. – *Ред.)* – то, что там не бывает платежа без задержки, и похоже, что и в Древнем Египте это же правило существовало для натуральных платежей. Письма и документы чиновников эпохи Нового царства полны жалоб; если писцам выдавали их гусей и хлеб только после многих жалоб и просьб, мы можем быть уверены, что к рабочим проявляли еще меньше внимания. Нашей артели должны были выдавать зерно 28-го числа каждого месяца; в месяце фаменоте оно было выдано на день позже, в месяце фармуфи оно не поступило вообще, и поэтому рабочие забастовали – «остались в своих домах», как говорили египтяне. Затем 28-го числа месяца пахонса зерно было выплачено полностью, но 28-го числа месяца пайни зерно не поступило вообще, а дров было доставлено только 100 кусков. Тогда рабочие потеряли терпение и «взялись за дело»: все вместе отправились в Фивы. На следующий день они появились перед великими князьями и главными пророками Амона и изложили свою жалобу. В результате великие князья 30-го числа приказали писцу Хамуэсе явиться перед ними и сказали ему: «Вот зерно, принадлежащее властям, выдай из него зерновые пайки людям из некрополя». Так зло было устранено, и в конце месяца в дневнике рабочей артели появилась запись: «Сегодня мы получили свои зерновые пайки; мы дали носителю опахала два сундука и дощечку для письма». Смысл последней фразы легко понять: сундуки и дощечка для письма были подарены человеку из свиты наместника, который убедил своего господина удовлетворить просьбы рабочих.

В двадцатый год правления Рамсеса III положение рабочих некрополя было таким же печальным: чтобы добиться выплаты

любого положенного им вида продовольствия, они почти всегда должны были бастовать. В таких случаях они покидали город Мертвых вместе со своими женами и детьми и угрожали, что не вернутся назад, пока их просьбы не будут выполнены. До нас дошли документы, из которых видно, что на этот раз это печальное положение дел длилось полгода. Месяц тиби прошел, а люди не получили свое продовольствие; похоже, они привыкли к такому обращению с собой, потому что ждали целых девять дней, прежде чем снова пойти на крайние меры. Затем они потеряли терпение, и 10-го числа месяца мехира «они перешли пять стен некрополя и сказали: «Мы уже 18 дней погибаем от голода»; рабочие разместились за храмом Тутмоса III. Напрасно писцы некрополя и два старших рабочих пытались заманить их обратно «великими клятвами»: рабочие поступили мудро и остались снаружи. На следующий день они пошли еще дальше и добрались даже до ворот, находившихся в южном углу храма Рамсеса II. Дело приняло угрожающий оборот, и в этот день на место событий были отправлены два чиновника из полиции. Жрецы тоже пытались умиротворить рабочих, но те отвечали: «Нас пригнали сюда голод и жажда; у нас нет одежды, нет растительного масла, нет еды. Напишите об этом нашему повелителю фараону, и напишите наместнику, который стоит над нами, чтобы они смогли дать нам что-нибудь для поддержания нашей жизни». Их усилия завершились успехом: «в тот день они получили продовольствие на месяц тиби». И 13-го мехира рабочие с женами и детьми вернулись в некрополь. Спокойствие было восстановлено, но ненадолго – по сути дела, всего лишь на месяц. В месяце фаменоте рабочие снова вышли за стену некрополя и, гонимые *голодом,* подошли к городским воротам. Там наместник лично вступил с ними в переговоры: он спросил их (если я верно понял), что он может им дать, когда кладовые пусты, и в то же время приказал выдать им по меньшей мере половину просроченных пайков.

В месяце фармуфи продовольствие, похоже, было выплачено в положенный срок, поскольку в наших документах нет никаких упоминаний о бунте; но в месяц пахон рабочие снова страдали от нужды. Во второй день пахона им выдали два мешка полбы – и это было продовольствие на весь месяц; нас ничуть не удивляет, что рабочие были возмущены таким сокращением их жалованья и решили сами отправиться на склад зерна, находившийся в порту. Они дошли лишь до первой стены города Мертвых; там писец Аменнахту убедил их, что выдаст им остальную полбу, если они будут вести себя спокойно, и они оказались настолько легковерными, что вернулись назад. Разумеется, после этого они

точно так же не получили свое зерно, как до этого, и были вынуждены снова «перейти стены», после чего в дело вмешались «князья города», которые 13-го числа того же месяца приказали выдать им пятьдесят мешков полбы.

Мы видим, что эти рабочие до некоторой степени играли в Египте роль нашего пролетариата. Однако мы не должны думать, что их жизнь была очень тяжелой. Напротив, рабочий имел жену или, чаще, подругу, которая жила с ним как жена; он имел собственный дом – правда, иногда дом этот стоял среди голых камней некрополя; и часто он даже имел собственную гробницу. Это был человек, получивший некоторое образование; как правило, он умел писать и читать, и в разговоре с теми, кто стоял выше его, он часто выражался высоким поэтическим стилем. Однако мы должны признать, что при попытке писать он плохо выражал свои мысли, и эти попытки представляют собой запутанную мешанину предложений.

Нравственный уровень рабочих был не слишком высок, если можно верить тем длинным обвинениям, которые они выдвигали один против другого. Старший рабочий Панебе, живший при царе Сети II, был, видимо, очень плохим человеком[127]. Этот старшина крал все, что попадалось ему под руку: вино для жертвенных возлияний, ремень с колесницы и ценный каменный блок, который потом был найден в доме Панебе, хотя тот поклялся, что не брал его. Однажды он украл инструмент для раскалывания камней, и, когда после двух месяцев напрасных поисков «ему сказали: «Этой вещи здесь нет», он принес ее и спрятал за огромным камнем. Когда Панебе поставил своих людей обтесывать камни для одной из построек царя Сети II, они каждый день крали камни для его гробницы, и он поставил в своей гробнице четыре столба из этого камня». Панебе находил и другие пути, чтобы дешево добыть утварь для своей гробницы, и ради этого украл у некоего Пахербеку «две огромные книги», несомненно содержавшие главы из Книги мертвых. Он не постыдился даже обокрасть могилу одного из своих подчиненных: «Он спустился в гробницу рабочего Нахтмина и украл ложе, на котором тот лежал. Панебе также забрал различные вещи, которые обычно дают умершим, и украл их». Даже инструменты, которые этот тип использовал при постройке своей гробницы, были собственностью царя.

Панебе постоянно отвлекал своих подчиненных на различные работы для своих личных целей. Однажды он сдал их внаем одному чиновнику из храма Амона, которому были нужны работники в поле; некий Небнофр получил от него поручение кормить его быков утром и вечером, а жен рабочих он заставил

ткать для него. Его также обвиняли во всевозможных вымогательствах, особенно у жен и дочерей рабочих. Он был также виновен в жестокости: однажды он приказал крепко побить палками среди ночи нескольких человек, потом он укрывался от них на верху стены и бросал в них кирпичи.

Хуже всего было то, как он поступил с семьей старшего рабочего Небнофра. Похоже, что Панебе враждовал с этим Небнофром, пока тот был жив, а когда Небнофр умер, перенес свою ненависть на двух сыновей умершего, особенно на Неферхотепа, который унаследовал должность своего отца. Его Панебе даже попытался убить: «Случилось так, что он бежал за старшим рабочим Неферхотепом… двери были закрыты перед ним, но он поднял камень и взломал дверь; и были поставлены люди охранять Неферхотепа, потому что Панебе сказал, что действительно убьет его ночью; в эту ночь он велел выпороть плетьми девять человек, старший рабочий Неферхотеп сообщил об этом наместнику Аменмосе, и тот наказал его». Однако Панебе выкрутился из этого дела, и, похоже, что он в конце концов устранил со своего пути Неферхотепа; несмотря на это, Панебе, видимо, жил после этого спокойно, потому что – если можно верить выдвинутым против него обвинениям – он убил тех, кто мог бы свидетельствовать против него.

Как уже говорилось, мы обнаруживаем, что эти свободные или полусвободные рабочие практически всегда объединялись в артели, а зависимые слуги, принадлежавшие храму или некрополю, и зависимые крестьяне в поместьях были организованы совершенно по-военному и считались частью армии. Они имели своих командиров различного уровня, часть которых выбиралась из их собственных рядов; впереди них шли знаменосцы, которые, несомненно, выбирались из числа солдат. Мы не можем сомневаться в том, что эти люди были *рабами* в современном смысле этого слова и что они были собственностью государства или храма так же, как земля или скот. Их имена вносили в список чиновники из «дома серебра», которые ездили с этой целью по стране в сопровождении военачальника и его воинов, которые клеймили рабов клеймом соответствующего ведомства. Писцы презирали таких рабов и говорили, что у тех нет *«сердца»,* то есть разума, и потому их нужно погонять палкой, как скот. Вот стихи, где речь идет о рабах:

Бедного ребенка растят лишь для того,
Чтобы его было можно вырвать из рук матери;
Как только он становится мужчиной,
По его костям бьют, как по костям осла.

Его погоняют, он действительно не имеет сердца в своем теле.

Писец должен заботиться о таких рабах:

Он берет их списки в свою руку,
Старшего из них он делает командиром,
Младшего из них он делает горнистом.

Многие из этих рабов были военнопленными; их брали из военной добычи и посылали туда, где они были нужны. Их передавали из одного ведомства в другое точно так же, как если бы они были быками или ослами, и иногда с ними случалось то же, что бывает с быками или ослами, которые проходят через руки различных чиновников: они исчезали без следа. К примеру, жил на свете пророк из храма Тота по имени Рамсес, которому государство дало раба-сирийца для работ в поле, но этот раб так и не попал в его руки, потому что потерялся в пути. Тогда Рамсес попросил своего сына заняться этим делом и выяснить, где находится раб. Его сын Бекенамун, писец по учету жертвенных возлияний, действовал так энергично, что смог, по крайней мере, послать отцу такой далеко не удовлетворительный ответ: «Я расспросил о сирийце, который принадлежал храму Тота и о котором ты мне писал. Я убедился, что он был назначен сельским рабочим храма Тота и отдан под твое начало в третьем году, 10-го числа месяца пайни. Он входил в число галерных рабов, которых привез начальник крепости. Его сирийское имя Накатей, сын Сарураты, а имя его матери Кеде. Он родом из страны Арту и был рабом-гребцом у Кенра, капитана судна. Его охранник сказал мне, что Хаемепет, чиновник по делам царских крестьян, занялся его отправкой. Я поспешил к Хаемепету, чиновнику по делам кабальных крестьян царя, но тот притворился глухим и сказал мне: «Его отправкой занимался наместник Мерити-Сехемт». Поэтому я поспешил к наместнику, но он, а с ним его писцы притворились глухими и сказали: «Мы не видели его!» Тогда я пошел к чиновнику из Хмуну и сказал ему: «Прошу тебя, прикажи, чтобы полевой рабочий-сириец, которого ты получил для храма Тота, был послан к пророку. Я вызову его в высокий суд».

И в заключение позвольте коротко перечислить то, что мы знаем или предполагаем об условиях жизни в эпоху Нового царства. Земли были в собственности частично у государства, частично у жрецов. Обрабатывали эти земли зависимые

крестьяне. У аристократов, похоже, не было поместий в частной собственности, по крайней мере при XIX династии. Низшие слои общества состояли в основном из зависимых крестьян и рабов-иноземцев, высшие – из чиновников, состоявших на службе у государства или храма. Между этими двумя крайностями, несомненно, существовал средний класс из ремесленников и лавочников, но они редко оказывались на виду. Только благодаря тому, что существует много стел, на которых имена умерших написаны без всяких титулов, мы знаем, что в Египте должны были существовать зажиточные люди, которые не были чиновниками. Возможно, это были «люди страны», чьи жены именовались «жительницы города».

Мы не можем сейчас определить, играли ли эти люди важную роль в развитии своей страны так же, как жрецы, чиновники и военные. Но одно мы видим ясно: плохое управление, характерное для Египта и в наши дни, расточительство высших классов и крайняя нищета низших – все это существовало еще в глубокой древности. Тот самый царь Рамсес III, который каждый год выдавал 185 тысяч мешков зерна храмам, часто не мог выдать пятьдесят мешков зерна в месяц голодающим рабочим некрополя. Повторяющиеся одинаковые жалобы «Мы голодны, нам не выдают продовольствия» представляют собой печальный комментарий к хвастливым фразам надписей о могуществе и богатстве царя.

Глава VII
ПОЛИЦИЯ И СУДЫ

Документы большого судебного процесса времен правления царя Рамсеса IX – дела банды воров из фиванского города Мертвых – позволяют нам ясно представить себе, как работала правительственная полиция в эпоху XX династии, как расследовалось преступление и как проводился суд над подозреваемыми[128]. Это громкое дело (таким оно, несомненно, было) особенно интересно для нас тем, что проливает свет со стороны на многочисленные разногласия и интриги в самом центре столичного правительства. Поэтому акты этого процесса станут хорошим продолжением для описания египетской бюрократии, которое я дал в предыдущей главе.

Как я уже упоминал раньше, во главе столичной администрации стоял наместник; но он, разумеется, не имел возможности сам заниматься всеми разнообразными мелочами в делах управления. Поэтому для каждой из половин города у него был подчиненный, князь, который выполнял обязанности прежнего правителя Фиванского нома. Восточной частью, то есть собственно городом, руководил «князь города», а западной частью, то есть городом Мертвых, – «князь запада» или «начальник полиции некрополя».

Могилы в некрополе – рисунок на стеле из Гизы

Во время нашего судебного процесса более высокую из этих должностей занимал некий Пасер, а более низкую – некий Пасера; и они – как нередко случается и теперь с сослуживцами из соседних ведомств – открыто враждовали между собой. Их вражда не была секретом, и, если недовольный подчиненный Пасеры замечал в городе Мертвых что-то, что считал плохим, он шел к Пасеру и рассказывал об этом ему, и этим пополнял сведения, которые тот собирал против своего сослуживца. И поэтому, когда в шестнадцатый год царствования в некрополе были обнаружины крупные кражи, об этом сообщил

правительству не только правитель города Мертвых, который был обязан делать это по должности, но и правитель города Пасер, который не упустил возможность донести начальникам из совета на своего сослуживца.

Какого рода доказательства представил Пасер, видно по тому, что как раз та царская гробница, которая, по его утверждению, была ограблена, как выяснилось на суде, оказалась нетронутой: обвинения явно были основаны только на слухах.

Суд, перед которым оба князя должны были дать свои показания, состоял из «Хамуэсе, начальника города и наместника», и помогавших ему двух высокопоставленных чиновников – это были *писец* и *глашатай* фараона, или, как звучали их полные звания, «вассал царя Несамун, писец фараона и начальник имущества верховной жрицы Амона-Ра, царя богов» и «вассал царя Неферкере Ра-эм-пер-Амун, глашатай фараона».

Когда эти три «великих князя» услышали о покушении на «великий благородный некрополь», они 18-го числа месяца афир послали на место происшествия комиссию для расследования дела; в эту комиссию они назначили не только самого князя некрополя и двух командиров полиции, но также писца наместников, писца из казначейства, двух верховных жрецов и других достойных доверия людей, которым в выполнении этой трудной задачи помогала полиция. В качестве инспекторов[129] эти чиновники прошли через пустынные долины города Мертвых, аккуратно осматривая каждую гробницу, которая была под подозрением. Результат осмотра они изложили в следующем документе, где перечислены «пирамиды и шахты с мумиями, осмотренные инспекторами в тот день».

«1. «Вечный горизонт» царя Аменхотепа I, имеющий в ширину 119 м и расположенный к северу от садового храма Аменхотепа, в который, как предполагалось, проникли воры согласно свидетельству, которое Пасер сделал перед наместником Хамуэсе, начальником города, перед вассалом царя Несамуном, писцом фараона и начальником имущества верховной жрицы Амона-Ра, царя богов, и перед вассалом царя Неферкере Ра-эм-пер-Амуном, глашатаем фараона; великими князьями – осмотрены в этот день.

Инспекторы обнаружили, что гробница не повреждена.

2. Пирамида царя, сына Ра Антефа, великого, находится к северу от двора храма Аменхотепа; сама пирамида разрушена, и перед ней поставлена стела, на которой изображен царь и у его ног – его собака Бехка.

Осмотрена в этот день.

Повреждений не обнаружено.

3. Пирамида царя Антефа. Обнаружено, что воры прорыли

подкоп, что они проделали отверстие размером 2 $^{1}/_{2}$ ярда в *основании (?)* и таким путем проложили себе путь из разрушенной гробницы Эурая, начальника жертвоприношений Амону.

Она не была повреждена, воры не смогли проникнуть внутрь.

4. Пирамила царя Антефа, великого. Обнаружено, что воры прорыли подкоп в том месте, где стоит стела.

Осмотрена в этот день.

Обнаружено, что она не повреждена: воры не смогли проделать вход.

5. Пирамида царя Себекемсафа. Обнаружено, что воры прорыли подкоп и проникли в зал, где находится мумия. Они проложили себе путь из внешнего зала гробницы Небамуна, начальника продовольствия при Тутмосе III. Было обнаружено, что монарх украден из места своего погребения; в том месте, где была похоронена его царственная супруга Нубхас, воры захватили также и ее.

Наместник и князья-вассалы приказали провести тщательное расследование, и было точно установлено, каким образом воры захватили царя и его царственную супругу».

Однако это была единственная пирамида, в которую действительно проникли воры; все остальные царские гробницы были целы, и писец мог с гордостью написать под отчетом об этом деле следующий итог:

«ПИРАМИДЫ ЦАРСТВЕННЫХ ПРЕДКОВ, ОСМОТРЕННЫЕ В ЭТОТ ДЕНЬ ИНСПЕКТОРАМИ

Обнаружено нетронутых пирамид – 9

Обнаружено поврежденных пирамид – 1

В с е г о – 10 пирамид».

С могилами частных лиц дело обстояло хуже: из четырех гробниц высокопоставленных «певиц верховной жрицы Амона-Ра» в две проникли воры, а о других частных гробницах мы читаем: «Было обнаружено, что в них во все проникли воры; они вырвали господ (то есть тела умерших) из их гробов и из их пелен, они бросили их на землю, они украли домашнюю утварь, которая была похоронена с ними, а также золото, серебро и драгоценности, найденные в их пеленах». Однако это были всего лишь частные гробницы; то, что царские усыпальницы остались целы, было огромным облегчением. Комиссия сразу же послала отчет «великим князьям». Тогда же князь некрополя сообщил князьям-вассалам имена предполагаемых воров, и те были

немедленно взяты под стражу. Судебный процесс против них был не слишком трудным.

Воров, взломавших гробницу царя Себекемсафа, было восемь, и большинство из них были служителями Амона. Среди них были каменщики, и, очевидно, именно они прорубили подземный ход во внутреннюю часть гробницы. Они были «допрошены», то есть «были биты палками и по ладоням, и по ступням». Под воздействием этого жестокого наказания они признались, что проделали ход в пирамиду и нашли в ней тела царя и царицы. Они сказали: «Мы открыли гробы и пелены, в которых они лежали. Мы нашли благородную мумию царя… с длинной цепью золотых амулетов на шее; голова была покрыта золотом. Благородная мумия этого царя была вся покрыта золотом, и его [гроб] был покрыт золотом снаружи и внутри и украшен драгоценными камнями. Мы сорвали золото, которое нашли на благородной мумии этого *бога,* и пелены, в которые она была завернута. Мы нашли супругу царя, обряженную таким же образом, и сорвали все, что нашли на ней. Мы сожгли ее пелены, и мы также украли домашнюю утварь, которую нашли при них, и сосуды, золотые и серебряные. Потом мы поделили все это между собой. Мы разделили на восемь частей золото, которое нашли на этом *боге,* мумии, амулеты, украшения и пелены».

Одного публичного признания было недостаточно, воры были обязаны также опознать место своего преступления: похоже, что существовал закон, требовавший этого. Наместник и вассал царя Несамун приказали в их присутствии 19 афира отвести преступников в некрополь, и там они указали на пирамиду Себекемсафа как на ту, о которой говорили в признании. Их виновность наконец была установлена, и теперь «великие князья» выполнили все, что могли сделать в этом случае, поскольку приговор, определяющий наказание, должен был произнести сам фараон, которому они вместе с князьями города сразу же послали официальный отчет об этом допросе.

Тем временем воры были переданы верховному жрецу Амона, который должен был заключить их в тюрьму «с их собратьями-ворами».

Однако осмотр города гробниц еще не был завершен: возникли новые подозрения, которые надо было проверить. Человек с плохой репутацией, которого три года назад допрашивал предшественник действующего наместника, недавно признался на *допросе,* что побывал в гробнице Эсе, жены Рамсеса II, и украл что-то оттуда. Это был «рабочий по металлу Пейхару, сын Харуи и Митшере, из западной части города, кабальный слуга храма Рамсеса III, подчиненный Аменхотепу, первому

пророку царя богов Амона-Ра». Он принадлежал к самым низам черни: на это указывает имя его матери, которое означает «кошечка». Таким образом, возникло подозрение, что воры побывали в той части некрополя, где были похоронены ближайшие родственники царя (она называлась «место красот»), и «великие князья» решили тщательно расследовать это дело. Поэтому они приказали завязать рабочему по металлу глаза и в их присутствии отнести его в некрополь. «Когда они прибыли туда, ему развязали глаза, и князья сказали ему: «Иди перед нами к могиле, из которой ты, как ты говоришь, что-то украл». Рабочий по металлу подошел к одной из могил детей великого бога царя Рамсеса II, которая стояла открытой и в которой никто никогда не был похоронен, и к дому рабочего некрополя Аменемента, сына Хуи, и сказал: «Смотрите, это места, в которых я побывал». Тогда князья приказали старательно его допросить (то есть бить палками) в великой долине и, несмотря на это, обнаружили, что он не знает никаких других мест, кроме тех, которые показал. Он клялся, что ему могут отрезать нос и уши или содрать с него живого кожу, но он не знает никаких мест, кроме той открытой могилы и того дома, которые он им показал.

«Князья осмотрели гробницы и большие залы в *месте красот,* где покоятся прекрасные царские дети, царские супруги, царские матери и отцы матерей фараонов. Оказалось, что они не повреждены». Радость князей была велика: дело было далеко не так плохо, как им его описали. Чтобы положить конец всем доносам, ходившим в городе по этому поводу, они сразу же отправили в город «великое посольство, куда вошли инспектора, старшины рабочих некрополя, командиры полиции, полицейские и кабальные служители некрополя, что в западной части Фив».

Мы легко можем догадаться, что это посольство было достаточно шумным, и те, кто верил, что управление некрополем велось плохо, были вовсе не рады этому шествию. Особенно был обеспокоен им один высокопоставленный чиновник – Пасер, глава власти самого города – князь города, о вражде которого с Пасерой, князем некрополя, уже было упомянуто раньше. Часть сведений, которые стали причиной для осмотра некрополя, прислал непосредственно он сам, и он официально заявил, что гробница Аменхотепа I ограблена. А теперь выяснилось, что это не так и что все царские гробницы, кроме одной пирамиды Себекемсафа, оказались в порядке. Тем не менее он считал, что обвинения, которые он выдвинул против тех, кто управлял городом мертвых, не были легковесными, а были основаны на достоверных сведениях, и даже в это время в его распоряжении были два недовольных писца из некрополя, которые

предоставили ему новые данные о злоупотреблениях в управлении городом гробниц.

Неудивительно, что в таких обстоятельствах у князя города возникло то подозрение, которое даже мы с трудом подавляем, читая теперь эти старые судебные дела. Был ли осмотр действительно таким тщательным, как это было представлено в отчете; а вернее, не пытались ли «великие князья» скрыть злоупотребения, происходившие в некрополе? В конце второго дня суда, когда вассал царя Несамун проводил заседание в храме Птаха, Пасер встретился с несколькими людьми, которые принимали участие в расследовании, и не смог скрыть своего раздражения. Он открыто заявил, что не верит посольству, которое было отправлено с таким большим шумом, что теперь он полностью осведомлен о том, как идут дела в некрополе, и сообщит об этом непосредственно фараону.

Как только Пасер сделал это заявление, Пасера получил сообщение об этом, и похоже, что эта угроза пробудила страх в душе у князя некрополя. На следующий день именно он послал наместнику длинное письмо, в котором сообщил об угрозах своего сослуживца, разумеется, для того, чтобы наместник принял, если это возможно, судебные меры против князя города прежде, чем тот исполнит свои угрозы. Письмо было написано очень взволнованным человеком; копия этого письма в немного сокращенном виде – без обычных начальных и завершающих фраз – сохранилась до наших дней среди документов, которые относятся к этому громкому процессу. Самый интересный отрывок письма выглядит так:

«Вассал царя Несамун, писец фараона, вел заседание. Князь города, который был с ним, расположился возле храма Птаха и спорил с людьми из некрополя. Князь города сказал людям из этого некрополя: «Вы радовались перед дверью моего дома. Разве я – тот князь, который отправил сообщение государю? Вы радуетесь только по этому поводу. Вы были там, был проведен осмотр, и вы обнаружили, что все в порядке. Только гробницы Себекемсафа и его супруги царицы Нубхас были найдены вскрытыми – гробница только одного великого правителя, а доклады были присланы про десять. Конечно, в этой гробнице обитает гнев царя богов Амона-Ра против его памятников»[130]. После этого ему ответил рабочий Усерхопеш, подчиненный Нахтемхета, старшины рабочих некрополя: «Все цари вместе со своими царственными супругами, царственными матерями и царственными детьми, которые покоятся в великом благородном некрополе и лежат в *месте красот,* невредимы. Они направляют и защищают замыслы фараона, своего сына, который оберегает их и

приказал их старательно осмотреть». Князь города ответил ему: «Ты гордо отстаиваешь то, что говоришь; это действительно была не маленькая речь. Фу!» – так сказал князь города.

Князь города заговорил снова и сказал: «Писец Хоре, сын Аменнахта из некрополя Хенухене, пришел в мой дом в великий… город и принес мне сведения о трех важных делах, которые записали мой писец и писец обоих округов города. Пейбаса, писец некрополя, также рассказал мне о двух других делах (то есть всего их пять), которые также были записаны. О них невозможно молчать. Фу! Это такие великие преступления, что они заслуживают казни, смерти и всех видов наказания. Теперь я напишу об этом фараону, чтобы фараон прислал человека, который уничтожит вас».

Так говорил им князь города, и он поклялся десять раз, что сделает это. Я слышал эти слова, которые князь города сказал людям из благородного великого царского некрополя, который будет существовать миллионы лет в западной части Фив, и [этим письмом] сообщаю их моим господам, поскольку для любого человека на моей должности было бы преступлением услышать такие слова и умолчать о них. Хотя я не мог сам присутствовать при большой речи, которую произнес князь города, однако мне пересказал ее мой писец Хене, который стоял близко к нему среди людей. Увы, мои ноги не смогли донести меня так далеко. Теперь я сообщаю эту речь моему господину, и пусть мой господин велит привести кого-нибудь, кто присутствовал там, когда были произнесены слова князя города. Мне сообщили о них писцы некрополя. Я сказал: «Я напишу об этом фараону». Однако эти два писца из некрополя совершили преступление тем, что пошли со своими докладами к князю города; нет сомнения, что их предки никогда не приносили свои сообщения ему, а докладывали наместнику, когда тот находился на юге. Если же оказывалось, что наместник был на севере, люди из царской полиции некрополя отправлялись с этими документами туда, где в это время находился наместник.

«В 20-й день месяца афир шестнадцатого года царствования ко мне привели свидетелей для подтверждения этих слов князя города, и теперь я кладу их в письменном виде перед моим господином, чтобы господин мог завтра послать за очевидцем».

Этот вызов действительно был получен наместником на следующий день, в то время, когда тот председательствовал на заседании. Документ был включен в число актов таким образом:

> «Смотрите: начальник города, наместник Хамуэсе, приказал привести к нему:

из храма Рамсеса III, слуг первого пророка Амона:
рабочего по металлу Пейхару, сына Харуи,
рабочего по металлу Тарои, сына Хаемопета,
рабочего по металлу Пейкамена, сына Тарои».

Наместник сказал «великим князьям великого суда города»: «В 19-й день месяца афир, в шестнадцатый год царствования, в присутствии царского вассала, писца фараона, князь города сказал некие слова инспекторам и рабочим некрополя и тогда же говорил оскорбительно о великих палатах, которые находятся в *месте красот*. Я, наместник страны, отправился туда с царским вассалом Несамуном, писцом фараона. Мы осмотрели места, где, как сказал князь города, побывали рабочие по металлу из храма Рамсеса III, что в храме Амона, и мы обнаружили, что они [гробницы] были целы. Поэтому князь города был признан виновным во всем, что он сказал. Теперь смотрите: рабочие по металлу стоят перед вами, позвольте им рассказать обо всем, что произошло».

Рабочие были приняты «великими князьями», и выяснилось, что эти люди не знали ни одной из тех палат в *местах фараона* (то есть в некрополе), о которых этот князь города говорил дурное. Он был признан виновным в этом деле.

«Великие князья» пощадили жизни рабочих по металлу из храма Рамсеса III. Они в тот же день были отправлены обратно к Аменхотепу, первому пророку Амона-Ра. Об этом был написан документ, который был помещен в архив наместника.

Документы, которые есть у нас, не сообщают нам, как шло дальше это неприятное дело. Возможно, обе стороны решили, что будет разумно отложить его и не сообщать о нем фараону. Ни одна из сторон не могла ничего выиграть от такого сообщения: князь города сказал слова, которые, несомненно, были глупыми и легко могли быть представлены как измена; а князь некрополя и его покровитель-наместник тоже вряд ли могли похвалиться тем, что их совесть чиста. Положение дел в некрополе было, несомненно, очень плохим: хотя из царских гробниц, возможно, и была вскрыта только одна, но «во всех частных могилах побывали воры».

После этого большого расследования все, похоже, продолжало идти по-старому: через три года после него, в первый год царствования Рамсеса X, были арестованы примерно шестьдесят человек, подозреваемых в краже[131]. Те, кто оказался под подозрением на этот раз, были не бедные зависимые люди, а в большинстве случаев мелкие чиновники, среди которых мы обнаруживаем даже писца из казначейства Амона, жреца Амона и

жреца Хонсу. Из остальных многие были «без должности», например, «бывший пророк бога Себека» из города Перонх в Файюме, вероятно вымышленный персонаж. Большинство воров были, разумеется, фиванцами, а остальные явились из соседних мест ради этого прибыльного дела. Они не стали грабить ту часть некрополя, которую обобрали их предшественники в шестнадцатом году, а обратили внимание на бесплодную долину, которая теперь носит название Долина Царей. Там они ограбили внешние залы гробниц Рамсеса II и Сети I, а украденные вещи продали; их жены, которые тоже были арестованы, возможно, были их сообщницами в этом деле. Сейчас Берлинский музей владеет одним предметом, который, вероятнее всего, входил в число их добычи. Это бронзовая погребальная статуэтка царя Рамсеса II. Воры сорвали с нее золото, которым она была покрыта, а саму изящную фигурку расплющили и изуродовали, после чего бросили не представлявшую для них никакой ценности бронзу в какой-то угол, где она благодаря счастливому случаю сохранилась для нас. Грабеж мог остаться нераскрытым, если бы воры в конце концов не поссорились из-за дележа добычи: один из них посчитал, что его обделили, пошел к одному из чиновников некрополя и донес на своих товарищей.

Эта большая операция египетской полиции по захвату преступников не смогла спасти царские гробницы от их неизбежной судьбы. Из-за того что они находились вдали от людей, в голой пустынной долине, вскрытия гробниц и кражи из них продолжались по-прежнему, и государственные чиновники открыто признавались, что бессильны помешать ворам. Чиновники были вынуждены бросать на произвол судьбы гробницы, которые оказывались в опасности, и пытались спасти только тела царей – даже те, которые были частично повреждены и которые надо было восстановить, насколько это возможно. Не зная покоя от страха, чиновники переносили эти тела из одной гробницы в другую; например, мумия Рамсеса II была помещена сначала в гробницу Сети I, а потом, когда и она оказалась под угрозой, – в усыпальницу Аменхотепа I.

Уерхуу, родственник царя, царский писец фараона, судья, начальник двух судов и т. д. выезжает в кресле-седле. Впереди него скороход, позади – его носитель опахала (по L. D., ii. 43 a)

Наконец остался лишь один выход – в ночной темноте унести все оставшиеся тела и спрятать их в неизвестной глубокой шахте, вырубленной в скалах гор, в Дейр-эль-Бахри. Страх перед ворами был так велик, что жрецы больше не осмеливались торжественно хоронить мумии членов царского семейства, а прятали их в этом тайнике, где тела были надежно укрыты. Все великие монархи эпохи Нового царства – Яхмос, изгнавший гиксосов, святая царица Яхмос-Нефертере, прародительница XVIII династии, Аменхотеп I, Тутмос II, великий завоеватель Тутмос III, Сети I, великий Рамсес II и многие другие покоились там невредимые до самого недавнего времени. Лишь около 1875 года феллахи из деревни Курна, современные грабители фиванского некрополя, нашли эту шахту; они заботливо охраняли эту тайну до лета 1881 года, когда египетские власти с помощью энергичных мер узнали все. День 5 июля 1881 года стал великим для науки: в этот день чиновники из Булакского музея вошли в самую чудесную из всех гробниц. Когда эта изумительная новость по телеграфу достигла Европы, многие недоверчиво качали головами: она была слишком похожа на сказку. Ни в одной другой области археологии не было такой великой находки, и этой удачей мы обязаны тем воровским шайкам, о судебных процессах против которых мы так много говорили только что.

У нас уже был случай поговорить о судах более ранней эпохи. В эпоху Древнего царства Египет имел шесть судов, которые назывались «великие дома»; и во главе каждого из них стоял всемогущий верховный судья. Каждый из тридцати «великих людей юга» был судьей и главой одного из округов и, как носитель этих должностей, был также «тайным советником, размышляющим над тайными словами великого дома»[132], то есть он был членом одного из шести судов[133]; а глава этих великих людей, «наместник юга», как «тайный советник по тайным словам шести великих домов», был единственным, кто имел место во всех этих судах.

Прежде чем кто-либо из этих «великих людей» достигал звания полноправного судьи, он обычно надзирал за канцелярской работой суда и назывался «судья и писец», «судья и заместитель начальника писцов» или – на более поздней стадии своей карьеры – «судья и глава писцов»; наконец, по милости фараона его производили в должность одного из тридцати «великих людей юга». Кроме этих членов судейских коллегий,

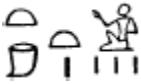
существовали судьи-одиночки, например и , которые, похоже, не относились ни к какому определенному суду. Обладатели второго из этих званий – «судьи от города Нехента» – были помощниками верховного судьи и так же, как и он, представляли «царя, царское хозяйство и шесть великих домов».

Очевидно, что отправление правосудия было хорошо организовано и играло важную роль в государстве. Судьи имели свою особую святую покровительницу – богиню истины Маат: все судьи высокого ранга служили ей в качестве жрецов, а верховный судья носил на шее изображение этой богини как знак своей должности[134].

Гор в подземном мире взвешивает сердце умершего; на другой чаше весов находится иероглиф, означающий «истина». Богиня Маат следит за тем, чтобы взвешивание проходило правильно; бог мудрости Тот ждет результата, чтобы записать его (по L. D., iii. 78)

Похоже, что это древнейшее устройство суда перестало существовать в начале Среднего царства; насколько мне известно, после этого нам встречается лишь один из низших разрядов судей – «судьи от города Нехента»; но и это, вероятно, был всего лишь титул номархов Бени-Хасана и Асьюта. А вот должность верховного судьи в сочетании с саном наместника продолжала существовать даже в эпоху Нового царства. Вероятно, эта должность так же, как другие должности, пережившие Древнее царство, к тому времени уже давно стала синекурой и сохранялась только как традиционно добавляемый титул. В эпоху

Нового царства мы по-прежнему обнаруживаем «наместника шести великих домов», хотя от древних судов еще задолго до этого времени осталось только имя. Суд Нового царства не только был устроен иначе, чем суд Древнего царства, но и назывался по-иному. Прежний «великий дом» был постоянным собранием высокопоставленных чиновников правительства, а в этом суде

 члены менялись.

Он состоял из «мудрецов и князей», то есть жрецов и чиновников, которые «объединялись в великий суд»; в определенный день они собирались у ворот храма, например, «возле двух стел во дворе Амона, у ворот «поклонения» или возле больших ворот царя Рамсеса II, которые называются «довольные правдой» и находятся напротив ворот Амона». В последнем из перечисленных мест и в самом деле стоял «судебный зал фараона», ставший таким знаменитым местом правосудия, что умерший поэт, оказавшийся среди праведников загробного мира, именует его «прекрасные ворота под названием «довольные тем, что творит правду». По тому, что такой суд назывался «суд текущего дня», мы можем видеть, что те, кому их жреческая или государственная должность давала право быть судьей, не заседали в суде все одновременно и что на деле состав суда очень сильно менялся. В 21-й день месяца афир шестнадцатого года царствования Рамсеса IX суд, заседавший по делу князей города, имел следующий состав:

«Наместник Хамуэсе, начальник города;
Аменхотеп, первый пророк Амона-Ра, царя богов;
Несамун, из храма Рамсеса IX, прочного на миллионы лет, пророк Амона-Ра, царя богов;
вассал царя Несамун, писец фараона и глава дома верховной жрицы Амона-Ра, царя богов;
вассал царя Неферкере-эм-пер-Амун, глашатай фараона;
Горе, заместитель…
Носитель опахала из дома Горе;
Пасер, князь города»[135].

В этом случае преобладающей была светская часть суда, но в 14-й день месяца фаофи сорок шестого года царствования Рамсеса II мы обнаруживаем суд, членами которого были:

«Бекенхонс, первый пророк Амона;
Уесер-монт, пророк Амона;
Рам, пророк Амона;

пророк Уеннофре из храма Мут;
пророк Амен-ем-ен из храма Хонса;
(святой отец?) Амен-ем-опет из храма Амона;
Аменхотеп, жрец и чтец Амона;
Эни, жрец и чтец Амона;
жрец Хуи, из храма Амона;
счетовод Хуи из городского суда».

Таким образом, в этом случае мы видим девять жрецов и только одного светского человека: это постоянный писец суда, составлявший отчет о процессе[136]. Решение иметь в этих судебных делах постоянного чиновника было верным, поскольку протокол заседания был решающим документом по делу, так как весь процесс велся устно. В суде по гражданским делам вначале излагал свою жалобу истец, члены суда при этом сидели, а истец и ответчик стояли; после этого суд объявлял, что дело выслушано, и вызывал обвиняемого, чтобы тот дал ответ. После его защитительной речи суд выносил приговор. Затем победитель поворачивался к проигравшему и объявлял, что ему присудили получить, а проигравший словами «я сделаю это, поистине сделаю это, сделаю это» объявлял, что подчиняется решению суда. Уголовные дела рассматривались так же с той лишь разницей, что выступавшие обращались с обвинениями к наместнику, который занимал место истца. Кроме того, в этих случаях приговор не всегда выносился судом. Судьям было достаточно установить вину заключенного – «обнаружить, что он виновен»; после этого дело отправляли к фараону и предоставляли ему решать, какое наказание будет назначено.

Законы, которыми руководствовались в своих решениях царь и суды, нам, к сожалению, неизвестны. О некоторых из них сказано, что они имеют божественное происхождение; одно из судебных дел сообщает нам, что преступник должен быть приговорен к «великому наказанию – смерти, о которой боги говорят: «сделайте это ему», а дальше явным образом сказано, что это желание богов написано в «записях божественных слов». Вероятно, правдой были слова Диодора, которому сказали, что священные книги законов были составлены богом мудрости Тотом.

Диодор мог быть прав в общих чертах и там, где рассказывает о содержании старинных законов. Вполне вероятно, что убийство как свободного человека, так и раба, а также лжесвидетельство карались смертью, измена – отрезанием языка, а подделка документов или печатей – отрубанием руки. Больше сомнений возникает, когда Диодор рассказывает нам, что мать, убившая

своего ребенка-младенца, должна была три дня без перерыва держать труп малыша в руках. Такое утонченное наказание могли изобрести скорее греческие философы. Наказание считалось обязательным следствием преступления, которое преследует виновного, пока не уничтожит его: тот, кто наказан – «его преступление завладевает им, оно одолевает его и губит».

Кроме этих старинных священных законов существовали и другие, которые возникли в исторические времена. Диодор явным образом сообщает нам о законах, составленных некоторыми мудрыми царями, и действительно, древний судья Ментухотеп хвалится тем, что «дал законы». При XII династии старинные законы не считались каноническими, установленными навсегда и окончательно, и вероятно, так же было в более поздние времена.

Разумеется, были особые случаи – исключения из описанной только что судебной процедуры. Те документы, без которых нельзя было обойтись, но которые было неразумно выставлять на обозрение народу, составлялись людьми из ближайшего окружения царя. В таких случаях фараон, как это бывает во всех аристократических государствах, своей волей нарушал обычный порядок правосудия и, обойдя высших чиновников своего судебного ведомства, поручал провести суд одному из своих доверенных лиц. Мы знаем об одном таком случае уже в раннюю эпоху правления VI династии. Вот цитата из жизнеописания Уны, любимца царя Пепи, которого мы уже часто упоминали. Уна рассказывает: «Когда в царском доме тайно слушалось судебное дело против великой супруги царя Имтес, его величество приказал мне явиться и руководить судом – я был один, не было ни верховного судьи, ни наместника, ни князя; я был один потому, что был любезен и приятен сердцу его величества, и потому, что его величество любил меня; я сам составил письменный отчет; был только я и еще один судья от города Нехента. А до этого я имел всего лишь должность начальника передней страны царя, и ни один человек, занимавший мое положение, прежде не выслушивал тайные дела царского дома. Я один был исключением, его величество позволил мне слушать их потому, что я был приятнее сердцу его величества, чем все его князья, чем все его знатные люди и чем все его слуги». Уна имел опыт в таких делах, поскольку до своего назначения на должность начальника передней страны он сам служил помощником верховного судьи («судьей от города Нехента»).

У нас есть более подробный рассказ о подобном деле, случившемся в более поздние времена – о большом гаремном заговоре в дни правления Рамсеса III. При рассмотрении этого мерзкого дела фараон тоже обошелся без обычных судов, а создал

из нескольких своих доверенных лиц особый суд и негласно дал им власть карать преступников даже смертью. Приведенный здесь короткий отчет о слушании этого дела мог быть составлен для царского архива. О том, что отчет официальный, можно судить по чрезмерной осторожности его составителя, который благоразумно старается избегать подробностей[137]. Однако и по этому короткому докладу мы можем видеть, что дела, решавшиеся в этом суде, были такими, о которых лучше не кричать во весь голос. Некоторые люди, служившие в домашнем хозяйстве царя (указаны только их вымышленные имена), составили заговор против его величества и замышляли явный мятеж. Центром заговора был гарем. Одна из самых старших его обитательниц, Тия, имела сына по имени Пентуэре, «который имел также и другое имя» (то есть, вероятно, был принцем). Тия сговорилась с еще одной дамой из гарема «возбуждать вражду против их господина», вероятно, для того, чтобы посадить Пентуэре на трон. Большинство чиновников, состоявших при женских покоях дворца, были замешаны в этом заговоре: высшие из них принимали в нем активное участие – «советовались с женщинами», а низшие, вероятно, знали о заговоре, присутствовали на некоторых совещаниях заговорщиков и, во всяком случае, считали, что им лучше молчать об этом деле, даже если они и не были согласны с заговорщиками. Из этого видно, каким многообещающим казалось это дело тем, кто был в нем заинтересован.

Для Тии и ее сообщников было крайне важно, чтобы к заговору присоединился и активно в нем участвовал высший чиновник гарема – «Пай-беке-камен, великий человек дома», поскольку через него они могли поддерживать связь с внешним миром. «Он передавал их слова наружу их матерям и братьям», и эти послания выглядели так: «Волнуйте народ, подстрекайте врагов, чтобы они начали военные действия против своего господина». Правда, пока что заговорщики вели себя тихо: войска, размещенные в Эфиопии, должны были первыми восстать против фараона и напасть на Египет. Командующего этими войсками заговорщики привлекли на свою сторону: его сестра была в гареме и своими письмами посвятила его в тайну заговора. В подготовку мятежа с большим усердием включились другие высокопоставленные военные и чиновники, в том числе даже верховный жрец богини Сехмет (богиня войны и палящего солнца; изображалась в виде женщины с головой львицы. Центр культа – Мемфис. – *Ред.)*. Они считали себя вправе применять любые средства: даже магия была использована для того, чтобы причинить вред царю. Царский «начальник коров», человек, чье

положение было высоким, достал из собственной библиотеки фараона книгу о магии и согласно содержавшимся в ней указаниям сделал несколько восковых фигурок, которые были тайком принесены во дворец, где с их помощью предполагалось вызвать у царя хромоту и болезнь.

Возможно, эти умыслы против здоровья царя были менее опасны, чем другие намерения, которые, несомненно, являлись серьезной угрозой для его трона. Мы не знаем, как получилось, что заговор был вовремя раскрыт, но однажды заговорщики (названные в официальном стиле «мерзость страны») были арестованы и предстали перед своего рода военным трибуналом, состоявшим из чиновников высокого и низкого уровней, которых царь посчитал достойными своего особого доверия. До нас дошли указания, которые были даны этому суду, и в них мы читаем характерное место: «Что говорили люди, я не знаю. Поспешите расследовать дело. Вы пойдете и допросите их, а тех, кто должен умереть, вы заставите умереть от их собственной руки так, чтобы я ничего не знал об этом. Кроме того, вы сделаете так, чтобы наказание, назначенное остальным, было выполнено так, чтобы я ничего не знал об этом». Мы видим, что фараон не желал иметь никакого отношения к этому делу: преступники были слишком близко связаны с ним, заговор был слишком опасен для него, чтобы он мог начать против них официальное следствие, при котором стали бы широко известны дела, о которых народу лучше было ничего не знать, и монарху пришлось бы самому назначать наказание виновным. Поэтому он предпочел дать негласные полномочия нескольким людям, которым он доверял, и эти люди должны были уладить это мерзкое дело как можно тише и быстрее. Они также должны были не создавать сенсации своими наказаниями: любой, кто заслуживал смерти, должен был сам покончить с собой.

Судьи взялись за свое печальное дело; работа оказалась такой трудной, что они должны были разделиться на две комиссии. Одна состояла из шести членов, «великих князей суда», и в основном занималась судом над чиновниками гарема; другая, из пяти членов, которые все были «вассалами» царя, должна была судить меньше преступлений, но более тяжелых: «вассалы» выносили только смертные приговоры. Эти приговоры коротки и выглядят однообразно:

«Великий преступник Месд-су-Ра, бывший вассал. Он был приведен на суд потому, что вступил в сговор с Пайбеке-каменом, который был главой дома, и с женщинами, чтобы побудить недовольных к враждебным действиям против их господина.

Он был приведен к великим князьям суда. Они расследовали

его преступление, они признали его виновным, они привели в исполнение его наказание».

Когда речь шла о людях более низкого звания, процедура суда была короче:

«Жены привратников гарема, которые вместе со своими мужьями присоединились к заговору, были приведены к князьям суда, признаны виновными, и был отдан приказ привести в исполнение их наказание: шесть человек».

Вот пример приговора, вынесенного высокородному преступнику:

«Пентуэре, который раньше носил другое имя. Он был приведен на суд потому, что присоединился к своей матери Тии, когда она устроила заговор с женщинами из гарема, и потому, что он действовал враждебно против своего повелителя. Он был приведен к вассалам, чтобы они могли допросить его. Они признали его виновным, они отпустили его в его дом, он покончил жизнь самоубийством».

Краткость этих судебных дел указывает на желание сообщить потомству как можно меньше об истории заговора. Мы не можем с уверенностью назвать имя ни одного из виновных, поскольку многие имена в документах явно записаны в «перевернутом» виде. Один вассал назван Месд-су-Ра, то есть «бог солнца ненавидит его», другой высокопоставленный чиновник Бен-эм-Уэсе – «плохой в Фивах»; разумно считать, что это не могут быть настоящие имена людей, занимавших высокое положение. Вероятно, на самом деле их звали Нефр-эм-Уэсе, то есть «хороший в Фивах», и Мер-су-Ра, то есть «бог солнца любит его»; но усердные писцы, составлявшие отчет, проявляя свою лояльность, исказили эти имена, превратив их в другие, имевшие плохое значение. Прежде чем расследование завершилось, произошел случай, который очень хорошо показывает нам, каким неспокойным было положение дел в египетском суде в древние времена. Трех из шести доверенных лиц царя, входивших в первую комиссию, внезапно пришлось арестовать. Обвиненные женщины из гарема близко сдружились с этими людьми, они разыскали их и вместе с ними и главным подозреваемым, которого звали Пайес, «устроили пивной дом», то есть кутеж. Это было неслыханным нарушением доверия, и доверенные лица «лишились добрых знаков благосклонности, которая была проявлена к ним царем», когда он назначил их быть судьями. Но «их преступление схватило их», и «они были наказаны отрезанием носов и ушей».

Два крупных судебных процесса, которые мы только что описали в этой главе, рисуют перед нами полную, хотя вряд ли

радостную, картину египетского уголовного правосудия; но по гражданскому правосудию у нас, к сожалению, почти нет материала, который мог бы нам помочь. Те два юридических документа по делам неуголовного характера, которые у нас есть, так сильно повреждены, что цитировать их невозможно; споры о *моем* и *твоем,* которыми иногда бывают наполнены частные письма, очень туманны по смыслу, а ни завещаний, ни исков не обнаружено ни одного. К счастью для нашей задачи, у нас есть несколько договоров (египтяне называли их словом *опечатанное),* которые человек высокого звания часто заключал, чтобы отдать определенные суммы из своих доходов на совершение тех или иных религиозных служб после его смерти. Такими были десять договоров, которые Хапдефай, номарх Асьюта, живший в эпоху Среднего царства, заключил с духовенством своего города; они прекрасно сохранились и заслуживают более подробного изучения. Не похоже, чтобы Хапдефай имел от них большую выгоду[138]. Он желал обеспечить, чтобы его пять статуй, которые он поставил в своей гробнице и в храме Сиута, каждый год получали от жрецов дары в виде хлеба, пива и мяса. Он также желал обеспечить «зажжение светильников», то есть освещение этих статуй, во время многих праздников, и поэтому обязал жреца, которому были поручены светильники храма, регулярно поставлять фитили для этого освещения. Предметы десяти договоров Хапдефая кажутся нам совершенно незначительными – кроме того, что уже перечислено, он поднес в дар ради совершения молитв у его гробницы «поля, слуг, сады и прочее», – и нам почти непонятно, по какой причине он оказал своим десяти договорам великую честь, приказав сохранить их для нас в пространной надписи из шестидесяти гигантских строк в своей гробнице.

Жреческое сообщество, с которым он заключал свои договоры, естественно, ничего не делало без соответствующего вознаграждения, и он должен был платить жрецам за все дары, которые они должны были преподносить. Хапдефай расплатился частично дарением некоторых земель из числа его собственных владений, частично уступкой некоторых своих прав. Поскольку он сам входил в сообщество жрецов бога Упуаута (божество загробного мира, бог с головой шакала или волка, «открыватель путей». Был божеством нома Асьют, впоследствии так же, как и Анубис, стал защитником некрополя в Абидосе. – *Ред.),* он имел право на часть того принадлежавшего храму продовольствия, которое выдавалось каждому жрецу отдельно. Поэтому для того, чтобы расплатиться с собратьями по жреческому служению, ему было проще всего отказаться за себя и своих наследников от

части этого продовольствия.

Документы о приобретении Хапдефаем того, что являлось предметов договоров, составлены все по одному и тому же официальному образцу:

«Договор, заключаемый между А и Б о том,
что Б должен дать х А
и А должен дать *у* Б.
Смотрите, Б удовлетворен этим».

В промежутки между частями этой формулы вписывались всевозможные положения договора – в большинстве случаев в них оговаривались подробности того, о чем заключалось соглашение. Этот предварительный набросок договора должен был полностью удовлетворить законоведов. Это вовсе не была запись уже полностью разработанного договора, сделанная при его заключении (тогда было бы написано: «договор, который *был* заключен», и т. д.), а, по сути дела, запись содержания договора – таблица, в которую вписано это содержание.

Мы почти готовы предположить, что писец осмелился немного изменить установленную формулу, когда эти договоры записывались в гробнице.

Седьмой договор – пример одной из самых коротких формулировок соглашения.

«Договор, заключаемый бывшим главным пророком Хапдефаем и верховным жрецом Анубиса о предоставлении ему (жрецу) трех фитилей; упомянутые фитили должны быть сожжены в светильниках храма Анубиса;

один – в пятый вставной день года накануне новогоднего праздника,

еще один – в день новогоднего праздника

и еще один – в 17-й день месяца тот, накануне праздника Уаг.

За это мы дадим ему: 1000 мер поля из поместья его отцов как цену этих трех фитилей, которые он будет вручать моему похоронному жрецу, чтобы они горели в светильниках.

Смотрите, он был удовлетворен этим».

Однако другие соглашения составлены более подробно, в них включено много статей, где установлены различные оговорки и основания, например, третье из них:

«Договор, заключаемый Хапдефаем, князем и главным пророком, с официальными служителями храма, чтобы они

давали ему хлеб и пиво в 18-й день месяца тот – день праздника Уаг, а он должен дать им 24 храмовых дня из своего имущества, из хозяйства своих отцов, но ни в коем случае не из имущества, входящего в хозяйство правителя нома; на деле четыре дня главному пророку, по два дня каждому из них.

Смотрите, он сказал им:

храмовый день равен $^{1}/_{360}$ года. Если все хлеб, пиво и мясо, получаемые храмом ежедневно, будут поделены, $^{1}/_{360}$ этих хлеба, пива и всего, что получает этот храм, представляет собой храмовый день, который я даю вам.

Это мое имущество из хозяйства моих отцов, а ни в коем случае не имущество из хозяйства номарха, потому что я поистине такой же сын жреца, как каждый из вас.

Эти дни будут вознаграждением для каждого будущего состава жрецов, чтобы они могли предоставлять мне те хлеб и пиво, которые они должны давать мне.

Смотрите: они были довольны этим».

К договору приложен список, который показывает, как обязанность поставлять хлеб и пиво распределялась между десятью членами «официального состава» жрецов храма. Каждый из них должен был дать 2 кувшина пива и 200 булок (хлебов), но главный жрец, который получал в уплату четыре дневных рациона храма, должен был поставить 4 кувшина пива и 400 булок.

Эти три положения документа очень интересны. В первом сказано, что именно Хапдефай желает, чтобы мы понимали под словами «дневной рацион храма». Это понятие никогда не должно толковаться как поступления за какой-то один определенный день: необходимо определить сумму поступлений за весь год, и $^{1}/_{360}$ часть этой суммы должна считаться средним рационом. Остальные положения должны были защитить Хапдефая от возможного подозрения, что он распоряжается доходами, которые не принадлежат ему по наследству: он объявляет, что по рождению принадлежит к сословию жрецов и потому имеет право на доходы, связанные с этим званием. И наконец, третья статья договора снова определяет, каковы те услуги, в обмен на которые Хапдефай уступает своим собратьям по служению пятнадцатую часть годового дохода, который он получает как жрец.

По перечисленным примерам мы видим, что тогда существовала уже полностью сформировавшаяся система составления договоров, и это подтверждают факты, содержащиеся в тех же любопытных записях. Прежде всего бросается в глаза то, как ограничены были права номарха распоряжаться имуществом

по завещанию: снова и снова подчеркивается, что правитель нома может распоряжаться только той частью своего имущества и своих доходов, которая действительно передается в его семье по наследству. Например, как верховный жрец своего храма, он имел право получать кусок жареного мяса от туши каждого быка, которого приносили в жертву в храмах. Правитель нома мог желать, чтобы в будущем этот кусок подносили в дар его статуе в дни больших шествий, но не мог сам отдать распоряжение об этом. Возможно, место в сообществе жрецов принадлежало его семье по наследству, но звание верховного жреца – нет, и потому он не мог распоряжаться теми доходами, которые были связаны именно со вторым из этих званий. Чтобы все мелочи были улажены согласно его желанию, ему было необходимо пустить в ход сложную систему юридических механизмов. Как частное лицо, он заключил договор с самим собой, как главным пророком, и приобрел сам у себя этот кусок жареного мяса в обмен на два упоминавшихся выше рациона. Чтобы этот договор нельзя было оспорить, он добивается явным образом выраженного согласия сообщества жрецов на эту сделку.

Народ, который мог настолько ясно осознавать двойственную природу индивидуума, что позволял человеку заключать договоры с самим собой, несомненно, давно уже миновал пору младенчества в отношении законов и достиг высокой степени развития в области законодательства. К несчастью, как уже было сказано, почти нет материалов, по которым мы могли бы больше узнать об этом.

В гробнице Хапдефая сохранился отрывок еще одного юридического документа, а именно условие, исполнения которого он требовал от своего похоронного жреца, наделяя его «полями, слугами, стадами, прудами и иными всевозможными вещами». Должность похоронного жреца обычно переходила по наследству в одной семье, и поэтому существовала опасность, что имущество, связанное с этой должностью, когда-либо будет раздроблено, если его разделят между наследниками. Хапдефай явным образом запрещает такое наследование: «…эти вещи должны принадлежать только одному из твоих сыновей – тому, которого ты возвысишь над остальными твоими детьми, пожелав, чтобы он стал моим похоронным жрецом… и он также не должен делить это имущество между своими детьми». Подобные правила относительно похоронных жрецов, служивших при гробницах, существовали во времена Древнего царства; в этих правилах был также подробно определен порядок наследования имущества, пожертвованного на дела религии, и даны указания о том, как должны разрешаться споры между людьми, имеющими права на

эту собственность. К несчастью, эти серьезно поврежденные надписи не разъясняют нам конкретные детали положений закона; однако они позволяют нам увидеть, что в те давние времена уже существовала настолько упорядоченная система законодательства, что уже одно провозглашение вышеупомянутых правил в качестве закона обеспечивало достаточную защиту против их нарушения даже потомками. Та молитва богам, которую любили и часто применяли в других частях мира в подобных случаях дарения, здесь не имела места: было достаточно того, что жертвователь вклада выразил свою волю в установленной форме.

В более поздние времена дело обстояло совершенно иначе: например, когда Аменхотеп, сын Хапу, чиновник высокого ранга, живший при Аменхотепе III, учредил в Фивах маленький храм (в Дейр-эль-Медине), посвященный Амону-Ра; он посчитал, что основанное им святое место не будет в достаточной безопасности, если он не призовет гнев богов на любого, кто посмеет причинить ему вред. В 8-й день месяца хойах двадцать первого года царствования, когда царь посетил новое святилище, было принято следующее постановление, которое выпустили в свет несколько высокопоставленных государственных чиновников, а именно: наместник Аменхотеп, начальник «дома серебра» Мериптах и писцы из армии[139]: «Слушайте указ, данный в управе храма Как, принадлежащего наследственному князю, писцу царя, Аменхотепу, называемому Хуи, сыну Хапу… что его храм Как с находящимися при этом храме рабами и рабынями должен вечно переходить от сына к сыну, от наследника к наследнику и что никто никогда не должен нарушать этот указ, ибо, пока этот храм стоит на земле, он священен для Амона-Ра, царя богов, вечно царствующего, заступника мертвых.

Если тот военачальник и писец по делам солдат, который сменит меня, обнаружит, что храм Как обветшал и что какие-либо принадлежащие храму вещи были отняты у рабов, выращивающих зерно для моего пожертвования, и если он потом поддержит исполнение всех законов и распоряжений фараона, то да получит он удовлетворение в телесной жизни.

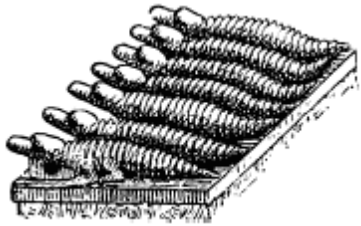
Но на тех, кто нарушит [предписания] и не доложит об этом, обрушится уничтожающая кара Амона, господина Фив, который не позволит им получить удовлетворение в должности царского писца по делам войска, которую они получили после меня! Он навлечет на них ярость царя в день его гнева, змей на его венце изрыгнет огонь на макушки их голов и уничтожит их сыновей. Он пожрет их тела, и они станут как змей Апофис (враг бога солнца) в день Нового года. Они будут утоплены в океане, который скроет

их тела; они не получат похоронные службы праведников, они не будут есть пищу бога Керти (или Коуарти – один из сорока богов Малого Сонма, покровитель Запада), они не охладят себя на воде, на речном потоке. Их сыновья не придут им на смену, с их женами поступят постыдно у них же на глазах. Достойные люди не будут входить в их дома, пока они живут на земле; они не войдут и не будут введены во дворец (?). Они не услышат голос царя, когда он радуется. В день уничтожения они будут заколоты, и люди назовут их несчастными. Их тела будут больны, они будут голодать без еды, их тела умрут! В первую очередь проклятие падет на наместника, казначея, начальника кладовой, первого пророка, святых отцов, жрецов Амона, которым был прочитан этот указ, данный для храма Как, принадлежащего наследственному князю, писцу царя Аменхотепу, сыну Хапу, если они не будут заботиться о храме Как.

Если же вы будете заботиться о том, чтобы защищать храм Как с рабами и рабынями, которые выращивают зерно для моих владений, то на вашу долю выпадет все благое. Амон-Ра, царь богов, наградит вас счастливой жизнью… Почести будут сыпаться на вас; вы увидите сыновей от своих сыновей и наследников от ваших наследников. Ваши тела упокоятся в загробном мире после 110 лет жизни. Количество приносимой вам в дар пищи будет увеличиваться, и то же будет со всем остальным, что вам полагается получать.

То, что я сказал, выпадет на долю также и тем командирам ополчения, относящегося к округу князя западного города Хефтхер-небс, которые не будут постоянно выполнять пожертвования, которые я предписал на каждый день, и отмечать все мои праздники в первые дни месяцев. Их тела не будут здоровы. Но если они будут поступать согласно всем этим словам, которые сказаны как приказ и обязательны для исполнения, а не отвернутся от них, им будет хорошо так же, как праведникам. Они будут покоиться в городе Мертвых после хорошей старости».

Тот, кто провозгласил такой богатый проклятиями указ, у последующих поколений считался образцом мудрого человека. Нам, людям современного мира, этот документ вряд ли покажется особым доказательством его мудрости, и те древние основатели, которые составляли свои документы, не призывая на помощь богов, вероятно, заслужат у нас более высокую оценку, чем знаменитый Аменхотеп, сын Хапу, который, по словам Манефона, благодаря своей мудрости «казалось, имел в себе частицу божества».

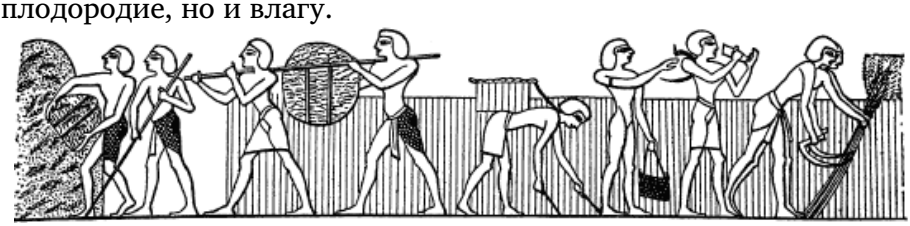


Амулет. Берлинский музей

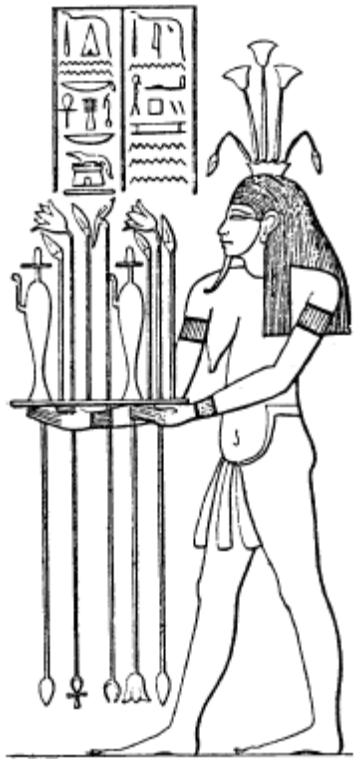
Глава VIII
СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Причиной, по которой маленькая (по обитаемой площади) страна Египет сыграла в истории цивилизации такую же важную роль, как многие обширные империи, было то богатство, которое эта страна каждый год получает от плодов своей земли; фундаментом египетской цивилизации было сельское хозяйство. Однако результаты, которых достигли земледельцы долины Нила, были получены ими не благодаря какому-то их особому мастерству или уму, а благодаря неистощимому плодородию египетской земли.

Она неистощима в прямом смысле этого слова, поскольку, если к этой почве не предъявлять совершенно неразумных требований, питательные вещества, которые забирает из нее урожай, возвращаются в нее без всякой помощи человека. Едва ли мне нужно говорить, что это чудо совершает каждый год разлив Нила; это Нил «дает всем людям пищу и воду». Однако эта великая река раздает свои дары не всем одинаково; она может быть и причиной несчастья для страны, поскольку, если «большой Нил», то есть высокий уровень воды при разливе, обещает богатейший прирост для полей, низкий уровень Нила неизбежно приносит с собой страх перед «голодным годом»[140]. Это было обоснованно, потому что разлив приносит почве не только плодородие, но и влагу.



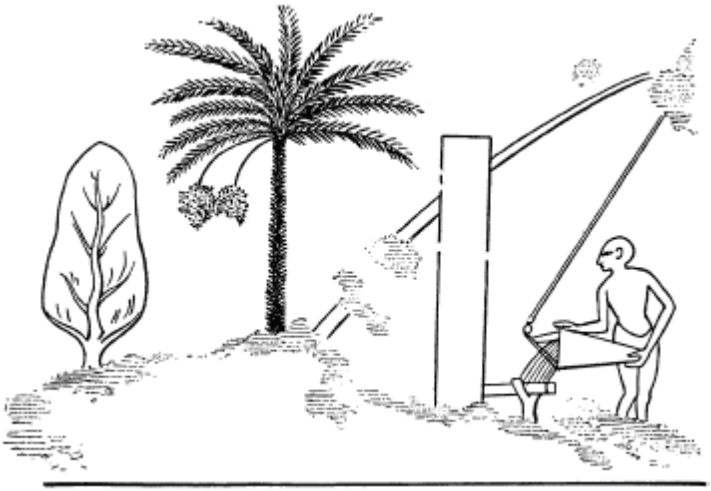
Скульптурная группа – Маиптах, жрец бога Птаха, со своей семьей. *Слева* (по правую руку) – его жена Хатшепест, «госпожа, полная очарования, изящества и любви»; *справа* (по левую руку) – его дочь Энеухаи, «любимица фараона». Маленькие фигуры изображают вторую дочь и ее сына, которые преподнесли в дар эти статуи. Берлин, 2297



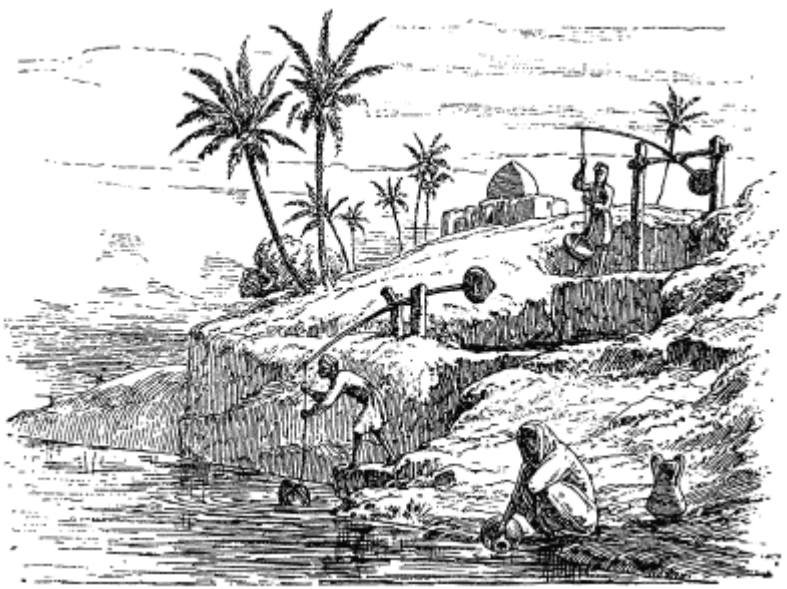
Изображение Нила, который приносит в дар египетской стране воду в сосудах и цветы. Он гермафродит и одет в такую набедренную повязку, которую носили моряки и рыбаки

В этой стране, где нет дождей, растения могут вырасти только в тех местах, которые были не только затоплены, но и хорошо пропитаны водой; а там, где этого не происходит, на твердой глине совершенно ничего не растет.

Кроме того, даже самый высокий разлив заливает не все поля, и, чтобы остальные, не залитые разливом поля дали урожай, крестьянин должен был прибегать к искусственному орошению. Воду Нила подводили как можно ближе к его полю с помощью оросительного канала, а сам он потом сооружал нечто вроде колодезного журавля – теперь этот механизм называют его современным названием *шадуф*, но он сохранил свою прежнюю, древнюю форму[141]. Это тяжелая работа – весь долгий день поднимать ведро шадуфа и выливать оттуда воду; по сути дела, нет более утомительного дела среди повседневных трудов египтян, чем такой полив полей. В наше время, когда система земледелия более совершенна, феллахи, особенно в Верхнем Египте, пользуются шадуфом очень широко; в древности же его, возможно, применяли реже.



Древний колодец с журавлем. Фивы (согласно W., i. 281)



Современный шадуф

Когда разлив заканчивается, Нил отступает, оставляя то там, то тут лужи на полях. Это хлопотное время года для египетского земледельца: «поля обнажились», и он должен «работать старательно»[142], чтобы хорошо использовать благословенный дар Нила. Ему легче это делать оттого, что наконец прекратилась удушливая жара, которая в течение лета угнетала и его, и его скот. «День прекрасен, прохладно, и быки тянут хорошо; небо согласно с нашим желанием», – говорят те, кто возделывает землю, и с охотой берутся за работу, «потому что Нил был очень высоким», и мудрые люди уже предсказывают, «что это будет

прекрасный год, свободный от нужды и богатый всеми травами», год, «в который урожай будет хорошим» и телята будут «иметь прекрасное здоровье»[143].

Вспашка земли плугом, ее рыхление мотыгой и сев во времена Древнего царства. (Гробница Ти, согласно Bädeker, с. 414)

Теперь главный долг крестьянина – вспахать землю; эта работа становится еще труднее оттого, что плуг, которым он должен переворачивать тяжелую почву, очень громоздок. Египетский плуг очень мало изменился с древнейших времен: он состоял из длинного деревянного лемеха[144], в который были вставлены две слегка изогнутые рукоятки, а к задней части лемеха был наискось привязан длинный шест, на переднем конце которого находился поперечный брус, прикрепленный к рогам быков. Такой была стандартная форма плуга, и она почти не изменилась за множество веков. При Новом царстве был добавлен еще канат, связывавший шест с лемехом; рукоятки тоже при Новом царстве были установлены почти перпендикулярно и снабжены выемками для ладоней, но эти изменения были незначительными.

Для вспашки земли были нужны два человека: один, собственно пахарь, нажимал на рукоятки плуга, а второй, погонщик быков[145], неутомимо подгонял своих животных палкой. Эта работа сопровождалась неизбежными у египтян криками: погонщик подбадривает пахаря: «Нажми на плуг, нажимай на него руками», призывает быков: «Тяните сильнее» – или приказывает им «повернуть», когда они доходят до конца поля[146]. Обычно плугов два, и один движется позади другого – вероятно, для того, чтобы второй вспахивал землю между бороздами, проделанными первым плугом.

Если египтяне просто хотели разрыхлить слой ила, они использовали (во всяком случае, в эпоху Нового царства) легкий плуг, который тащили люди[147]. Мы можем видеть, как четыре мальчика впрягались, а старик давил на рукояти. Такой плуг несколько отличался от плуга обычной формы – лемех состоял из двух частей, связанных вместе; он имел также длинную часть, присоединенную сзади и поворачивавшуюся наклонно вверх,

когда пахарь направлял плуг.

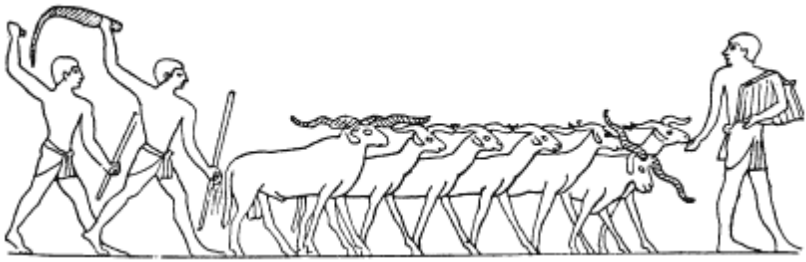
Деревянные мотыги. Из общей могилы в Фивах эпохи Нового царства (Берлин. Согласно W., ii. 252)

Однако и после вспашки нужно было еще разбить большие комья тяжелой египетской земли – чтобы земля была готова для посева. В наше время для этого прокатывают по полям борону или же «кошачью лапу» – круглый каток с шипами; а в старину пользовались деревянной мотыгой[148], которая, кажется, была собственным изобретением египтян в сельском хозяйстве. Мы вряд ли смогли бы составить о ней верное представление по рисунку , который изображает ее в иероглифах и на рельефах; но, к счастью, у нас в музеях есть несколько образцов настоящих мотыг. Земледелец держал эту мотыгу за нижний конец ручки и разбивал лезвием комья земли. Передвигая веревку, он мог по желанию делать мотыгу шире или уже. На рисунках эпохи Древнего царства люди, работающие мотыгами, всегда изображены идущими сзади плуга; позже они, кажется, шли и впереди него тоже.

Во времена Нового царства мы также обнаруживаем их в поле одних, словно при выращивании некоторых культур крестьяне обходились без плуга и только мотыжили землю. Во все перечисленные выше эпохи применялись также деревянные молоты для разбивания комьев земли[149].

После того как земля была должным образом подготовлена, начинали высевать семена[150]. Мы видим, как «писец зерна» с важным видом стоит перед кучей семян, наблюдает за тем, как люди их сеют, и записывает, сколько раз каждый наполнял свой маленький мешок семенами. После того как семена были разбросаны, посевные работы еще не были окончены: еще нужно было вдавить зерно в плотную илистую землю. Для этого по

только что засеянным полям прогоняли овец[151]. На всех рисунках, посвященных этой теме, можно увидеть одного или двух пастухов с их стадами, которые идут сзади сеятеля. Одни работники, взмахивая плетьми, гонят овец вперед; другие столь же энергично отгоняют их назад. Испуганные животные сбиваются в кучу; похоже, что один отважный баран вот-вот начнет сопротивляться: он угрожающе опустил голову; но большинство овец в страхе бегают по полю и так *вспахивают его своими ногами* (это выражение из надписей).



Бараны втаптывают семена в землю (из гробницы Ти, согласно Bädeker)

Такое втаптывание семян в землю изображено только на рисунках эпохи Древнего царства; возможно, этот обычай продолжал существовать и позже, но стал менее распространенным. Когда Геродот путешествовал по Египту, он заметил, что в дельте для этой цели использовали свиней; во времена Плиния об этом говорили как о давно забытом обычае, в существовании которого сомневались.

Наступало время урожая, и зерновые[152] жали коротким серпом[153], срезая им, в отличие от нашего обычая, стебли высоко над землей, иногда близко к колосьям[154], поскольку солома была бесполезна и только усложняла молотьбу.

Работа идет быстро: об этом мы можем судить по движениям людей. Однако среди них мы часто обнаруживаем стоящего без дела работника[155] с серпом под мышкой; вместо того чтобы работать, он предпочитает показывать своим товарищам на пальцах, сколько снопов он уже сжал за этот день. Разговор остальных сборщиков урожая тоже, видимо, касается главным образом их многочисленных огромных достоинств; к сожалению, их остроумные замечания совершенно непонятны для нас[156]. Время от времени в работе наступает перерыв, и страдающие от жажды работники передают один другому по кругу остроконечный кувшин[157].

Жнец (из гробницы Ти, согласно Bädeker)

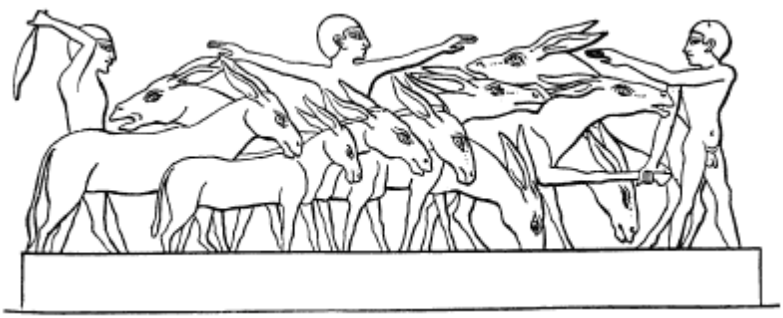
Сжатый хлеб связывают в снопы, а поскольку стебли слишком коротки и из одной вязанки нельзя сделать сноп, складывают две вязанки конца– ми вместе, колосьями наружу, а потом перевязывают этот парный сноп посередине веревкой[158]. Один особенно хороший сноп отправляют с посланцем к владельцу имения, чтобы тот увидел, как хорош урожай[159]; остальное оставляют на полях, сложив в копны по три или четыре снопа в каждой. Женщины подбирают в маленькие мешки уроненные колосья[160].

Теперь нужно было переправить хлеб на ток, который, вероятно, находился поблизости от города. Снопы перевозили на спинах тех терпеливых животных, которые и теперь употребляются для перевозки грузов в Египте, то есть ослов. Мы видим, как большое количество их бешеным галопом гонят в поля[161], погонщики ослов идут позади животных, кричат им и машут палками. По пути они встречают тех животных, которые уже возвращаются домой с грузом, и среди них есть ослица с осленком. Она поднимает голову и приветствует сородичей долгим ржанием; но палки погонщиков не позволяют животным остановиться. Глупое сопротивление достаточно быстро прекращается. Ослы приходят на сжатое поле, готовые к тому, чтобы на них погрузили снопы; тут один из них начинает лягаться и отказывается идти вместе с остальными. Один из погонщиков тянет его за уши и за ногу, другой бьет; погонщики кричат ослу: «беги, как умеешь» и пригоняют его к месту погрузки[162].

Перевозка зерновых (из гробницы Ти, согласно Bädeker)

Тем временем снопы сложены и увязаны в большую корзину[163] или в мешок[164], или же, как явно было в обычае позже, могли быть упакованы в большие короба[165], подвешенные к седлу осла.

Когда ослы нагружены, в корзину кладут еще один сноп, для которого не удалось найти место[166], и караван отправляется в путь. Он движется достаточно медленно, хотя погонщики непрерывно призывают своих животных «бежать», но ослы нагружены тяжело, и один из них спотыкается под тяжестью своей ноши. Погонщик ведет его за хвост, а мальчик, который должен следить, чтобы груз был правильно уравновешен, тянет за ухо[167]. Когда они приходят на ток, к сложенной там куче сжатых колосьев, снопы делят на связки, и два работника бросают связки в кучу. Похоже, что для этой работы нужно было большое мастерство и много силы, чтобы мощь броска делала кучу как можно более плотной. Часто бывает изображен еще и третий рабочий, который собирает отдельные колосья, упавшие с вязанок[168].

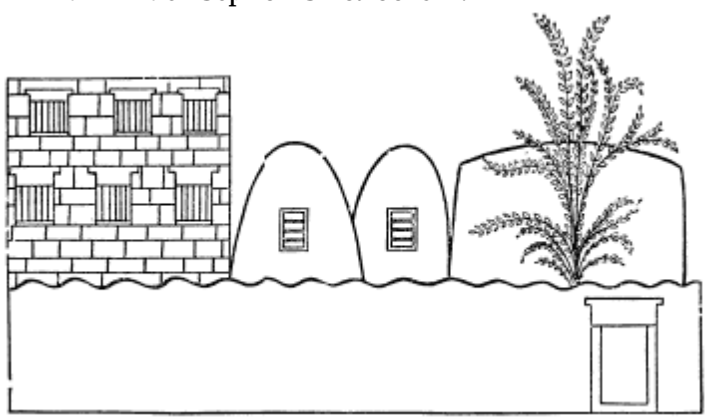


Ослы обмолачивают хлеб на току (согласно L. D., ii. 9)

Сцена сбора урожая в эпоху Нового царства. Молотьба на току, сгребание зерна в кучу и его провеивание. На дереве возле тока висит кожаный бурдюк, из которого пьет один из работников. Слева подсчитывают количество намолоченного зерна (согласно W., ii. 419)

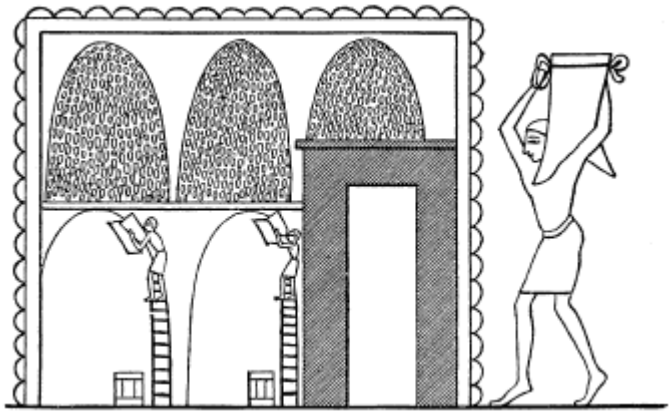
Ток, посередине которого, видимо, находилась куча[169], представлял собой, судя по рисункам, ровную круглую площадку

с немного приподнятыми краями[170]. На ней рассыпали зерно и потом гоняли по ней скот, который топтал его своими копытами. В эпоху Древнего царства для этой цели почти всегда использовали ослов, а быков мы видим только в случаях, когда нужна, как сказали бы мы, дополнительная помощь; но после эпохи Среднего царства египтяне, похоже, изменили порядок этой работы, поскольку мы обнаруживаем, что в более поздние времена использовали только одних быков[171]. Если использовали ослов, то работали, как правило, десять животных. Но если быков, то считалось, что достаточно трех. Животных на току раз за разом гоняли по кругу[172], и при этом, конечно, было очень много дела палкам и голосу, потому что ослы – весьма своенравные создания. Как мы видим, один из них хочет бежать не в ту сторону, другой вообще не желает двигаться вперед, и остается лишь одно – схватить его за переднюю ногу и тащить по току. Мы часто видим быка или осла, который, обмолачивая зерно, жует несколько колосьев, словно живая иллюстрация к древнееврейскому правилу: «Не надевай намордник на быка, который вытаптывает зерно из колосьев».



Владение, состоящее из дома, двух житниц (амбаров) и постройки, очертания которой неясны. Эль-Амарна (согласно Перро – Шипье)

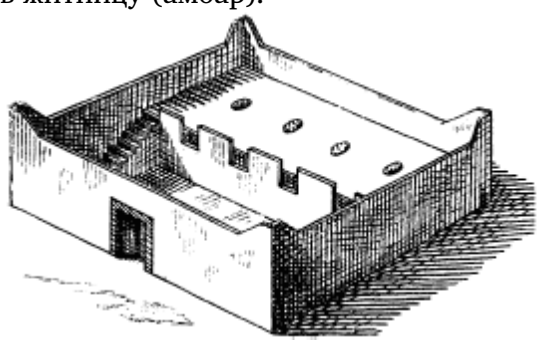
После того как зерно было обмолочено, его вместе с мякиной собирали деревянными вилами в большую кучу[173], на верх которой клали гнет, чтобы она не рассыпалась. Затем необходимо было отделить зерно от мякины и грязи, неизбежной при таком примитивном рабочем процессе. Похоже, что эту легкую работу всегда выполняли женщины[174]. Они веяли зерно, быстро подбрасывая его в воздух с помощью двух маленьких наклонных досок. Зерно падало вертикально вниз, а мякину ветер относил в сторону. Затем зерно пропускалось через огромное прямоугольное сито, чтобы отсеять самые худшие примеси.



Владение, состоящее из пяти амбаров, окруженных кирпичной стеной; три амбара уже заполнены. Фивы (согласно W., I. 371)

Образец только что обмолоченного зерна посылали хозяину; сборщики урожая не забывали также благодарить богов. Они не только посвящали первые плоды урожая тому богу, который особо почитался в данной местности, и устраивали праздник в честь Мина, бога сельского хозяйства: крестьяне и во время сбора урожая благодарили небеса. Например, в одном случае мы обнаруживаем два маленьких алтаря, возле тока между кучами зерна, а в другом на самом верху кучи зерна, которое сгребла женщина, стоит маленькая чаша. Нет сомнения, что и то и другое – приношения богине-змее Рененутет (Рененут; одна из богинь плодородия, хранительница урожая, мать бога зерна Непери. Изображалась в виде змеи или женщины со змеиной головой. – *Ред.);* алтари и часовни, которые мы обнаруживаем во дворах житниц, вероятно, тоже были поставлены в ее честь.

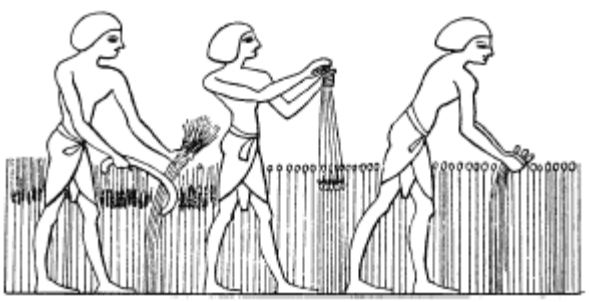
И в завершение, в конце сбора урожая, появлялись государственные чиновники – «писец житницы» и «измеритель зерна». Они измеряли каждую кучу зерна[175] перед тем, как она будет убрана в житницу (амбар).



Макет житницы (амбара). Лувр (согласно Перро – Шипье)

Эти житницы (амбары, склады зерна) во все эпохи строились по одинаковому в основном плану. В окруженном стеной дворе располагались один или два ряда построек из ила, имевших форму конуса высотой около 5 м и шириной 2 м; они имели одно маленькое окно высоко над землей, а другое на половине высоты или близко от земли. Нижнее, через которое забирали зерно, обычно было закрыто, чтобы не запустить мышей, и работники засыпали зерно через верхнее окно, поднимаясь к нему по лестнице[176]. В эпоху Среднего царства мы также обнаруживаем несколько иную форму зерноскладов, которую можно увидеть на изображенном здесь макете[177].

Такие житницы, как правило, имели плоскую крышу, на которую нужно было подниматься по наружной лестнице. Эта крыша была удобным наблюдательным пунктом для писца: он мог, находясь на ней, считать мешки, приносимые и высыпаемые в амбар[178]. Такой склад зерна подходил лишь для большого хозяйства – например, такого, как поместье, хозяин которого, Пахра из Эль-Каба, жил при XVIII династии. Как мы можем видеть, туда урожай к житницам доставляли на больших кораблях, и работники, которые выносили с кораблей тяжелые мешки с зерном, в конце концов принимались жаловаться: «Нам что же, так и носить без отдыха пшеницу и белую полбу? Амбары уже так полны, что вязанки зерна высовываются наружу, и корабли так полны зерном, что едва не лопаются. А нас все-таки заставляют спешить»[179].



Сбор урожая обычных зерновых и проса (дурры) (согласно W., ii. 427)

Сбор урожая дурры в эпоху Нового царства (согласно W., ii. 428. Эль-Каб)

До сих пор я говорил о зерне вообще, потому что зерновые культуры никогда не бывают показаны на рисунке так, чтобы можно было с уверенностью определить, какая это культура. На рисунках, изображающих сельскохозяйственные работы, наше внимание обычно привлекают две зерновые культуры: ячмень и пшеница. Обе они были очень широко распространены в Египте, свидетельством чего является солома, которую и сейчас можно увидеть в необожженных кирпичах[180]. На некоторых памятниках эпохи Нового царства изображен сбор урожая еще одного культурного растения, которое имеет стебель с маленьким красным плодом наверху.

Оно было с большой вероятностью опознано как просо – черное просо, известное в современном Египте под названием дурра. Как мы можем видеть на показанном здесь рисунке, просо не жали, а выдергивали, затем стряхивали землю с корней и после этого связывали стебли в снопы.

Чтобы вылущить зерна из колосьев, применяли необычный, похожий на гребень инструмент, который показан на иллюстрации ниже.

На другом похожем рисунке старый раб, которому поручена работа на таком гребне, сидит в тени сикомора. Он делает вид, будто этот труд ему нипочем, и заявляет крестьянину, который несет ему новую вязанку сорго для вычесывания: «Если ты принесешь их мне даже одиннадцать тысяч и девять, я вычешу все»[181]. Однако крестьянин не обращает внимания на эту глупую похвальбу и говорит: «Поторопись и не разговаривай так много, ты самый старший из работников в поле»[182].

Кроме перечисленных выше злаков, несомненно, выращивались овощи – например, лук, огурцы и дыни, причем в таких же широких масштабах, как и в современном Египте. Однако наши знания об этом очень скудны, и поэтому лучше будет перейти ко второй отрасли египетского сельского хозяйства, то есть к скотоводству, поскольку о нем у нас имеется

сравнительно много материалов. Рисунки, особенно относящиеся к эпохе Древнего царства, изображают жизнь скота так часто и с такой верностью натуре, что мы склонны верить, что египтяне древних времен были настолько же дружелюбны к своим домашним животным, насколько современные египтяне грубы и жестоки с ними.

У этой любви в Египте была одна особенность: из всех домашних животных самым дорогим для сердца египтян был бык. Скотоводство занимает очень много места на рисунках, покрывающих памятники: почти в каждой гробнице эпохи Древнего царства мы встречаемся с пастухом и его животными; скот либо переплывает водную преграду, либо его кормят или доят. Египтяне разговаривали со своими быками, как мы с нашими собаками, давали быкам имена[183] и украшали самых лучших из них пестрыми тканями и красивой бахромой[184]. Они изображали скот во всех позах с точностью, которую дают любовь и наблюдательность, откровенно показывая, как дороги им были эти животные. Ранним египтянам было незнакомо то презрение, которое мы испытываем к тупоумным быкам; напротив, корова была для них священным животным, в облике которого изволила явиться их величайшая богиня, а бык считался совершенным воплощением героической силы и могущества. Другие народы сравнивали своих могущественных богов и величайших героев со львом, египтяне же – с «могучим быком».

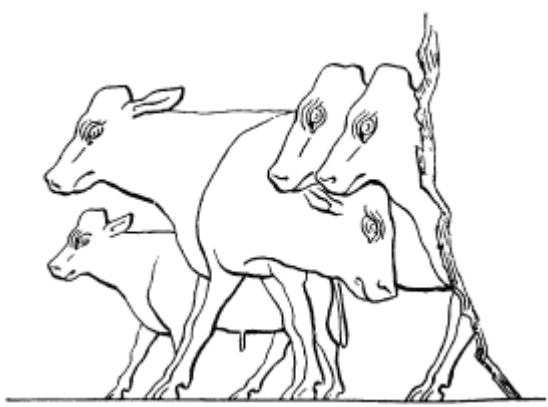
Быки Древнего Египта и в самом деле были достойны всяческого восхищения[185]. Судя по рисункам и черепам, которые у нас есть, они принадлежали к одной из пород того вида, который до сих пор преобладает во всей Африке, – к так называемым зебу; на этих животных они были похожи тем, что имели «очень покатый лоб, небольшой выступ на краю глазницы, очень плоский и прямой профиль». Горба, который так сильно развит у многих зебу, эта порода почти не имела, но его часто не бывает у животных этого вида во Внутренней Африке. Египтяне вывели из зебу несколько пород скота, которые различались не только своим внешним видом, но и качеством своего мяса[186]. Во времена Древнего царства главной по значению была длиннорогая порода[187]; эти животные имели необыкновенно длинные рога, изогнутые обычно в форме лиры, реже – в форме полумесяца. Кроме того, они имели «величавую шею, как у зубра, довольно высокий рост, массивную морду и кожную складку на животе». Как правило, они были чисто белыми либо белыми с крупными рыжими или черными пятнами, могли также быть светло-желтыми или коричневыми. На одном рисунке мы видим животное, которое выглядит просто жутко – глубокого черного

цвета, с красными животом и лодыжками. Знаток сможет различить несколько разновидностей длиннорогой породы: обычная *эуа* отличалась от более редкой нег[188], хотя мы своим взглядом непосвященных не видим никаких заметных различий между изображениями той и другой разновидности.

На рисунках эпохи Древнего царства животные с короткими рогами[189] изображались реже, чем длиннорогие, хотя в более поздние времена встречались чаще. Мы не можем определить, была ли эта порода более редкой в раннюю эпоху или египтяне предпочитали изображать на своих рельефах длиннорогую породу потому, что она имела более живописный и внушительный вид.

На рельефах Древнего царства есть также изображения быков и коров, которые явно оставались безрогими на всех стадиях своей жизни. Их можно считать третьей породой[190]. Похоже, что их высоко ценили как особо изысканную причудливую породу скота, потому что мы никогда не видим их работающими на пахоте или молотьбе; крестьяне любили украшать их яркими тканями и приводить в качестве подарка к своему господину. В то же время такой скот не мог быть очень большой редкостью: о владениях Эхнатона сказано, что там было 835 голов длиннорогого скота и не менее 220 голов скота безрогой породы.

Египтянам было недостаточно тех многочисленных разновидностей первоначальной породы, которые возникли благодаря их умению разводить скот, и они также использовали искусственный способ придавать животным необычный внешний вид[191]. Этого результата они добивались, вероятно, с помощью той процедуры, которую до сих пор применяют на востоке Судана: с той стороны, в которую желают согнуть рог, его срезают до корня; излечившись после этого, он изгибается в желаемую сторону, а под конец изгиб увеличивают с помощью раскаленных кусков железа.



Безрогий скот при Древнем царстве (согласно L. D., ii. 9)

Тщательность, с которой породы отделены одна от другой на рисунках, свидетельствует о том, что уже в эпоху Древнего царства египтяне поднялись в скотоводстве выше его примитивного состояния. Они уже не ограничивались тем, чтобы приводить животных на пастбище, а в остальном предоставлять их самим себе; напротив, они наблюдали за животным на каждом этапе его жизни. Египтяне имели особых быков для разведения породы[192], а пастухи умели помогать телящейся корове[193]. Они заботились о том, чтобы у скота было много корма, хотя, возможно, делали это не совсем так, как описано в сказке эпохи Нового царства: «Его быки говорили ему: «Там-то и там-то есть хорошие травы», а он слышал, что они говорили, и пригонял их на место с хорошими травами; и скот, за которым он присматривал, имел прекрасное здоровье и телился очень часто»[194]. На самом деле у египтян был гораздо более прозаический способ откармливать свой скот: они кормили его хлебом[195]. Судя по рисункам из гробниц, этот способ, видимо, применялся повсеместно в эпоху Древнего царства. Мы постоянно видим, как пастухи «взбивают тесто» и делают из него круглые пирожки, а затем садятся на корточки перед жующими быками и проталкивают тесто им в рот, уговаривая: «ешьте же». Хороший пастух должен был следить и за тем, чтобы у его скота было питье: вот он ставит перед животными огромный глиняный сосуд и дружески похлопывает их, побуждая пить[196]. Конечно, ему приходилось быть более суровым за работой, когда он желал подоить «матерей телят», то есть, как сказали бы мы, молочных коров. Он должен был связывать им ноги вместе или заставлял одного из своих товарищей крепко держать их передние ноги; телят, мешавших этой работе, тоже приходилось привязывать к колышкам.

Согласно L. D., ii. 62

В современном Египте коровы кормятся на искусственно

возделываемых полях клевера, поскольку там уже совсем нет лугов с дикорастущей травой. В дни Древнего царства было совершенно иначе: скот находил себе естественные пастбища на тех пространствах болотистых земель, о которых мы часто говорили в этой книге. Как в наши дни в горных странах коров на лето отправляют вверх, на альпийские луга, так и эти древние пастухи каждый год на целый сезон перегоняли свой скот в северные болота: хотя в самой долине Нила вся земля была уже совсем неплохо возделана, немалая часть дельты еще оставалась дикой и нерасчищенной. В болотных округах за скотом ухаживали люди, которых подлинные египтяне едва ли признавали за равных себе. Манера, в которой скульпторы Древнего царства изображали этих – «жителей болот», показывает, что они считали изображаемых скорее париями. Такой человек мог быть необходим как хороший пастух, отличный рыбак, умелый птицелов; он мог делать из стеблей папируса хорошие циновки и лодки, его хозяевам могли нравиться его сдержанный юмор и народная мудрость, но он был уж слишком грязным. Он даже не думал о том, чтобы опрятно сбривать свои волосы, а лишь коротко подстригал их надо лбом; многие жители болот доходили до того, что отращивали себе бороду и даже, кроме нее, бакенбарды и усы. То, что одежда такого человека была крайне примитивной, было не важно, поскольку египтяне не придавали этому большого значения; но даже им, должно быть, становилось очень смешно, когда пастух пытался выглядеть красиво и надевал короткую юбку, как остальные люди. Дело в том, что его юбка была сделана не из мягкого белого льна, а из жесткой желтой циновки, которая никак не желала сгибаться, чтобы принять нужную форму, и художники с удовольствием вырисовывали над ногами пастуха невероятные складки переднего полотнища этой юбки. Такая юбка принимала любую форму, кроме правильной[197].

Пастух, ведущий быка (согласно L. D., ii. 69)

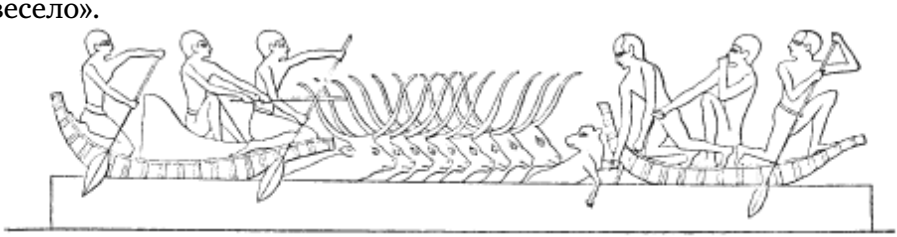
Эти люди жили в болотах вместе с коровами и не имели постоянного дома, потому что их тростниковые хижины при

необходимости можно было перенести с одного места на другое. Их описание, сделанное греками в поздние времена, очень близко к изображениям на памятниках Древнего царства, созданным на две тысячи с лишним лет раньше[198]. Например, на нашей иллюстрации изображен вечер; работа окончена; некоторые из пастухов сидят на корточках вокруг низкого очага и жарят на костре гусей, надетых на деревянные вертела. Один пастух еще не продвинулся в деле так далеко и только ощипывает своего гуся.

Пастухи на дальних пастбищах. Рельеф эпохи Древнего царства из Гизы (согласно Перро – Шипье).

Другие либо плетут что-то из стеблей папируса, либо готовят тесто для скота. Еще один человек уютно спит. Придя домой, он сел на циновку и так и уснул, продолжая держать в руке свой пастуший посох. Его длинноухий и остромордый пес последовал примеру хозяина и заснул у его ног. Большой кувшин, корзина с несколькими маленькими сосудами и несколько циновок из папируса – вот все, что нужно нашему пастуху в его хозяйстве[199].

Похоже, что египетские пастухи не испытывали восторга от романтической стороны этой жизни в болотах; они, несомненно, тосковали по относительным удобствам своих постоянных домов. День, когда они «выходили из северной страны», гоня свой скот «вверх», был радостным. Как бы ни было трудно переправляться через многочисленные рукава Нила на пути из северной страны, в этот день ничто не могло их встревожить. Несмотря на все их заботы, одна из надписей уверяет нас, что «этому пастуху очень весело».



Стадо быков, которое пастухи переправляют через водную преграду.

Рисунок эпохи Древнего царства (согласно L. D., ii. 60)

Мелкую воду было не так уж трудно перейти с быками – самое большее, пастуху приходилось перенести на спине маленького теленка. Хуже было, если приходилось переправляться через достаточно глубокий поток.

Тогда, как мы видим, стаду волей-неволей приходится плыть; несколько пастухов плывут впереди него на лодке и криками ободряют усталых животных; телят они тащат по воде за передние ноги. Другая лодка плывет позади животных, чтобы стадо не расходилось в стороны. Однако пастухи не в силах защитить животных от одной большой опасности: если крокодил, которого мы видим лежащим в воде поблизости от коров, осмелится напасть на них, вряд ли будет возможно отогнать его от добычи.

Можно сомневаться, что пастухи в конце концов насладятся желанными радостями домашней жизни: их ждет впереди работа, которую вряд ли можно делать без беспокойства и раздражения. Едва они прибывали на место и вручали хозяину в качестве подарка пару молодых газелей или красивых птиц, как на сцене появлялись важные лица – «писцы имущества», «чтобы посмотреть отчеты пастухов». После этого скот сортировали по возрасту и подсчитывали, сколько животных каждой породы и каждой категории имеется в наличии – сколько есть «первых коров стада» (то есть коров, которые его ведут), сколько «молодого скота», телят и их «матерей»[200]. Кроме того, скот прогоняли перед хозяином[201]; это было бесконечное шествие быков, коз, ослов и овец. Затем главный писец вручал хозяину длинный свиток и объяснял ему, что согласно этой записи он может назвать своими не меньше 835 голов длиннорогого и 220 голов безрогого скота, 760 ослов, 974 овцы и 2234 козы.

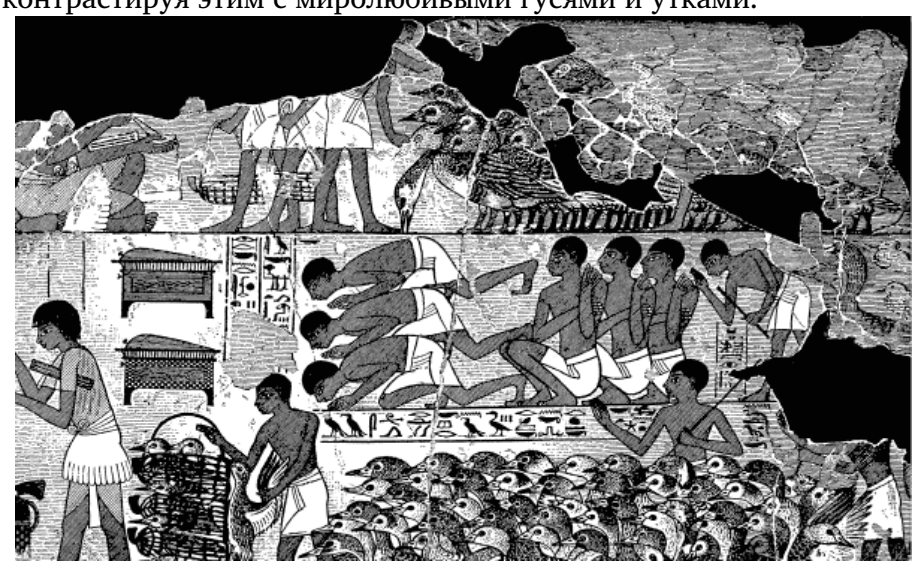
Осмотр стад быков высокопоставленным чиновником. *Вверху слева* изображены пастухи, один из которых целует ноги своему господину. *Внизу слева* – писцы с коробками канцелярских дел; у того, который впереди, в руке список. Молодой пастух оживленно разговаривает с ним, но чиновник, стоящий позади пастуха, делает ему замечание: «Живо пошел отсюда прочь! Не разговаривай перед этим благословенным человеком: он не выносит болтунов». Рисунок из фиванской гробницы эпохи Нового царства, который хранится в Британском музее

На этом примере мы видим, что землевладельцы Древнего царства имели не только большие стада быков, но также иногда до 1300 голов крупного рогатого скота[202] и, кроме того, значительное количество мелкого скота. Однако древние египтяне, которые так сильно восхищались быками и не уставали снова и снова рисовать их, редко оставляли нам изображения овец[203], коз[204] или ослов[205]. А ведь и козел, и баран – благородные животные с красивыми изогнутыми рогами, а баран к тому же имел честь быть образом могущественного бога. Изображения свиней тоже редко встречаются на памятниках, и, если бы мы не узнали в одной из глав Книги мертвых, что бог Сет однажды принял облик этого животного, мы могли бы сомневаться, что они вообще когда-либо существовали в Египте.

Кроме собственно домашних животных – быков, овец, коз и т. д., – в стадах знатных людей Египта были дикие жвачные животные многих видов. Эти звери были пойманы с помощью аркана или собак в пустыне или горах и выращены вместе со скотом; поэтому на всех рисунках эпохи Древнего царства мы среди быков обнаруживаем антилоп и каменных козлов, а также

антилоп *мауд* с длинными, похожими на мечи рогами, изящных *гахс* и нуду, антилоп *шес* с рогами в форме лиры и благородных каменных козлов, по-египетски *неафу*[206]. Их всегда учитывали вместе со скотом; выросших животных называли «молодой скот»; как и быков, их так же привязывали к кольям и таким же образом, как быков, откармливали тестом[207]. Мясо жирной антилопы, очевидно, считалось очень вкусным в жареном виде, потому что мы почти всегда обнаруживаем антилопу среди животных, принесенных в жертву.

Этим же легким способом египтяне обеспечивали себя птицей: птицеловы ловили в болотах гусей в свои большие сети, а потом этих гусей выращивали, откармливая на еду. Домашней птицы у египтян не было, по крайней мере в раннюю эпоху. Зачем им было разводить птиц, когда птицелов мог добыть их без особого труда?[208] Огромное количество европейских перелетных птиц «заливают Египет, словно водой, своими огромными как тучи стаями», которые каждый год зимуют в его болотах рядом с бесчисленными местными птицами. По этой причине птичье стадо древнеегипетского поместья на изображениях выглядят красивее, чем оно было бы, если бы состояло только из домашних птиц[209]. Мы видим в первую очередь стада гусей и уток различных видов, каждая птица в которых носит собственное имя, и, кроме того, разнообразных лебедей, голубей и журавлей. Египтяне явно особенно любили изображать журавлей различных видов. Похоже, что эти птицы все время дрались между собой, контрастируя этим с миролюбивыми гусями и утками.



Осмотр высокопоставленным чиновником птичьих стад. *Внизу слева* писец подает список. Позади него пастухи, которые торопятся вперед, желая поговорить. Два надсмотрщика желают,

чтобы они вели себя спокойно. «Сидите тихо и молчите», – говорит один, а другой кричит человеку с корзиной: «Не спеши своими ногами, ты, с гусями. У тебя что, нет другого времени для разговора?» Выше видны остатки другого подобного изображения. Роспись фиванской гробницы эпохи Нового царства, хранящаяся в Британском музее

Как я уже отметил, птиц откармливали так же, как скот: проталкивали гусю в горло шарик корма, несмотря на то что птица отбивалась[210]. Эту откормочную еду давали в дополнение к обычному корму: мы вряд ли можем поверить, например, чтобы «гуси и голуби спешили на кормление», когда пастух хлопал в ладоши, если бы он мог предложить им только неудобные откормочные шарики из теста. Один рисунок эпохи Древнего царства *показывает* нам, что египтяне заботились о «питье для журавлей».

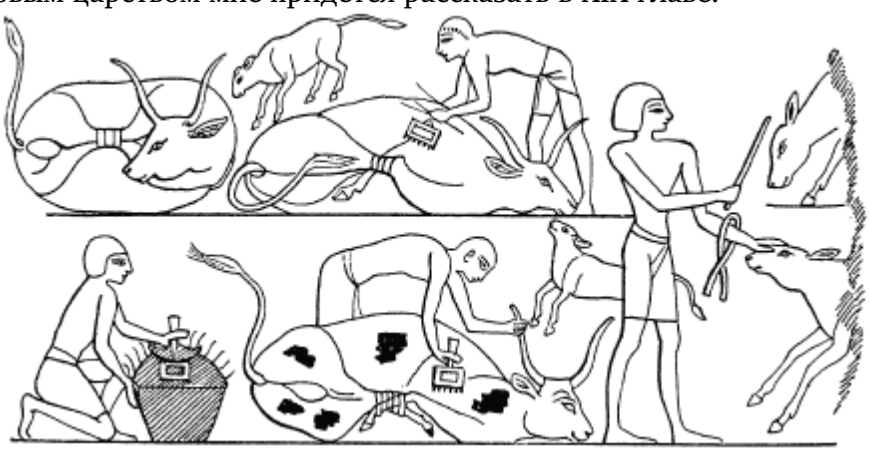
Краткое обзорное описание скотоводства, которое я сделал выше, составлено на основе рельефов Древнего и Среднего царства, где в разработке этой темы явно чувствуется особое пристрастие художников к ней. О скотоводстве в более поздние времена мы знаем сравнительно мало[211]; похоже, что знатных людей Нового царства больше интересовали другие предметы. Однако скотоводство, видимо, нисколько не утратило своего прежнего важного значения для страны, так как мы по-прежнему узнаем об огромных количествах скота. Согласно этим сведениям, одни лишь египетские храмы за тридцать один год получили 514 968 голов скота и 680 714 гусей. Насколько я могу судить, это означает, что тогда в Египте держали гораздо больше скота, чем сейчас.

Помимо основной породы крупного рогатого скота, то есть старой длиннорогой, которая до сих пор существует в долине Нила[212], очевидно, разводилась и другая, изображенная на иллюстрациях к этому тексту, и похоже, что при Новом царстве она на какое-то время вышла на первое место. Эти животные, как мы видим, имели довольно короткие, широко расставленные рога, которые потеряли свою прежнюю форму лиры; в некоторых случаях сильно развит горб, а окрас часто бывает пятнистым. Возможно, эта порода имела иноземное происхождение, поскольку, когда Египет правил Нубией и, относительно короткое время, также Сирией, в долину Нила часто привозили быков из этих стран – либо в качестве дани, либо как военную добычу. Например, фиванский Амон получил от Тутмоса III молочную корову из Палестины и трех коров из Нубии, а при Рамсесе III в число повинностей, наложенных на его сирийские поместья,

входили семнадцать быков[213]. Особенно ценились быки из Хеттского царства и коровы из Эрсы, а также волы «с запада» и некоторые телята «с юга». Существует одно изображение нубийского скота, и среди него особенно заметны два короткорогих животных, которые тянут повозку эфиопской принцессы[214].

Стадо свиней – роспись фиванской гробницы эпохи Нового царства (согласно W., ii. 100)

Делились или нет другие виды домашних животных на породы в эпоху Нового царства, мы не можем сказать, поскольку сохранилось слишком мало материалов. Однако интересно встретиться на рисунке со стадом погоняемых свиней (см. иллюстрацию). Художники эпохи Древнего царства никогда не изображали это животное – вероятно, по религиозным причинам. О появлении в Египте лошадей и мулов в годы между Средним и Новым царством мне придется рассказать в XIX главе.

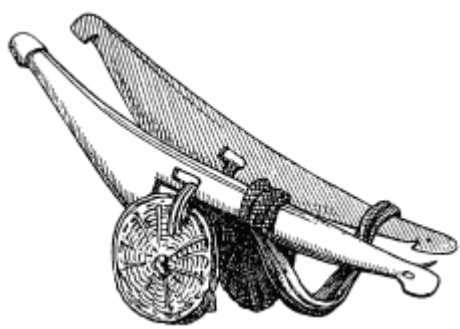


Клеймение скота (согласно W., ii. 84)

Нам известно мало подробностей о скотоводстве в эпоху Нового царства – о том, как стада быков, мелкого скота и гусей в Верхнем и Нижнем Египте увеличились на сотни тысяч голов[215].

В это время «пастухи заботятся о них и приносят быкам траву», животных продолжают откармливать по древним правилам и клеймят печатью того округа, в котором они числятся. Часто упоминаемое в эту эпоху место ночного содержания скота – *ехай*[216] – это, должно быть, открытый загон; и действительно, на одном рисунке из Эль-Амарны показаны быки, лежащие в загоне под открытым небом[217].

Что касается выращивания и откорма домашней водоплавающей птицы, то египтяне – если можно в данном случае считать доказательством умолчание – видимо, сосредоточили свое внимание только на гусях. И действительно, гусь занимал в хозяйстве среди птиц то же место, что и бык среди скота. Гуси часто упоминаются в текстах этой эпохи, и на прекрасном рисунке, который помещен на вкладке как раз перед этим рассказом, мы можем в точности увидеть, как хозяину приносили списки этих очень ценившихся в качестве пищи птиц. Гусей не всегда держали ради такой материальной цели: те, кому повезет пройти в фиванском некрополе Дра-абульнега мимо гробницы некоего Беке, относящейся к началу Нового царства, смогут там увидеть, что жена этого человека предпочитала играть не с домашней собакой или маленькой обезьянкой, а с большим гусем[218].



Повозка для быков (согласно W., ii. 392)

Я не могу закончить это описание египетского сельского хозяйства, не упомянув об одном любопытном обстоятельстве. Все говорит нам о том, что египтяне сами чувствовали, что сельское хозяйство, и в том числе скотоводство, – важнейшая для их страны отрасль хозяйства. Однако популярность этой мысли не влияла на положение сельских тружеников, на которых все остальные египтяне всегда смотрели сверху вниз, считая их жалкими, замученными тяжелой работой созданиями. Вот печальное короткое описание судьбы земледельцев; его автор – составитель учебного письма, много экземпляров которого сохранилось до наших дней, и это заставляет считать, что тут

выражено не только его личное мнение, а общий взгляд на вещи[219]: «Червь забрал одну половину еды, бегемот другую; в полях много мышей, налетала саранча, и ел скот, и крали воробьи. Бедный нищий земледелец! То, что осталось на току, унесли воры… Потом на берег выходит писец, чтобы получить урожай; за ним следом идут люди с палками и негры с пальмовыми дубинами. Они говорят «Дай зерно», а зерна нет. Тогда они кладут его на землю, связывают и бьют, его бросают в канал, и он тонет, голова его под водой. Его жену связывают у него на глазах, и на его детей надевают цепи. Его соседи убегают, чтобы спастись и сохранить свое зерно». Это, конечно, преувеличение: автор сознательно сгущает краски на своей картине, чтобы сильнее был контраст с тем, что он дальше напишет, восхваляя профессию писца; но в основном его слова соответствуют истине, потому что участь такого древнего крестьянина очень похожа на участь современного феллаха, который тяжело работает, возделывая землю, но не пользуется плодами своих трудов. Он едва зарабатывает себе на жизнь и, несмотря на все свое трудолюбие, не пользуется большим уважением среди своих соотечественников-горожан; самое лучшее, что они говорят о нем, – что он достоин сравнения со своим скотом[220].

Глава IX
ИСКУССТВО И РЕМЕСЛА

То низкое мнение, которое египтяне имели о своих земледельцах, распространялось и на египетских ремесленников. Согласно ученому суждению писцов, ремесленники тоже были жалкими людьми, которые влачили бесславное существование, наполовину жалкое, наполовину смешное. Например, один поэт эпохи Среднего царства говорит о ремесленнике, работающем по металлу:

> Я никогда не видел кузнеца-посла
> Или золотых дел мастера в качестве вестника;
> Но я видел кузнеца за работой
> Около жерла его горна…
> Его пальцы были как (шкура) крокодила,
> Он смердел хуже, чем рыбьи потроха[221].

Этот же писец так описывает работу резчика по дереву:

> Каждый художник, работающий резцом,
> Утомляется больше, чем тот, кто мотыжит (поле).
> Дерево – его поле, его орудия из металла,
> Разве по ночам он свободен?
> Он работает больше, чем способны выдержать его руки,
> Ночью он зажигает светильник[222].

К счастью, мы, составляя свое мнение о египетских ремеслах, не зависим от этих мрачных письменных источников, поскольку сохранившиеся до наших дней работы этих мастеров по металлу и резчиков по дереву позволяют увидеть, что эти ремесла в Египте достигли очень высокого уровня, который на деле был, пожалуй, гораздо выше, чем уровень научных знаний или литературы. Те, кто создал из золота и слоновой кости, керамики и дерева эти чудеса, которые и сегодня вызывают у нас восхищение совершенством своей отделки, не могли быть такими жалкими и несчастными, какими их считали гордые ученые преподаватели.

Золотой сокол с украшенными эмалью крыльями (согласно Пьерро – Шипье)

Направление, в котором развиваются ремесла той или иной страны, определяется прежде всего тем, какие материалы есть в этой стране. Для египетского прикладного искусства имело огромные последствия то, что на каждом египетском болоте росло одно из самых полезных растений, которые когда-либо знал мир, – тростник папирус. Египтяне использовали его как универсальный материал; так другие народы используют бамбук или кокосовую пальму; папирус был тем более полезен, что заменял собой дерево, которого в Египте всегда было мало. Растения вырывали из земли за стебель в болотах[223]; работники, делавшие это, трудились обнаженными и потом приносили связанный в пучки папирус в мастерские. Из папируса делали лодки[224], плели циновки, вили веревки, мастерили сандалии[225], но прежде всего папирус был материалом, из которого делали бумагу. Для этой цели стебель разрезали на тонкие полоски нужной длины, затем поверх них клали поперек второй слой таких же полосок; изготовленные таким образом листы давили под прессом, сушили[226], а если нужен был более крупный лист, склеивали вместе. Бесчисленное количество свитков папируса, среди которых есть созданные еще при Среднем царстве, свидетельствуют нам о том, какого совершенства достигало это ремесло уже в древнейшие времена[227]; и нам хорошо известно, на какой уровень оно было поднято в греко-римскую эпоху, когда бумага из папируса была одним из главных экспортных товаров Египта. В те времена, которые мы рассматриваем, эта бумага никак не могла быть очень дешевой, поскольку, во-первых, египтяне часто использовали каждый свой свиток по нескольку раз, смывая с него прежний текст, а во-вторых, в случае черновых записей или не важных дел они обходились более дешевыми материалами для письма –

глиняными черепками или кусками известняка.

Как я уже говорил, папирус служил материалом для изготовления грубых циновок и канатов, хотя для этих целей у египтян был еще один прекрасный материал – пальмовый луб. В плетении этих циновок, которые были необходимы в домах, так как ими покрывали земляные полы, египтяне явно были искусными мастерами. Об этом свидетельствуют полосы пышного орнамента, которые можно обнаружить прежде всего на потолках гробниц и которые, несомненно, изображают такую покрывающую циновку[228].

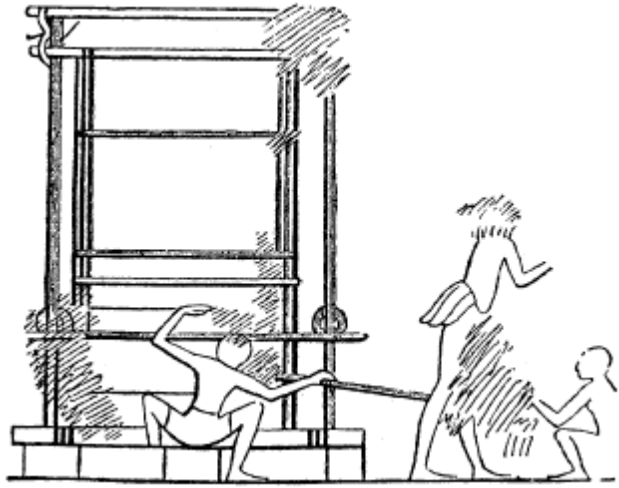
Приведенные примеры дают представление о изделиях, о которых сейчас идет речь. Их цвета всегда были яркими[229], такие же стиль и окраску можно увидеть также у красивых корзин, привезенных в наши музеи из фиванских гробниц; эти корзины сплетены из волокон различного цвета, которые образуют узоры[230].

Однако эта любовь к цветным узорам проявлялась только при тканье изделий из грубых материалов; с более тонких тканей, которые шли на одежду, цвет и узоры были почти полностью изгнаны. В этих материалах египтяне щедро расточали свое искусство ради выполнения всего одной задачи – изготовить самое тонкое и самое белое льняное полотно, тоньше и белее которого создать невозможно. И они действительно довели свои льняные ткани до очень высокой степени совершенства: мне достаточно лишь напомнить моим читателям о белых одеждах знатных мужчин – таких тонких, что через ткань можно было видеть их руки и ноги. Некоторые из принадлежащих нам образцов этих тончайших льняных тканей почти можно сравнить с нашими шелковыми материями по гладкости и мягкости[231]. Производство более крепких и грубых льняных материй во все эпохи тоже часто было на высочайшем уровне. Египтяне сами осознавали, что они – большие мастера ткацкого дела, поскольку многие надписи восхваляют одежды богов и погребальные пелены умерших. Изготовление одежды, как правило, считалось женским делом, ибо поистине великие богини Исида и Нефтида пряли, ткали и отбеливали одежды для своего мужа и брата Осириса. В эпоху Древнего царства эта работа обычно выпадала на долю домашних рабынь, в более поздние времена – жен крепостных крестьян, принадлежавших крупным ведомствам. В обоих случаях готовую работу полагалось доставлять в «дом серебра», и на рисунке времен Древнего царства[232] показаны чиновники из казначейства, которые упаковывают льняное полотно в деревянные ящики, достаточно длинные для того, чтобы куски ткани в них не мялись. Каждый ящик содержит ткани только

одного сорта и имеет внизу шесты, за которые два служащих казначейства несут его в «дом серебра». В других случаях мы обнаруживаем то, о чем с удивлением писал Геродот, – мужчин, работающих за ткацким станком. И действительно, на заупокойных стелах из Абидоса, созданных при XX династии, мы два раза встречаем упоминания о мужчинах, которые называют себя ткачами и занимаются этим делом профессионально[233].

Справа прядут и выравнивают лен, слева – ткут. Старый толстяк возле ткацкого станка – надсмотрщик, надзирающий за этой работой (Бени-Хасан, согласно L., D., ii. 126)

В эпоху Среднего царства тканье было очень простой операцией. Основу ткани натягивали горизонтально между двумя перекладинами, которые были прикреплены к колышкам, вбитым в пол, так что ткачихе или ткачу приходилось сидеть на корточках на полу. Два бруска, просунутые между нитями основы, не давали им слишком сблизиться; нить утка протягивали через основу и с силой сдвигали вниз с помощью изогнутого куска дерева[234]. Однако на рисунке эпохи Нового царства[235] показан вертикальный ткацкий станок с перпендикулярной рамой. Нижний брус, видимо, закреплен неподвижно, но верхний висит только на одной петле: это облегчает натягивание основы. Мы также видим маленькие круглые палки, которыми отделяли нити основы одну от другой. Одна из этих палок явно служила челноком. Более крупная палка, которая проходит через петли на боковых брусьях рамы, видимо, служила для закрепления уточной нити, как бёрдо в наших ткацких станках.



Вертикальный ткацкий станок эпохи Нового царства (согласно W., ii. 171)

Поскольку эта отрасль в Египте состояла только из производства льняных тканей, выращивание и обработка льна имели важное значение. О том, как его обрабатывали, мы знаем опять же по рисункам времен Среднего царства[236]. Стебли льна сначала *варили* в большом сосуде странной формы – эта операция имела целью размягчить наружные оболочки стеблей. Затем стебли (как и сейчас) били молотками, пока эти наружные оболочки не оказывались размягчены и уничтожены. Полученное таким образом льняное волокно еще было смешано с кусками этой оболочки и другими примесями, и его нужно было отделить от этого мусора, прежде чем использовать. В более поздние времена лен очищали гребнем почти по тому же способу, что и сейчас, но на старинных рисунках мы не находим изображений этого. Судя по ним, лен, видимо, очищали вручную, то есть аккуратно выбирали из него хорошие волокна и складывали их так, что они образовывали слабую нить. Затем эту нить смачивали и после этого скручивали прочнее с помощью веретена, тот человек, который прял, пропускал нить между пальцами своей поднятой руки или между зубцами особой вилки. В гробницах эпохи Среднего царства мы видим изображения настоящих чудес прядильного мастерства – женщин, работающих с двумя веретенами одновременно и даже скручивающих при этом одну нить из одного сорта льна, а вторую из другого. Для этого пряха должна была буквально балансировать на табурете и раздеться догола, чтобы два веретена с нитями не запутались в одежде.

Изготовление веревки из нитей показано на двух рисунках,

которые, хотя и относятся к разным эпохам, изображают в основном один и тот же процесс. Один работник сидел на полу и рукой поддерживал нити в вертикальном положении, а другой человек, делавший веревку, отходил от него назад, скручивая их. Для этой цели он, очевидно, использовал тростинку, через которую пропускал нити и вращал ее; груз, привязанный к тростинке и кружившийся вместе с ней, увеличивал ее вращательную силу. На рисунке эпохи Среднего царства мы видим, что при изготовлении сетей к концам нитей тоже привязывали шары, благодаря которым нити, разумеется, скручивались быстрее и с большей силой.

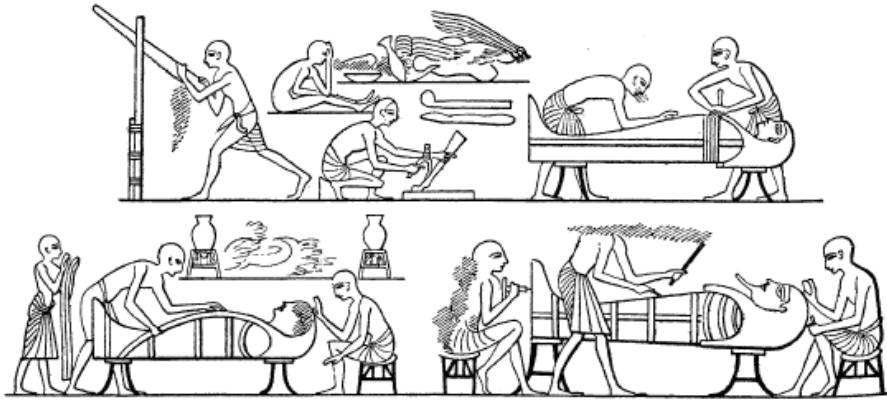
Древний Египет был весьма богат шкурами, продуктом скотоводства, так широко развитого в этой стране. И жители страны хорошо понимали, насколько ценна шкура; считали ее такой важной частью животного, что в их письменности знак «шкура» обозначал всех млекопитающих животных. Красивые шкуры, в особенности те, на которых были яркие пятна, никогда не лишались шерсти: из них делали щиты, колчаны и одежду или использовали их в доме как покрывала для сидений. Очень высоко ценились «шкуры южных пантер», их привозили с верховьев Нила и из стран благовоний.

Из менее ценных шкур, например бычьих, газельих и т. д., делали кожи; и кожаные изделия, найденные в гробницах, свидетельствуют о том, какого высокого уровня достигло это ремесло, в особенности при Новом царстве. От этой эпохи мы имеем в музеях образцы всех видов кожи. Из грубой кожи делали сандалии, из тонкой – передники и ремни. Белую кожу превращали во что-то вроде пергамента и так же, как папирус, использовали в качестве материала для письма; есть также образцы тонкой цветной кожи с тисненым орнаментом, из которой делали концы к лентам из льняной ткани. Хотя, насколько мне известно, кожаных изделий более ранней эпохи у нас нет, мы все же можем видеть по ярким цветным узорам ремней, изображенных на статуях, что ремесленники Древнего царства знали свое дело так же хорошо, как их собратья, жившие позже. Мы не знаем, какую процедуру обработки шкур применяли египтяне, хотя на рисунках всех эпох есть изображения мужчин, занятых этой работой. Мы видим, как вначале они размягчают кожу в больших сосудах, как потом бьют ее камнем, пока не станет мягкой, и, наконец, растягивают кожу на трехногой деревянной раме, пока она не приобретет нужную гибкость. После этого сапожник брал готовую кожу, клал ее на свой наклонный рабочий стол и разрезал на подметки или ремни таким же ножом с кривым лезвием и короткой ручкой, как те

ножи, которые применяют для этого сейчас. Затем с помощью шила прокалывались нужные отверстия и в них продевались ремни (которые сапожники имели обыкновение тянуть зубами). Все это закреплялось узлами, и простейшая сандалия была готова. У нас есть маленькие памятники, сооруженные сапожниками эпохи Нового царства, – свидетельства того, что эти ремесленники занимали довольно высокое положение в обществе. Самый выдающийся такой памятник – маленькая статуя «старшины сапожников», изображающая этого почтенного человека преклонившим колени и одетым в *шендот,* который при Новом царстве имели право носить главные люди среди ремесленников. Поэт-ученый давних времен явно сгустил краски, когда писал о сапожнике: «Он очень несчастен, он всегда нищенствует, и (здесь явно имеется в виду обычай протягивать ремни через отверстия с помощью зубов) кусает он только кожу».

В разных местах этой книги я упоминал о том, что древние египтяне страдали от нехватки хорошего дерева так же, как и их современные соотечественники. Вполне возможно, что в давние времена их страна была несколько богаче деревом, но древесина произраставших пород деревьев мало на что годилась. Конечно, сикомор можно было разрезать на крупные брусья и довольно прочные доски, но его древесина так узловата и желта, что совершенно не пригодна для тонкой обработки. Из финиковой пальмы и пальмы дум можно получить лишь длинные доски – как правило, кривые. Короткие куски твердой древесины можно было получить из кустов тамариска, растущих на краю пустыни; но акация, которая была более или менее подходящим материалом для судов, дверей, мебели и т. д., видимо, уже в древнейшие времена в Египте почти исчезла.

Рубщики деревьев (из гробницы в Завиет-эль-Мейтине, согласно L. D., ii. 108)



Изготовление гробов и необходимых принадлежностей для гробницы в эпоху Нового царства (согласно W., iii. pl. LXXii). Похоже, что гробы делались частично из так называемого картонажа, для изготовления которого ремесленник слева внизу приносит полосы льняного полотна. Гроб изображен внизу справа, его полируют и расписывают красками (?), один из ремесленников сверлит отверстие в деревянном подножии гроба. Вверху слева выпиливают доску и вытесывают резцом ножку для табурета. Сзади лежит еда для работников, а рядом с ней сидит и сам усталый труженик

Поэтому нас не удивляет, что египтяне очень рано начали искать в других странах древесину, которая была лучше отечественной.

Например, Берлинский музей обладает тремя большими деревянными гробами[237], относящимися к незнакомому нам периоду времени между Древним и Средним царством. Они сделаны из чего-то вроде прочной сосны, которую, очевидно, привозили в Мемфис с сирийских гор. Это иноземное дерево, очевидно, всегда стоило очень дорого, потому что часто даже нарядную мебель делали из местного египетского дерева и раскрашивали его в светло-желтый цвет с красными прожилками, чтобы оно выглядело как дорогое иностранное[238]. Местная древесина никогда не считалась красивой, и ее так же, как известняк и гранит, почти всегда покрывали слоем штукатурки и ярко раскрашивали. Только пестрому граниту было разрешено выставлять напоказ свой естественный цвет.

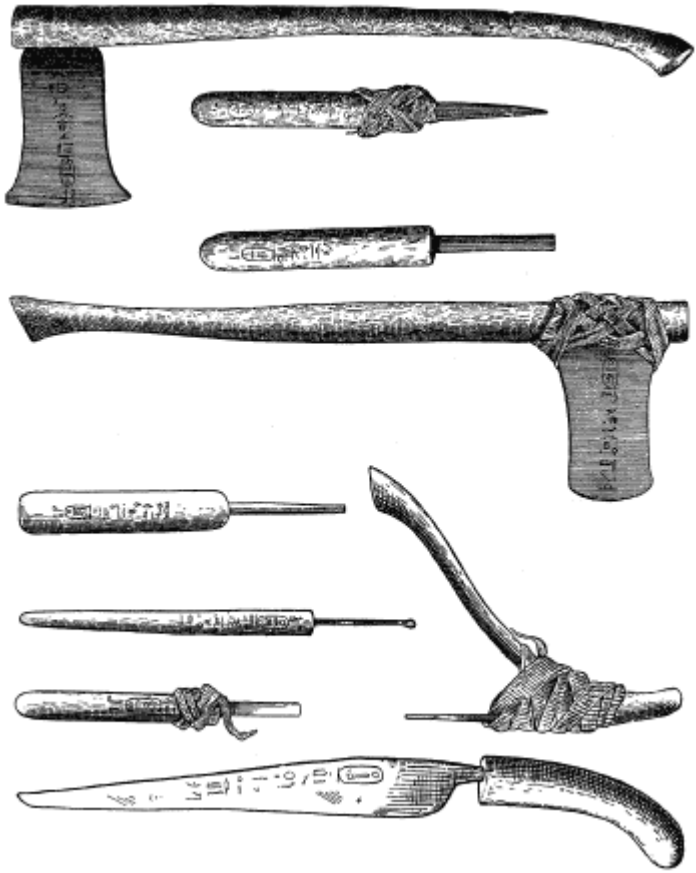
Когда сельскохозяйственные работы после разлива возобновлялись, в поля выходили плотники вместе с пахарями – чтобы пополнить запасы дерева[239]. Вместе с ними так же, как сегодня, шли стада коз, которые ели листву срубленных деревьев.

Поэтому на рисунках мы всегда видим там, где топоры рубщиков свалили сикомор или пальму[240], пасущихся коз,

которые грызут молодые листья дерева. Однако животные должны дорого заплатить за такую хорошую еду: этот день – праздник для рубщиков, и тем разрешено зарезать козленка. Этот малыш висит на суке дерева, который сам только что объедал, и один из рубщиков режет его на части, а другой кипятит воду, чтобы приготовить кушанье, которым он и его товарищ так жаждут полакомиться. После еды у них будет еще много трудной работы: нужно обтесать начерно ствол и потом с большим трудом отнести его домой, подвесив для этого к шесту.

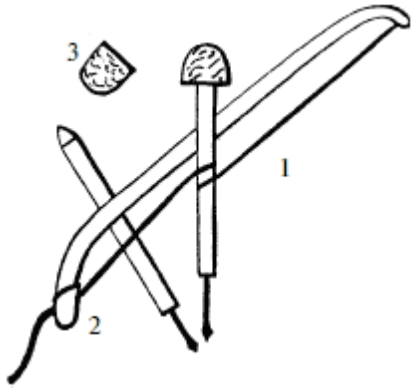
Инструменты плотников и столяров были сравнительно простыми, и явно не благодаря этим орудиям их работа часто достигала такого совершенства. Металлическая часть любого инструмента делалась из бронзы; у резцов и пил ее вставляли в деревянную ручку, а у топоров и кривых ножей для обрубания сучьев только привязывали к ручке кожаными ремнями. Для чернового обтесывания бревен египтяне пользовались топором, лезвие которого было размером примерно с ладонь и имело полукруглый изгиб, направленный вперед. Последующая часть работы выполнялась инструментом, который применялся так часто, что его можно почти назвать универсальным инструментом египтян. Это тесло наших плотников – нечто вроде маленького ножа для обрубания сучьев, деревянная часть которого имела форму острого угла с неравными сторонами. К короткой стороне угла прикрепляли бронзовое лезвие, а длинная сторона служила рукоятью. Для более тщательной обработки мелких деталей применялся маленький резец, по которому били деревянным молотком. Большой инструмент в форме лопатки играл роль рубанка: его широким лезвием ремесленник сглаживал мелкие неровности древесины. И наконец, на дерево наносили тонкую полировку, для чего непрерывно терли его гладким камнем. Пила, похожая на наши ручные пилы, имела всего одну ручку, и резать этим неуклюжим инструментом ствол толстого сикомора на доски было весьма утомительной и медленной работой. Как правило, бревно, которое распиливали, ставили вертикально и прикрепляли к вбитому в землю колу; уже распиленную часть ствола привязывали, чтобы она не наклонялась в сторону. В самые ранние времена через эти крепления продевали палку с грузом, чтобы они не ослабевали и не соскальзывали вниз.

Для сверления пользовались дрелью той формы, которая распространена в Египте и сейчас; ее патрон с внутренней винтовой резьбой, внутри которой двигалось сверло, делался из пустого ореха пальмы дум.



Некоторые из инструментов Тутмоса III: 2 топора, 5 резцов, тесло и пила (из коллекций Лейдена и замка Алнвик)

Благодаря счастливой случайности до нас дошли оригиналы почти всех инструментов, которые я перечислил как нарисованные в гробницах. Была обнаружена – вероятно, в одном из фиванских храмов – корзина с инструментами, которыми пользовался Тутмос III, «когда протягивал веревку вокруг храма Амона, славного на горизонте», то есть выполнял церемонию закладки храма Амона[241]. Видно, что инструменты были изготовлены специально для этой церемонии, так как для напряженной работы такие орудия труда не годятся, однако они представляют собой богатый набор образцов, по которым мы можем очень хорошо представить себе более простые и прочные инструменты египетских ремесленников.



Дрель с лучком и ее отдельные части (2 – сверло, 3 – патрон) (согласно W., i. 400)

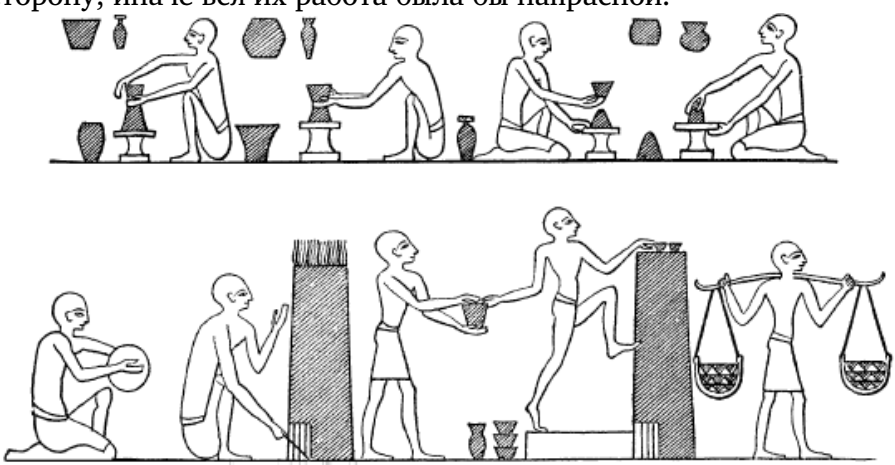
Здесь невозможно описать подробно весь процесс той великолепной работы, которую египетские плотники и столяры выполняли при изготовлении лодок и повозок, деталей домов и мебели, оружия, гробов и других вещей, которыми было необходимо снабдить умерших при погребении. Мы упомянем тут лишь о нескольких характерных особенностях ремесленного мастерства египтян – о тех его чертах, которые были связаны главным образом с низким качеством материалов. Если мы ограничимся при этом рассмотрением местной древесины, то обнаружим, что досок достаточно большой длины у египтян не было совсем, и потому в Египте возникло странное искусство – соединение нескольких маленьких досок в одну большую. При постройке лодок и ладей, где не была нужна тонкая обработка, эти маленькие доски накладывали одну на другую, как черепицы крыши, и закрепляли. Эта операция, которая, несомненно, изображена на одном рисунке эпохи Среднего царства, была по-прежнему распространена в Египте во времена Геродота, хотя, как и остальные египетские обычаи, существовала теперь лишь в верхнем течении Нила. При изготовлении же гробов и мебели, когда было желательно скрыть стыки между досками, дерево разрезали так, что их края вплотную прилегали один к другому, а потом скрепляли соединенные поверхности заостренными палочками. Позже след соединения полностью скрывала краска. Точно так же египетские ремесленники умели использовать отверстия в древесине и ее плохие участки. В качестве креплений обычно применяли деревянные шипы, а клей в те времена, которые мы рассматриваем, использовался редко[242]. В более раннюю эпоху куски дерева, видимо, соединяли под нужными углами простым способом «в ус»; так называемое соединение «ласточкиным хвостом», насколько я знаю, появилось на много

(сравнительно много) лет позже[243].

Сгибание лодки; другие рабочие подрезают ее края, выравнивая их, и сверлят отверстия (гробница из Завиет-эль-Мейтины, согласно L. D., ii. 108)

А вот какой способ применяли, чтобы придать доскам лодки правильный изгиб: когда лодка была готова лишь в основном, судостроители Древнего царства вставляли в середину ее дна столб с развилкой на конце. Затем они прикрепляли к корме и носу лодки прочные канаты и протягивали их через развилку.

Затем судостроители просовывали между этими канатами шесты и крутили их, пока борта лодки не принимали нужный изгиб[244]. Конечно, тем, кто это делал, приходилось работать на пределе своих сил, чтобы веревка не раскрутилась в обратную сторону, иначе вся их работа была бы напрасной.



Гончары Среднего царства (Бени-Хасан, согласно W., ii. 192). *Вверху* показаны четыре человека, работающие у гончарного круга: первый вращает его, второй срезает уже готовый сосуд, третий снимает сосуд с круга и ставит вниз, четвертый начинает новый сосуд. *Внизу* – изготовление вручную блюда, две печи и вынос законченной посуды.

Я уже упоминал о том, что деревянная мебель и тому подобные предметы, как правило, были окрашены. Но

применялись (в зависимости от того, каким был материал) и другие техники их украшения. Тонкие пластинки дерева, которые употребляли, соединяя их вместе, для изготовления легких табуретов или использовали при изготовлении оружия, были покрыты оставленной на них корой; иногда их еще и окружали тонкими полосками коры другого цвета; орнаменты, созданные этим способом, до сих пор производят очень приятное впечатление темными блестящими тонами коры[245]. Второй метод содержал в себе больше художественного мастерства: на дереве вырезали глубокий узор, а затем заполняли его деревом другого цвета, слоновой костью или еще каким-нибудь цветным материалом. Египтяне очень любили инкрустации «черное дерево со слоновой костью». Инкрустация впервые упоминается еще при Среднем царстве, и существуют инкрустированные изделия этой эпохи[246]. Однако на достаточно малых по размеру предметах из древесины коричневого цвета они заполняли линии резьбы темно-зеленой пастой[247].

Я не могу расстаться с этой темой, не упомянув о любопытном техническом приеме, с помощью которого египтяне пытались создать замену редким сортам дерева. Этот заменитель – так называемый египетский картон – применялся главным образом при изготовлении гробов, имевших форму человека. В те времена, о которых у нас идет речь, он состоял из кусков льняной ткани, прочно склеенных особой пастой и потом покрытых штукатуркой; вероятно, куски этого очень крепкого материала во влажном виде клали под пресс и давлением придавали им нужную форму. О настоящем папье-маше, получившем очень широкое распространение в греческую эпоху, я не могу сказать, изготавливали его или нет в эти более ранние времена. Папье-маше изготавливалось из старых папирусов так же, как наше папье-маше – из старой бумаги.

Перейдем теперь к гончарному ремеслу. В отличие от плотницкого ремесла оно нашло для себя в Египте особенно благоприятные условия – богатые запасы сырья. Во всех частях Египта можно было найти хорошую глину для керамических изделий, и не случайно это ремесло даже теперь (конец XIX в. – *Ред.)* имеет достаточно силы, чтобы сопротивляться удушающему его влиянию европейской машинной промышленности.

Упорство, с которым любой народ сохраняет формы своих горшков и мисок, поразительно, и в Египте самые трудные для датировки вещи – гончарные изделия, потому что глиняные сосуды, которые разделяет много веков, имеют почти одинаковые характеристики. Современная серая керамика из Карнака и красная керамика из Асьюта почти могут быть приняты за

изделия эпохи Нового царства.

Существует много различных рисунков времен Древнего и Среднего царства, на которых показан гончар за работой.

Полностью вручную изготавливались только самые простые сосуды[248]. Как правило, применялся гончарный круг, и мастер левой рукой вращал его, а правой лепил сосуд. Затем посуду обжигали в печи, видимо, похожей на ту, которой пользовались египетские пекари. Как показано на нашей иллюстрации, огонь в ней горел внизу, а посуду клали либо наверх, либо внутрь. Еще на одном рисунке мы видим сосуды, которые стоят на вершине печи, явно покрытой пеплом.

Керамика, которую гончар изготавливал подобным образом, почти всегда была простейшего типа: горшки, бутыли и чаши не имели на себе ни глазури, ни какого-либо орнамента, кроме нескольких линий, нанесенных красками. Гончары делали также куклы и подобные им грубые фигурки. Прекрасная керамика и художественно выполненные терракотовые фигурки Греции были незнакомы более ранним из древних египтян[249]. Причина этого очевидна: маленькие красивые вещи египтяне умели делать из материала, который подходит для этого гораздо лучше, чем грубая глина, – из так называемого фаянса.

Достижения египтян в этой отрасли ремесла так высоки, что современное, вооруженное техникой искусство вряд ли сравнялось с ними хотя бы в части случаев. От этого нам еще сильнее приходится сожалеть, что относительно этой отрасли рисунки на памятниках древности оставляют нас в неведении и что у нас нет ни одного изображения того, как изготавливали фаянс. Даже египетское название фаянсовых изделий неизвестно[250], и это ясно показывает нам всю меру нашего незнания и неполноту дошедших до нас надписей.

Древнейшие предметы из фаянса, которыми мы обладаем, относятся к концу эпохи Древнего царства. Это бусины и ожерелья-воротники, которые носили в качестве украшений и живые люди, и мертвецы. От эпохи Среднего царства, кроме подобных этим украшений, у нас есть маленькая ваза, на которой написано имя царя Сенусерта I. От времен Нового царства также сохранились разнообразные бусы, маленькие амулеты и много других предметов из этого материала, например чаши, черепицы, погребальные статуэтки, куклы, карикатурные фигурки и т. д. и даже маленькие статуи. Уверенность, с которой мастера этой эпохи обрабатывали фаянс, поразительна; погребальная статуэтка великого жреца Птахмоса из Гизы, в которой мы ясно различаем рядом одну с другой разные по плавкости пасты и видим четкие границы между ними, представляет собой истинное чудо

тончайшего мастерства, и то же самое можно сказать о недавно приобретенном Берлинским музеем украшении с вырезами, имеющими форму крошечных фигурок богов. Окраска фаянса менялась в зависимости от моды, но во все времена преобладающими в разной степени были, как правило, два цвета – синий и зеленый. Причина, по которой этим цветам оказывалось предпочтение перед всеми остальными, очевидна: предполагалось, что синие и зеленые изделия художественных ремесел выглядят так, словно сделаны из самых дорогостоящих материалов, какие были известны египтянам, – лазурита и малахита. Египтяне имитировали эти любимые камни многими способами с помощью синих и зеленых паст и красителей.

Материал, который мы называем египетским фаянсом, лишь частично соответствует современному фаянсу, поскольку в наше время глазурь всегда наносится на предмет из высококачественной глины, а египтяне умели покрывать глазурью также и изделия, вырезанные из камня.

Глазурь на этом фаянсе и – в еще большей степени – великолепно окрашенные пасты, которые мы обнаруживаем на украшенных эмалью изделиях золотых дел мастеров начала Нового царства, свидетельствуют о том, что египтяне уже в ранние времена были хорошо знакомы с изготовлением стекла. Однако неясно, когда стекло впервые стали использовать как самостоятельный материал. Самым древним известным примером этого считается маленькая стеклянная ваза с именем Тутмоса III. Нет сомнения, что изделия из стекла изготавливались и до этого времени, но, поскольку не удалось обнаружить ни одного из них, стеклянные изделия были, видимо, гораздо более редкими, чем предметы из фаянса. Тем не менее существуют два рисунка эпохи Среднего и Нового царства[251], которые с большой вероятностью можно считать изображением работы стеклодува. Более ранний из них изображает двух мужчин, сидящих у костра; они дуют в трубки, а на нижнем конце каждой из трубок виден зеленый шар – выдуваемое стекло. На более позднем рисунке два ремесленника вместе вдувают через трубки воздух в большой кувшин, а у третьего на конце его трубки показан зеленый шар.

С другой стороны, те рисунки эпохи Древнего царства, которые предположительно изображают выдувание стекла, вероятно, могут быть истолкованы и по-другому[252]. На них изображены пять или шесть мужчин, сидящих вокруг странного предмета, который может быть глиняной печью. Они дуют в трубки, передний конец которых завершается острием. В надписях мы читаем, что здесь изображено плавление какого-то

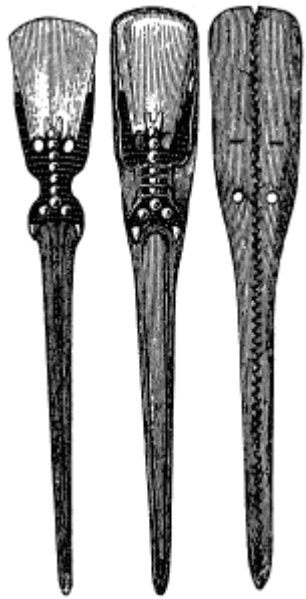
вещества, названного [253]. Дуют они лишь для того, чтобы усилить огонь в печи. Изображения обработки металла, к рассмотрению которой мы должны сейчас перейти, свидетельствуют, что это объяснение может быть верным.

На рисунках из этой второй группы показаны ремесленники, которые плавят драгоценные металлы; плавильщики сидят перед огнем и дуют в него через трубки; в одном случае у трубки есть острие, как на более ранних рисунках[254]. Эти металлические острия[255], которые, очевидно, должны были сужать струю воздуха и увеличивать ее силу, можно также увидеть на трубках кузнечных мехов, изображенных в одной из гробниц Нового царства[256]. Эти меха состоят из двух мешков (видимо, кожаных), в каждом из которых закреплена трубка. Ремесленник стоит одной ногой на одном мешке, второй ногой на другом; если он прижимает левый мешок к земле, то одновременно поднимает правую ногу и подтягивает правый мех вверх с помощью шнура. Чтобы раздуть сильное пламя из угля, применялись две пары таких мехов, и с их помощью получали такой сильный жар, что ремесленникам приходилось пользоваться длинными кусками проволоки, чтобы снять с огня маленький тигель. Если же был нужен более слабый огонь, его можно было разжечь в глубокой глиняной чаше, окруженной металлическими пластинами[257] для защиты от ветра. Такой огонь тоже могли раздувать через трубку.

Способы обработки металла – плавка, ковка, паяние и чеканка – к несчастью, редко бывают показаны на рисунках[258]. Тут мы снова сталкиваемся все с тем же странным свойством росписей в гробницах: в них заметна склонность изображать много не столь важных вещей, однако они почти оставляют без внимания ремесло, которое было не только широко распространено, но и очень высоко развито. Часто упоминание мастеров, работавших по металлу, позволяет нам вернее представить себе значение этого ремесла, чем его малочисленные изображения в гробницах.

Мастера, работавшие с бронзой, а также их старшины и в первую очередь золотых дел мастера часто упоминаются в текстах, и очевидно, что они пользовались большим почетом. При XII династии «начальник золотых дел мастеров», отец которого занимал эту же должность, был «награжден царем [уже] в детстве», а позже был «поставлен впереди других на свою должность»[259]. Другой «начальник золотых дел мастеров царя» в эпоху Нового царства именовался также «начальником художников Верхнего и Нижнего Египта»; он сообщает, что знает «тайны домов золота», возможно, имея в виду изготовление

изображений богов, которые хранились в большой тайне[260]. Кроме того, существовали «золотых дел мастера»[261], «главные золотых дел мастера»[262] и «начальники золотых дел мастеров»[263]; как правило, их отцы и братья занимались тем же ремеслом; а значит, профессия золотых дел мастера так же, как у художников и скульпторов, переходила по традиции от отца к сыну.



Бронзовый кинжал из Берлинского музея 1. Кинжал. Его рукоять сделана из дерева и слоновой кости и украшена золотыми гвоздями. 2. Он же в ножнах. 3. Кожаные ножны отдельно (из обычной могилы в Фивах эпохи Нового царства)

Хотя золотых дел мастера пользовались очень большим уважением благодаря тому, что они должны были обеспечивать храмы изображениями богов и что им поручалась починка царских драгоценностей и другие подобные дела, в действительности для страны гораздо важнее была обработка бронзы. Из этого металла в Египте делали большие сосуды, инструменты и оружие, и эта отрасль обработки металла достигла очень высокого уровня[264]. Здесь не место для подробного рассказа о многочисленных видах египетской бронзы, которые стараются определить исследователи[265]. Как нам известно из текстов эпохи Нового царства, египтяне применяли различные виды «черной бронзы» и «бронзы из сочетания шести частей», то есть сплава из шести компонентов.

Невозможно определить, насколько рано бронза стала применяться скульпторами для изготовления статуй[266]. Видимо,

самый древний образец бронзовой скульптуры – маленькая погребальная статуэтка царя Рамсеса II, о которой здесь уже было сказано раньше. Она полая и прекрасно отделана чеканкой.

Мы вряд ли можем теперь сомневаться в том, что железо так же, как и бронза, использовалось для изготовления инструментов со времен Древнего царства, поскольку во многих местах были найдены части железных орудий, замурованные в очень древнюю каменную кладку[267]. Однако мне кажется, что бронзовые орудия применялись шире, потому что в текстах бронза упоминается постоянно, а железо – сравнительно редко[268].

Серебро египтяне считали самым ценным из драгоценных металлов. Во всех древних надписях оно занимает место перед золотом, и действительно, серебряные предметы в гробницах встречаются гораздо реже, чем золотые. У этого необычного обстоятельства есть очень простое объяснение: в Египте нет своего серебра. «Белое» – так называли его египтяне – вероятно, привозили из Киликии; во времена XVIII династии этим занимались финикийцы и сирийцы[269]. При Новом царстве либо расширение торговли этим металлом, либо открытие новых его месторождений привело к понижению цены серебра, поскольку в более поздних текстах первым обычно упоминается золото (как и у нас)[270]. Помимо золота и серебра часто упоминается еще один драгоценный металл – , *усм.* Лепсиус определил, что это – электрон, сплав золота и серебра. Хотя этот сплав был вовсе не красивым, он широко применялся для украшений и декоративных ваз. Соотношение золота и серебра было, видимо, два к трем[271].

О высоте искусства египетских золотых дел мастеров самым убедительным образом свидетельствуют великолепные драгоценные украшения, найденные на теле царицы Яххотеп, одной из прародительниц государей Нового царства (жена фиванского царя Секененра из XVII династии. Три ее сына правили один за другим, продолжая войну с гиксосами. Самый молодой из них, Яхмос, стал первым фараоном XVIII династии, положившей начало Новому царству. – *Ред.)*. Теперь они находятся вместе с другими сокровищами в Гизе[272]. В них тонкость работы по золоту и великолепные цвета эмалей восхищают так же, как и благородство формы и уверенное владение техникой ремесла. Среди этих драгоценных изделий есть кинжал, на темном бронзовом лезвии которого символически изображены война, лев, бросающийся вперед, и саранча (несколько насекомых), все это – инкрустации из золота. В деревянную рукоять вставлены треугольные кусочки

драгоценного металла.

Верхушку рукояти образуют три женские головки из золота, и голова быка из этого же драгоценного металла скрывает место соединения рукояти с лезвием. Ножны сделаны из золота. Один красивый топор имеет лезвие из позолоченной бронзы; его центр покрыт эмалью самого темного синего цвета, на фоне которой изображен царь Яхмос, готовый пронзить своим оружием врага, а над царем – мчащийся мимо него грифон, символ скорости. Ручка этого топора сделана из кедра и обернута листовым золотом, на котором выложены цветными драгоценными камнями имена царя. Рукоять прикреплена к лезвию вместо обычных ремней золотой проволокой. Но возможно, самая прекрасная из всех этих драгоценных вещей – золотая нагрудная пластина в форме маленького египетского храма, внутри которого стоит царь Яхмос, а боги Амон и Ра льют на царя воду и благословляют его. Контуры фигур выполнены из тонких полосок золота, а пространство между ними заполнено пастой и цветными камнями. Эту технику, которая теперь называется «перегородчатая эмаль» и доведена до такого совершенства китайцами, египтяне применяли часто и проявляли при этом хороший вкус. Иллюстрация на с. 249 дает хорошее представление об этой технике, но, к сожалению, не передает блеск эмали и красоту золотых нитей, из которых выполнены перего родки.

Однако не все могли, как счастливая царица Яххотеп, иметь все вещи из золота, и потому в Египте рано развилось искусство золочения. Берлинский музей владеет позолоченным предметом, относящимся к раннему периоду между Древним и Новым царством[273], и этот экспонат замечателен тонкостью листов красноватого золота. Позолота широко применялась в более поздние времена, но я думаю, что это ремесло было изображено в одной из гробниц еще при Среднем царстве[274].

На очень часто задаваемый вопрос, откуда поступало сырье для этой высокоразвитой индустрии обработки металла, до сих пор можно ответить лишь частично. До сих пор не установлено, откуда египтяне получали олово, которое они расходовали в огромных количествах для выплавки бронзы; мы также не знаем, откуда они брали железо[275]. Однако нам больше известно о происхождении их золота, которое они получали из так называемой Аравийской пустыни – сурового и безлюдного горного края, расположенного между Нилом и Красным морем. В этих горах есть жилы кварца, содержащие золото, и везде, где эти жилы выходят на поверхность, мы, как уже сообщил Уилкинсон, обнаруживаем, что жители гор разрабатывали их в древности,

проверяя, нет ли в них золота.

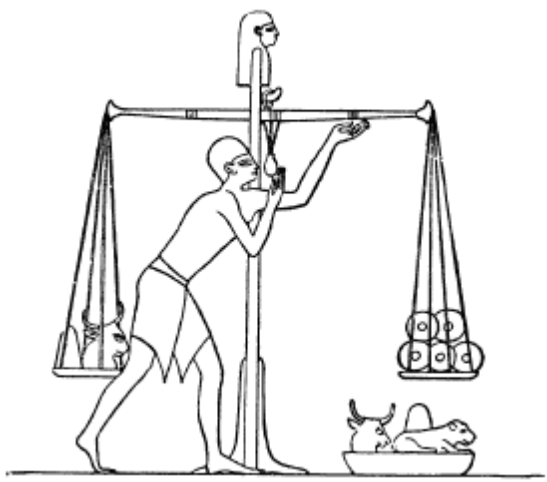
Поиски этих золотоискателей были особенно успешными в двух местах. Первое, которое, вероятно, было самым древним источником египетского золота, было расположено поблизости от Коптоса (близ современного г. Кифт)[276] и потому, предположительно, находилось возле большой горной дороги, которая вела от моря и от каменоломен, где добывали гранит, к тому месту долины Нила, где находился Коптос.

На этой дороге, в Вади-Фуахире, действительно были найдены старые заброшенные рудники, где когда-то добывали золото. Они должны были когда-то иметь большое значение для Египта, поскольку там до сих пор сохранились остатки самое меньшее 1320 хижин для рабочих. Даже если мы согласимся с мнением опытного знатока Уилкинсона, что это сравнительно поздние хижины эпохи Птолемеев[277], мы все же имеем основания сделать вывод, что работы на этом месте велись и в более ранние времена.

Однако основная часть золота поступала из другого места – из гор, расположенных гораздо южнее и географически относящихся к Нубии. Одну из шахт этого округа обнаружили Линан и Бономи. На расстоянии семнадцати дней пути от южной границы Египта через безводную, раскаленную от зноя, гористую пустыню находится место, которое теперь называется Эшурариб, и там до сих пор видны следы древних разработок. Глубокие ходы – стволы шахт – ведут внутрь горы, две цистерны собирают в себя воду зимних дождей, а рядом с ними стоят наклонные каменные столы, на которых промывали золото. В этой долине находятся примерно триста каменных хижин, и в каждой из них есть что-то вроде гранитной ручной мельницы, на которой когда-то измельчали кварц. Мало мест на земле знали столько горя, сколько его видело это место, теперь такое уединенное и пустынное, что до нас не долетает даже слабое эхо тех проклятий, наполнявших его воздух в те прошедшие дни. Люди, которые добывали здесь «нубийское золото» для египетских царей и в течение кто менее, кто более долгого срока терпели ужасающую жару этих долин, были узниками: Вади-Эшурариб был «Сибирью» египтян. Закованные в цепи, совершенно голые, под охраной солдат-варваров, говоривших на неизвестном узникам языке, эти несчастные должны были работать день и ночь без надежды на освобождение. Никого не интересовало, что с ними станет; палка безжалостного надсмотрщика заставляла даже женщин, стариков и больных работать до тех пор, пока они наконец не теряли последние силы от труда, лишений и побоев и смерть приносила им горячо желанный отдых. Так было во времена греков, и,

поскольку нет причин считать, что фараоны были человечнее, чем Птолемеи, мы можем считать, что ужасная картина, описанная Диодором[278], верна и для тех времен, о которых говорим мы, – тем более что мы совершенно не можем представить себе, как бы эти шахты можно было разрабатывать без такого безжалостного расточения человеческих жизней.

Диодор также описывает нам процедуру добычи руды в этих шахтах, и его рассказ подтверждается современными открытиями. Ходы-стволы следовали за жилами кварца и потому, извиваясь, опускались глубоко в сердце горы. Вначале в этом твердом камне создавали трещины с помощью огня, затем раскалывали его железными пиками. Мужчины, выполнявшие эту тяжелую работу, трудились при свете маленьких светильников; их сопровождали дети, которые относили наверх отколотые куски камня. Затем этот кварц дробили в каменных ступах на куски размером примерно с чечевичное зерно; после этого женщины и старики растирали его в пыль на мельницах. Потом эту пыль промывали на наклонных столах, пока вода не уносила более легкие частицы камня.



Взвешивание колец золота. Гири имеют форму коровьей головы, льва и конуса (согласно L. D., iii. 39 a)

Мелкие сверкающие крупинки золота после этого собирали и пять суток выдерживали вместе с некоторым количеством свинца, соли и других веществ в закрытых глиняных тиглях. Так рассказывает Диодор, и в более древние времена эта процедура, вероятно, была такой же. Однако раньше золото не всегда плавили на месте добычи: иногда его в мешках увозили в Египет, как в наше время[279]. Для ведения торговых дел золоту, как правило, придавали форму колец, которые, судя по их изображениям, были, видимо, очень разными по толщине, но

имели одинаковый диаметр – примерно 13 см. Разумеется, эти кольца не принимались без проверки: мы видим, что каждый раз, когда ими кто-то расплачивался, при этом присутствовали весовщик и писцы, которые взвешивали их и записывали в свои книги подсчитанный вес.

Нам известно об огромных суммах, переходивших из рук в руки таким путем. При Тутмосе III один чиновник получил «огромную груду» электрона, которая, если мы можем верить надписи, весила 36 392 утена, то есть 3311 кг 672 г, или около 66 cwt[280]. Сейчас такое количество золота стоило бы около 500 тысяч фунтов (в наше время, в 2005–2007 гг., 35 млн фунтов стерлингов. – *Ред.);* а значит, золото, содержавшееся в такой массе электрона, – который, как мы уже видели, был сплавом двух пятых частей золота и трех пятых серебра, стоила бы около 200 тысяч фунтов (ок. 15 млн фунтов стерлингов в 2005–2007 гг. – *Ред.)*. Более того, в эпоху Нового царства в торговле различали много разных видов золота – например, «горное золото» и «хорошее золото», «двойное» и «тройное» золото, «весовое золото» и «хорошее золото из Катма», то есть כתם из семитских стран[281].

До нас дошли тексты, в которых описана разработка нубийских золотых рудников. Они рисуют перед нами трудности, возникавшие при добыче руды в пустыне, так далеко от долины Нила: каждая поездка превращалась в опасный поход из-за грабителей-кочевников и нехватки воды. Но и в этом случае *auri sacra fames* («отвратительная жажда золота», цитата из Вергилия, Эрман приводит ее на латыни. – *Примеч. пер.)* преодолела все препятствия. Когда царь Сенусерт I покорил Нубию, часто упоминавшийся нами номарх Амени сразу же начал – так он рассказывает сам – грабить ее золотоносный округ. «Я отправился вверх по течению, чтобы забрать золото для его величества, царя Сенусерта I (да живет он всегда и вечно). Я ехал вместе с наследником престола, великим законным сыном царя, принцем Амени (жизнь, здоровье, счастье!) и двигался в сопровождении 400 моих самых лучших отборных солдат, которые, к счастью, прибыли на место невредимыми, не потеряв ни одного человека. Я привез золото, которое мне поручили привезти, и вследствие этого был помещен в царском доме, и сын царя благодарил меня». Сильный отряд сопровождения, который в этом случае был нужен только для защиты золота, – свидетельство того, что дорога не была безопасной.

Позже, при Новом царстве, когда Нубия была египетской провинцией, эта дорога, кажется, была безопаснее, во всяком случае, в надписях XIX династии подчеркнута только другая

трудность – нехватка воды. Например, надпись в храме в Редезиехе, среди пустыни, датированная 20-м днем месяца епифи девятого года царствования, сообщает, что царь Сети I «пожелал увидеть золотые рудники, из которых привозят золото. И вот, когда его величество поднялся на… он остановился на пути, чтобы обдумать замысел в своем уме. Он сказал: «Как плох этот путь без воды! Что становится с теми, кто идет по нему?.. Чем они охлаждают свое горло? Чем они утоляют свою жажду?.. Я позабочусь о них и дам им эту необходимую для жизни вещь, чтобы они могли быть благодарны моему имени во все будущие годы». Когда его величество произнес в своем сердце эти слова, он поехал через горы и искал подходящее место. И более того – бог указал ему путь, чтобы исполнить его желание. Затем каменщикам было дано поручение выкопать колодец на горе, чтобы уставший мог почувствовать себя уютно, а те, кто иссох от летней жары, освежились. И смотрите: это место было тогда создано во славу великого имени царя Сети, и вода полилась через край в таком изобилии, словно она текла из отверстия двух пещерных родников Элефантины».

Когда колодец был таким образом достроен, его величество решил создать там же и место стоянки – «город с храмом». «Смотритель царских работ» со своими каменщиками выполнил это поручение монарха: храм был воздвигнут и посвящен богам. В святая святых поклонялись богу Ра, в большом зале – Птаху и Осирису, а Гор, Исида и сам царь составили «божественный цикл» храма. «И вот, когда это здание было завершено, когда он был украшен и росписи были завершены, его величество сам приехал туда, чтобы поклониться богам, своим отцам».

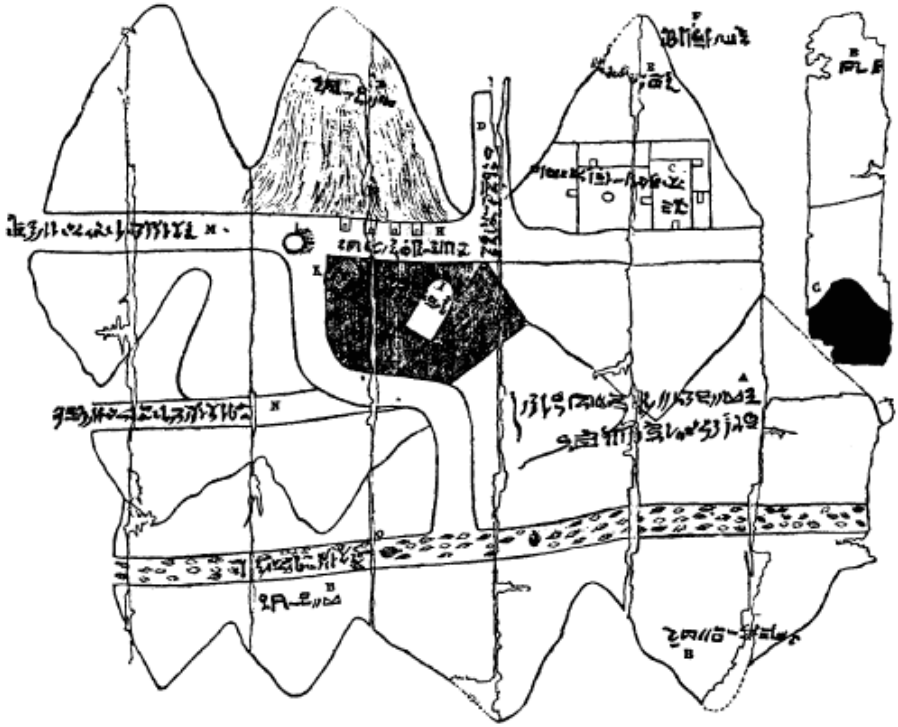
Мы не знаем точно, где находился рудник, к которому должна была вести дорога через Редезиех; в надписи речь идет не о рудниках Эшураниба: помимо других доказательств этого, царь в то же время занимался прокладкой дороги и в этот округ. Об этом нам известно из надписи его сына, Рамсеса II. Этот царь, «при имени которого золото выходит из горы», однажды находился в Мемфисе, и, думая о странах, «из которых привозили золото, он составлял замыслы того, как могут быть вырыты колодцы на тех дорогах, которые были бедны водой, поскольку он слышал, что в стране Экайта было действительно много золота, но путь туда был совершенно лишен воды. Когда старатели, мывшие золото, шли туда, только половина их доходила. Они умирали в пути от жажды вместе со своими ослами, которых гнали перед собой, и они не находили ничего для питья ни когда шли туда, ни когда шли обратно, и никакой воды, чтобы наполнить бурдюки. Поэтому из этой страны не привозили золота

из-за нехватки воды.

Тогда его величество сказал верховному казначею, который стоял возле него: «Созови же придворных князей, чтобы его величество мог посоветоваться с ними об этой стране», и князья немедленно были приведены к этому благому богу; они радостно подняли руки, восхвалили его и поцеловали землю перед его прекрасным лицом. Затем им было рассказано о том, как обстояли дела в этой стране, и у них спросили совета о том, как следует выкопать колодец на дороге, ведущей туда».

После обычных долгих изъявлений верности, входивших в церемониал египетского двора, князья ответили: «О царь, наш повелитель! Вот что будет доложено о стране Экайта». И действительно, царский сын жалкой Эфиопии (то есть наместник Нубии) заговорил об этом предмете перед его величеством: «Эта дорога была безводной со времени Ра. Люди умирают там от жажды, и каждый царь прошлых времен желал выкопать там колодец, но не имел успеха. Царь Сети I также сделал то же самое: он в свое время приказал вырыть там колодец глубиной 120 локтей; но колодец был оставлен без присмотра, и из него не пошла вода. Однако если ты сам заговоришь со своим отцом Нилом, отцом богов, и скажешь ему: «Выведи воду из горы», тогда он сделает то, что ты скажешь, поскольку поистине все твои замыслы исполняются перед нами. Ибо все твои отцы-боги любят тебя больше, чем любого царя, который жил со времени Ра».

«Тогда его величество сказал этим князьям: «Все, что вы говорите, совершенно верно. Со времени Ра ни одного колодца не было вырыто в этой стране. Но я все же вырою в ней колодец». И после того, как князья выразили свое изумление и восхищение этим решением, «восторгаясь своим повелителем, целуя землю, ложась ниц перед ним, радуясь до небес», царь отдал приказ выполнить эту работу. На этот раз она, несомненно, завершилась успехом, иначе вряд ли была бы воздвигнута стела с этим рассказом. Стела была найдена в Нубии, в нынешнем Кубане, откуда могла начинаться дорога в Экайту[282].



Два удивительных папируса, знаменитые тем, что являются самыми древними в мире географическими картами, связаны с золотыми рудниками тех двух царей, которые были упомянуты последними[283]. На одном папирусе, сохранившемся лишь частично, изображен золотоносный округ горы Бехен, то есть рудники, расположенные к востоку от Коптоса; он относится ко времени правления Рамсеса II. Я не могу сказать, какая местность изображена на втором папирусе, который показан здесь на иллюстрации. Как мы видим, на нем показаны две долины, которые расположены параллельно одна другой между горами; похоже, что одна из этих долин, как многие более крупные пустынные вади, заросла подлеском и покрыта каменными глыбами. Извилистая поперечная долина соединяет эти две долины.

В остроконечных горах (которые нарисованы с поражающей нас примитивностью) пробиты шахты. Возле той, которая помечена буквой B, есть надпись «шахта с золотом», а слова возле той, которая помечена буквой A, могут читаться как «это горы, где промывают золото; они тоже этого красного цвета» (они изображены красным цветом на папирусе. Долина M и перевал N – это «дороги, ведущие к морю». К несчастью, название места, до которого шли через большую долину (отмеченное буквой O), и название соседней местности, отмеченное буквой D, невозможно прочесть. Гора C, на которой расположены крупные постройки,

носит название «чистая гора»; на ней находилось святилище Амона. Маленькие дома, помеченные буквой H, были, если я читаю верно, жилищами добытчиков золота. И наконец, водоем K, с темной возделанной землей вокруг него, изображает «колодец царя Сети I» – того царя, который воздвиг и большую стелу J, вероятно, в память о том, как был выкопан колодец.

Добыча золота в горах была окружена ореолом своеобразной поэзии, и мы действительно читаем в надписи, сделанной в одной из шахт: «Золото – тело богов, и Ра сказал, когда начал говорить: «моя кожа из чистого электрона»[284]. Разумеется, к прозаическим медным рудникам это не относилось, хотя они, конечно, были важнее для Египта: в надписях, где речь идет о них, никто не хвалится количеством руды, добываемой за день. По этой же причине надписи в тех шахтах, где, предположительно, добывали медь, почти не содержат упоминаний о меди[285], а называют продукцией рудника то, что на самом деле было лишь побочным продуктом при добыче меди, – драгоценный камень – *мфакет*, то есть малахит.

В Египте малахит и в самом деле считался одним из самых ценных видов имущества, но разумно считать, что огромные рудники на Синае разрабатывались в течение тысячелетий не ради одного малахита. Более вероятно, что в официальной речи его звучное имя часто было заменой для более низкого слова «медь».

Эти медные рудники находились в горах в западной части Синайского полуострова, в основном в Вади-Насб, Вади-Магара и на горе Серабит-эль-Хадим. За исключением первого места, где из одной шахты до сих пор добывают медь[286], они все были выработаны еще в древности. Шахты, с помощью которых они разрабатывались, были прорублены горизонтально в толще горы и имели форму коридоров, крышу которых поддерживали столбы.

Самыми важными из этих шахт были те, которые находились в Вади-Магара. Начало им положил царь Снофру, и они назывались в его честь «шахты Снофру»[287]. На холме посередине далекого Талеса (Таль) по-прежнему стоят каменные хижины рабочих и маленькая крепость, построенная, чтобы защищать поселенных там египтян от нападений синайских бедуинов. Несмотря на свою малочисленность, горные племена все же могли быть опасными для рудокопов, отрезанных от своей родины. Поэтому царь Снофру и его преемники вели против этих кочевников маленькую войну, которая прославлена в триумфальных рельефах на скалах Талеса (Таля) как «истребление жителей гор». Но с другой стороны, в этих горах не

было иной опасности, обычно угрожавшей древним рудокопам в пустыне: поблизости от этих рудников был колодец, и цистерны крепости достаточно хорошо наполнялись дождевой водой, так как дожди шли здесь каждый год. Были обеспечены также религиозные потребности рабочих и солдат: среди богов, которым здесь поклонялись, была «Хатхор, госпожа страны малахита»; она считалась небесной покровительницей всех синайских шахт. Хотя теперь мы не можем найти храм этой богини в Вади-Магара, все же похоже, что религиозные обряды выполнялись там с соблюдением всех положенных церемоний, поскольку царь Неусерр из V династии (если я правильно истолковал рисунок) преподнес одному из тамошних богов огромный сосуд для возлияний[288].

Рудники Вади-Магара активно разрабатывались в течение всей эпохи Древнего царства, и со времен Снофру до времени Пепи II цари посылали туда своих чиновников с «царским поручением». Из этих посланцев некоторые были служащими казначейства, а некоторые капитанами кораблей (две должности, у носителей которых при Древнем царстве некоторые обязанности были общими: например, и тот и другой должны были доставлять одни и те же ценные вещи для казначейства); некоторые также были армейскими военачальниками, которых сопровождали подчиненные им войска.

Похоже, что после долгого перерыва последние правители XII династии, в особенности Аменемхет III, энергично возобновили эти работы. Так, например, только что упомянутый царь на втором году своего правления послал одного из казначеев – это был «Хентхетихотеп, казначей бога, верховный начальник правления дома серебра» – с отрядом из 734 воинов в Вади-Магара для организации там работ на рудниках. В эпоху Нового царства многие фараоны тоже разрабатывали эти рудники, и последним из делавших это царей того времени, о котором нам известно, был Рамсес III; он сообщает, что посылал туда своих князей-вассалов, чтобы поднести дары Хатхор и взять оттуда много мешков малахита.

Месторождения, которые теперь называются Серабит-эль-Хадим, что значит *гора-служанка,* а в древние времена носили в честь кого-то неизвестного нам (возможно, в честь последнего царя I династии Каа. – *Ред.)* название *рудники Ка,* очевидно, тоже разрабатывались уже во времена царя Снофру, поскольку там есть рельеф, на котором он изображен стоящим между двумя богами. Также некий Аменемхет в более поздние времена сообщил нам, что он, «казначей бога, глава правительства, вождь юношей и друг фараона», совершил там на службе такие великие дела,

«каких не знали со времен царя Снофру». Однако всерьез за эту работу взялись только цари XII династии, при которых Серабит-эль-Хадим, кажется, стал центром всего рудничного округа. Аменемхет III построил там маленький храм в честь Хатхор на высокой скальной террасе, которая величаво возвышается над долиной. Позже этот храм расширили цари Нового царства, особенно Тутмос III. Вокруг святилища поставили бесчисленные стелы, на которых были сохранены для потомства имена многих знатных управляющих рудниками. Похоже, что и эти рудники, и те, что находились в Вади-Магара, были выработаны при Новом царстве, поскольку там нет ни одной надписи, оставленной позже времени правления XX династии. И наконец, существовали также большие «медные рудники» на горе Атека, до которых можно было добраться как по морю, так и по суше; Рамсес III вел там работы с большим успехом.

Добыча «вечных камней» в каменоломнях упоминается в надписях на египетских памятниках еще чаще, чем разработка рудников: неутомимость и неиссякаемая энергия египтян при строительстве создавали необычно высокий спрос на камень. Правда, самый дешевый материал – обычный известняк – можно было найти повсюду на границе с пустыней без особого труда, но он был почти не пригоден для тонкой обработки. По-настоящему хорошие сорта камня, применявшиеся в ваянии, можно было отыскать лишь в немногих местах, если учитывать лишь те места, где их было легко добыть и сравнительно легко доставить в нужное место.

Высококачественный белый известняк, который использовали, например, как материал для лучших мастаб и пирамид и многих статуй, привозили из больших каменоломен в Туре – это почти напротив Мемфиса. Они и теперь называются «каменоломни Туры» и разрабатываются. Эти каменоломни часто упоминались во все времена; они представляют собой огромные залы, вырубленные в скалах, и когда мы представляем себе, какие огромные массы камня были вырублены оттуда, то чувствуем, что никакая оценка их значения не будет слишком высокой. Тем не менее верно, что в Туре сохранилось меньше надписей, чем, например, в менее важных рудниках на Синае, но это объясняется огромным размахом работ в первом случае. Добывать камень в каменоломнях Туры, которые находились близко от Нила, было настолько повседневным делом, что египтяне не чувствовали необходимости обессмертить эту работу, какой бы тяжелой она ни была. Только в тех случаях, когда в этих залежах камня торжественно начинали новые работы, чтобы «вырубать прекрасный белый известняк» для постройки «домов, которые

будут стоять миллион лет», об этом событии рассказывали потомкам в надписи. Так случилось при Среднем царстве в дни правления одного из Аменемхетов и во времена Нового царства при Яхмосе и при Аменхотепе III; в последнем случае «его величество обнаружил, что каменоломни, которые расположены в Туре, пришли в упадок с прежних времен»[289].

В эпоху Древнего царства алебастр добывали в этой же части пустыни. Немного южнее Туры, примерно напротив Дашура, в горах тянется долина Вади-Герраui, окруженная отвесными известняковыми скалами. В наши дни Швайнфурт обнаружил в ней древние каменоломни, где добывали алебастр. Они находятся на расстоянии трех или четырех часов пути от долины Нила и были связаны с ней дорогой, следы которой еще видны в некоторых местах. Примерно в часе пути от самих каменоломен, ниже их, находятся развалины каменных хижин, где жили рабочие. Очень мощная стена из каменных блоков, поставленных один на другой и облицованных с наружной стороны тесаным камнем, перегораживает долину вади в этом месте; вероятно, она служила плотиной и была предназначена для того, чтобы задерживать поток воды зимних дождей и сохранять эту воду для рабочих и вьючного скота. Огромный размер этого сооружения – плотина имеет высоту около 9 м, ширину 66 м и толщину около 43 м – свидетельствует о том, насколько велико было в течение какого-то времени значение каменоломен Вади-Герраui[290]. Так могло быть в тот период, когда египтянам еще не был известен алебастр более высокого качества, который получали из города Хат-нуб – «дом золота»[291]. Нет сомнения, что даже эти новые каменоломни были выработаны уже при царе Пепи из VI династии[292].

Песчаник, который высоко ценился как самый прочный строительный материал, добывали – как мы можем предположить – главным образом в месте, которое было удобнее всех расположено по отношению к собственно Египту, – в самой северной точке песчаникового плато, в Гебель-Сильсиле. Там каменистые возвышенности подступают к реке с обеих сторон так близко, что добывать камень особенно легко, но все же я сомневаюсь, что в эпоху Древнего царства песчаник использовали для строительства в Нижнем Египте, и даже в более поздние времена этот камень предпочитали применять в городах Верхнего Египта. В эпоху Нового царства каменоломни Сильсиле, должно быть, были местом очень бурной деятельности, поскольку для строительства Карнака, Луксора, Мединет-Абу и других храмов было необходимо огромное количество материала. Но и здесь – вероятно, по той же причине, что в Туре, – на удивление мало

надписей, в которых есть хотя бы какие-то упоминания о добыче камня. Одну из самых содержательных среди них оставил некий Сет(?)емхеб, который при Рамсесе II был «начальником дома серебра» храма Амона. Он руководил добычей камня в этих местах для постройки Рамессеума. На этих работах он занял 3 тысячи человек, среди которых были 500 каменщиков[293].

Асуанские каменоломни, в которых добывали прекрасный египетский красный гранит, разрабатывались уже при Древнем царстве. Об этом мы знаем из автобиографии Уны (Уне), часто упоминавшегося любимца царя Пепи. Меренра, сменивший Пепи на престоле, потребовал себе этот дорогой камень для украшения своей пирамиды и поручил Уне, в то время «начальнику юга», добыть этот камень для него. Уна отправился сначала в ту часть округа каменоломен, которая называлась Эбхат, и привез оттуда гроб для царя и острие для верхушки его пирамиды. Затем он отправился на Элефантину и с этого острова, расположенного напротив Асуана, вывез красный гранит, который потребовался позже для отделки пирамиды – для стелы со столом для жертвоприношений при ней, дверных рам «верхней палаты» и т. д. В связи с этой более поздней поездкой как самое замечательное в ней и никогда не случавшееся ранее «ни при одном царе» было подчеркнуто то, что Уна, которому понадобились для перевозки груза двенадцать судов, должен был взять в качестве сопровождения всего один военный корабль; из этого следует, что в более ранние времена этот близкий к границе край был, очевидно, далеко не безопасным для египетских чиновников[294]. Позже, когда округ порогов уже долгое время находился под властью Египта, военное значение этой границы было очень велико, и бесчисленные надписи на скалах, возможно, появились больше по этой причине, чем из-за близости гранитных каменоломен.

У нас есть, кроме этих, и другие свидетельства большого значения этих гранитных каменоломен. Во всех египетских развалинах мы обнаруживаем огромные блоки асуанского камня, а по соседству с этим городом мы и сейчас можем увидеть места, откуда их вырубили. Можно точно описать процедуру, с помощью которой древнеегипетские каменщики извлекали из горы эти блоки.

Они прорезали в скале отверстия на расстоянии, как правило, около 15 см одно от другого и глубиной – по крайней мере, для достаточно крупных блоков – также 15 см. В эти отверстия вставляли деревянные клинья; зти клинья смачивали водой, чтобы они разбухли, и таким образом раскалывали скалу. Этот процесс применяют и сейчас.

Твердость красного гранита позволяла использовать его большие массы, а поскольку каменоломни были близко от судоходной реки, египетские архитекторы и скульпторы извлекали пользу из этого удачного обстоятельства. Некоторые из блоков расположенного недалеко от Большого Сфинкса храма царя Хафра имеют длину 4,3 м, а длина блоков под архитравами построенного Аменемхетом III святилища бога-крокодила Себека в Файюме даже больше 8 м. Среди фиванских обелисков есть один, высота которого больше 33 м, а в одном папирусе упомянут обелиск какой-то разновидности из каменоломен Асуана, размер которого был 120 локтей, то есть около 60 м[295]. Но их, в свою очередь, превзошла величиной колоссальная сидящая статуя из красного гранита, которая находится в фиванском Рамессеуме. Этот гигант был вырублен из одного блока 17 м в высоту и соответствующей ширины.

Как мы уже говорили, удобная близость асуанского гранита к воде была причиной, по которой он постоянно использовался для таких гигантских работ; черный гранит, из которого, поскольку он тверд как железо, можно было бы изготовить еще более крупные архитравы и более тонкие обелиски, применялся лишь в виде сравнительно маленьких кусков из-за того, что его трудно было привозить из каменоломен, находившихся в центре пустыни. «Долина Рехану», или, как она называется в наше время, Вади-Хаммамат, была расположена вдоль дороги через пустыню, соединявшей Коптос (Кифт) и Красное море, и оттуда добывали «великолепный скальный камень, прекрасный камень из Бехена», из которого сделаны почти все темные по цвету статуи и гробы, которые восхищают нас в египетских отделах наших музеев. Разработка этих каменоломен была, должно быть, очень трудным делом, поскольку каменоломни Хаммамат находятся в двух или трех днях пути от Нила, и обеспечение продовольствием огромного количества рабочих, необходимого для перевозки блоков, было нелегким делом. Чтобы подвезти все необходимое для жизни, было нужно бесчисленное количество вьючных животных. Например, мы читаем, что продовольствие для 350 человек везли 50 быков и 200 ослов[296], а значит, найти воду и корм для этих животных в пустыне тоже было тяжелой задачей. Ввиду этих трудностей работа там считалось в высшей степени почетной; и действительно, доставлять камень из Хаммамата было совсем не то, что привозить его из Асуана или Туры. Благо – даря этому обстоятельству мы имеем в Хаммамате столько надписей, которые позволяют нам взглянуть с очень интересной точки на разработку этих каменоломен, особенно в более ранний период.

Чиновники, которые управляли работами в Хаммамате при Древнем и Среднем царствах, были (как на рудниках) в большинстве случаев казначеями и капитанами кораблей; но в то же время туда приезжали также царские архитекторы и художники, чтобы увезти этот драгоценный камень для гроба или статуи фараона. Эти высшие сановники – а среди них были люди самого высокого ранга, «ближайшие друзья царя, наследственные князья и главные пророки», даже один «великий сын царя» – вероятно, приезжали туда только как инспекторы, а настоящее управление работами по добыче камня находилось в руках людей, чье положение было несколько ниже. Например, в дни правления древнего царя Пепи фактическим управляющим каменоломнями явно был казначей Эхе, который один раз выступает в этом качестве сам. Но в надписях он упоминается только как подчиненный, а почетное место в них занимает Птахмеранх-Мерира, «начальник всех работ царя, ближайший друг царя и главный архитектор в двух ведомствах». Этот знатный человек дважды приезжал в каменоломни Хаммамата – один раз в сопровождении своего сына, а в другой раз, когда дело касалось украшения храма, с «начальником поручений жертвенного имущества двух ведомств». Более того, казначей Эхе сам имел подчиненных, которым он мог иногда поручить исполнение своих обязанностей: существовали пять «заместителей художника» и один или два архитектора, которые, как правило, находились у него под началом, но также упоминаются в одном месте как действующие самостоятельно.

Самое раннее «царское поручение», которое упомянуто в хаммаматских надписях, было дано при царе Исеси из V династии. В смутные времена, последовавшие за правлением VI династии, работы, похоже, были заброшены. При правлении царя Ментухотепа из XI династии началась новая эпоха. Произошло чудо: «посреди гор был обнаружен колодец шириной в 10 локтей с каждой стороны и полный воды до краев». Он находился, если я верно понимаю, «вне досягаемости для газелей и был скрыт от варваров. Воины давних времен и ранние цари проходили туда и обратно поблизости от него, но ни один глаз не увидел его, ни одно человеческое лицо не взглянуло на него», пока, благодаря богу Мину, защитнику путей в пустыне, царю Ментухотепу (или, вернее, его людям) не было дано найти его и таким образом «превратить этот край в море». Это открытие было сделано во второй год правления царя, когда он послал своего высшего чиновника – *наместника* – в каменоломни Хаммамата руководить добычей «великолепного великого чистого камня, который есть в этих горах», чтобы мог быть изготовлен гроб под названием

«вечная память» для гробницы этого монарха и монументы для храмов Верхнего Египта. «Туда отправился наследственный князь Аменемхет, начальник города, наместник и верховный судья, любимец царя, начальник работ, который велик в своей должности и могуществен в своем звании, который занимает первое место во дворце своего повелителя, который судит людей и выслушивает их доказательства, – тот, к кому приходят с поклоном великие люди и перед кем вся страна падает на землю, который велик у царя Верхнего Египта и могуч у царя Нижнего Египта, у белого венца и у красного венца… который судит там беспристрастно, начальник всей южной страны, который составляет отчет обо всем, что существует и что не существует, военачальник своего повелителя, тот, чье сердце понимает поручения царя… Он отправился в эту почтенную страну, и его сопровождали лучшие среди избранных воинов и люди из всей страны – горцы, художники, каменотесы, рабочие по металлу, гравировщики надписей, золотых дел мастера, чиновники казначейства – короче говоря, все чиновники казначейства фараона и все служители домашнего хозяйства царя». Он успешно исполнил свое поручение и, в частности, организовал изготовление саркофага длиной 8 локтей, шириной 4 локтя и высотой 2 локтя. Телята и газели были принесены в жертву богу Мину из Коптоса, покровителю этой пустыни, в знак благодарности ему был поднесен в дар ладан, а затем 3 тысячи человек перевезли этот огромный блок в Египет. «Такой блок никогда не привозили в эту страну со времени богов. Воины не понесли никаких потерь, ни один человек не погиб, ни у единого осла не была сломана спина, ни один ремесленник не был убит».

Могущественные монархи XII династии, которые были такими великими строителями, разумеется, не пренебрегали каменоломнями Хаммамата. Например, при первом из них, царе Антефе (Аменемхет I), его верховный казначей после восьми дней поиска сумел найти такую разновидность камня, «подобной которой не находили со времени богов». Об этом месторождении не знал никто, даже охотники из пустыни. При Аменемхете III тоже не меньше 20 горцев, 30 каменщиков, 30 гребцов (?) и 2 тысячи воинов участвовали в перевозке монументов из Хаммамата. В дни, последовавшие за временем этого рассказа, надписей почти не стало, или в них не было подробности. Однако мы не должны делать из этого вывод, будто в те времена в каменоломнях не велись работы. Бесчисленные свидетельства противоположного можно найти в зданиях и XIII династии, и Нового царства. Причиной прекращения надписей снова стало то, что работа приобрела деловой повседневный характер. В это

время, когда никакие препятствия, мешавшие строительству, не казались слишком трудными, каменоломни Хаммамата были почти приравнены к Туре и Сильсиле. Теперь мы больше не узнаем о нехватке воды или трудностях на коммуникациях, но похоже, что возникла новая опасность. Из уже упоминавшегося сатирического сочинения – которое, без сомнения, недостоверно как источник информации – мы узнаем о военном походе в Хаммамат, целью которого было «уничтожить мятежников». Названа численность войска – 5 тысяч человек, не считая военачальников, и поэтому в тексте не может идти речь о мелких войнах, которые часто велись против жалких бедуинов, жителей этих гор. Если в остальном мы можем верить этому рассказу, то для того, чтобы понадобилось так много солдат, должен был произойти мятеж среди рабочих.

Ближе к концу эпохи Нового царства, в царствование Рамсеса IV, царя, который оставил после себя лишь малое число памятников, но, похоже, задумал самые великолепные постройки, мы снова узнаем об организованном с широким размахом походе в Хаммамат[297]. В первую очередь царь приказал трем из своих самых доверенных приближенных – это были «Рамсесасахеб, писец дома жизни», «Харе, писец храма» и «Раусер-мат-нахту, жрец богов Мина, Гора и Исиды из Коптоса» – найти самые лучшие блоки на горе Бехен, то есть в Хаммамате. Эта комиссия, последний из членов которой был родом из Коптоса и явно получил это назначение из-за того, что хорошо знал пустыню, в своих отчетах сообщила: «Они во всем хороши. Там есть чудесные великие монументы». После этого царь повелел верховному жрецу Амона Рамсес-нахту «привезти их в Египет». Ему же было доверено и руководство этим походом, поскольку Рамсес-нахту был официально «начальником работ» Амона, а монументы, о которых идет речь, предназначались для этого бога. Под началом у верховного жреца находились главным образом армейские военачальники, поскольку по представлениям людей того времени работами такого рода полагалось заниматься армии. В поход были назначены не менее 110 военачальников всех уровней. К ним были присоединены более пятидесяти гражданских чиновников и священнослужителей, а также, в качестве высокопоставленных лиц, два царских вассала (без вассалов в те времена, кажется, не делалось ничего), наместник Фив, «начальники быков», верховные жрецы различных храмов и т. д. Техническая работа была отдана в руки 130 каменщиков, 2 живописцев и 4 граверов, которые работали под началом старшины каменщиков, и «Нахтамона, начальника художников». Работы по перевозке выполняли 5 тысяч рядовых воинов, 200

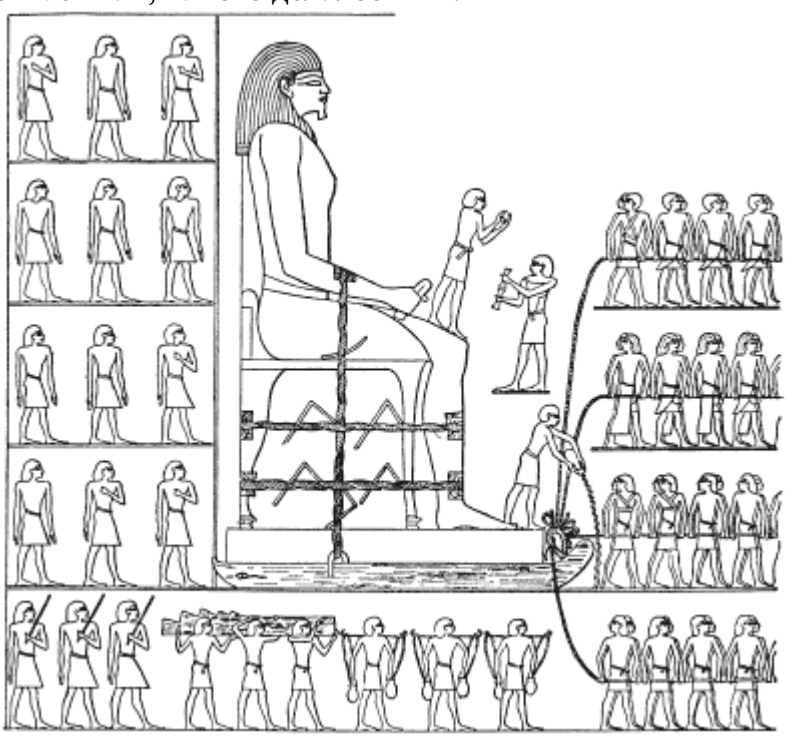
младших начальников из отряда «рыболовов царского двора», 800 наемников-варваров и 2000 крестьян – крепостные храмов. Всего в походе участвовало 8368 человек. Интересно узнавать о том, как было организовано снабжение такого количества людей продовольствием. Десять повозок с хлебом, мясом и пирогами, каждую из которых везли 6 пар быков, «поспешили из Египта на гору Бехен». Однако жертвенные дары для богов пустыни – Мина, Гора и Исиды Коптосской – были доставлены из «южного города», то есть, вероятно, из Луксора.

По приведенным выше рассказам читатель поймет, как египтяне могли передвигать даже самые тяжелые из своих монументов. Веса, которые там упоминаются, были огромными. Статуя Рамсеса II из Рамессеума весила, согласно одному подсчету, больше миллиона килограммов[298], и вследствие этого было сделано предположение, что архитекторы фараонов имели сложные механизмы, облегчавшие транспортировку таких огромных тяжестей. Однако не было найдено ничего, что бы подтвердило эту точку зрения, и сейчас ни один египтолог не сомневается, что все эти чудеса были созданы и перемещены с помощью лишь *одной* силы – человеческого труда, который безжалостно растрачивался. Те, кто без смущения может заставить сотни и даже тысячи работников трудиться до потери сил, не беспокоясь о том, сколько их погибнет от усталости, могут совершить великие дела самыми примитивными средствами. Для нас, современных европейцев, которые привыкли, по крайней мере в мирное время, считать каждую человеческую жизнь бесценной, такое поведение выглядит в высшей степени преступным; но уму восточного человека оно кажется не слишком порочным. Даже в недавние времена египетских феллахов принудительно заставляли работать на каналах, используя их силу так же безжалостно, как если бы они были скотом. Например, когда было начато строительство Суэцкого канала, Саид-паша предоставил организованной Лессепсом компании 25 тысяч крестьян, и за десять (1859–1869) лет они выкопали Суэцкий канал (20 тысяч египетских феллахов погибло. – *Ред.)*. С прокладкой канала Эль-Махмудия (к Александрии. – *Ред.)* справились тем же дешевым способом: 250 тысяч крестьян работали на его строительстве в течение года, и подсчитано, что не меньше 20 тысяч из них также были принесены в жертву.

Перевозка блока для постройки храма в Мемфисе на двадцать втором году правления царя Яхмоса (XVIII династия). Согласно надписи, бородатые рабочие – финикийцы (L. D., iii. 3)

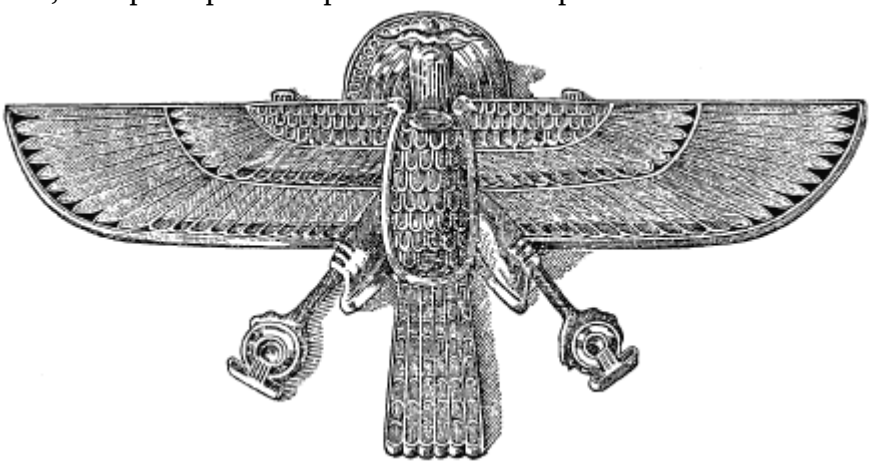
Если мы признаем, что древние египтяне были в этом отношении не более щепетильны, чем их современные соотечественники, мы поймем, как они могли перевозить огромнейшие тяжести, не применяя никаких средств, кроме простейших. Фараоны Древнего царства не стеснялись загружать такой работой собственных подданных, более поздние правители, у которых в распоряжении всегда были захваченные на войне пленники, разумеется, использовали для этой цели их.

Например, при Рамсесе II мы обнаруживаем, что чужеземцы из народа Апури везут камни для царских зданий Мемфиса[299], а Рамсес IV, как рассказано в упомянутой выше надписи, использовал людей из этого же народа для перевозки нужных ему блоков из Хаммамата. Если надо было переправить блоки небольшого размера по сравнительно хорошим дорогам, в сани впрягали быков – как показано на этом рисунке из каменоломен Туры. Но, насколько мы можем судить по египетским текстам, для этой тяжелой работы, как правило, использовали людей. Знаменитый рисунок эпохи Среднего царства совершенно ясно показывает нам, как это делалось[300].



L. D., ii. 134. Правая часть рисунка здесь не показана

Необходимо было доставить алебастровую статую высотой 13 локтей (то есть примерно 6,2 м), изображавшую Дхутхотепа, князя нома Зайца, в его гробницу или в храм его города. Как мы видим, она привязана очень крепким канатом к огромным саням; в этот канат вставлены палки, чтобы он не соскользнул, а под них подложены куски кожи, чтобы канат не протер следов на статуе. Не меньше 172 человек впряглись в четыре толстых каната, чтобы тянуть этот огромный груз; они расставлены так, что во всех случаях двое берутся за канат в одном и том же месте; дальний конец каждого каната несет на плече один человек. Надсмотрщик стоит на колене колосса и кричит им что-то; другой человек стоит на подножии статуи и поливает дорогу водой, третий жжет ладан перед изображением своего повелителя. Статую сопровождают люди, которые несут необходимую воду и огромную доску, а также надсмотрщики с палками. В конце процессии идут родственники правителя, которые составляют его свиту в пути. С другой стороны подходят группы встречающих процессию людей с зелеными ветвями. Каждые десять человек имеют своего предводителя и одеты одинаково: это подданные князя, которые пришли приветствовать образ своего главы.



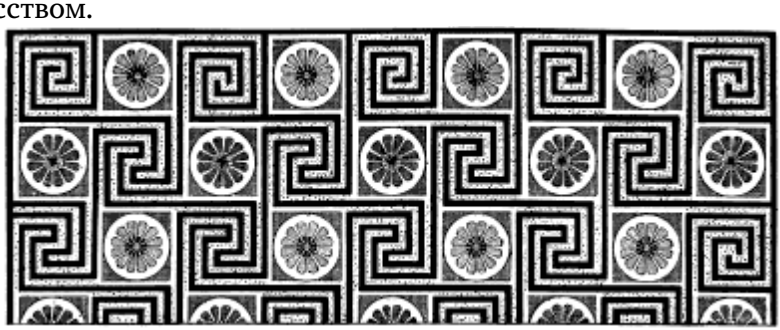
Сокол с головой барана. Золото с эмалевыми вставками. Лувр (согласно Перро – Шипье)

Прибытие такой огромной статуи явно случалось не каждый день; во всяком случае, для этого города это было не виданным ранее событием, и никто из его прежних правителей никогда не «замышлял в своем сердце такое дело». Дхутхотеп в возвышенном стиле описывает трудности своего предприятия: «Поскольку путь, по которому везли статую, был весьма трудным и поскольку для людей было величайшей по трудности работой везти этот

драгоценный блок по дороге из-за трудной каменистой почвы – песчаника[301], я приказал множеству мальчиков и молодых мужчин, а также артелям каменщиков и каменотесов явиться и подготовить для него дорогу… Мужчины, которые были сильны, восклицали: «Мы пришли для того, чтобы привезти его»; мое сердце радовалось; все жители города кричали от радости. Это было необыкновенное и великое зрелище». Так все соперничали друг с другом, чтобы помочь своему любимому главе, даже старики и дети; каждый от усердия удваивал свои усилия, «они были сильны, один человек проявлял силу тысячи». Граждане города вышли встретить процессию и восхвалить Дхутхотепа; его дети шли за ним в парадных одеждах, народ нома восхищался им. Так среди всеобщей радости они наконец достигли границы города.

Глава X
ПЕРЕВОЗКИ И ТОРГОВЛЯ

Во всех странах, занимающих одну лишь узкую долину большой реки, эта река становится естественным большим путем сообщения для всех случаев, особенно если, как в Египте, по стране трудно перемещаться в течение значительной части года. Обычными дорогами египтян были Нил и каналы; все виды грузов перевозили на лодках и судах, все поездки осуществлялись по воде, и даже изображения богов проезжали в торжественной процессии по Нилу на ладьях – а как еще мог путешествовать бог, если не в ладье? Это было настолько само собой разумеющимся, что в языке египтян трудно найти слово, означающее *путешествовать:* они пользовались словами *хонт* – подниматься вверх и *ход* — спускаться вниз по течению. Первое из этих слов применялось, когда говорили о любом путешествии на юг, второе – о любом путешествии на север, даже когда речь могла идти о пути через пустыню[302]. В таких обстоятельствах естественно, что постройка речных судов рано стала у этого народа особым искусством.



Египетский орнамент на потолке

Самая древняя разновидность лодки, которая была в ходу у египтян, – это, несомненно, маленькие ладьи из папируса – такие же, как те, которыми в более поздние времена восхищались греки, и похожие на те, которыми и теперь пользуются в Судане. Эти лодки не имели палубы, это были, по сути дела, маленькие плоты, сделанные из связанных вместе пучков стеблей папируса. В середине они были несколько шире, чем на концах, задняя часть была обычно приподнята, а передняя лежала плашмя на поверхности воды. Меньшие по размеру из этих лодок, с трудом вмещавшие двух человек, были равны по длине всего одной связке папируса; более крупные (некоторые были даже такого

размера, что могли везти быка) состояли по длине из нескольких умело скрепленных между собой связок. При постройке этих лодок[303] прилагались все возможные старания, чтобы прочно связать стебли папируса.

Для этого вокруг них закрепляли скрученный втрое канат на расстоянии примерно девять дюймов между витками. Если такая лодка была предназначена для господина, на ее пол стелили толстую циновку для защиты от влаги.

Эти папирусные ладьи имели очень небольшую осадку и поэтому очень широко использовались пастухами, охотниками и рыбаками на мелководье в болотах. Ими было легко управлять по причине их легкого веса и малого размера, и даже там, где вода была слишком мелкой, их можно было без труда донести (или провести) до более глубокого места. Маленькие папирусные челны никогда не имели парусов, и на них не гребли по-настоящему: они передвигались с помощью либо шестов, имевших два острых конца, чтобы цепляться за дно, либо коротких весел с широкими лопастями, которыми египтянин легко греб, лишь слегка их погружая в воду. Второй способ можно было одинаково хорошо применять стоя или сидя. Этот примитивный способ гребли, которым и сейчас пользуются некоторые из наших речных рыбаков, очень хорошо подходит для маленьких папирусных лодок, в особенности если они везут легкий груз; легкого гребка достаточно, чтобы заставить такие лодки скользить по гладкой поверхности воды. Иногда египтяне строили папирусные суда более крупного размера[304] – так, например, во времена правления VI династии мы обнаруживаем одно такое судно, для которого были нужны самое меньше тридцать два гребца и рулевой. Это нововведение существовало недолго; как правило, все крупные ладьи даже в ранние времена строили из дерева, хотя, как мы видели в предыдущих главах, Египет был очень беден этим материалом. Однако под давлением необходимости египтяне очень умело использовали свою плохую древесину, и похоже, что даже в очень ранние времена постройка лодок и более крупных судов велась в очень широком масштабе. Даже при Древнем царстве строились суда крупных размеров и большой вместимости – например, нам известно о «широком корабле из акации длиной 60 локтей и шириной 30 локтей», то есть примерно 30 м в длину и 15 м в поперечнике, и ладья такого огромного размера была изготовлена всего за 17 дней[305]. Большое количество разнообразных форм лодок на рисунках эпохи Древнего царства свидетельствует о том, как высоко было развито это ремесло[306].

Характерную для современных нильских лодок форму с

высоко поднятой над водой задней частью можно увидеть и у лодок Древнего царства; на это были, несомненно, практические причины. Во-первых, у маленьких лодок и папирусных челноков, которые человек перемещал не гребками, а толчками, такая задняя часть позволяла управлявшему ими человеку прочнее держаться на месте; а также, что было еще важнее, она позволяла легко сталкивать лодку с многочисленных мелей, на которых постоянно застревают даже современные лодки. Фарватер священной реки египтян постоянно изменялся, а потому даже большие суда строились с очень малой осадкой, отчего они, как правило, только слегка скользили по воде, будучи погруженными в нее лишь на треть поверхности. Мы должны исключить из этого правила грузовые суда, которые глубже сидели в воде, отчего строители делали их необычно плоскими. У корабля длиной около 15 м высота бортов едва достигала 0,9 м, и, если бы на край борта не клали еще одну доску, вода несомненно заливала бы этот корабль при самом легком волнении.

В эпоху Древнего царства весла деревянных лодок иногда имели очень узкую остроконечную лопасть; ими гребли совершенно так же, как в наше время, а не как на папирусных челноках. Эти весла вставлялись в уключины или в край борта; гребцы сидели лицом к корме и гребли, преодолевая сопротивление воды. Чтобы весла не терялись, каждое из них было прикреплено к лодке короткой веревкой, и, когда веслом не пользовались, его вынимали из воды и привязывали к краю лодки.

Руль в эпоху Древнего царства был неизвестен египтянам, и лодками управляли с помощью длинных весел. Для маленькой лодки было достаточно одного рулевого весла, но для того, чтобы уверенно направлять большую ладью, было необходимо несколько весел с обеих сторон кормы. По форме эти большие рулевые весла ничем не отличались от других весел; их тоже вставляли в уключины и привязывали веревками, чтобы не потерялись. Рулевой обычно правил стоя.

Похоже, что почти все лодки были приспособлены для движения не только на веслах, но и под парусами – исключением была эпоха Древнего царства, когда умение управлять парусами было, видимо, развито слабо. Нам известен всего *один* парус, который был квадратным и делался, вероятно, из папирусной циновки.

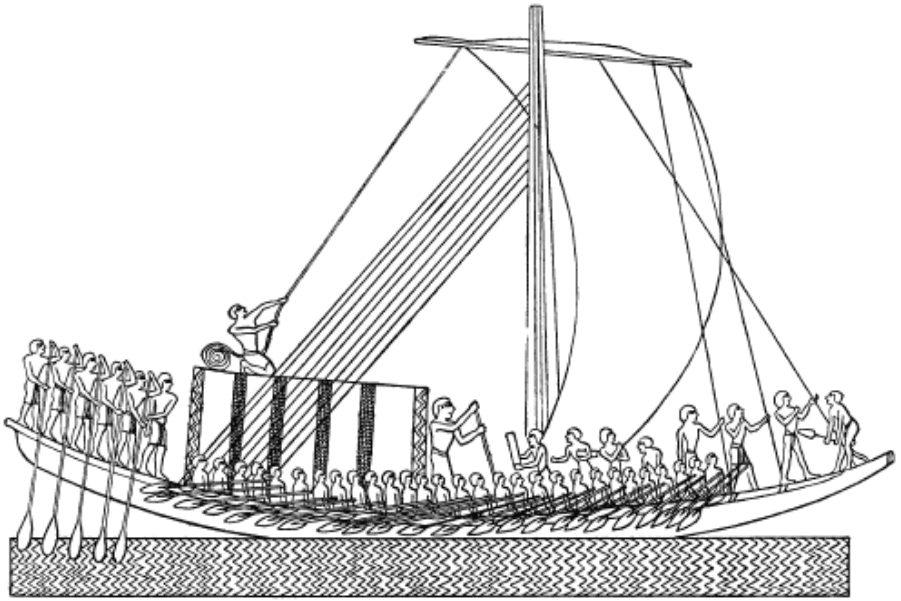
Мачта была очень необычной, поскольку из-за того, что один кусок дерева сам по себе не был достаточно прочным, египтяне использовали две сравнительно тонкие мачты, связанные вместе у вершины. Один мощный канат был протянут от вершины этой

мачты на нос, а другой на корму – они соответствуют нашим *вантам* — канатам, которые удерживают мачту на месте. Кроме того, еще от шести до двенадцати более тонких канатов спускались с верхней части мачты и закреплялись в задней части лодки.

Нок (рея) находился на конце мачты. Матросы могли поворачивать его вправо или влево с помощью двух канатов, которые шли назад от концов. Парус свисал вниз до края лодки и – по крайней мере, в части случаев – был снабжен второй реей ниже первой и, как и реи, имел крупный – по сравнению с величиной лодки – размер. Так, ладья длиной 4,6 м с гребными веслами длиной 3 м и рулевыми веслами длиной 4,9 м должна была иметь мачту высотой 10 м и реи длиной по 6 м, чтобы в парусе насчитывалось от 56 до 65 м^2 холста.

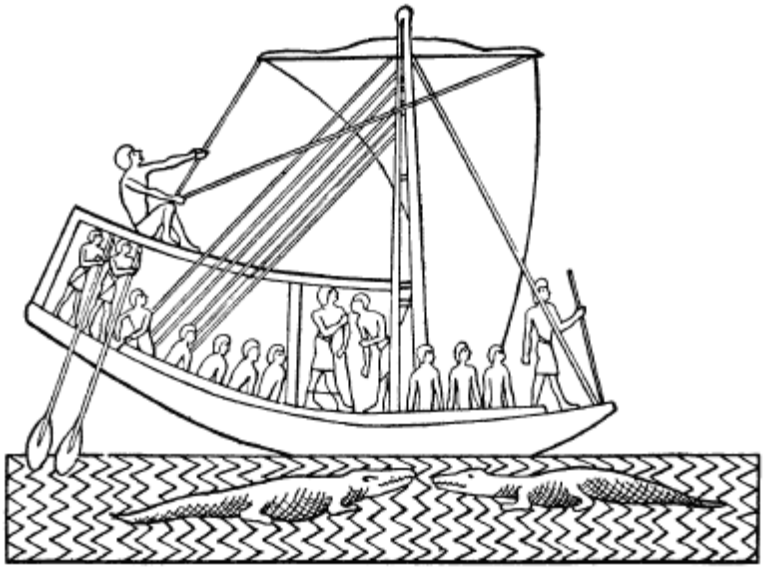
Когда ветер прекращался, а парус спускали, чтобы начать грести, реи снимали с мачты, а мачту – с лодки; затем парус оборачивали вокруг них обеих и все это клали на верх каюты или вешали на шесты с раздвоенными концами[307].

Как я уже отмечал, на рисунках эпохи Древнего царства показаны несколько разновидностей судов, в надписях тоже речь идет не о просто *лодках,* а о «широких лодках, лодках с рулем, баржах» и т. д. На следующих страницах я буду говорить только о самых заметных различиях в форме этих древних судов. Нет сомнения в том, что самыми лучшими и быстрыми судами в эпоху Древнего царства были длинные плоские парусные ладьи, в которых путешествовали знатные люди[308]. Их строили из легкого желтого дерева – несомненно, иноземной сосны. Как мы видим, такие суда отличаются от других лодок тем, что их передняя и задняя части короче и ниже, чем обычно. Кроме того, эти части часто выделяли с помощью украшений: их могли окрасить в темно-синий цвет, или нос мог завершаться резной головой животного. В отличие от голов фигур наших современных судов (XIX в. – *Ред.)* эта голова всегда была повернута назад.

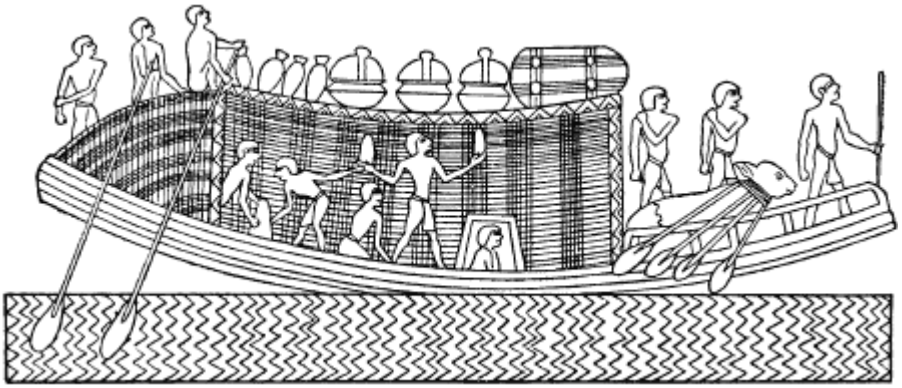


Большая ладья для поездок эпохи Древнего царства. Господин стоит перед каютой, его писцы несут ему свои отчеты (согласно L. D., ii. 45 b)

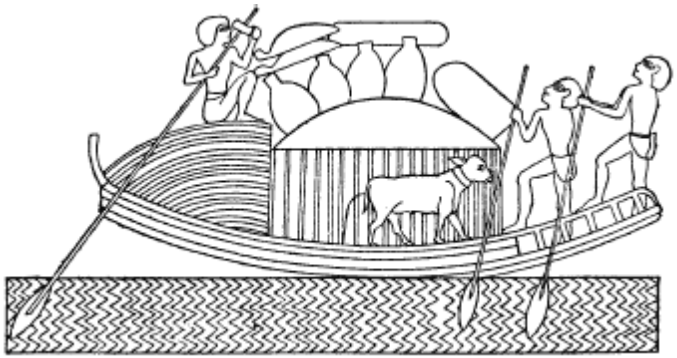
На черной деревянной палубе за мачтой стояла каюта, стенки которой были сделаны из красиво сплетенных циновок или из белого льна и могли быть опущены полностью или частично. Во время поездки каюта была жилищем господина, поскольку он, даже если имел звание адмирала, разумеется, сам не участвовал в управлении судном. Мы еще не упомянули лоцмана, который с шестом для измерения глубины в руке стоит на носу и дает указания рулевым. Когда судно приближается к берегу, чтобы пристать, лоцман должен позвать тех людей, которые должны помочь при высадке, а поскольку ему приходится это делать на достаточно большом расстоянии от берега, мы обнаруживаем, что уже при IV династии для этой цели применялся рупор[309]. Матрос, сидящий на корточках на крыше каюты, занят ответственным делом: он следит за парусом и быстрыми жестами повторяет команды лоцмана. Кроме паруса, такие суда почти всегда имели весла, которых обычно было около дюжины с каждого борта. Количество рулевых весел зависело от количества гребных весел – при девяти гребных веслах с каждого борта полагалось два рулевых, при четырнадцати – три, при двадцати гребных – четыре рулевых весла.



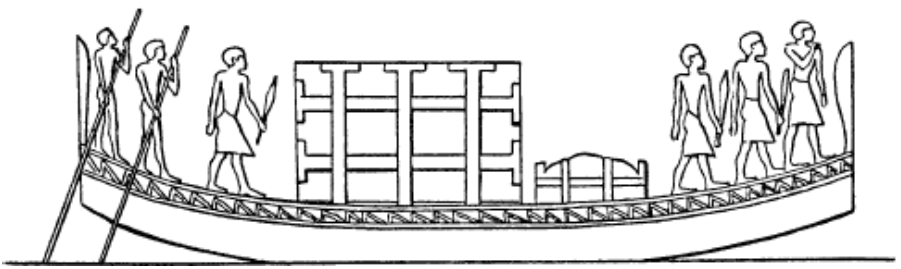
Маленькое судно для поездок эпохи Древнего царства, построенное иначе, чем более крупное, – оно имеет высокую корму и совершенно лишено гребных весел (согласно L. D., ii. 43 a)



Большая грузовая ладья времен Древнего царства. Похоже, что гребцы повесили свои весла на шею теленку (согласно L. D., ii. 62)



Малая грузовая лодка времен Древнего царства (согласно L. D., ii. 104 b)



Буксирная лодка времен правления V династии. Обращает на себя внимание решетчатый ящик, в который на время перевозки упакован гроб (согласно L. D., ii. 76 e)

Большие гребные ладьи были в близком родстве с описанным выше роскошным типом судов. Они тоже имели плоские корму и нос, но каюта занимала почти всю длину судна. Не похоже, чтобы эти ладьи могли идти под парусом, – и действительно, на них не было места для мачты из-за размеров каюты.

На более крупных грузовых судах было еще меньше места[310], все свободное пространство использовали для грузов, так что места, отведенные гребцам и рулевым, были тесными и неудобными.

Борта были высокими, чтобы увеличить вместимость корабля, а в середине судна стояли большая главная каюта и сразу за ней – вторая каюта, крыша которой наклонно спускалась к корме. Тем не менее для кают было недостаточно даже тех четырех пятых длины судна, которые они занимали; даже оставшуюся пятую часть не оставляли гребцам целиком: она служила еще и для перевозки скота. Поэтому три или четыре человека, которые гребли на таком грузовом судне, должны были с трудом удерживать равновесие на помосте вроде парапета, устроенном над кормой, а двум кормчим приходилось управлять рулевыми веслами с наклонной крыши кормовой каюты[311].

Кроме собственно грузовых судов, существовали специальные маленькие лодки небольшой грузоподъемности. Такими лодками мог управлять один человек – гребец и рулевой одновременно, они могли, например, сопровождать большую парусную ладью с благородным господином и его свитой, перевозя продовольствие.

Если двигаться под парусом было невозможно из-за встречного ветра или – что часто случается на Ниле – наступал полный штиль, матросам приходилось прибегать к буксировке – способу передвижения, который был утомительным из-за довольно быстрого течения[312]. Поэтому на рисунках, изображающих суда, даже те, что существовали в эпоху Древнего царства, мы видим, что у большинства из них был прочный столбик, на который наматывали буксирный канат.

В те древние времена египтяне так привыкли при плавании на судах использовать этот утомительный способ передвижения, что не могли даже представить себе, чтобы их боги могли обойтись без него, и, согласно египетским верованиям, ладья бога солнца по ночам двигалась через мир мертвых на буксире. Только днем она могла плыть вперед по небесному океану с помощью парусов и весел.

Суда, предназначенные для перевозки больших грузов, видимо, всегда буксировались или людьми, или другими судами, поскольку были слишком тяжелыми, чтобы двигаться самостоятельно. Здесь мы должны упомянуть ладью с названием «Сат», которое, вероятно, означало буксир. Ни нос, ни корма в этом случае ничем особенным не отличались, кроме того что на каждом из концов судна был короткий, укрепленный вертикально кол (штырь) для буксирного каната. Управлялись такие суда, как и все другие эпохи Древнего царства, с помощью длинных весел. Такой вид судов применялся для доставки каменных блоков из каменоломен восточного берега к пирамидам и гробницам мемфисского некрополя. Изображенное здесь судно, о котором специально сказано, что оно необычно большое, принадлежало царю Исеси из V династии и называлось «Слава Исеси». На нашем рисунке оно везет саркофаг и крышку к саркофагу, которые этот царь преподнес в подарок своему верному слуге, главному судье по имени Сендемеб.

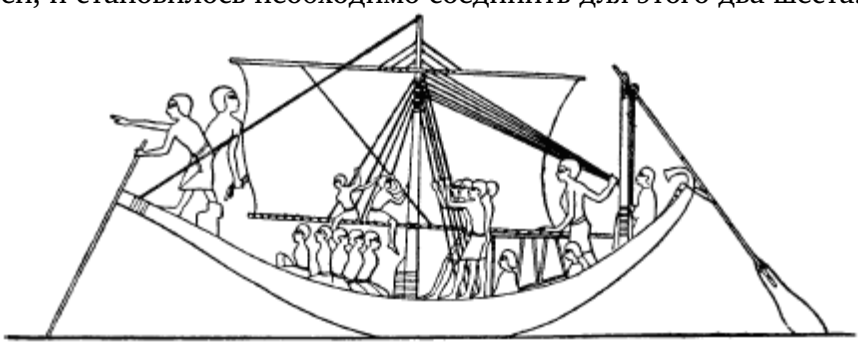
Все суда, о которых мы говорили до сих пор, относятся ко временам Древнего царства. В малоизвестный период, которым завершилась эта эпоха[313], в этой области, вероятно, были сделаны большие усовершенствования, потому что суда Среднего царства гораздо лучше более ранних[314].

На нашей иллюстрации неуклюжие рулевые весла Древнего царства заменил большой руль, которым рулевой легко управляет

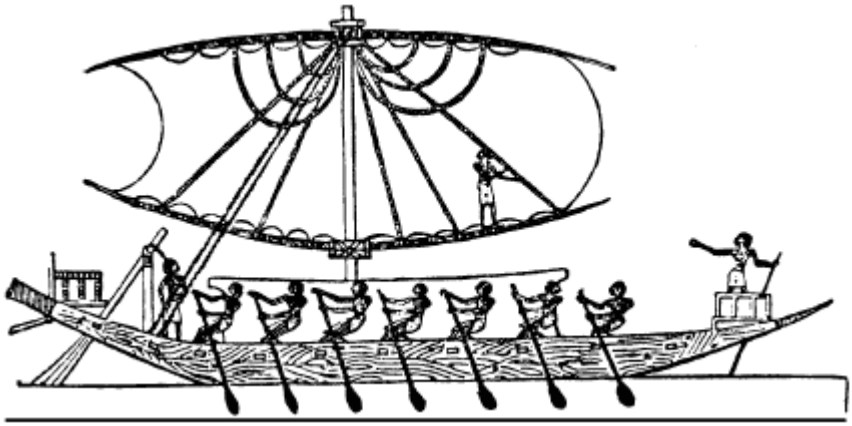
с помощью каната. Две узких доски, ранее применявшиеся как замена для мачты, также уступили место мощной мачте-столбу.

Кроме того, с этого времени парус всегда снабжен нижней реей, и верхняя рея не прикрепляется неподвижно к вершине мачты, а привязана к ней способным двигаться канатом, что позволяет по желанию поднимать и опускать его. Такелаж тоже был очень сильно усовершенствован, так что такие суда, в общем, стали гораздо легче для управления, чем были при Древнем царстве. Даже большие гребные ладьи были затронуты усовершенствованиями: теперь они имели настоящий руль, а гребцы сидели на скамьях, установленных на палубе судна; есть также красивая каюта с боками из ярких циновок, с окнами и с красивой крышей, на которой женщины и дети хозяина могут наслаждаться прохладой, отдыхая во время поездки.

Долгое время египетские суда не развивались дальше этого уровня, и среди нововведений эпохи Нового царства немного того, что действительно стоит упоминания[315]. Самым важным из них была ненормальная ширина паруса. При Древнем царстве парус в высоту был значительно больше, чем в ширину; при Среднем царстве ширина была немного больше высоты; а при Новом царстве он достигал иногда такой огромной ширины, что никакой шест не был достаточно длинным, чтобы служить ему реей, и становилось необходимо соединить для этого два шеста.



Лодка середины эпохи Среднего царства (согласно L. D., ii. 127)

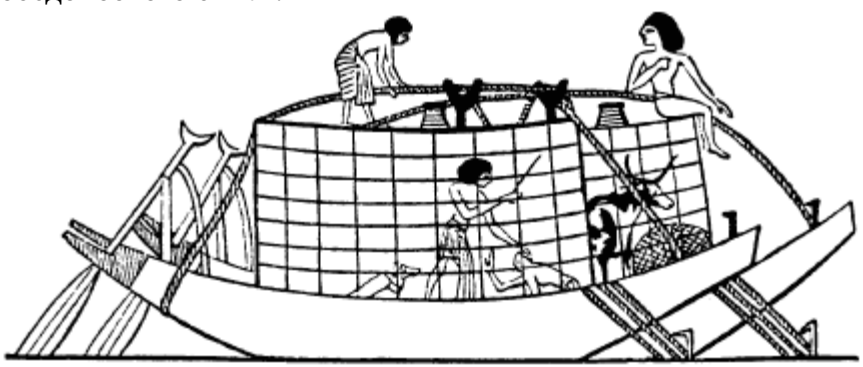


Лодка для поездок эпохи Нового царства (согласно W., ii. 224)

Например, при Древнем царстве большое судно, длиной около 16 м, имело бы мачту высотой около 10 м и рею длиной 6 м. При Среднем царстве мачта понизилась бы до 5 с небольшим метров, а рея сохранила бы длину 6 м. При Новом царстве рею удлинили бы примерно до 10 м, что вдвое больше высоты мачты в это время. Разумеется, для таких огромных парусов потребовалось увеличить количество такелажа, а для этого понадобилось его по-новому разместить, для чего мачту оборудовали чем-то вроде круглой головки, то есть прикрепили к ее верхушке решетчатую коробку. При Новом царстве мы обнаруживаем на носу и часто также на корме более крупных парусных судов деревянный помост высотой в половину человеческого роста. Это было место лоцмана или капитана, «который стоит на корме и не дает своему голосу замолкнуть». Сама каюта выше, чем в более ранние времена, и внешне немного напоминает дом с дверями и окнами, а вещи господина складывали на плоской крыше, на которой, должно быть, хватало места даже для его повозки, поскольку ни один знатный человек Нового царства не путешествовал без этого новомодного тогда средства передвижения.

Склонность к роскоши, которая так характерна для всех более поздних эпох египетской истории, разумеется, оказывала воздействие на декор египетских судов. При Древнем царстве судно, на котором путешествовали князья, было простой узкой лодкой, украшенной только головой барана на носу; при Новом царстве, наоборот, судно знатного человека должно было иметь роскошнейшие украшения[316]. Каюта стала великолепным домом с восхитительной крышей и входом, украшенным столбами. Бока судна сверкали от ярких красок и спереди были украшены

большими рисунками, корма стала похожа на гигантский цветок лотоса. Лопасть рулевого весла напоминает букет цветов, а круглая коробка на верхушке имеет вид головы царя. Паруса (по крайней мере, у храмовых лодок) были сделаны из роскошнейших тканей самых ярких расцветок. Хороший пример того, какой степени достигла роскошь в этом отношении, – царский корабль Тутмоса III. Это судно имело то же название, что и при Древнем царстве, а именно «Звезда двух стран»; то есть формально это был тот же царский корабль, который служил и царю Хуфу (Хеопсу) двенадцатью столетиями раньше, но как отличается его внешний вид от древней простоты. Каюта теперь представляет собой постройку с дверью спереди и ярко окрашенными ковровыми стенами; мостики для рулевого и капитана похожи на часовни, а возле второго из них стоит в качестве носового украшения статуя дикого быка, который топчет людей ногами, – намек на царя, «победоносного быка».



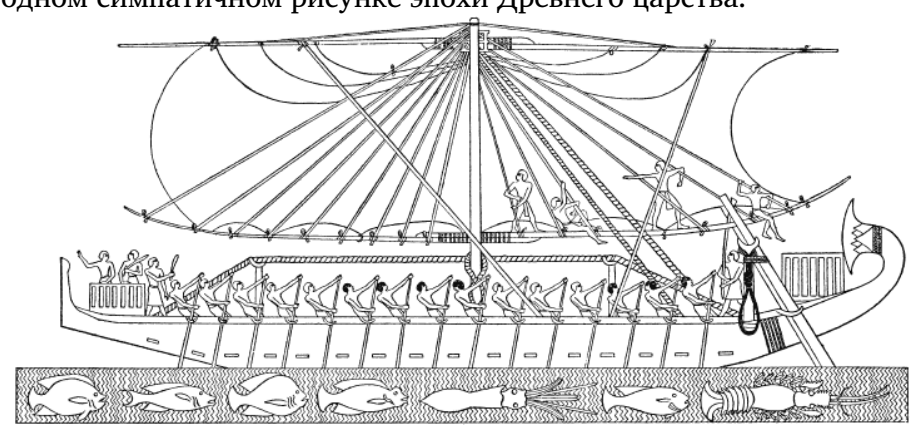
Две грузовые лодки времен Нового царства. Они приспособлены только для движения на буксире. Здесь они причалены к берегу (согласно W., ii. 213)

Вряд ли мне нужно говорить, что эта роскошь распространялась лишь на суда, в которых ездили богатые люди. Грузовые суда при Новом царстве были такими же неукрашенными, как раньше. На них только поставили на палубе грубую решетчатую клетку для скота или других грузов[317].

Кроме плавания по реке, египтяне даже в ранние времена путешествовали по морю – правда, путешествия были небольшие. Морские суда[318] царицы Хатшепсут – единственные, изображения которых у нас есть, – в точности похожи на большие речные корабли ее времени. Помимо огромного паруса, они имеют тридцать гребцов[319]. Эти суда очень хорошо служили для плавания вдоль берегов в страны благовоний (современные Эритрея и Йемен) или в Сирию, в более длинные плавания египтяне отправлялись редко (если отправлялись вообще).

Как я уже отметил, переезды по суше были в Египте чем-то совершенно незначительным по сравнению с передвижением по реке. Любая поездка обычно была водной; другие средства передвижения были нужны египтянам лишь на небольшие расстояния от Нила до места назначения. Знатные люди Древнего царства обычно пользовались для этих случаев носилками[320] – сиденьем с балдахином над ним, которое несли на плечах двенадцать или более слуг. Рядом шли люди с длинными веерами-опахалами[321], направлявшие на своего господина волны свежего воздуха, а еще один слуга нес кожаный бурдюк с водой, чтобы господин мог освежиться.

Во времена Среднего царства мы также встречаемся с подобными носилками, но без балдахина: однако на этом более позднем рисунке можно увидеть слугу, несущего что-то вроде большого зонта, который мог применяться не только чтобы укрыть господина от солнца, но и чтобы защитить господина от ветра в день, когда налетала гроза. Как и сегодня, большинство египтян пользовались для езды ослами – лучшим средством для этой цели. Осел словно специально создан для характерных условий Египта: он – неутомимое и, если говорить о хороших особях, быстрое животное; он также способен пройти везде. Однако похоже, что египтяне вряд ли считали приличной езду на осле верхом: мы нигде не обнаруживаем ни одного изображения человека верхом на осле, хотя в Берлинском музее есть седло, несомненно предназначенное для осла, что свидетельствует о существовании такого способа езды по крайней мере в эпоху Нового царства[322]. Но для знатного человека не было неприличным путешествие по сельской местности в особого рода кресле, укрепленном на спинах двух ослов – это мы видим на одном симпатичном рисунке эпохи Древнего царства.



Парусный корабль царицы Хатшепсут на пути в страны благовонии (согласно Düm. Flotte, Pl. 1)

При Новом царстве это кресло, а также и носилки, видимо, вышли из употребления, хотя носилками продолжали пользоваться для церемоний. Причиной этого, похоже, было то, что за прошедшее между этими эпохами время в Египет были ввезены гораздо лучшие средства сообщения – лошадь и колесница. Было сделано предположение, что египтяне познакомились с лошадью и колесницей благодаря своим завоевателям, варварам-гиксосам; но это не было доказано, хотя, с другой стороны, мы можем быть уверены, что и лошадь, и колесница были ввезены в Египет в темные времена между Средним и Новым царством, поскольку лошади и колесницы впервые были изображены на памятниках XVIII династии. Слово *хтор,* которое в более поздние времена означало лошадь, по крайней мере один раз встречается как личное имя на стеле XIII династии, но, поскольку первоначально это слово означало двух животных, впряженных в одно ярмо (что-то вроде нашего слова «упряжка»), оно могло в более ранний период применяться для обозначения двух пашущих быков так же, как в более поздние времена это слово использовалось, когда говорили о лошадях колесницы. Поэтому мы не можем определить, какому народу мы обязаны появлением лошадей в Передней Азии и Египте (лошадей в этот регион привели индоевропейские племена, около 2300 г. до н. э. осуществлявшие масштабную экспансию – во многом благодаря наличию лошадей, приручennых этими племенами в степях к востоку от Днепра в период между 4000 и 2500 гг. до н. э. – *Ред.),* пока не узнаем, из какого языка происходит то слово, которое в египетском языке приобрело вид *ссмт* и *смсм*[323], а в ханаанейском и арамейском языках סוס. В обеих странах это слово означало лошадь.

Поездка на ослах в кресле-седле. Два скорохода сопровождают своего господина; один идет впереди, чтобы освобождать ему дорогу, другой должен обмахивать его веером и погонять осла (согласно L. D., ii. 43 a)

С другой стороны, несомненно, у семитов, а точнее, от

ханаанеев (ханаанеи – продукт смешения семитов из соседних пустынь и местного несемитского населения, обладавшего высокой культурой. – *Ред.)* египтяне заимствовали два вида повозок, которые стали модными при Новом царстве и были в ходу до самого недавнего времени[324], – те, что назывались *меркаба* и *агала,* а у египтян – *меркобт* и *аголт.* Существовали или нет в Египте какие-либо колесные средства передвижения до появления этих, остается неясным[325].

Про *аголт* мы знаем только, что ее везли быки и что эта повозка применялась для доставки продовольствия на рудники; то есть это была какая-то разновидность телеги для перевозки грузов. Больше известно про *меркобт*, которой пользовались для катаний, для путешествий, на охоте в пустыне[326] и на войне. Это была маленькая, очень легкая колесница, в которой едва могли уместиться стоя три человека, – такая легкая, что один египетский поэт сказал про такую колесницу, что она весила пять утенов, а ее ось – три утена. Это, конечно, было большим преувеличением, потому что даже самая легкая колесница должна была весить больше чем восемь утенов (это 728 г или 1 $^{1}/_{2}$ фунта).

Меркобт[327] никогда не имела больше двух колес: эти колеса делались из разных видов дерева или металла и имели четыре или, чаще, шесть спиц. Ось несла на себе кузов, который состоял из пола и окружавших его спереди и по бокам, немного нависавших над ним деревянных перил. Через этот пол было пропущено дышло, которое для большей надежности привязывали ремнями к перилам. На конце дышла был поперечный брус, концы которого были изогнуты в виде крючьев. К этим концам крепилась сбруя, которая обращает на себя внимание своей простотой. Постромки в те времена были египтянам неизвестны; груди обеих лошадей охватывал широкий ремень, который прикреплялся к поперечному брусу дышла, и лошади тянули колесницу только за этот ремень. Чтобы он не натер им шеи, египтяне подкладывали под него сзади широкий лоскут кожи, к металлическому покрытию которого прикреплялся ремень; от этой задней подстилки шел под брюхом лошади к дышлу другой, меньший ремень, который должен был не давать широкому ремню сдвигаться с места. Лошадьми управляли с помощью поводьев, которые шли через крюк, закрепленный в задней подстилке, к удилам, вложенным лошади в рот. Сбруя для головы по типу была похожа на ту, которой пользуются повсюду сейчас, а со времен Нового царства (XIX династия) применялись также шоры[328].

Все египетские колесницы были сделаны по этому образцу и

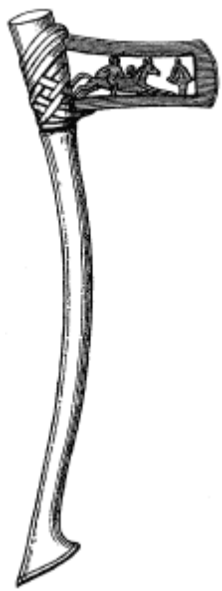
отличались одна от другой только большей или меньшей роскошью своего снаряжения. У многих колесниц ремни сбруи и кожаное покрытие каркаса были окрашены в пурпурный цвет, все металлические части были позолочены, а перья, которыми украшали лошадей, были вставлены в подставки в виде маленьких львиных голов.

Уже одно богатство этого снаряжения говорит о том, как высоко египтяне ценили свои колесницы и своих лошадей. Они изображены на рисунках всюду, где это возможно, и у литераторов того времени любимой темой было их описание и восхваление. Возница, который назывался *катана* (иноземное, видимо, индоевропейское по происхождению слово), имелся в хозяйстве каждого знатного египтянина[329], а при дворе должность «первого возницы его величества» была такой важной, что ее занимали даже князья. Любимые кони царя, «первая великая упряжка его величества», носили звучные имена – например, две лошади, принадлежавшие Сети I, назывались «Амон наделяет силой» и «Амон дарует ему победу», причем вторая лошадь носила еще добавочное имя «Анат (богиня войны и любви, «импортированная» в египетскую мифологию с XVIII династии) довольна»[330]. По этим именам мы знаем, что лошади были обучены для боя; и по этой причине египтяне предпочитали самых отважных, горячих лошадей. К примеру, коням Рамсеса II, кроме возницы, были нужны еще три слуги, которые держали их за узду[331], а в других случаях египетские лошади обычно изображены, когда они встают на дыбы или нетерпеливо роют копытами землю. Как правило, ездовыми лошадьми были жеребцы, а не кобылы[332]. Окрас у них был обычно коричневый, однако в нескольких случаях мы встречаемся с упряжками прекрасных белых лошадей[333]. Насколько мне известно, холощеных коней (т. е. меринов) в ту эпоху не использовали. Те, кто желал иметь спокойных животных, предпочитали мулов; на красивом рисунке в одной из фиванских гробниц мы видим, как эти животные везут колесницу знатного господина, который осматривает свои поля; управлять мулами настолько просто, что возницей служит мальчик[334].

Коней в Египте использовали и для верховой езды, но, как и у других античных народов, верховая езда была у них чем-то совершенно второстепенным (настоящая верховая езда, как и конница, пришла на Ближний Восток с вторжением еще одного арийского народа, киммерийцев, которых в VIII–VII вв. до н. э. вытеснили из Северного Причерноморья ираноязычные скифы. Скифы около 630 г. до н. э. вторглись в Сирию и Палестину и дошли до собственно Египта, где от них откупились. – *Ред.)*. У нас

нет изображений египтян верхом на коне[335], и мы бы вообще не знали, что подданные фараонов умели ездить верхом, если бы не было нескольких упоминаний об этом в литературе.

Так, в одном месте мы читаем о «военачальниках (?), которые верхом на конях» преследуют побежденных врагов, а в одном из учебных писем говорится обо «всех, кто может сесть на коня». В одной повести мы читаем, что царица сопровождала фараона верхом на коне, а упомянутый выше сатирический сочинитель пишет, что получил письмо от своего оппонента, «сидя на коне». В то же время мы должны сказать еще раз, что использование лошадей для верховой езды было совершенно второстепенным их применением, а их главным делом было везти телегу или колесницу.



Боевой топор с прорезным изображением всадника на лезвии (согласно W., I. 278)

Перед тем как расстаться с этой темой, я должен коснуться вопроса, по поводу которого было много споров, а именно появления в Египте верблюдов. Можно считать доказанным, что это животное, которое сейчас считается таким необходимым для путешествия по пустыне, впервые появилось в Египте позже тех эпох, которые мы рассматриваем. Верблюд не отмечен ни в одной надписи и ни на одном рисунке раньше греческого периода[336]; и даже при Рамсесе III как вьючное животное для пустыни еще явным образом упоминается осел.

Эти средства передвижения, за развитием которых мы проследили выше, разумеется, делали возможным сообщение между провинциями Египта. Однако же из-за формы этой страны

– длинной и похожей очертаниями на змею – расстояния между большинством городов были непропорционально велики. Поэтому такое сообщение всегда имело ограниченные размеры. Расстояние от Фив до Мемфиса было около 540 км, от Фив до Таниса около 690 км, а от Элефантины до Пелузиума – целых 936 км; это можно сравнить с расстояниями между Лондоном и Дублином, Лондоном и Пертом, Брайтоном и Абердином. Совершенно верно, что в других античных странах главные города тоже часто находились так же далеко один от другого, но у тех городов пути сообщения были со всех сторон, а египетские города из-за природы своей страны имели соседей лишь с двух сторон. Конечно, такие условия не способствовали развитию сообщения между различными частями этой страны, и жители Древнего Египта (так же как его современные жители) обычно довольствовались поездками в соседние провинции.

С другой стороны, у египтян, видимо, рано развились средства доставки писем, которые были вдвойне ценными из-за тех больших расстояний, которые мы упоминали выше.

Мы уже упоминали, что умение писать вежливые письма считалось одним из тех необходимых навыков, которые следовало изучать в школах. Здесь мы должны добавить к этому замечанию то немногое, что известно о доставке писем. Когда, например, мы читаем, что автор потерял надежду дождаться ответа на свое письмо и наконец пишет своему другу, что не уверен, что его мальчик-слуга, с которым он послал это письмо, добрался до места, речь явно идет о посланце частного лица. Однако существуют и фразы, которые, похоже, указывают на существование организованного почтового сообщения с помощью гонцов, посылаемых регулярно и официально. Например, мы читаем: «Пиши мне через письмоносцев, которые приходят от тебя ко мне» и «пиши мне о своем благополучии и здоровье через всех, кто приходит от тебя… ни один из тех, кого ты посылаешь, не прибывает сюда». То письмо, откуда мы процитировали второй из этих отрывков, возможно, содержит и указание на способ, которым от одного человека другому пересылались маленькие посылки. Автор письма извиняется за то, что посылает адресату письма только пятьдесят хлебов: ведь *шед* отбросил еще тридцать, потому что должен был нести слишком много; он также забыл сообщить ему вечером о том, как идут дела, и потому не смог сделать все как полагается.

Торговля на рынке в эпоху Древнего царства (согласно L. D., ii. 96)

Те же условия, которые сделали трудным сообщение между отдельными людьми, не позволили торговле приобрести то

значение, которое ей следует иметь. Например, в текстах никогда ничего не говорится о торговцах, а это несомненный признак того, что роль торговли в самом деле была незначительной. Торговые сделки в Древнем Египте происходили во многом так же, как на базарах и рынках современных египетских провинциальных городов.

Интересные рисунки в одной из гробниц в Саккаре позволяют нам увидеть сцены повседневной жизни рынка времен Древнего царства: на них изображен такой базар, какой мог быть устроен в имении знатного землевладельца для его слуг и его крестьян. Торговец рыбой сидит перед своей камышовой корзиной, в этот момент он чистит огромного сома и одновременно торгуется о цене со своей покупательницей. А та носит с собой в коробке предметы, предназначенные для обмена, и отнюдь не молчит: она ведет с продавцом долгий разговор о том, сколько она «даст за это». Возле этой группы другой торговец выставил на продажу благовония или что-то вроде них. Еще один продает что-то, по виду похожее на белые булки, и ожерелье-воротник, которое ему предложили за одну из них, кажется ему недостаточной ценой. «Вот, [возьми] и сандалии [тоже]», – говорит покупатель и получает покупку в обмен на другое ожерелье, а продавец заверяет его: «Вот это [полная цена]»; в это время подходит другой покупатель, надеясь в обмен на веер купить себе лука для еды.

Однако съедобные продукты – не единственное, что тут продается: еще один торговец сидит на корточках перед своей корзиной с красными и синими украшениями и торгуется с женщиной, которая желает купить одную из его ярких ниток бус. Возле нее мужчина с рыболовными крючками (?), кажется, напрасно навязывает свой товар другому, стоящему рядом мужчине.

Рыночная торговля в эпоху Древнего царства (согласно L. D., ii. 96)

В гробнице часто упоминавшегося Хаемхета, «начальника житниц» при Аменхотепе III, есть рисунок, изображающий такую же мелкую торговлю на рынке в эпоху Нового царства. В гавани Фив идет разгрузка больших кораблей, которые доставили зерно, ввезенное из-за границы для нужд государства. Пока большинство матросов выносят на берег груз, несколько человек из их числа потихоньку ускользают и подходят к продавцам, сидящим на корточках на берегу перед своими кувшинами и корзинами. Два из этих торговцев, несомненно, сирийцы, один из них помогает своей жене продавать ее товар, и по очень простецкой одежде этой госпожи видно, что их предприятие не слишком процветает. Похоже, что они продают какую-то еду, а в обмен на нее матросы, вероятно, отдают зерно из груза, полученное в качестве платы. Во всех случаях обменивается один товар на другой, поскольку вся торговля в Египте была меновой, и в уплату давали только товары или произведенную продукцию.

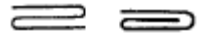
Нам, людям современного мира, кажется странным, что народ мог устраивать торговлю на рынках, продавать скот, давать ссуды под проценты, выплачивать жалованье и собирать налоги, не употребляя при этом денег. Но на самом деле это не так трудно, и мусульмане из негритянских стран Африки могут служить доказательством того, что сравнительно высокий уровень цивилизации может быть достигнут при меновой торговле.

Такая торговля никогда не остается долго чистым обменом; нужды торгового дела вскоре заставляют выделить какой-то товар в качестве условного стандарта, с помощью которого можно измерять и сравнивать стоимость различных предметов. Например, сейчас (конец XIX в. – *Ред.)* в Судане, если человек покупает порох, он, возможно, сможет заплатить за него торговцу домашними птицами, но, чтобы знать, сколько пороха должен дать один и сколько птиц отдать другой, оба подсчитывают рыночную цену своих товаров в единицах третьего товара, например в янтарных бусинах.

При уплате они могли не использовать вообще ни одной янтарной бусины или использовать их всего несколько, чтобы доплатить небольшую разницу в стоимости, но бусины стали на этом рынке условной мерой стоимости, при помощи которой можно было вычислять цены товаров. Мы видим, что в этом случае янтарные бусины действительно выполняли роль денег.

Такие меры стоимости до сих пор (конец XIX в. – *Ред.)* имеют широкое распространение в Африке, и купцы, которые ведут торговлю с ее внутренними областями, должны узнавать в точности, какие именно обычаи приняты на различных рынках и в различных городах. В одном месте могут пользоваться бусинами,

в другом брусками соли, в третьем железными лопатами, или стирийскими бритвами, или же *мериканис,* то есть имеющими определенный размер отрезами плохих американских хлопчатобумажных тканей.

В древней Африке условия торговли были очень похожи на эти. Но в эпоху Нового царства в качестве меры стоимости использовалась по меньшей мере одна монета – медная, весом в один утен, то есть 91 г. Эта медная монета представляла собой кусок проволоки, согнутый в виде спирали  , и ее вес был установлен настолько точно, что изображение такой проволоки в египетской письменности стало обозначать утен. Кстати, читатель может увидеть по списку товаров, приведенному выше, как эту медную меру веса использовали при расчете платежей. Здесь мы приведем еще один пример, который позволит нам увидеть, как выполнялись расчеты при покупке быка. В этом случае всего было нужно заплатить 119 утенов меди – 111 утенов за само животное, а остальное в качестве подарков и иных подобных затрат. Но из этих 119 утенов ни один не был на самом деле металлическим утеном, перешедшим из одних рук в другие. Посох (?), украшенный инкрустацией, был отдан вместо 25 утенов и другой посох с менее сложным узором – вместо 12 утенов; 11 кувшинов меда – вместо 11 утенов и т. д.[337] Мы замечаем, что некоторые (немногие) из этих предметов обмена встречаются во многих расчетах, например некоторые виды посохов и, если я не ошибаюсь, также некоторые сорта папируса. К сожалению, нам неизвестно значение большинства слов в этих многочисленных счетах, и потому мы должны отказаться от попытки решить интересную задачу – выяснить, как соотносились между собой цены на самые ходовые товары. Но все же я могу привести пример одного такого соотношения: в процитированном выше тексте сказано, что бык стоил 111 утенов, а вместе с дополнительными расходами – 119 утенов; а на глиняном черепке, хранящемся в Берлине[338], указано, что стоимость осла была 40 утенов. Следовательно, стоимости быка и осла соотносились как три к одному.

На примере важных договоров Хепдефая, которые у нас цитировались уже несколько раз, мы видим, что при этих примитивных способах оплаты можно было совершать сложные коммерческие сделки. Этот князь, который правил в номе Асьют в эпоху Среднего царства, желал, чтобы во все будущие времена жрецы его нома – разумеется, за соответствующее затратам вознаграждение – подносили небольшие дары его *ка.*

На сложных условиях он внес в их храм вклад, ежегодные доходы с которого должны были возмещать, по сути дела, малую

стоимость этих хлебов и фитилей. Среди вкладов, вносимых на церковные службы в Средние века и в наши дни, есть подобные примеры. Хепдефай использовал не совсем обычную процедуру. С одной стороны, он уступил часть своих полей, например, отдал один участок земли жрецу Анубиса за три фитиля в год. С другой стороны, он завещал часть своих доходов – первые плоды своего урожая или принадлежавшие ему и его наследникам ноги жертвенных быков. Но в первую очередь он предпочитал расплачиваться теми доходами, которые получал как член жреческой семьи из пожертвований, принесенных в храм Эпуат, – так называемыми «храмовыми днями». Однако эти ежедневные отчисления, состоявшие из различных видов продовольствия, не могли быть получены людьми, жившими далеко от храма; поэтому Хепдефай, если желал расплатиться ими с этими людьми, должен был воспользоваться системой обмена: например, он отдал 22 «храмовых дня» своим собратьям-жрецам за 2200 хлебов и 22 кувшина пива в год для тех людей, которым он действительно хотел заплатить. Таким образом он обменял храмовые доходы, неудобные как средство платежа, на хлеб и пиво, которые мог передать кому угодно.

Хотя внутренняя торговля в Египте явно никогда не была развита в больших размерах, торговля с другими странами, видимо, временами велась очень активно. Тем не менее Египту – насколько нам известно – всегда было нужно иметь особое политическое положение для того, чтобы какое-то время активно общаться с соседними странами, поскольку лишь такой толчок извне был способен преодолеть естественные препятствия (речные пороги, пустыни и морские течения), которые отделяют долину Нила от всех прочих стран. На нескольких следующих страницах мы опишем развитие этих мирных отношений Египта с соседними государствами и влияние этих государств на жителей нильской долины.

Наиболее доступная страна для тех, кто отправляется в путь из Египта, – Нубия. Но из-за своей неплодородной почвы эта страна лишь в поздние времена, под влиянием египетских властей, стала до некоторой степени цивилизованной. Северную часть Нубии населял народ с темно-коричневой кожей – предки нынешних нубийцев; однако египтяне объединяли их со всеми остальными южными варварами в категорию *нехес,* то есть «негры». Естественной политической границей между Египтом и Нубией был первый порог Нила. Расположенный в этом месте остров Элефантина стал местом для рынка, на котором нубийцы обменивали произведения своей страны и товары, полученные от племен, живших южнее, на египетские изделия. Туда

доставлялись для ввоза в Египет шкуры леопардов, обезьяны, но прежде всего – слоновая кость.

Даже названия двух мест на границе – Абу (Элефантина) и *Суенет* (Сиена, Асуан), которые означают *остров слоновой кости* и *торговля,* свидетельствуют о том, какую важную роль играла эта древняя торговля[339].

Нет сомнения в том, что Египет в какой-то степени господствовал над теми племенами, которые жили рядом с его границей. Уже при царе Пепи негритянские страны Эртет, Меда, Эмам, Вават, Каау (?) и Татеам были обязаны усиливать египетскую армию наемниками. При Меренре, преемнике Пепи, князья стран Эртет, Вават, Эмам и Меда привозили на Элефантину акации для постройки египетских судов. С другой стороны, в той самой надписи, которая рассказывает нам об этом, специально подчеркнуто как поистине необычный случай то, что большую экспедицию, посланную Меренрой к каменоломням Сиены (Асуана), сопровождал всего *один* военный корабль: египтяне явно не чувствовали себя в безопасности от нападений на границе[340]. Более того, Элефантина сама первоначально принадлежала нубийским князьям, хотя они уже в ранние времена были египетскими чиновниками и вассалами фараонов; в самой древней из их гробниц, которая относится, возможно, ко времени правления VI династии, показано, что тогдашний наместник Элефантины был темно-коричневым нубийцем, хотя его двор, похоже, состоял только из египтян.

Могущественные цари XII династии проникли дальше в глубь Нубии и полностью открыли северную часть этой страны для египетской цивилизации. Сенусерт I покорил юг до «краев земли»; несомненно, его главной целью было получить доступ к золотым рудникам Нубийской пустыни; и в его царствование мы впервые встречаем упоминание о «жалкой стране Куш», то есть южной части Нубии[341]. Тем не менее только самую северную часть завоеванных земель – страну Вават – он смог сохранить и колонизировать, или, как говорили египтяне, «снабдить *памятниками*»[342]. Его правнук Сенусерт III был первым, кто достиг большего – отодвинул свою «южную границу» до современной Семны (несколько дальше – выше современного Абри. – *Ред.),* и хвалился, что «продвинул свои границы дальше границ своих отцов и умножил то, что унаследовал»[343]. В восьмой год своего царствования этот царь установил там пограничный камень, «чтобы ни один негр не мог проникнуть дальше него ни по воде, ни по суше, ни с лодками, ни со стадами этого негра». Исключение составляли лишь те негры, которые ехали в качестве послов, и те, кто направлялся на рынок в Экене

(Экен, должно быть, – поселение на границе): их пропускали, но не на их лодках[344].

Пока царь таким образом организовывал мирные взаимоотношения на границе, его верховная власть над этой частью страны снова оказалась под угрозой.

Восемь лет спустя этот фараон был вынужден начать боевые действия, и торжественность, с которой он провозгласил свою победу на заново установленных пограничных камнях (донеся ее тем самым до потомков), в достаточной степени свидетельствует, что и сам он понимал: лишь теперь, одержав вторую победу, египетский царь действительно закрепил за собой завоеванные земли. В самых впечатляющих выражениях Сенусерт III призывает своих преемников не выпустить из рук добытые им на войне владения. Он говорит: «Тот из моих сыновей, кто сохранит этот пограничный камень, который установило мое величество, – поистине мой сын, и его дети будут моими детьми; он подобен тому сыну (то есть Гору), который защитил своего отца и сохранил границы своего родителя. Тот же, кто позволит уничтожить этот камень и не будет сражаться за него, – тот не мой сын, и его дети не имеют доли во мне. Колония, основанная Сенусертом III, на этой границе имела не только крепостные сооружения, но и храм, и признаком мудрости политики царя было то, что этот храм он посвятил в первую очередь нубийскому богу Дедуну и лишь во вторую очередь – египетскому богу Хнуму. В течение жизни нескольких следующих поколений новая египетская провинция оставалась нетронутой, и преемники завоевателя могли отмечать высоту воды в Ниле во время разлива на скалах Семны, которые были границей их нового царства (граница проходила южнее о. Сан. – *Ред.)*. Они даже проникли дальше на юг, и царь Себекхотеп из XIII династии воздвиг изображавшую его самого статую на острове Арго, находящемся более чем на 580 км к югу от Египта.

В беспокойные времена правления гиксосов Нубия явно была потеряна Египтом, так как похоже, что первые фараоны Нового царства были вынуждены сражаться вблизи от египетской границы. Однако Тутмос I распространил силу своего оружия так же далеко, как раньше царь Себекхотеп, а один из его ближайших преемников (Тутмос III. – *Ред.)* захватил Напату (нынешний Гебель-Баркал), который находится на расстоянии 860 км вверх по Нилу от Сиены (Асуана). С этого времени Нубия – Куш, как она называлась на египетском языке, – в течение 500 лет оставалась под египетским правлением, и хотя за это время в ней случались малые войны, это были просто стычки с бедуинами пустыни или сражения с пограничными племенами юга. Вся длинная долина

от Сиены (Асуана) до мест за Гебель-Баркалом (Напатой) оставалась неоспоримым владением фараонов. В то же время Нубия так никогда и не стала вполне частью Египетского царства: ею всегда управляли «вице-короли», носившие титул «царский сын Эфиопии» и «начальник южных стран» (или «стран золота»). Это нас мало удивляет и будет удивлять еще меньше, когда мы вспомним, что новые подданные фараонов, по сути дела, не имели собственной цивилизации.

Самые южные племена, покорение которых изображают сцены сражений, нарисованы эфиопскими художниками как варвары, очень похожие на обезьян, – почти голые и с длинными угловатыми руками и ногами. Северные племена вначале вряд ли находились на более высоком уровне, но они быстро приобрели внешние признаки цивилизации – во всяком случае, под египетским управлением. На рисунке времен правления Тутмоса III большинство негров, несущих дань, еще одеты в короткие юбки из шкур, и лишь двое надели египетские льняные юбки вроде тех, которые раньше носили в Египте крестьяне[345]. Через сто лет в этом отношении произошла полная перемена, что мы видим на рисунке, который оставил нам в наследство в своей гробнице Хуи, наместник Эфиопии при царе Тутанхамоне. Рисунок изображает торжественную церемонию, когда Хуи «явился из Эфиопии с этой прекрасной данью, избранными дарами всех южных стран» и вместе с несущими ее «великими людьми Эфиопии» преподнес ее царю. Там показано больше пятидесяти этих «великих людей Нубии» (как и их современные потомки, часть из них коричневые, а часть черные); только четверо носят старинную юбку своих предков, сделанную из шкуры, и даже они украсили ее передним полотнищем из белой ткани; все остальные одеты в египетскую одежду, причем самую модную. Многие из них даже отказались от старинной прически, в которой волосы поднимались над головой со всех сторон, как большая крыша, а также от страусовых перьев – своего национального головного убора. Нубийцы отрастили свои курчавые волосы и, насколько возможно, причесали их по египетской моде. Несколько человек также сняли тяжелые серьги и браслеты своего народа и заменили их египетскими украшениями. Если бы мы не видели по цвету кожи, курчавым волосам и негритянским чертам лиц этих «великих людей», к какому народу они принадлежат, мы почти могли бы принять их за высокопоставленных придворных фараона. Одна из нубийских дам даже едет на колеснице, изготовленной в точности по образцу египетско-сирийской *меркобт*; но – странно сказать – впрягла в нее вместо обычных коней карликовых быков.

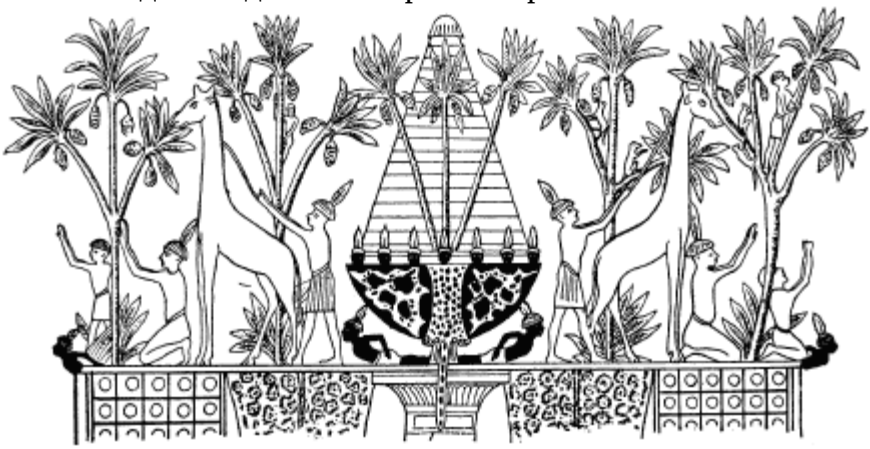
Пленники-негры с их женами и детьми. Их регистрирует писец. Фивы (согласно W., I. 272)

Среди даров, которые несут эти «великие люди», особенно интересны самые зрелищные. На нашей иллюстрации изображен показ таких даров; на ней показан стол, покрытый шкурами леопардов и тканями, а на столе воссоздан нубийский пейзаж. Высокие соломенные хижины конической формы, пальмы дум с играющими в их ветвях обезьянами, – все это воспроизводит зрелище, подобное которому до сих пор можно увидеть в верховьях Нила.

Изображенная деревня явно населена одним из «коричневых» (Нубия, получившая это название от поселившихся здесь только в III в. н. э. племен нубадов, в древности была заселена названными здесь «коричневыми» хамитами, со 2-го тысячелетия до н. э. на север активно мигрируют с юга негроидные племена. – *Ред.)* северных народов, поскольку эти коричневые люди изображены на коленях, приветствующими фараона, черные негры в жалком виде лежат на земле или поневоле позволяют украшать хижины своими головами.

Можно с полным правом усомниться, что эти привезенные из Нубии дары, которые выставлены здесь, были произведениями искусства самих нубийцев. И в самом деле, как здесь, так и в других случаях мы обнаруживаем, что южные племена обычно приносили в дар фараону природные богатства своей страны – к примеру, золото в виде колец, брусков и в мешках (золотой песок), драгоценные камни, слоновую кость, шкуры леопардов, перья и яйца страусов, живых обезьян, леопардов, жирафов, а также собак и скот. Самое большее, что мы можем считать изделиями собственных нубийских ремесел, это украшения в виде человеческих голов и рук, надетые на концы рогов, и, возможно, даже целый пейзаж на голове у одного из быков[346]. Остальные художественные изделия, которые несут негритянские князья под

присмотром Хуи, – золотые колесницы, красивые предметы мебели из черного дерева и великолепные металлические вазы – очевидно, были только сделаны из нубийских материалов. И действительно, в текстах редко упоминаются (если упоминаются вообще) ремесла этих племен[347], а вот сирийские изделия упоминаются часто: Египет эпохи Нового царства, очевидно, был просто наводнен изделиями сирийских ремесленников.



Демонстрация нубийской дани. Нижняя часть рисунка, где изображен стол, покрытый шкурами и т. д., здесь не показана (согласно L. D., iii. 118)

Однако нубийские варвары не ограничивались тем, что подражали своим египетским повелителям в одежде; они – что было важнее – заимствовали у них и религию, а возможно, также язык и письменность[348]. Когда Сенусерт III основал храм в своей пограничной крепости, он действительно имел мудрость сделать там главным божеством нубийского бога Дедуна, но установленные в храме обряды исполнялись чисто по-египетски, а варварский бог просто был принят в египетский пантеон. Правители из XVIII династии и в этом случае возобновили труд своих великих предков. В Кумме, напротив Семны, где Сенусерт III уже построил маленький храм в честь бога Хнума и себя самого, Тутмос I и Тутмос II расширили этот храм, а третий царь того же имени его достроил. Последний из этих правителей затем восстановил и храм в Семне и по предложению наместника Нубии возобновил ранее начатое Сенусертом III дарение этому храму, в его праздничные дни, зерна, тканей и скота. Севернее, в Амаде, он построил храм в честь Хармахиса, а наместник по имени Нехи приказал вырубить в скалах пещерный храм в честь тех Горов, которые были богами Северной Нубии.

Другие здания были возведены южнее – на острове Саи, в Гебель-Доше и других местах. Введенный Сенусертом III обычай

давать варварам самого фараона (т. е. себя) в качестве бога их страны позже был исполнен Аменхотепом III, который построил в Солебе храм себе самому и другой храм в Седэнге – во имя своей супруги. При XVTII династии великие египетские боги тоже получали в Нубии собственные святилища – например, в царствование Тутанхамона город Напата назывался в честь карнакского храма «Троном двух царств»[349]. Но первым, кто превратил этот труд в систему, стал Рамсес II. В Абу-Симбиле, Герф-Хуссейне, Эль-Себуа и Эд-Дирре он вырубил в скалах огромные пещерные храмы для Амона, Птаха и Ра – великих богов Фив, Мемфиса и Гелиополя. Эти святилища, первое из которых было в числе самых больших и величественных из всех, когда-либо созданных мастерами Египта, свидетельствуют о том, что в то время Нубия была в основном египетской провинцией и в этом качестве ее окончательно освятили, наделив ее подобиями главных религиозных городов Египта. И действительно, прошло еще несколько столетий, и *жалкая страна Куш* былых времен стала более египетской, чем сам Египет, и ее жители утверждали, что ее религия ближе к чистой старине, чем религия самого Египта, искаженная семитскими и ливийскими влияниями.

Чем дальше распространялось это египетское влияние, тем больше управление Нубией теряло свой особый характер, хотя она оставалась «вице-королевством», которое, как и раньше, находилось под управлением формально независимого[350] «царского сына Эфиопии»[351]. Мы получили возможность бросить взгляд на работу этой системы правления в разные времена, и кажется, что она каждый раз имеет другую форму. В конце правления XVIII династии наш старый знакомый Хуи был назначен царем Тутанхамоном на должность наместника Эфиопии[352]. Торжественная церемония этого назначения происходила в храме Амона в Фивах (сказано, что «Амон принял его»), и казначей вручил Хуи в качестве символа его сана «золотой перстень с печатью его должности». Власть наместника Эфиопии распространялась на земли от города Нехена (Иераконполь, или же Идфу) до города «Трон двух царств», или, как иначе описывали вторую границу, «до страны Кер», то есть от Эль-Каба до Напаты, что у горы Гебель-Баркал[353]. Когда же Хуи вернулся домой в свою провинцию, там его встретили все ее высшие чиновники, в частности «заместитель наместника Эфиопии» и «начальник быков» этой провинции, а также князья

обоих ее египетских поселений, называвшихся «Сияющее истиной» (Солеб) и «Огражденный двор богов», и, кроме того, «заместитель наместника» второго из поселений и два служащих

жреца оттуда же. Однако под началом этих египетских чинов продолжали править в качестве вассалов Египта – даже в Северной Нубии – мелкие туземные князья, хотя они, возможно, имели не больше власти, чем в XIX веке индийские махараджи под управлением англичан. Один из них, князь Меама, должно быть, считался имеющим особые заслуги, поскольку именовался «добрый правитель».

Через несколько поколений мы обнаруживаем «царского сына страны Куш», окруженного чиновниками совершенно иного рода – *писцами, писцами воинов, писцами житниц* и т. д.; речь идет уже не о колониях и *памятниках,* а о *городах,* и они подчинены «начальнику городов страны Куш». И (что, возможно, значит еще больше) Нубия имела свой собственный суд: например, ее наместник при Рамсесе II именует себя «начальником великого дома» (то есть суда) «в доме истины и верховным судьей Северной Нубии»[354].

Интересная гробница в Анибе, недалеко от Эд-Дирра, позволяет нам увидеть, в каком состоянии была Нубия в конце правления XX династии. Похороненный в ней чиновник по имени Пеннут был «заместителем наместника» города Меам. Его сыновья занимали должности в местном правительстве, а его дочери были *певицами* в храмах этого города. Сам он был заслуженным и верным властям чиновником; он привел в безопасное состояние золотоносные округа нубийских пустынь, «покорил негритянские народы страны Экайте и привел их как пленных к фараону». Более того, он приказал установить в своем округе статую царя в половину человеческого роста, изображавшую государя с древними знаками его власти – царским шлемом на голове и двумя скипетрами в руках. Кроме того, он преподнес в дар большие участки земли этой статуе и еще двум подобным ей статуям, принадлежавшим жрецу Аменемопету и заместителю наместника Мери, чтобы перед ними приносились жертвы до конца времен. За такой прекрасный поступок царь почтил Пеннута щедрым подарком – прислал ему две серебряные чаши для благовоний, наполненные дорогим благовонием «камей»[355]. Этот город Меам, где все было таким египетским, вероятнее всего (как полагал Бругш), был тот же самый город Меам, который за двести или триста лет до этого находился под управлением своего собственного нубийского *доброго князя.*

Мы видим, что в Нубии Египет поистине исполнил высокое предназначение – постепенно цивилизовал варварскую страну. Однако это была – насколько нам известно – единственная местность, где такая попытка египтян имела успех. Другие, менее

цивилизованные народности, с которыми сталкивались египтяне, либо были кочевыми племенами, либо жили так далеко от Египта, что было совершенно невозможно установить с ними по-настоящему близкие отношения. В особенности это касалось стран благовоний у Красного моря, к рассказу о которых мы сейчас переходим.

Эти две страны – *Божественная страна* и страна Пунт[356] – с давних времен считались у египтян родиной благовоний и других драгоценных вещей. Однако и первое, и второе название вряд ли можно связать с какой-то определенной страной. Это были обобщенные обозначения – такие, которые до сих пор создает коммерция, например слово *Левант* в наше время.

Название «Божественная страна» первоначально означало только Восток, где каждый день появлялся Бог, то есть Ра; вероятно, в разговорном языке это название применялось к гористой пустыне, расположенной между Нилом и Красным морем[357], Синайскому полуострову[358], а также, несомненно, к северной и центральной части Аравии. Название же Пунт явно обозначало более близкие к экватору земли на побережье Красного моря – юг Аравии и побережье Эритреи и Сомали.

Нет сомнений в том, что египтяне уже в очень ранние времена имели связи с Божественной страной; по сути дела, в ней находились каменоломни Хаммамата, и через нее шла дорога к Красному морю, а значит, к рудникам Синая[359] и в страны благовоний. Несомненно, со времен Снофру «казначеи бога» и подчиненные им чиновники[360] ездили по этой дороге, и вероятнее всего, это была примерно та же дорога, по которой и теперь ходят караваны нашего времени, – Косерская дорога (сейчас здесь функционирует дорога – от Кифта на Ниле до порта Эль-Кусейр на побережье Красного моря. – *Ред.)*. Похоже, что за прошедшие века немного сдвигались только ее начальная и конечная точки. И в ранние времена, и даже в греческий период путники отправлялись из Коптоса (Кифта), в Средние века – из соседнего с ним города Кус, а в наши дни (повторимся, в конце XIX в. – *Ред.)* местом выхода в путь для этих караванов стала Кена. Теперь они выходят к морю у бухты Эль-Кусейр, но в греческие времена конечной точкой путешествия была *белая гавань* (Левкос Лимен, там же), а в ранние эпохи (по меньшей мере какое-то время) этой точкой был Вади-Газуз, расположенный севернее Эль-Кусейра в местности под названием Сауу. Там египтяне построили крепость, чтобы защитить это важное место от варваров; они построили также маленький храм, где путешественники могли попросить защиты у могущественного бога Мина из Коптоса, покровителя пустынь Божественной

страны[361].

От времени правления XI династии до нас дошли два любопытных сообщения относительно событий, происходивших в Божественной стране. При том самом царе Ментухотепе, который выкопал колодец в Хаммамате, или, иными словами, «откопал воду в этих горах, которые до этого были непроезжими для людей», и таким образом «открыл эту дорогу для езды»[362], военачальник Сеанх приехал в Хаммамат и насадил в этом краю «все зеленые растения Верхнего Египта». Этот военный продолжает свой рассказ так: «Я превратил его долины в сады из трав, а его высоты в пруды с водой и заселил его детьми на всем его пространстве – на юг до страны Таау и на север до города Менат-Хуфу. Я отправился к морю, и охотился на людей, и охотился на скот, и я приехал в этот край с шестьюдесятью взрослыми людьми и семьюдесятью их молодыми детьми за один раз»[363]. Значит, чтобы обеспечить жителями новую путевую стоянку с колодцем, был устроен набег на несчастных горных бедуинов, которых греческие путешественники называли троглодитами.

Не менее интересна надпись, относящаяся к немного более позднему времени, которую велел вырезать в Хаммамате «главный казначей Хену, командующий в пустыне, вождь в горах, удовлетворяющий оба Египта, тот, кого сильно боятся и горячо любят». Вот что он рассказывает: «Его величество поручил мне отправить корабли в страну Пунт, чтобы забрать свежий ладан от ее князей, вождей этой красной страны[364], ибо страх перед ним преследует варваров. Смотрите, когда я вышел из города Коптос по дороге, которую указал мне его величество, я имел с собой войска из южных земель, которые расчищали дорогу передо мной, и покорил всех, кто был враждебно настроен по отношению к царю. Так я шел с армией из 3 тысяч человек». За солдатами следовали ремесленники различных профессий. Путь, по которому они двигались, проходил через различные неизвестные нам места. И все было организовано так хорошо, что Хену смог давать каждому из своих людей два кувшина воды и двадцать булок (хлебов) кажый день. Более того, он выкопал два глубоких колодца в стране Эдахет и третий в стране Эахетеб. Он также рассказывает: «Я достиг моря[365], и построил этот корабль, и полностью снарядил его, и приготовил ради него большое жертвоприношение – телят, быков и газелей. А когда я вернулся с моря и исполнил все, что его величество мне поручил, я привез ему все изделия, которые смог найти в Божественной Стране». Хену, не удовлетворенный тем, что сделал во время этого путешествия, на обратном пути проехал через каменоломни

Хаммамата и «привез каменные блоки для колоссов и статуи для храма. Ничего столь же важного не происходило при прежних царях, и подобного никогда не совершал ни один посланный в поездку царский родственник со времен бога. Я же, – продолжает Хену, – сделал это для его величества, моего повелителя, поскольку он очень сильно любит меня и дал мне первое место в своем дворце впереди всех великих людей этой страны. Я поистине его любимый слуга, который делает все, что он приказывает, день за днем».

Как мы видим, Хену сам не ездил в Пунт. Он со своими людьми совершил переход из Коптоса к Красному морю; там он снарядил корабль и, чтобы плавание корабля было удачным, принес жертвы богам. К сожалению, нам ничего не известно об этом путешествии, хотя уже одно то, что египтяне совершали путешествия в Пунт при XI династии, имеет важное значение. Если бы не эта надпись Хену и не надпись главного казначея Хентхетиера, который при Аменемхете II «счастливо возвратился из Пунта: его воины были с ним, здоровые и бодрые, и его корабли пристали к берегу в Сауу»[366], мы вообще могли бы сомневаться, что продукция стран благовоний попадала в долину Нила иначе чем посредством сухопутной торговли, например через Аравию. Товары, произведенные там, были, по сути дела, давно и хорошо знакомы египтянам: уже при Древнем царстве ладан и мирра были необходимыми принадлежностями всех египетских религиозных обрядов, и мы даже обнаруживаем уроженца стран благовоний, негра по имени Хертесе, среди слуг одного из сыновей царя Хуфу (Хеопса)[367]. Тем не менее через много столетий после этого египетский народ по-прежнему считал Пунт полумифической сказочной страной.

Этот взгляд на нее представляет определенный интерес в более широком смысле, поскольку подобные представления обнаруживаются во всех частях мира; везде простые люди думают, будто все далекие страны, откуда торговцы привозят ценные вещи, – это сказочные страны, населенные необыкновенными существами. Человеку низкой культуры трудно осознать, что эти странные редкостные пряности – плоды обычных растений, выращивать которые и собирать с них урожай так же трудно, как растить и собирать плоды его страны. Для понимания такого человека так же недоступно и то, что драгоценные камни, по сути дела, – то же, что камешки, которые он подбирает на своем поле. Если это верно, как же они могут быть такими редкими и ценными? Человек, с его склонностью любить все чудесное и неприязнью к здравому смыслу, позволяет своему воображению сплетать о дальних странах сказки, которые

очень похожи в фольклоре всех народов.

Золото в пустыне могут искать муравьи или грифоны, гигантские птицы могут собирать драгоценные камни в своих гнездах, которые они строят в неприступных горах, и даже слоновая кость никак не может быть получена от обычного слона – должно быть, это рога благородных единорогов. Пряности и ароматные жидкости, видимо, происходят с чудесных островов, лежащих далеко в океане, и там моряки иногда находят их лежащими на берегу под охраной только духов или змей. Воздух там такой тяжелый от их ароматов, что люди должны жечь асафетиду (пряность с острым вкусом и резким запахом, похожими на вкус и запах лука и чеснока. – *Пер.)* и козью шерсть, чтобы противостоять этому избытку приятных запахов[368].

Сказочная повесть в форме рассказа путешественника, записанная в эпоху Среднего царства на папирусе, который теперь хранится в Санкт-Петербурге, свидетельствует о том, что египтяне в течение долгого времени представляли себе подобным образом страны благовоний. «Я ехал на рудники фараона, – будто бы рассказывает некий казначей, – и я спустил на море корабль длиной 150 локтей (1 локоть – 46 см, царский локоть – 51 см. – *Ред.)* и шириной 40 локтей с командой из 150 самых лучших египетских моряков, которые знали небо и землю и чьи души были мудрее, чем у львов.

Они сказали, что ветер не будет плохим, что вообще может быть полное безветрие. Но когда мы были в море, на нем поднялись волны, а как только мы приблизились к земле, начался сильный ветер, и волны стали 8 локтей в высоту. Я один ухватился за обломок дерева; остальные, кто был на корабле, погибли все до единого. Волна выбросила меня на остров, но прежде я провел три дня один (в море), и моему сердцу тоже было одиноко. И теперь я лежал в лесной чаще, и у меня стало темно перед глазами (?). Наконец я пошел поискать еды для своего рта. Я нашел там инжер и виноград, всевозможные растения и плоды[369], разные виды дынь, рыбы и птиц. Все было в достатке. И я ел, пока не насытился; а то из взятого мной, чего оказалось для меня слишком много, я сложил для себя на земле. Затем я вырыл яму, зажег огонь и сжег жертву в честь богов.

Вдруг я услышал гром и подумал, что это грохот волны; деревья задрожали, и земля закачалась. Я поднял свое лицо вверх и увидел, что ко мне приближается змей, длина его была 30 локтей, а его борода имела длину больше 2 локтей. Его конечности были украшены золотом, а цвет его был как у настоящего лазурита. Он подкатился вперед и открыл свой рот; я пал перед ним на землю, и он сказал: «Кто привез тебя сюда?

Кто привез тебя сюда, малыш? Кто привез тебя сюда? Если ты не скажешь мне сейчас же, кто привез тебя сюда, я покажу тебе, кто ты такой!»…

Потом он взял меня в свой рот, поднес меня к своему логову и опустил вниз, не причинив мне никакого вреда. Я остался цел, и со мной ничего не случилось. Затем он открыл свой рот в мою сторону. Я пал перед ним на землю, и он сказал: «Кто привез тебя сюда? Кто привез тебя сюда, малыш? Кто привез тебя на этот остров, который находится в море и берег которого окружен волнами?» Тогда я ответил ему, кланяясь ему и держа свои руки вдоль боков: «Я по приказу фараона отправился морем в каменоломни на корабле 150 локтей длиной и 40 локтей шириной с командой из 150 лучших египетских моряков, которые знали небо и землю и чьи души были мудрее, чем у львов. Они могли поспорить друг с другом мудростью сердца и силой рук, а я поистине был равен им. Они сказали, что ветер не будет плохим и что может быть полная тишина, но, когда мы были в море, на нем поднялись волны, а как только мы приблизились к земле, начался сильный ветер и волны стали 8 локтей в высоту. Только я один ухватился за обломок дерева; остальные, кто был на корабле, погибли все до единого за эти три дня. И вот теперь я здесь, где ты живешь, потому что волна вынесла меня на этот остров».

Тогда он сказал мне: «Не бойся, не бойся, малыш, и пусть на твоем лице не будет тревоги, потому что, раз ты добрался до меня, значит, это бог сохранил тебе жизнь. Он привел тебя на этот остров духов, где ни в чем нет недостатка и который изобилует всеми хорошими вещами. Смотри: ты будешь жить месяц за месяцем, пока не проведешь на этом острове четыре месяца. Тогда придет корабль с моряками из твоей страны, и ты сможешь вернуться с ними в твою страну. Ты умрешь на своей родине. Беседа – это радость, она помогает нам провести грустное время; поэтому я расскажу тебе, что есть здесь, на этом острове. Я живу здесь со своими братьями и своими детьми, окруженный ими; нас семьдесят пять змей, считая детей и слуг, и еще одна девица…[370] Если ты силен и имеешь терпеливую душу, то ты прижмешь своих детей к сердцу и обнимешь свою жену; ты снова увидишь свой дом, а лучше этого нет ничего, и вернешься в свою страну, и будешь жить со своими друзьями.

Тогда я низко поклонился, пал перед ним на землю и заговорил: «Дам тебе такой ответ: я расскажу фараону о тебе, я опишу ему, как ты велик, и устрою, чтобы тебе привезли священное масло *аб,* и ладан, и кассию, и благовония, которые отбирают для использования в храмах и которыми чтят всех

богов. Потом я расскажу ему о том, что пережил, и тебе будет высказана благодарность перед всей страной. Я заколю ослов в дар тебе, я ощиплю для тебя гусей и устрою, чтобы к тебе были приведены корабли со всеми сокровищами Египта, как человеку следует сделать для бога, который благосклонен к человеческому роду в чужой стране, неизвестной людям».

Тогда он засмеялся моим словам из-за того, что думал о них, и сказал: «Ты, по сути дела, не богат миррой, потому что все это – только обычные благовония. Я же, князь страны Пунт, я владею миррой. Только масло *хекен,* которое ты устроил бы, чтобы мне прислали, редкость на этом острове. Но [не беспокойся о том, чтобы послать его мне], потому что, как только ты отъедешь отсюда, ты больше никогда не увидишь этот остров: он превратится в воду».

И смотри: когда пришел корабль, как он предсказал, я взобрался на высокое дерево, чтобы увидеть, кто находится на корабле. Потом я пошел к нему, чтобы сказать, но он уже знал об этом. Тогда он сказал мне: «Возвращайся домой с миром, малыш; желаю, чтобы ты смог снова увидеть своих детей и оставить после себя доброе имя в своем городе; вот мое желание для тебя».

Тогда я поклонился ему, держа свои руки вдоль боков, и он преподнес мне подарки – мирру, масло *хекен,* ладан и кассию, куски дерева *тешепес* и *шаас,* шкуры леопардов (?), дерево *мерери,* много обычных благовоний, бивни слонов, борзых собак, обезьян *гуф* и обезьян *киу* и всевозможные ценные вещи. Я устроил, чтобы все это было перенесено на борт прибывшего корабля, и поблагодарил правителя, пав перед ним на землю. Тогда он сказал мне: «Смотри: через два месяца ты прибудешь в свою страну, и прижмешь своих детей к сердцу, и [когда-нибудь] будешь покоиться в безопасности в своей гробнице».

Тогда я спустился на берег к кораблю и позвал моряков. И на корабле я поблагодарил правителя острова и всех, кто жил на острове. Когда, проведя в обратном пути два месяца, как он сказал, мы достигли резиденции фараона, мы направились во дворец. Я вошел к фараону и вручил ему подарки, которые я привез домой с этого острова. Тогда он поблагодарил меня перед лицом всей страны»[371].

Таким образом, даже для египтян эпохи Среднего царства страны благовоний еще казались сказочными царствами. Прошло еще несколько столетий, и этот романтический туман рассеется: даже простолюдины не могли больше верить, что страна Пунт – это остров, населенный змеями, после того как царица Хатшепсут приказала изобразить ее в своем большом храме – ее деревни, ее растения и ее животных.

Эти изображения из Дейр-эль-Бахри относятся к тому примечательному периоду времени, когда египтяне освободились от многолетнего чужеземного ига и начали чувствовать себя одной из могущественных стран мира. Как будто с их глаз упала повязка, до того скрывавшая мир. С оружием в руках фараоны прошли по пути завоеваний до далеких берегов Евфрата и Голубого Нила, и Египет стал центром Передней Азии и Восточной Африки. Тогда египтяне вспомнили также и о чудесных странах Красного моря, а могущественная царица Хатшепсут послала экспедицию для их исследования[372].

Как об этом сказано в официальном египетском стиле, «Амон Фиванский, владыка богов», внушил ей эту мысль потому, что очень любил эту правительницу – больше, чем любого другого царя, который когда-либо был в этой стране».

В одной из гаваней Красного моря стоит флот, который воины ее величества готовы повести в эту отдаленную страну; величественные весла имеют длину примерно 65 футов (около 20 м); им приданы тридцать гребцов и гигантские паруса, которые, словно крылья, выступают за оба борта кораблей. В гребной лодке на борт доставляют огромные кувшины с продовольствием, а на берегу, возле деревьев, к которым привязаны корабли, приносят жертву богине Хатхор, «госпоже Пунта», чтобы она «смогла послать ветер». Затем поднимают паруса, моряки забираются на корабельные мостики, чтобы закрепить последние канаты, гребцы опускают свои длинные весла в воду, и из деревянных кабинок на носах кораблей, где стоят два капитана, раздается команда «Лево на борт!». Суда начинают двигаться, и вот «царские воины плывут по морю, они начинают свое прекрасное путешествие в Божественную страну и счастливо плывут в Пунт».

Мы не знаем, как долго продолжалось это путешествие. Если судить по тому, сколько времени занимают у теперешних (конца XIX в. – *Ред.)* арабов их плавания по Красному морю, то можно предположить, что флот провел в море месяц, прежде чем его моряки увидели берега чудесной страны, которую они искали.

Вид Пунта, покрытого пышной тропической растительностью, не мог не произвести сильного впечатления на обитателей долины Нила, но местных жителей они, похоже, посчитали варварами самого низшего сорта. Поблизости от берега стоят, укрывшись среди огромных деревьев и странных гигантских растений, жалкие маленькие деревушки, состоящие из маленьких хижин полуконической формы, поднятых на сваи для защиты от врагов и диких зверей, так что лестница – единственный путь к дыре, которая служит входом. Между этими домами лежат

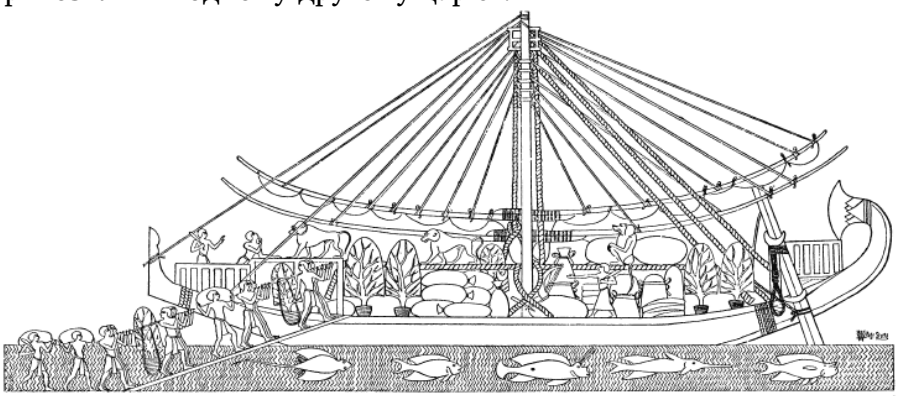
маленькие коровы с короткими рогами и ослы, которых жители Пунта используют как вьючных и верховых животных. Одежда туземцев тоже не свидетельствует о высоком уровне цивилизации, поскольку даже во времена царицы Хатшепсут жители Пунта продолжали носить ту же юбку, заплетать свои волосы в ту же косичку и носить ту же остроконечную бороду, что носили в странах благовоний в древние времена царя Хуфу (Хеопса). То есть прошло больше тысячи лет, а в одежде жителей Пунта не произошло существенных изменений – такое отсутствие эволюции возможно лишь у примитивных народов. Жители деревни идут в позах просителей навстречу сходящим на берег египтянам; те смотрят на них без особого уважения и особенно смеются над женой вождя. Эта госпожа действительно имеет далеко не изящную фигуру, потому что страдает ожирением из-за болезни, которая до сих пор часто встречается у женщин во внутренних областях Африки. Форма ее ног, груди и прежде всего спины способна вызвать отвращение, а ее одежда – жалкая короткая кофта желтого цвета и толстое ожерелье – не помогает ей выглядеть привлекательней. Эта *княгиня* так толста, что не может ходить, и поэтому художник, который явно с удовольствием увековечивал ее на стенах храма в Дейр-эль-Бахри, не забыл изобразить за ее мужем осла под седлом, «осла, который возит его жену».

Египтяне получают от этих варваров «сокровища страны Пунт»: туземцы складывают в кучу благовония перед «царским послом» и его воинами, а также приводят обезьян и пантер. Египтяне тоже поставили на берегу стол, на котором разложены вещи, способные порадовать сердце жителя Пунта, – кинжалы, боевые топоры и яркие ожерелья. После того как совершен обмен, которым довольны обе стороны, «великих людей этой страны» ведут в «шатер царского посла и посол, согласно указанию царского двора, преподносит им хлеб, мясо, вино, плоды и все хорошие вещи Египта».

Таким образом, мы имеем здесь истинный пример такой меновой торговли, которая до сих пор (XIX в. – *Ред.)* происходит между неграми и европейцами, но в официальном отчете египтяне этого не признают. Как может покупать что-то у варварского народа фараон – тот (или та)[373], «кому все страны приносят свои дары», чтобы он по своей милости «мог позволить им вдыхать дыхание жизни»? Поэтому на официальном языке египтян благовония, приобретенные путем торговли, названы «данью князей Пунта», а оружие, которым египтяне заплатили за них, именуется жертвоприношением, которое положено там для богини Хатхор (Хатор), госпожи Пунта.

К счастью, эта официальная точка зрения существовала лишь в теории. На деле же торговля идет бойко. По доскам, ведущим на корабли, без остановки ходят вперед и назад носильщики, и вот корабли «очень высоко нагружены сокровищами страны Пунт и всеми прекрасными растениями Божественной страны – грудами благовоний, огромными мирровыми деревьями, черным деревом, чистой слоновой костью, белым золотом из страны Аму, ароматными видами древесины, всевозможными благовониями и красками для глаз, бабуинами, обезьянами и борзыми собаками, шкурами южных леопардов; рабами и их детьми; никогда ничего подобного не привозили ни одному царю с начала времен».

Начальник заботится о том, чтобы все эти разнообразные грузы были аккуратно сложены на кораблях, где их штабеля поднимаются почти до высоты нижнего мостика. Однако обезьянам позволяют свободно бегать по кораблю; во время обратного пути они с удовольствием взбираются на крепкий парус, который протянут над кораблем; но похоже, что одна из них предпочитает сидеть на корточках рядом с капитаном и с забавной серьезностью повторяет командные жесты его милости, несомненно каждый раз заново восхищая этим моряков. Когда «воины господина двух стран мирно прибыли домой и радостно добрались до Фив», их прибытие туда было обставлено поистине как триумфальное шествие. С зелеными ветвями в руках они вошли в этот город в праздничной процессии и преподнесли своей правительнице дары, «подобных которым до этого не привозили ни одному другому царю».



Один из рисунков, изображающих экспедицию царицы Хатшепсут. Загрузка корабля (согласно Düm. Flotte, pi. 2)

И в самом деле, среди них есть «два живых леопарда, которые должны ходить следом за ее величеством», и, что вызывает еще большее изумление, «тридцать одно живое ладанное дерево, которые были привезены в числе сокровищ Пунта для величия

этого бога, Амона-Ра. Никто еще не видел подобного с тех пор, как был сотворен мир». Более того, похоже, что в первую очередь именно этот успех царицы Хатшепсут вызвал восхищение и желание подражать, потому что Тутмос III тоже получил от жителей Пунта живое ладанное дерево[374]; и, когда через три столетия после этого царь Рамсес III послал свои большие корабли посетить страны «великого моря обратной воды»[375], то есть Южную Аравию, эти деревья снова считались очень важной частью военной добычи[376], которую эта экспедиция привезла из Божественной страны и из Пунта[377].

Похоже, что торговля Египта со странами благовоний почти не оставила долговременных следов ни с одной ни с другой стороны. Несколько варварских названий различных сортов благовоний вошли в египетский язык, и, вероятно, бог Бес – странная фигура, которая начиная со времен Нового царства почиталась в Египте как дух-хранитель, – попал в Египет благодаря этой торговле. В любом случае влияние стран Красного моря на Египет было совершенно незначительным по сравнению с влиянием Палестины и Сирии.

Следы связей с этими странами, северными соседями, можно обнаружить уже в эпоху Древнего царства: как мы уже видели в девятой главе, уже в эту раннюю эпоху был в употреблении один вид хлеба, заимствованный у семитских народов. Повесть о Синухете, в которой так точно описана жизнь бедуинов, заставляет предположить, что в период правления XII династии существовало активное общение между Египтом и Палестиной. Из этой повести мы узнаем, что египетские послы по пути к местам своего назначения часто проезжали через страну Тену и что у князей этой страны обычно жили египтяне – несомненно, из-за торговых дел. Нам, по сути дела, сказано, что египетские *оружейники* ездили со своим товаром в чужие страны[378]; на стелах эпохи Среднего царства часто бывают изображены семитские девушки в качестве любимых рабынь, а это свидетельствует, что по меньшей мере один товар семитского происхождения высоко ценился в Египте[379].

Однако по-настоящему северные страны открылись для египтян только в эпоху Нового царства – благодаря завоевательным походам великих царей XVIII династии. По монументам и сочинениям этой эпохи мы получаем представление о Передней Азии, которое во многих подробностях может действительно быть неполным и неясным, но которое ценно для истории.

Страна Хару, которая лежала между пограничным египетским городом Тару и городом Эупа, делилась на несколько округов. Ее

южная часть, «верхняя Ретену», вероятно соответствовавшая нашей Палестине, делилась на два округа, из которых южный назывался Кенана (Ханаан), а северный – Эмур (страна аморитов). Под «нижней Ретену» подразумевалась равнинная низменная часть Сирии. Финикия носила имя Кефт, а ее жители назывались *фенех*. Все эти земли делились на маленькие слабые города-государства, которые не имели особого политического значения для Египта. Но в Северной Сирии фараонам по меньшей мере в течение какого-то времени противостояли сильные государства, прежде всего Хеттское царство, о котором мы уже говорили ранее, а также Кеде и др. На северо-востоке, где египтяне столкнулись с цивилизацией Месопотамии, обычно самой далекой точкой для них было государство Нахарина на Евфрате. Правда, египтяне торговали и с более далеким Сангаром, то есть гористым краем между Евфратом и Тигром, где теперь есть невысокие горы Синджар. Но с самой Ассирией фараоны, видимо, долго не вступали в контакт, и похоже, что Вавилон также был им почти неизвестен. Даже Евфрат египтяне не знали под каким-либо постоянным именем, а называли его «вода Нахарины» или, пораженные направлением, в котором он тек, – обитателям долины Нила оно, конечно, казалось совершенно неестественным, – говорили о нем как об «обратной воде, по которой, чтобы двигаться на север, надо плыть вверх по течению»[380]. Дошедшие до нас названия мест, относящиеся к этой части мира и особенно к ее южной половине, насчитываются сотнями. Для большинства из них мы совершенно не в состоянии определить, к чему они относятся (к нашему времени ситуция резко изменилась в лучшую сторону. – *Ред.),* но, к счастью, мы можем различить среди них имена знаменитых городов Сирии. Так, мы читаем о Дамаске и Бейруте, о Библе и о Тире, «городе в море, куда воду привозят на корабле»; соседние города Газа и Иоппия (совр. Яффа) тоже часто упоминаются египтянами.

Было бы очень интересно узнать, доходили или нет связи египтян с другими странами дальше на запад, прежде всего до греческих островов, и всегда ли корабли, которые Рамсес II и Рамсес III посылали в море, чтобы «привезти дары от стран», плавали только вдоль берега Сирии. Мы почти можем предположить, что дело обстояло именно так, поскольку о западных странах египтяне всегда говорили в обобщенных выражениях, например, «острова моря» и т. д. Только Кипр, расположенный близко от мест, которые были хорошо известны египтянам, имел у них собственное имя.

В следующей главе мы рассмотрим политические и военные отношения Египта с этими северными странами, но здесь мы

должны лишь описать влияние коммерческих отношений на обе стороны.

При Новом царстве началась оживленная торговля[381], и возле старой границы Египта было такое большое движение туда и обратно, что оно, по меньшей мере в течение какого-то времени, нарушало равновесие в стране[382]. В отношении цивилизации восточная часть дельты тогда, как и теперь, заметно отставала от остальной страны. Тем не менее в те дни эта часть Египта выступила на передний план политической жизни: там возникли новые города, и на какое-то время даже правительство переехало туда из великого города Фивы.

В этот период количество сирийских изделий, ввозившихся в Египет, было огромным. Если бы мы судили об этом импорте только по рисункам из египетских гробниц[383], то получили бы о нем совершенно ложное представление: то, что там изображено, кажется, подразумевает, что египтяне не нуждались ни в каких *произведениях* этих северных стран, кроме тех, которые постоянно появляются на рисунках – великолепных золотых и серебряных сосудов, драгоценных камней, лошадей и малого числа редких животных, например медведей и слонов. Но к счастью, мы знаем истинное положение дел из литературы времен XIX и XX династий[384], а когда мы начинаем изучать эту литературу, мы почти готовы считать, что цивилизация Ретену достигла очень высокого уровня, раз она добилась такого преимущества, несмотря на высокое развитие ремесел в Египте. Среди ввозимых товаров были такие:

корабли *таруте;*

повозки: *меркобт* с многочисленными приспособлениями для них и *аголт;*

оружие: мечи *хурпу,* копья (?) *мерху,* колчаны *эспате;*

жезлы: *шабуд* и *пуга;*

музыкальные инструменты: лиры *кененеуру,* флейты *уада* и *уар;*

сосуды и т. д.: *мендекете* для пива, *йенра* из серебра, мешки (?) *техбусате;*

жидкости: напитки *хеуауа, йенбу, кадауар,* а также *некфетер* из Сангара, пиво из Кеде, вино из Хару и «много растительного масла из гавани»;

хлеб, например, *туруте;* другие виды хлеба – камху, *эбашту и кераштy;* хлеб *арупуса* и «различные сирийские виды хлеба»;

благовония; *кадаруте;*

рыба: *эбари* и *хауана;*

скот: кони из Сангара, коровы из Эрсы, быки *(эбари)* из страны хеттов и т. д.[385]

То, что по своей природе не могло быть привезено в Египет, – здания и т. д. – копировалось: возводились замки типа *мектер,* стены храмов имели *арте* и *такар* – вероятно, это означало «бойницы» и «ниши». Египтяне говорили о постройках, называвшихся *менате,* запирали узников в *шаар* и т. д.

Мы уже видели, что вместе с товарами, произведенными в северных странах, в Египет попадали их иностранные имена; и, как бывает во всех случаях, когда более молодая цивилизация берет верх над более старой, из семитских языков было без какой-либо разумной причины заимствовано еще много других слов. Писец назывался *тупар,* дом – *бпайте,* бассейн – *баркате,* море – *йум,* а река – *нехер;* «говорить» переводили словом *анне* (арабское *ранма),* «избегать» – словом *сауабаба,* «отдыхать» – словом *шарам,* а «продовольствие» – словом *шармате,* а это показывает, что в то время египетский язык был сильно укреплен семитскими словами, как тысячу лет спустя – греческими. С другой стороны, мы не можем отрицать, что в те давние времена этими иностранными словами щеголяли в своей речи в основном люди из образованных слоев общества: стихи и письма писцов переполнены иностранными словами, но в фольклоре они встречаются редко; да и в коптском языке, произошедшем от языка низших классов, такие слова представлены в сравнительно малом количестве.

Влияние, которое египетская цивилизация при Новом царстве испытывала со стороны цивилизаций этих северных народов, хорошо заметно и в том, как египтяне делали заимствования в области религии: они включили в свой официальный религиозный культ сирийских божеств – Баала (Ваала), Астарту, Анат.

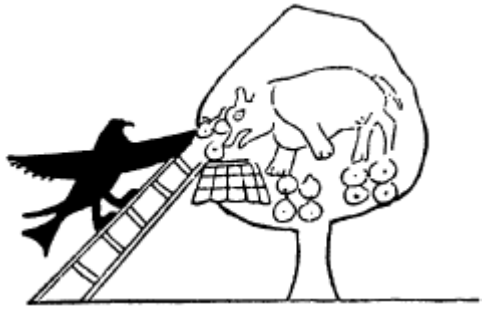
«Семитизация», если можно так выразиться, египетского царства вряд ли зашла бы так далеко, если бы после конца правления XVIII династии в Египте не поселилось много северных варваров. Правда, их появление в Египте началось прежде всего с привода рабов, частично захваченных во время военных походов фараонов, частично приобретенных благодаря торговле. Рабы из Хару, Ханаана, Карки и других мест часто упоминаются в эпоху Нового царства, и, как мы уже видели в VI главе, многие из этих рабов достигли весьма почетного положения. Разумеется, в таких случаях они предпочитали сделаться египтянами и превращались в египтян так успешно, что, видимо, уже во втором поколении все следы чужеземного происхождения часто исчезали.

Сириец в костюме конца правления VIII династии. В окраске слоев одежды чередуются синий и красный цвета, то же и в вышивке, а рукава желтые (согласно L. D., iii. 116)

Кто бы, например, мог предположить, что Мери-Ра («любимый Ра»), оруженосец Тутмоса III, и его брат, жрец Усер-Мин («Мин силен»), были сыновьями варвара, судьи Па-Эмеру (аморита), и его жены Каруны?[386] Более того, эти два сирийца были воспитаны при дворе этого царя, поскольку Мери-Ра рассказывает, что был «в почете» уже «с самого рождения».

С другой стороны, мы не можем не заметить, что народ фараонов, несмотря на все это, считал себя несколько выше своих северных соседей: например, мы обнаруживаем, что в своем искусстве египтяне всегда изображали варваров в полукомическом виде. В манере, в которой египтяне изображают сирийцев, несущих дань, заметны черты карикатуры: короткие пухлые фигуры, крючковатые носы и остроконечные бороды[387]; одежда сирийцев показана тоже с таким расчетом, чтобы она сильно контрастировала с просторными белыми одеждами египтян. Узкие, богато украшенные вышивкой пурпурные одежды, в которых чередуются синие и красные слои, желтые нижние одежды с узкими рукавами и узкие штаны явно не восхищали взгляд египтянина[388]. С другой стороны, египтяне явно почти любовались хеттами (хетты, первоначально назывались «несийцы», выходцы из степей и лесостепей Восточной Европы, откуда около 2300–2200 гг. до н. э. пришли в Малую Азию, основав здесь в XVIII в. до н. э. мощное царство; арийский народ,

родственный италикам, славянам, кельтам и др. Хеттское царство, в XVI–XIII вв. до н. э. доминировавшее в Передней Азии, в XII в. до н. э. распалось под ударами «народов моря» и новой волны арийских переселенцев с Балкан (таких, как фригийцы). Раскопки, показавшие наяву величие Хеттского царства, прежде всего раскопки столицы хеттов Хаттусаса, происходили в конце XIX–XX вв., поэтому автор книги еще многого не знал. – *Ред.)* и другими народами, похожими на них самих, – теми, кто носил длинные одежды без украшений и имел безбородые лица[389].



Бегемот сидит на дереве, на которое поднимается по лестнице птица (согласно Leps., Ausw. 23)

Если на какое-то время древняя цивилизация Египта оказалась в определенной культурной зависимости у сирийской цивилизации, мы чувствуем желание спросить, было ли это влияние взаимным и в какой степени. На этот вопрос можно будет с уверенностью ответить лишь после того, как сирийские памятники будут исследованы подробнее, чем они исследованы сейчас. Однако похоже, что многие факты убедительно свидетельствуют о том, что сирийцы получили почти так же много, как дали, и что их нравы и обычаи испытали сильное влияние Египта[390]. Мы можем ожидать, что обнаружим следы этого влияния прежде всего в Палестине, где долгое время власть фараонов была неоспоримой и существовали египетские города с египетскими храмами[391].

Что касается языка, мы обнаруживаем употребление египетских слов – например, слов *ящик, лилия, мера, жалкий* и т. д.; и эти примеры заимствования слов доказывают, что египтяне все же в какой-то степени господствовали по крайней мере над теми странами, которые были их ближайшими соседями.

Глава XI
ВОЙНЫ

Страбон (I в. до н. э. – I в. н. э.) пишет, что Египет с начала времен был, как правило, мирным, поскольку эта страна не только самодостаточна, но еще и труднодоступна для чужеземцев. С севера она ограничена лишенным гаваней берегом Египетского (Средиземного) моря, с востока и запада – Ливийской пустыней и Аравийскими горами. Кроме того, с оставшейся, южной, стороны ее рубежи населяют троглодиты, блеммии, нубийцы и мегабары (то есть эфиопы, живущие выше Сиены); эти кочевые племена не многочисленны и не воинственны, какими считали их прежние писатели, думавшие так о них потому, что племена эти часто устраивали засады и грабили неосторожных людей. И наконец, эфиопы, живущие южнее до города Мероэ, и не многочисленны, и не едины; они населяют длинную и узкую извилистую долину реки, где существует мало возможностей для войны и имеются лишь скудные средства для существования. О том, что это положение вещей сохраняется и теперь, свидетельствует то, что римляне охраняют [там] страну силами всего трех когорт, и эти когорты даже не имеют полного числа солдат, и все же эфиопы, когда осмеливаются напасть на них, [только] подвергают опасности свою собственную страну. Остальные войска, размещенные в Египте, не имеют, если говорить сравнительно, даже таких сил, однако римляне ни разу не были вынуждены объединять имеющиеся в Египте силы, поскольку ни египтяне, хотя они и очень многочисленны, ни народы, живущие вокруг них, не воинственны.

Царь мышей, стоящий на боевой колеснице, которую везут собаки, осаждает крепость кошек. Пародия на египетские изображения битв (из Туринского сатирического папируса, согласно реставрации Лепсиуса, Auswahl. Pl. 23)

Это краткое описание военного положения Египта, которое

Страбон составил на основе своих собственных наблюдений в греко-римскую эпоху, совершенно верно для средневекового и современного Египта: действительно, едва ли можно назвать какой-либо другой народ, который был бы таким невоинственным, как феллахи. Во время восстания они могут на короткий срок одержать победу, но при первом же серьезном отпоре покоряются самым жалким образом. В больших войнах они полностью проявляют лишь *одно* качество – умение быстро убегать. Всегда и везде, если армия египетского правительства имела какой-либо успех в войне, эта армия в значительной степени состояла из иностранных наемников. В Средние века войны Египта вели курды и турки; Мухаммед-Али (правил в 1805–1849 гг.) и его преемники обязаны своими победами арабским войскам, а в последней войне против Англии те, кто героически противостоял англичанам у Эт-Телль-эль-Кебира, на полпути между Каиром и Исмаилией (сентябрь 1882 г.), были бедуинами, полки же, состоявшие из феллахов, бежали, и это бегство было самым позорным зрелищем во всей современной истории.

Насколько нам известно, египтяне древних времен были героями не больше, чем их современные потомки, и это нисколько не удивляет, потому что природные условия, эффективно препятствовавшие усилению в этом народе воинского духа, одинаковы для любой эпохи. Древний Египет, как и сейчас, был окружен пустынями, а его рубежам угрожали только жалкие негры и кочевые племена, часто упоминаемые *девять луков*. Эти племена из пустыни, чьи нападения тогда, как и сейчас, представляли собой угон скота и грабеж караванов, были традиционными врагами Египта, и то, что его цари именовали себя «победителями девяти луков», ясно показывает, как мало серьзного сопротивления встречали египтяне на своем пути. Войны с этими бедуинами не могли сделать египетский народ могучим на войне; о гражданских войнах можно сказать то же самое. По сути дела, в странах вокруг Египта не было ничего, что могло бы побудить его народ к их завоеванию, поскольку ни пустыни Нубии, ни засушливая земля Палестины не могли казаться очень привлекательными для тех, кто называл своей плодородную землю долины Нила.

Вот почему ни война, ни воины не играли в Древнем Египте той роли, которая была характерна для них в истории других древних народов. Только однажды – в эпоху Нового царства – Египет стал по-настоящему военной державой, но этот внезапный порыв воинственности был очень коротким по времени и имел характерное для таких случаев завершение: наемники-варвары

стали хозяевами страны.

В таких обстоятельствах нас не может удивить то, что в ранние эпохи мы не обнаруживаем в Египте единой армии всей страны. При Древнем царстве каждый ном имел свой собственный арсенал, называвшийся «дом боя»[392], и собственное военное ополчение, которым командовал номарх. К этому мы должны добавить войска, поставляемые владениями крупных храмов[393], солдат казначейства, наемные войска дружественных вождей Северной Нубии и другие отряды, которые в сумме, конечно, составляли большое по численности войско, но вряд ли могли считаться единой армией. Этот недостаток хорошо заметен в единственном описании большой войны, которое дошло до нас от эпохи Древнего царства. При царе Пепи I «азиаты, живущие на песке», то есть, вероятно, бедуины с юга Палестины, устроили один из своих обычных грабительских набегов на дельту, имея цель поселиться со своими стадами на прекрасных плодородных землях этого округа, что часто удавалось ливийским и семитским кочевникам в более поздние времена. В этом случае их было слишком много, чтобы их можно было прогнать обычными способами.

Поэтому Пепи решил созвать все военные силы, которые находились под его командованием. Организацию этой армии и управление ею он поручил не номарху и не казначею, хотя раньше эти чиновники всегда именовались «начальниками воинов», а выбрал для этого Уну, своего любимого верховного судью, который пользовался особым доверием фараона. Очевидно, номархи и казначеи, несмотря на то что носили военное звание, не имели подлинного опыта настоящей войны. Возможно, они водили войска против какого-нибудь восставшего племени в Нубии или против разбойников-троглодитов из Аравийской пустыни, но такое крупномасштабное предприятие было им не по силам, и энергичный доверенный человек, такой, как Уна, больше подходил для этой работы. Уна полностью оправдал доверие своего повелителя, как видно из отчета, который он сам оставил в своей гробнице[394].

«Его величество вел войну против азиатских бедуинов и собрал большую армию числом во много десятков тысяч людей со всего юга, из Элефантины и мест выше нее и с расположенного севернее места раздвоения Нила, из северной страны, из поместий храмов (?), из крепости (?) и из внутренней части крепостей (?), из негритянских стран Эртет, Меда, Эмам, Вават, Каау и Татеам. Его величество послал меня во главе этой армии. Там стояли князья, там стояли главные казначеи, там стояли ближайшие друзья царя, там стояли наместники и правители

городов юга и севера, друзья и начальники золота, начальники пророков юга и северной страны, городов и округов, которыми они управляли, и негров этих стран. Но именно я повел их, хотя тогда мое звание было только «начальник сада (?) фараона»[395].

Когда все эти маленькие отряды были объединены в одну армию, возникла новая трудность – как прокормить все эти «десятки тысяч». Этот вопрос был решен очень легко: «каждый нес с собой столько же, сколько другой, некоторые из них крали тесто и сандалии у спутников в ходе похода, некоторые забирали хлеб из каждой деревни, некоторые забирали у всех коз». К сожалению, мы не можем понять, что Уна думал о таких поступках; вероятно, они радовали его сердце. После того как он привел армию на *северный остров,* к *воротам Ихотепа* и еще раз устроил ей смотр на этом месте, он начал войну, которую Уна поэтически описывает так:

> Эта армия воевала счастливо и разрезала на куски страну варваров,
> Эта армия воевала счастливо и уничтожала страну бедуинов,
> Эта армия воевала счастливо и разрушала их замки,
> Эта армия воевала счастливо и вырубала их смоковницы и виноградники,
> Эта армия воевала счастливо и убивала там войска, даже многие десятки тысяч,
> Эта армия воевала счастливо и привела огромное количество пленных, даже великое множество.

Так завершилась эта великая война; но беспорядки среди бедуинов начинались еще четыре раза, и каждый раз Уну снова посылали «пройти через эту страну с этими войсками». Вспыхнула война также и «на севере страны бедуинов», куда Уна «отправился с этими войсками на кораблях»; в этой войне он тоже «разбил их всех и убил их».

Ясно, что распад египетского государства, произошедший в конце эпохи Древнего царства, не мог привести к формированию национальной армии. При XII династии так же, как и в более ранние времена, каждый номарх имел собственную маленькую армию, которой в качестве его заместителя командовал «начальник воинов». По сути дела для этих войск редко находилось важное дело, и потому в мирное время этот чиновник помогал начальнику полей[396], а большинство воинов, вероятно, призывались на службу только в случае необходимости. Нет сомнения, что они совершенно не хотели служить, и, когда в номе

появлялся «писец воинов», чтобы «отобрать лучших юношей»[397], горе народа, вероятно, было таким же огромным, как в более поздние времена, когда созывали мужчин на барщину. На деле служба, которую требовало правительство от этих воинов, обычно оказывалась не слишком воинской; часто это могло быть сопровождение участников путешествия к рудникам и каменоломням пустыни[398]. И даже в таких походах воины, очевидно, часто использовались как рабочие – перетаскивали каменные блоки; разумеется, их труд обходился государству очень дешево. Вот всего один пример: как иначе мы можем объяснить, что чиновник, отвечавший за рудники Хаммамата, имел при себе, кроме каменщиков, 2 тысячи воинов?[399] Не может быть, чтобы их было нужно так много, чтобы защищать от бедуинов 80 рабочих. Конечно, иногда войска номов должны были действительно воевать; например, когда часто упоминаемый Амени, номарх в Бени-Хасане при Сенусерте I, сопровождал этого царя в Куш, он «следовал за своим повелителем, когда тот ехал вверх по течению, чтобы сокрушить своих врагов среди чужеземных народов; он ехал поистине как сын князя, верховный казначей, начальник воинов нома Газели, замещая своего престарелого отца. Когда его величество мирно вернулся домой после того, как покорил своих врагов в жалкой стране Эфиопии, он тоже следовал за ним и проявил большую заботу о том, чтобы никто из его воинов не погиб».

Для этого отчета о войне характерно, что Амени не сообщает ни об одной одержанной победе, а только о *собранной дани,* то есть об увезенной военной добыче. Эти войны были, по сути дела, просто грабительскими походами.

Даже великая победа Сенусерта III, которую он одержал над нубийцами на восемьдесят или девяносто лет позже и увековечил на памятнике в Семне, была не крупнее предыдущих, поскольку этот царь сам описывает ее так: «Я увел их женщин и захватил в плен их мужчин, поскольку я (?) подошел к их колодцу; я заколол их быков, срезал их посевы зерна и поджег его». И все же этот набег считался таким великим делом, что царь посчитал нужным поклясться своими отцами, что он говорит правду, а не преувеличивает.

Воины эпохи Среднего царства исполняют свои воинские танцы (Бени-Хасан, согласно Ros. M. C., 117)

Войны такого рода, разумеется, не были рассчитаны на то, чтобы увеличить мужество воинов, в особенности если в мирные промежутки времени этих людей использовали для ручного труда. Похоже, что цари XII династии, понимая, что их войскам не хватает эффективности в действиях, создали для себя постоянный отряд телохранителей, который использовали главным образом для покорения и обороны Нубии. Это и были те «слуги государя», которые часто упоминаются в это время и явно были элитной воинской частью.

Мы мало знаем о вооружении воинов эпохи Среднего царства. Рядовые воины того времени, как и воины Древнего царства, были вооружены большим луком; как отличительный знак они обычно носили на голове одно или несколько страусовых перьев, которые, по представлениям египтян, означали победу. Вокруг верхней части тела они носили узкую повязку[400]. Другие отряды войска были вооружены большим (в половину роста человека) щитом и копьем или маленьким щитом и боевым топором. Щиты были обиты шкурами. Были и такие воины, кто не имел при себе щита, но был вооружен большим топором и копьем, а иногда – только пращой.

Обращает на себя внимание то, что во времена Среднего царства египтяне прилагали много сил, чтобы укрепить против нападений варваров те слабые места, которые существовали в системе естественных укреплений Египта и назывались у них «ворота варваров». На границе с Нубией, где теперь стоит Асуан (Сиена), были «южные ворота», которые отдавались в управление иногда «начальнику юга», а иногда номарху Фив. Было еще одно особенно слабое место в обороне рубежей страны – в восточной части дельты, где длинная долина, которая в древности называлась страной Гошен, а теперь называется Вади-Тумилат, вела из самого сердца дельты прямо к разрыву в цепи Горьких озер. Стратегическую важность этого места в недавнее время (конец XIX в. – *Ред.)* показали военные операции англичан в

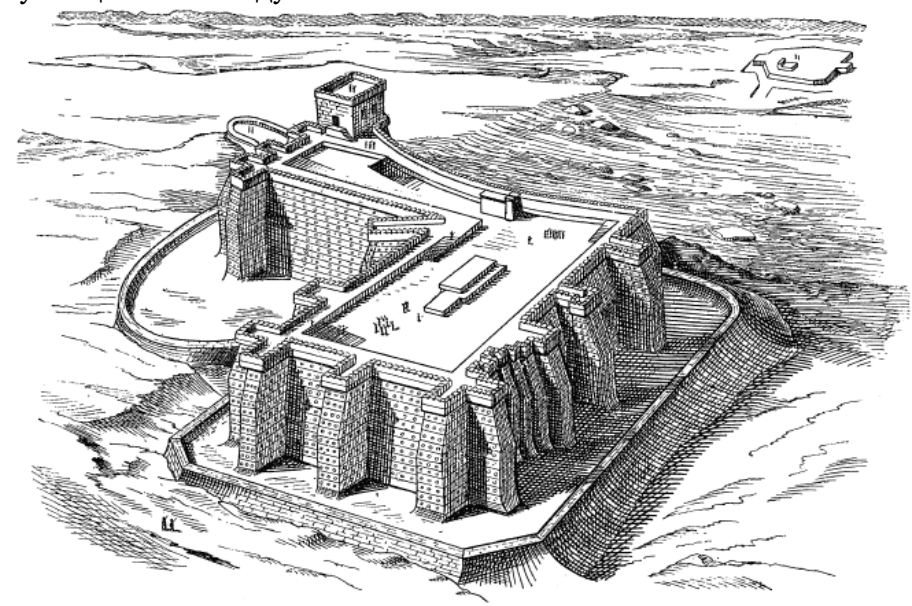
Египте. В эпоху Среднего царства, а может быть, и раньше, там была построена большая крепость – «стена государя, воздвигнутая, чтобы сдерживать азиатов»; она охранялась воинами, и с ее верха дозорные всегда смотрели, не появился ли враг.

Воин эпохи Среднего царства (гробница из Асьюта, согласно W., I. 202)

Развалины одной из крепостей эпохи Среднего царства дают нам хорошее представление о плане, по которому были построены эти крепости. В Семне, в Нубии, Сенусерт III перегородил левый берег Нила огромной крепостью, от которой сохранились такие крупные фрагменты, что в показанной здесь ее реконструкции, выполненной Шипье, воображение не добавило ни одного важного элемента[401]. Эта громадная кирпичная постройка со множеством выступающих углов, неправильная в разрезе, окружена стеной. Шипье очень интересно объяснил странную смену направления наклона у наружной стены: это было нужно, чтобы к стене было труднее приставить штурмовые лестницы. Чтобы подняться на парапет стены, построенной под таким меняющимся углом, необходимо иметь гораздо более длинные лестницы, чем для вертикальной стены, имеющей такую же высоту. В одной из гробниц в Бени-Хасане есть также изображение крепости эпохи Среднего царства с подобным изменением угла наклона стены. На одной из стен этой крепости видна башня, высота которой – всего около 4,5 м и которая имела у подножия две запертые двери. Интересно, что у нас есть похожее изображение осаждаемой крепости. Осаждающие приближаются к ней под прикрытием навеса, направляют против стены длинный таран и посылают в защитников целый дождь стрел. Осажденные защищены парапетом высотой примерно 0,9 м

или лежат на маленьких балконах, которые выступают под наклоном вперед, чтобы защитники могли осыпать нападающих сверху стрелами и камнями[402].

Я уже отметил, что эпоха Нового царства, в противоположность другим периодам египетской истории, была воинственной. Армия прошла хорошее обучения в войне против гиксосов, и знатные люди приобрели вкус к сражениям; к тому же политическое положение стран – северных соседей Египта в это время было таким, что они просто не могли оказать достаточно серьезного сопротивления; а потому египтяне начали наступление в Сирии. Но все же вести войну против цивилизованных сирийцев (а также сильных Митанни и Хеттского царства. – *Ред.)* было совсем не то, что воевать с полудикими нубийцами или бедуинами.



Крепость Семна. Реконструкция Шипье. На противоположном, правом берегу Нила стояла меньшая по размеру крепость Кумма

И вместо прежних набегов с целью захвата рабов, угона скота и опустошения полей мы обнаруживаем регулярные боевые действия. Теперь в Египте изучают стратегию как науку, и Тутмос III рассказывает нам о своих великих походах (этот фараон совершил 17 походов в Палестину и Сирию. – *Ред.)* со всеми подробностями; например, там, где его предки в высокопарном стиле заявили бы об уничтожении варваров, он говорит о различных дорогах, ведущих через Кармельские горы. Тон надписей, сохранившихся в гробницах тогдашних царей, кажется нам совершенно неегипетским и странным: они говорят о войне

не как о необходимом зле, а как о величайшем благе для страны. В официальных отчетах того времени, где перечисляются военные походы этих царей, первый поход называют «первым» еще до того, как имел место второй, словно не было никаких сомнений, что каждый царь должен отправиться на войну несколько раз.

Для царей XIX династии эта точка зрения стала настолько естественной, что горячая любовь к сражениям считалась такой же великой добродетелью правителя, как почитание Амона. Когда царю объявляли, что «вожди бедуинских племен» объединились для того, чтобы презреть «законы дворца, его величество радовался этому, ибо он, благой бог, ликует, когда начинает сражение, он радуется, когда должен перейти границу, и доволен, когда видит кровь. Он отрубает головы своим врагам, и час сражения приносит ему больше радости, чем день удовольствий». Теперь фараон лично командует войсками в бою, и рисунки в храмах постоянно изображают его в самой гуще сражения. Как и его солдаты, фараон снимает с себя всю одежду, даже набедренную повязку и передний лоскут своей юбки. В своей колеснице, в большом кожаном колчане он везет свои короткие копья и мечет их во врагов, а из своего большого лука посылает в них стрелу за стрелой. Он даже участвует в рукопашном бою и держит под рукой свои кинжал и серповидный меч. Если мы можем верить этим изображениям боев, царь был, по сути дела, единственным воином, который, обмотав вокруг своего тела поводья своих коней и не имея рядом даже возничего, прорывался через ряды врагов; однако мы можем предположить, что это было всего лишь преувеличение льстивых скульпторов, примеру которых едва осмеливались следовать даже поэты.

Хорошо известно, что военные походы царей XIX династии не имели очень больших результатов. И все же мы не должны из-за этого считать, будто эти правители были менее воинственными, чем цари XVIII династии, поскольку им приходилось выполнять более трудную задачу, чем их предшественникам. Они столкнулись не с отдельными мелкими государствами и городами Сирии, а с могучим Хеттским царством (за несколько десятилетий до правления Рамсеса II египтяне уже имели крупные боестолкновения с хеттами. Как велась война с хеттами, хорошо показывает рассказ об одной большой битве, о которой мы знаем необычно много подробностей. Эту битву вел Рамсес II в пятый год своего царствования, во время своего второго похода против царя хеттов Муватталлу.

Для этой войны оба царства собрали все свои силы; «жалкий правитель народа хета» созвал всех своих вассалов и союзников с «краев моря», а также хорошо позаботился о том, чтобы иметь

достаточную сумму на военные расходы, поскольку «не оставил после себя ни золота, ни серебра в своей стране, он опустошил все, чтобы взять их все с собой». Египетская армия медленно двигалась вперед четырьмя отрядами. Впереди был царь со своей личной охраной; сзади него на достаточном расстоянии шел *первый отряд* «Амон»; отряд «Ра» двигался за ним, отряды «Птах» и «Сутех» замыкали походную колонну. Так они, не встретив сопротивления и не повстречав хеттов, достигли долины Оронта в Северной Сирии, и 9-го числа месяца эпифи установили лагерь царя южнее города Кадеш. Рано утром они снялись с места и двинулись дальше к северу. «И вот, когда его величество пришел в край, находящийся к югу от города Шабтун (место переправы через реку Оронт. – *Ред.),* пришли два бедуина и сказали его величеству: «Наши братья, которые в качестве вождей племени находятся с правителем хеттов, прислали нас к его величеству, чтобы объявить, что мы желаем покориться фараону и порвать с правителем хеттов. Правитель хеттов сейчас находится в стране Харбу, к северу от Тунепа, и так сильно боится фараона, что не осмеливается двинуться на юг». Но в том, что эти два бедуина сказали его величеству, они солгали; царь хеттов послал их посмотреть и выяснить, где тогда был его величество, чтобы армия его величества не напала на него внезапно». Вскоре египтяне должны были узнать правду, потому что большая армия их врага поджидала их совсем близко, возле Кадеша. И действительно, «пришли два разведчика, которые были на службе у его величества, и привели с собой двух разведчиков правителя хеттов. Их провели к царю, и его величество спросил их: «Кто вы?» Когда они ответили, что они люди правителя хеттов и были посланы им, чтобы узнать, где может находиться его величество, то его величество спросил их: «А где находится он, правитель хеттов? Я слышал, что он был в стране Харбу». Они ответили: «Смотри, правитель хеттов имеет с собой много людей, которых он победоносно привел с собой из всех стран, чьи земли входят в страну хеттов, и из страны Нахарины, и из всей страны Кеде. Они вооружены, они имеют пехоту, и колесницы, и оружие, и они многочисленнее морского песка. Смотри, они стоят в боевом строю в укрытии за городом Кадеш». Тогда его величество приказал созвать к себе своих князей, чтобы они могли услышать все, что сказали перед царем эти два разведчика царя хеттов. Потом он сказал им: «Теперь вы видите, что за люди начальники крестьян и вожди стран фараона! Они каждый день стояли здесь и говорили, что правитель хеттов остается в стране Харбу, куда он убежал от его величества. Так вы, приходя, говорили день за днем. А вот, смотрите, я только что услышал от этих двух

разведчиков правителя хеттов, что правитель хеттов пришел сюда со многими людьми, с таким числом людей и коней, сколько песка у моря, и находится сзади Кадеша. Так мне было сказано, а начальники крестьян и вожди, которым была доверена страна фараона, не смогли сообщить мне эти сведения».

Тогда князья, стоявшие перед его величеством, ответили: «Это великое преступление начальников крестьян и вождей фараона, они не указали, где стоит правитель хеттов, хотя они каждый день приносили его величеству свои отчеты». Тогда его величество приказал наместнику как можно более спешно вызвать воинов его величества, которые шли с юга от Шабтуна, и привести их к его величеству. (У Рамсеса II в лагере, кроме охраны, имелся только подошедший отряд «Амон», отряды «Птах» и «Сутех» задержались на переправе, отряд «Ра» двигался к лагерю фараона, разбитому к северо-западу от Кадеша. – *Ред.)*

Так армия правителя хеттов окружила слуг его величества, которые были с ним. Но когда его величество увидел их, он стал против них как лев, как бог Монту, владыка Фив. Он схватил свою боевую одежду, надел свое оружие, он был подобен Баалу, когда тот гневается. Потом он поспешил к своим коням и ринулся вперед – совсем один. Потом он прорвался через ряды армии правителя хеттов и его многих союзников. Его величество был как славный бог Сутех, когда рубил и резал их. Его величество посеял среди них страх и смуту и сбросил их одного за другим в воды Оронта». (Хетты (1,5 тысячи колесниц, затем еще 1 тысяча), переправившись через Оронт, практически уничтожили фланговым ударом отряд «Ра» и ворвались в лагерь «Амон». Тогда фараон прорвался на восток, сбросив в реку слабый отряд хеттов. – *Ред.)*

Фараон мог похвалиться: «Я бросил вызов всем народам, когда был один, а моя пехота и мое войско на колесницах покинули меня; ни один из них не стоял на месте и не вернулся назад! Однако я клянусь: как верно, что Ра любит меня, и верно, что Амон вознаграждает меня, так же верно и то, что я сам поистине сделал все, о чем я сказал, сделал на глазах у моей пехоты и моего колесничного войска».

То, что рассказывают об этом сражении надписи, подтверждается большим рядом рисунков на пилонах заупокойного храма Рамсеса II. На них мы видим, как двух схваченных разведчиков правителя хеттов безжалостно избивают палками и этими побоями заставляют выдать их тайну и как царь, сидя на «своем золотом троне», после того как услышал роковую новость, растрачивает время на то, чтобы показать князьям бесполезность своих собственных военачальников.

Бык и грузовая повозка в лагере (согласно L. D., iii. 155)

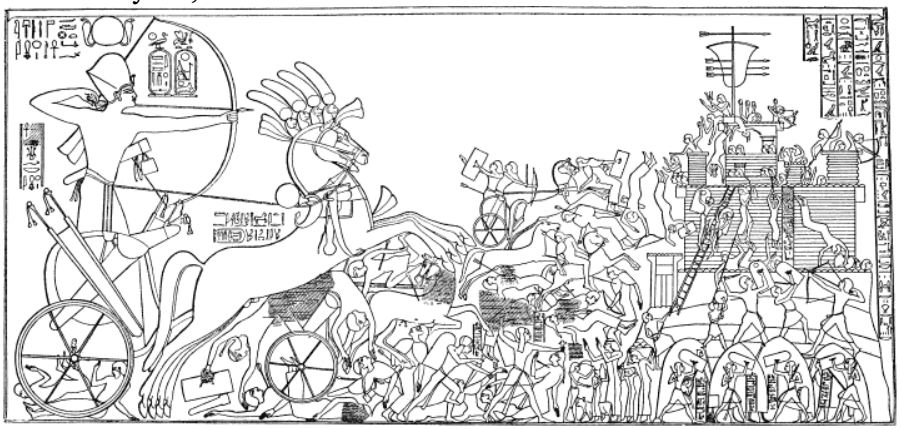
После этого мы видим, как воины отряда Амона разбивают свой лагерь. Щиты, поставленные в ряд, образуют большую четырехугольную ограду. В ней оставлен только один вход, он укреплен баррикадами и находится под защитой четырех отрядов пехоты. В центре лагеря большая квадратная площадка обозначает место царского шатра; ее окружают меньшие по размеру шатры военачальников. Широкий промежуток между этими шатрами и внешней оградой служит местом стоянки для рядовых солдат и для скота, и здесь мы видим целый ряд очень жизненных сцен, изображать которые явно было огромным удовольствием для египетских художников. В одном углу стоят рядами боевые колесницы; их кони распряжены, получают корм и при этом от удовольствия бьют копытами об землю. Поблизости от них поставлены двухколесные грузовые телеги; их быки оглядываются вокруг в поисках еды и не беспокоятся из-за того, что большой ручной лев царя, устав, лег возле них. Но самое типичное для лагеря животное – это осел со своей парой корзин, в которых он должен переносить тяжелые мешки и кувшины с продовольствием. Мы встречаем ослов повсюду и во всех возможных позах; например, осел возмущенно опускается на колени, как будто больше не может нести свои корзины, скачет из стороны в сторону, когда воины хотят нагрузить на него мешки, ложится и ревет или с наслаждением катается в пыли рядом со своей поклажей. Мальчики, которые должны привязывать ослов к кольям, тоже вносят свой вклад в оживленное движение лагерной жизни: они в нескольких местах начали драться из-за своей работы и в гневе бьют один другого своими кольями. Другие мальчики, служащие в лагере, должны вешать вещи на подпорки, или приносить воинам еду, или подносить бурдюки с водой. Эти мальчики тоже упорно ссорятся: сбросив бурдюки на землю, они дают волю своим кулакам.

Сцена лагерной жизни. Справа показаны щиты, установленные вокруг лагеря (согласно L. D., iii. 154)

С этими сценами повседневной жизни лагеря контрастирует изображение дикой сумятицы боя. Возле берега Оронта изображена царская колесница, в которой во весь рост стоит царь; сзади и с обоих боков его окружают колесницы хеттов, и еще много вражеских колесниц переправляются через реку. Правда, сзади царя находятся египетские колесницы, но для того, чтобы прийти ему на помощь, они сначала должны пробиться через колесницы хеттов. Тем временем фараон сражается в одиночку и осыпает врагов таким устрашающим дождем из стрел, что они, обезумев, бегут в беспорядке. Их раненные стрелами лошади пугаются, разбивают колесницы на куски и вываливают из них воинов или же, вырвавшись на волю, мчатся через ряды своего войска, сея всюду беспорядок и смятение. Мертвые и раненые хетты падают друг на друга; те, кто спасся от стрел царя, бросаются в речку (левый приток Оронта) и пытаются переплыть ее, чтобы добраться до Кадеша, который в окружении стен и рвов виден на противоположном берегу. Не всем удается пробиться через эту мешанину из людей и лошадей и переплыть реку; к примеру, мы видим, как воины вытаскивают из воды тело князя Харбу. «Письмоводитель» правителя хеттов Херпасер тоже утонул. Были застрелены его возничие Терганасса и Паис, а также начальник его охраны Теедура, командир элитных частей Камайта, один из начальников наемных солдат Аагем и еще несколько знатных людей. Метарема, брат царя хеттов, погиб, не успев добраться до реки и спастись.

Пока фараон так убивает хеттов, правитель этого народа стоит на месте посреди мощного каре из 8 тысяч пехотинцев его отборных войск (всего у царя Муватталлу было 20 тысяч воинов, включая экипажи 2,5 тысячи колесниц – по 3 человека на каждой); наблюдая за сражением из угла, образованного Кадешем и Оронтом, «он не выходит сражаться, потому что боится его величества, так как видел его величество». Когда он видит, что бой проигран (о том, кто выиграл бой, говорит результат – Рамсес

II отступил в Египет. – *Ред.),* он с восхищением говорит: «Он – как славный Сутех, Баал живет в его теле».



Штурм хеттской крепости Дапур (согласно L. D., iii. 166)

Нам, современным скептикам, не следует сомневаться в подлинности события, которое признал истинным царь хеттов: Рамсес II, несомненно, был отрезан от основной части своих войск и стойко сражался против подавляющего численным превосходством противника, пока не подошел отряд «Птах», который пришел на помощь сражавшемуся в окружении отряду «Амон» (отряд «Ра» был практически уничтожен) и, в свою очередь, поставил в тяжелое положение 2,5 тысячи хеттских колесниц, которые вынуждены были прорываться к Кадешу. Однако, как бы велики ни были потери, понесенные армией хеттов (потери египтян – половина армии, насчитывавшей до боя 20–30 тысяч, хетты потеряли намного меньше. – *Ред.),* знаменитая битва при Кадеше была далеко не последней. После нее война продолжалась еще много лет и шла с переменным успехом, поскольку мы обнаруживаем, что фараон сражался иногда в стране хеттов (неглубоко в нее проникая), а иногда вблизи своей границы.

Запечатленные на рисунках эпизоды этих последующих походов Рамсеса II представляют собой главным образом штурм тех больших крепостей, которые в Палестине и Сирии, похоже, существовали возле каждого города. Эти крепости-замки всегда имели в основном одну и ту же форму: через мощные ворота можно войти в широкий нижний этаж, который укреплен зубчатыми стенками наверху и четырьмя далеко выступающими балконами с каждого бока; над этим этажом есть второй, более узкий, с такими же балконами и закрытыми на засовы окнами. Несколько рисунков изображают штурм этих крепостей.

Например, среди них есть «жалкий город Эскаруна», то есть

Аскалон, цитадель которого построена на холме. Однако это выгодное положение не спасает его. Египетские солдаты прорываются через ряды врагов к стенам, открывают топорами ворота, приставляют к стенам крепкие штурмовые лестницы и со щитами на спинах и кинжалами в руках поднимаются на первый этаж. Жители города, которые со своими женами и детьми укрылись на верхнем этаже, видят, что их гибель приближается, и приходят в отчаяние; некоторые пытаются спустить женщин и детей со стены на другую сторону, другие просят царя о милости, умоляюще поднимая руки.

Штурм Рамсесом II крепости Дапур (так или примерно так называлась эта крепость хеттов), который изображен на нашей иллюстрации, был более крупной операцией и более трудным делом. Как мы видим, эта крепость построена не совсем обычным образом. Внизу зубчатая стенка окружает огромное нижнее здание; оно служит опорой для четырех башен, самая крупная из которых имеет окна и балконы. Над башнями виден штандарт города – огромный щит, пронзенный стрелами. За стенами, на поле боя, царь сражается с воинами хеттов, которые спешат укрыться в крепости; а в это время на город ведется атака по правилам военной науки под руководством царских сыновей. Египетские солдаты, чтобы защититься от дождя камней и стрел, которые мечут сверху осажденные, приближаются к городу под прикрытием навесов, которые они толкают вперед с помощью шестов. Затем начинается собственно штурм крепости с помощью приставных лестниц, и мы снова обнаруживаем, что именно двое из царских сыновей, проявляя почти невероятную отвагу, взбираются по перекладинам этих лестниц. Еще мы, разумеется, видим события, происходящие вокруг крепости: некоторые из осажденных прыгают со стены, и несколько человек погибают при этой попытке бежать; другие несут победителям дань и «преклоняясь перед благим богом, говорят: «Дай нам дыхание жизни, о добрый правитель, мы лежим под подошвами твоих ног».

После этого успеха «благой бог» возвращается с войны домой с «огромной добычей, подобной которой никогда не видели раньше», и с «живыми пленниками, которых пощадила его рука». У пограничного канала возле крепости Тару его встречают приветствиями великие пророки и князья юга и севера. Жрецы встали справа и преподносят ему большие букеты цветов так, как если бы они подносили жертвенные дары божеству. Слева, умоляюще подняв руки, стоят высшие чиновники с безволосым наместником во главе. Они говорят: «Привет тебе от стран, которые ты покорил. Твое дело победило, и твои враги покорны тебе. Ты будешь царем до тех пор, пока Ра правит в небесах, и

обновишь свое мужество. Ты – повелитель девяти луков! Ра делает прочными твои границы и протягивает свои руки как защиту позади тебя. Твоя секира ударяет в сердце всех стран, и их правители падают перед твоим мечом».

Простой народ тоже участвует в этом праздновании: «Молодые люди торжествующего города каждый день одеваются в праздничные одежды и [льют] приятное масло на свои новые прически. Они с букетами в руках, с цветами *уадет* из храма Хатхор и цветами *мехет* из водоема стоят у своих дверей в тот день, когда Рамсес II, бог войны двух царств, въезжает в город, – в день праздника *Кахерка.* Каждый присоединяется к своему соседу и читает священные слова».

То, что реальные результаты войны были малы, и то, что враг был признан как равный, хотя Рамсес II завершал тогда боевые действия, продолжавшиеся два десятилетия, кажется, не повлияло на ход праздника в честь победы. Мы узнаем, что в 21-й год своего царствования, в 22-й день месяца Тиби, когда царь навестил свой город, называвшийся «дом Рамсеса» (Пер-Рамсес), к нему привели послов от хеттов, носивших имена Тартесебу и Рамсес, которые должны были «просить мира у его величества Рамсеса, быка среди государей, который устанавливает свои границы в любой стране, где желает». Но на самом деле эти послы просто принесли приведенный здесь документ, где речь шла о мире, который уже был заключен, – документ, который читается совершенно не как просьба врага о мире.

«Договор, который Хетасар, великий правитель хеттов, могущественный, сын Марсара, великого правителя хеттов, могущественного, внук Сапаруру, великого правителя хеттов, могущественного, адресовал на серебряной таблице Рамсесу II, великому властителю Египта, могущественному, внуку Рамсеса I, великого властителя Египта, могущественного, – прекрасный договор о мире и союзе, который устанавливает мир… навечно (сейчас имя и титул хеттского царя читают так: Хаттусили III, великий правитель хеттов… сын Мурсили… внук Суппилулиумы… – *Пер.)*.

Вначале отношения между великим властителем Египта и великим правителем хеттов от века были такими, что боги не позволяли вражде возникнуть между ними, [но они были] в союзе. Но во времена моего брата Мутенра, великого правителя хеттов (теперь это имя читается «Муватталлу, великий правитель хеттов». – *Пер.),* он вел войну против (Рамсеса II), великого царя Египта. Но теперь, с этого времени смотрите: Хетасар, великий правитель хеттов, находится в союзе, который сделает прочными те отношения, которые Ра и Сутех создали между страной Египта

и страной народа хеттов, чтобы между ними больше не было вражды вовеки. Смотрите: Хетасар, великий правитель хеттов, связал себя союзным договором с Рамсесом II, великим властителем Египта, чтобы от этого произошли между нами прекрасный мир и прекрасный союз навеки, поскольку он вступает в союз со мной и находится в мире со мной, поскольку я вступаю в союз с ним и нахожусь в мире с ним.

С тех пор как умер мой брат Мутенр (Муватталлу), великий правитель хеттов, я, Хетасар (Хаттусили), воссел на трон своих отцов как великий правитель хеттов; смотрите, я вместе с Рамсесом II, великим властителем Египта, пожелал: чтобы [мы восстановили] мир и союз; чтобы они были лучше, чем прежний мир и прежний союз, чтобы отношения (?) между великим правителем хеттов и Рамсесом II, великим властителем Египта, были прекрасным миром и прекрасным союзом; чтобы дети детей великого правителя хеттов оставались в прекрасном мире и прекрасном союзе с детьми детей Рамсеса II, великого властителя Египта, чтобы они были в союзе так же, как мы, и в мире так же, как мы, чтобы вся страна Египта всегда была в мире и союзе со всей страной народа хеттов, чтобы между ними не возникло вражды вовеки, чтобы великий правитель хеттов никогда не вторгся бы в страну Египта, чтобы увезти что-либо из нее; чтобы Рамсес II никогда не вторгся бы в страну хеттов, чтобы увезти что-либо из нее.

Договор о равенстве (?), который существовал в дни Сапаруру (Суппилулиумы. – *Ред.),* великого правителя хеттов, а также договор о равенстве (?), который существовал в дни моего отца Марсара (Мурсили), великого правителя хеттов, – я связан им; смотрите, Рамсес II, великий властитель Египта, связан им; мы вместе, начиная с этого дня, связаны им, и вместе состоим в договоре о равенстве (?).

Если другой враг придет в страны Рамсеса II, великого властителя Египта, и если тот напишет великому правителю хеттов: «Иди со мной как подкрепление против него», то великий правитель хеттов придет к нему в качестве подкрепления, и пусть великий правитель хеттов убьет его врагов. Но если великий правитель хеттов не пожелает прийти [сам], пусть он пошлет свою пехоту и свою конницу (видимо, все же колесницы), чтобы убить его врагов.

Когда Рамсес II, великий властитель Египта, разгневается на чужеземных (?) подданных, которые совершили преступление (?) против него, и отправится убивать их, то великий правитель хеттов [поможет] ему».

Затем следуют соответствующие этим статьи договора о

помощи, которую Рамсес II со своей стороны обязуется оказывать правителю народа хеттов в случае войны. После этого в договоре идет речь о другом вопросе, очень важном для восточных государств, – о том, как обходиться с теми подданными каждой из сторон, которые, возможно, предпочтут ярму своего правителя ярмо его врага.

«Если [жители] стран Рамсеса II, великого властителя Египта, [выедут оттуда] и придут к великому правителю хеттов, то великий правитель хеттов откажется принять их; и великий правитель хеттов доставит их обратно к Рамсесу II, великому властителю Египта.

Если слуги убегут из Египта, [как уже было] отмечено, и придут в страну хеттов, чтобы поступить на службу к кому-либо другому, им не будет позволено остаться в стране хеттов, а их доставят обратно к Рамсесу II, великому властителю Египта».

Аналогичные статьи о выдаче египтянами подданных и слуг правителя хеттов завершают само соглашение, и за ними следуют положенные по обычаю заключительные формулы, отдающие договор под защиту богов. «Тысяча богов и богинь из числа божеств страны народа хеттов и тысяча божеств из числа богов и богинь страны Египта» являются свидетелями всего, «что написано на серебряной таблице». Все божества различных городов народа хеттов, носящие имя Сутех, божества страны хеттов, носящие имя Астарта, и все безымянные боги «гор и водных потоков страны хеттов», с одной стороны, и «Амон, Ра, Сутех и боги и богини гор и водных потоков страны Египта», с другой стороны, призываются в качестве гарантов. «Любого, кто не исполнит слова, написанные на этой серебряной таблице, пусть преследуют эти тысяча богов страны народа хеттов и тысяча богов страны Египта – его, его дом, и его народ (?), и его слуг». А того, кто будет верен этим словам, эти же боги будут охранять.

И наконец, к договору добавлена, но только в качестве дополнения, еще одна статья, которая, хотя ее область действия не была широкой, очень типична для тех отношений, которые отныне существовали между двумя великими царствами. Во время войны многие хетты перешли к египтянам, а многие египтяне – к хеттам; мы, например, встречаемся с человеком из народа хеттов, которого зовут Рамсес; и, разумеется, враги встречали их с распростертыми объятиями. Теперь, после заключения мира, возник вопрос о том, как поступить с этими дезертирами и как обеим державам удобным образом избавиться от них. Решение, к которому они пришли по этому поводу, было таким: «Если люди, будь это один, два или три человека, убежали из страны Египта и пришли к великому правителю хеттов, то

великий правитель хеттов возьмет их под стражу и доставит обратно к Рамсесу II, великому властителю Египта. Но тот, кто будет возвращен к Рамсесу II, тот не будет наказан за свое преступление, и ни его дом, ни его жены, ни его дети не будут уничтожены, ни его мать не будет убита, и он не будет [наказан] ни по глазам, ни по рту, ни по ногам; и его не обвинят ни в каком преступлении». Такая же договоренность вступила в силу и относительно хеттов, перебежавших к фараону.

Этот выдающийся документ, который позволяет нам заглянуть за кулисы политической сцены, одновременно показывает нам подлинные факты, скрытые за напыщенными фразами надписей, и становится точкой отсчета нового периода египетской политики, поскольку Египет признает государство хеттов как равную себе державу, с которой он должен делить господство в Передней Азии. Эти дружественные отношения оказались прочными: Рамсес II женился на дочери царя хеттов, и, когда тот однажды приехал в Египет в гости к зятю, фараон приказал изобразить его рядом с собой как князя в своем храме в Абу-Симбиле. Это было нечто совершенно невиданное: правитель варваров, как обычно тогда говорили, «жалкий вождь», изображен на общественном памятнике как человек, близкий к фараону. Это словно было предвестие новой эпохи, наступавшей для Египта. Прошло немного времени после смерти Рамсеса II, и правление сирийца (имеется в виду любовник царицы Тусры казначей Иарсу. – *Ред.)* стало началом эпохи власти чужеземцев над Египтом, которая, с более или менее долгими перерывами, продолжается до настоящего времени (конец XIX в. – *Ред.)*. А потому для нас достаточно смешно звучат слова верноподданного придворного поэта, который толкует приезд царя хеттов как признак могущества фараона:

«Великий правитель хеттов пишет правителю Кеде:

Приготовься, чтобы мы смогли поспешить в Египет.
Что говорит божественный дух, то происходит.
Мы желаем польстить Рамсесу II, чтобы он
Одарил нас по своему желанию.
Ибо каждая страна зависит от его милостей,
И хетты в…
Если боги не примут от него жертву,
То не случится дождя.
Почтим (?) Рамсеса II,
Быка, который любит доблесть».

Ближайшим и естественным результатом мирных лет было

усиление связей между этими двумя странами. Дружба фараона с правителем хеттов дошла даже до того, что он посылал тому корабли с зерном, когда его страна страдала от великого бедствия. Несмотря на эти дружеские отношения, северная граница Египта продолжала оставаться под строгой охраной воинов: хотя теперь Египет мог бы мирно владеть югом Палестины, в ней оказалось очень много кочевников из соседних пустынь (бедуинов и арамеев – будущих евреев и др. – *Ред.),* и даже при самом суровом правлении эти кочевые племена не могли полностью избавиться от своих грабительских привычек.

Линия укреплений, которая должна была преграждать путь этим кочевникам, упоминается уже во времена Среднего царства и стоит до сих пор. Она состоит из стены, укрепленной маленькими башнями, которые называются семитским словом *мигдолы;* стена эта служила препятствием, которое трудно было преодолеть рабам, пытавшимся бежать из Египта, и бедуинам, хотевшим пасти свой скот на полях дельты. В это время мы обнаруживаем и оборонительное сооружение другого рода – широкий канал, который, вероятно, связывал озера перешейка. В том месте, где через канал был перекинут мост, с обеих сторон стояли мощные крепости. Все многочисленные остановки с колодцами на дороге через пустыню со стороны Сирии тоже были защищены маленькими фортами. Большая крепость, защищавшая этот мост, была та самая «крепость Тару», которая так часто упоминается как место начала военных походов.

Граница охранялась самым строгим образом. Командиры наемников во главе подчиненных им отрядов несли дозор в крепостях и на стенах, и никто не мог пройти мимо, не назвав свое имя и положение в обществе и цель своего путешествия и не показав писем, которые нес. Тем, что мы знаем об этом, мы целиком обязаны молодому писцу по имени Паебпаса, который жил в царствование царя Меренптаха и был учеником главного возничего Аменемопета. Этот писец, видимо, служил в крепости Тару и должен был вести учет тех, кто выходил из крепости и входил в нее. В течение нескольких дней он записывал нужные сведения на первом попавшемся листе хорошего папируса, которым оказалась обратная сторона его школьной тетради, и в этой тетради эти сведения и дошли до нас[403]. Мне не нужно говорить о том, что для нас эти наброски гораздо важнее всего, что находится на другой стороне страниц этой тетради; к несчастью, местами их почти невозможно прочесть. Вот некоторые из записей Паебпасы:

«В третий год царствования, 15-го числа месяца

пахон.

Вышел слуга Баала, сын Дапура из Газы, имевший при себе два письма в разные места, которые нес с собой в Сирию [а именно: к] Хаи, начальнику крестьян, 1 письмо;

[к] Баалу, князю Тира, 1 письмо.

В третий год царствования, 17-го пахон.

Пришел человек от колодца Меренптаха, расположенного в горной стране, к капитану наемников, чтобы провести инспекцию (?) в крепости, которая находится в Тару.

В третий год… пахон.

Сюда поднялись слуга Дхоуте, сын Такаруму из Гакати, а также Дутеу… сын Шамбала.

А также Сутехмес, сын Апедгара, который имел при себе 1 письмо в резиденцию царя [к] начальнику крестьян Хаи.

В третий год… пахон.

Слуга Нехтамон, сын Тара, из замка Меренптаха, который должен прибыть (?) в Даррум, который имеет два письма в Сирию, в разные места:

Пенамуну, начальнику крестьян, 1 письмо;

Рамсесу, управляющему имуществом этого города, 1 письмо.

Сюда поднялся Памерхетму, сын Ану, начальник конюшен, из города Меренптаха, который находится в номе Эмур, имевший при себе два письма в резиденцию царя, в разные места:

Па…мхебу[404], начальнику крестьян, 1 письмо;

Парамхебу, представителю, 1 письмо», и т. д.

Мы видим, что целый ряд египетских чиновников, должно быть, перед этим жили в Сирии – *поднялись* туда с низин Египта. «Начальники крестьян», которые упомянуты здесь и в других местах[405] как живущие в Палестине, управляли, как верно заключил Бругш, колониями египетских рабочих. Из нашего текста мы узнаем, что в число этих колоний входил также какой-то *город,* и, возможно, в этом городе раньше жил царский двор.

Пока границы страны так строго охранялись от ее же подданных-семитов, египтянам стала угрожать гораздо более серьезная опасность совсем с другой стороны. Эту опасность частично создали давние враги Египта – например, различные племена ливийцев, с которыми сражались Аменемхет I и другие цари, а частично – новые, враждебно настроенные соседи –

например, шардена, шакаруша, турша и т. д.; под этими именами были известны т. н. «народы моря», которые явились с берегов Средиземного моря и вторглись в дельту Нила. Похоже, что с ними сталкивался уже Сети I, поскольку в начале правления его сына среди египетских войск мы встречаем людей шардана, о которых явным образом сказано, что вначале они были пленными. За прошедшее с тех пор время эти племена морских разбойников, которые «шли, сражаясь, по стране, чтобы каждый день наполнять свои рты» и которые, если я верно понимаю, уже устроили набег на Сирию и на царство народа хеттов (Хеттское царство, принявшее на себя основной удар «народов моря», а также новой мощной волны переселенцев из Восточной Европы, погибло; еще несколько сот лет держались отдельные хеттские княжества на юго-востоке рухнувшей державы. – *Ред.),* поступили на службу к ливийскому князю по имени Мареайю, который теперь с их помощью предпринял большой поход за добычей. Они напали на земли у западной границы Египта, которые с давних времен были оставлены как пастбища ливийским племенам, называвшимся «техен». Но в действительности эта местность принадлежала Египту и так же, как Сирия и Нубия, была заселена *памятниками,* то есть колониями. Оттуда «народы моря» и ливийцы проникли в дельту, грабя ее по мере своего продвижения, и даже угрожали Гелиополю; кроме того, в это же время они вторглись в оазисы. Это была серьезнейшая опасность, поскольку воины этих народов были хорошо вооружены, и (насколько можно судить по количеству убитых и раненых) их численность могла быть равна десяткам тысяч. Однако боги взяли Египет под свою защиту, и бог Птах явился во сне царю Меренптаху и пообещал ему победу. И действительно, после шестичасовой битвы его войска одержали блестящую и славную победу – такую полную, что ливийский князь Мареайю, не дождавшись исхода сражения, бежал с поля боя, оставив свои сандалии и колчан. Весь лагерь вместе с казной и вся семья князя попал в руки египтян. Лагерь был разграблен солдатами, а потом сожжен, в нем было найдено одних только металлических сосудов 3174, и к этой военной добыче были добавлены 9376 пленных. Чтобы доказать тем, кто оставался дома, что их слова о количестве убитых – истина, египтяне отрубали части мертвых тел (всего было убито 8500 воинов противника) – например, кисти рук у акайваша, практиковавших обрезание[406], а потом погрузили эту добычу на ослов. Египтяне охотно захватили бы и беглеца Мареайю, и фараон послал своих военачальников, «которые были верхом на конях», преследовать его и других беглецов. Однако эти конные египтяне не смогли поймать

ливийского князя, и «под покровом ночи» он скрылся.

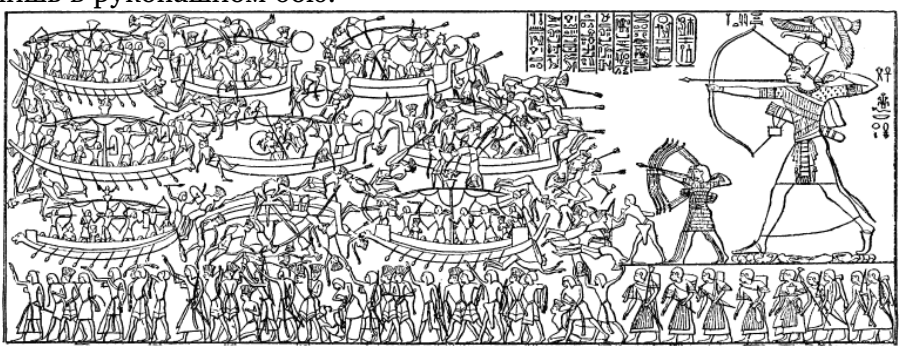
Несмотря на то что он сумел уйти, его сила была сломлена; Мареайю не выполнил обещания, которыми увлек свой народ на эту войну: «все его обещания обернулись против него» и «он стал врагом для собственного войска». Как добавил к этому докладу командующий «западными памятниками», было даже неизвестно, жив ли еще Мареайю, и народ (ливийцы) решил поставить на его место одного из его братьев[407].

Так на время была отражена ближайшая опасность, угрожавшая Египту от ливийцев; но она не была устранена навсегда. Следующий царь, о чьих великих делах у нас есть какие-либо записи, Рамсес III (IV), должен был снова дважды сражаться против ливийцев, и один раз – с «народами моря», а поскольку количество кровавых трофеев (убитых) в первой из этих битв достигало 12 535, должно было произойти очень крупное сражение. В это время у ливийцев явно была крайняя необходимость расширить свои пределы, потому что, кроме этой попытки проникнуть в Египет силой, они поступали на службу к фараонам как наемники в таком огромном количестве, что через двести лет смогли завладеть долиной Нила как правящий класс Египта.

Более того, в этих более поздних войнах ливийцы действуют одни, хотя египтянам по-прежнему приходилось терпеть беды от тех народов моря, с которыми они сражались еще во времена Меренптаха. В течение многих веков явно происходило постоянное движение племен на восток, и похоже, что самый опасный удар этой волны переселенцев Египет испытал при Рамсесе III (IV). Вдобавок к прежним врагам египтян – народам шардена, турша и шакаруша – на сцене появились новые – народы пурасате, такекар, данеуна и уашаш: так же как при других великих переселениях, происходивших в мировой истории, один народ всегда увлекал за собой другой. Они проникли с севера в Сирию и Палестину – частично в повозках, запряженных быками, частично по морю на своих кораблях, которые, похоже, были не хуже египетских. Сирийское царство не смогло выдержать потрясения, вызванного их нашествием; Кеде, Хеттское царство и Палестина были покорены этими варварами. Но как в более позднюю эпоху, когда Передняя Азия стала жертвой скифов, но сила, перед которой она пала, позже была остановлена в Египте, так и в более давние времена сила такого переселения племен была уничтожена на границе Египта. Когда «народы моря» попытались войти с моря в устье Нила, Рамсес III (IV) направил против них свои военные корабли и пехоту и одержал полную победу. Хотя бессодержательные фразы надписей рассказывают

нам очень мало о подробностях этого морского сражения, все же мы можем составить себе общее представление о нем по сопровождающим надписи рисункам. Корабли обеих сторон – египетские суда мы можем узнать по львиным головам на носах – взяли рифы на парусах, чтобы те не мешали воинам сражаться; корзина на верхушке мачты тоже снята, чтобы дать место бойцу с пращой.

Египтяне умеют брать на абордаж вражеские корабли с помощью железных крючьев; в сражении египетские воины тоже лучше своих противников, поскольку почти все египтяне имеют луки, а варвары со своими короткими мечами могут сражаться лишь в рукопашном бою.



Сражение с народами моря. Справа на берегу показаны Рамсес III и его воины. Царь стоит на трупах врагов; над ним, защищая его, летит богиня египетского севера в образе коршуна. Ниже изображены военачальники и рядом – пленные, которых связывают и уводят прочь (согласно Ros. Mon. Stor., 131)

Этот бой – едва ли не единственное морское сражение в истории Египта: хотя нам точно известно, что во время войн против гиксосов происходили бои на воде, однако тогда местом действия был Нил[408]. Из сообщения об этой битве мы узнаем, что на военных кораблях младший командир носил звание *уау,* как в пехоте, а самое высокое звание, которого мог достичь военачальник, было «начальник кораблей», то есть, по-нашему, адмирал. Боевые корабли имели имена, например «Сражающийся зверь» или «Славный в Мемфисе». Корабль фараона назывался также «Любимец Амона», а поскольку часто упоминаются знаменосец и уау этого корабля[409], он, очевидно, был боевым кораблем. Но, насколько нам известно, в Египте армия всегда, как правило, имела гораздо большее значение, чем флот.

Мы мало знаем об организации тех войск, с которыми цари XVIII династии вели свои войны, поскольку в надписях обычно говорится просто о *воинах,* без подробностей. О состоянии войска при XIX и XX династиях мы осведомлены гораздо лучше, хотя

даже в этом случае многое еще нужно прояснить.

Как мы уже видели, армия Среднего царства состояла в основном из ополчений, которые при необходимости присылали правители различных номов. Не ясно, до какой степени это старое учреждение сохранилось в совершенно новых условиях Нового царства. Во всяком случае, мы больше не встречаемся в надписях с тем, что мы почти могли бы назвать частными армиями номов, а о воинах храмов в храмовых поместьях, которые существовали в более поздние времена так же, как раньше[410], мне трудно сказать, были ли они чем-то большим, чем отряды полиции, которые должны были стоять на страже в святилище и земельных владениях бога. В любом случае, великие войны Нового царства велись силами государственной армии, лишь меньшая часть которой была набрана в Египте[411], а большая часть состояла из иностранных наемников. По крайней мере, так было при XIX династии; например, в одном из эпизодов того времени маленькая (бывали гораздо многочисленнее!) армия состояла из 3100 наемников-варваров и только 1900 воинов регулярных войск. И притом только часть этих воинов регулярной армии по-настоящему имела право называться египетскими войсками в прежнем смысле этого слова – та часть, которая носила старое исконное название воин, .

С другой стороны, воины, называвшиеся *нахаруна,* были (как заставляет предполагать их семитское название, происходящее от слова «молодежь»[412]) новым войском, организованным по иноземному образцу, а часто упоминаемый *Пидт,* то есть *отряд-лук,* похоже, был войском, состоящим из варваров. Было сделано очень вероятное предположение, что его странное название *лук* означает, что это войско набиралось из *девяти луков,* то есть соседних варварских племен. Например, из одной надписи времен правления XX династии мы узнаем, что при перевозке камней варвары, называвшиеся «апур», относились к «луку варваров анути». Поэтому обычно считают, что слово *луки* означает вспомогательные войска, и в этой книге принято такое толкование этого слова. Этими *войсками луков* командовали *вожди,* люди знатные и образованные, одно или два письма из переписки которых дошли до нас. Один вождь этих вспомогательных отрядов был командующим в Эфиопии, другие занимали пограничные крепости на востоке дельты и поселения у колодцев в Южной Палестине; то есть мы обнаруживаем их в чужеземных странах, и, следовательно, они имеют право носить звание «начальник варварской страны», хотя похоже, что такой офицер жил и в Гелиополе.

Войско, называвшееся «мадай», возможно, вначале входило в число этих *войск луков.* Это были воины из нубийского народа меда; их соплеменники иногда служили в египетской армии уже при Древнем царстве и, очевидно, в древние времена славились как охотники в пустыне. Но в Новом царстве из них было образовано войско, которое во многих отношениях соответствовало нашим жандармерии и полиции, и правительство использовало их различными способами. Во всяком случае, они находились под командованием *вождей,* а их командующий был «князем мадаев». Неизвестно, из каких племен их набирали в эпоху Нового царства, поскольку редко бывало, чтобы кто-то из них носил свое национальное имя, например Бекуаренра; большинство брали себе хорошие старинные египетские имена, например, Нехтсет – «Сет победоносен» или Энхернахт – «Энхор (Анкор) победоносен» и другие подобные воинственные имена. Но, несмотря на такое превращение по внешности в египтян, они в глазах чистокровных уроженцев долины Нила все же были бездомными варварами; например, «представитель воинов» с презрением пишет «князю мадаев»: «Ты – сын крепостного, ты вовсе не князь; ты приехал откуда-то, чтобы поселиться здесь». Более того, в другом случае один из этих князей имеет еще и другие высокие военные должности.

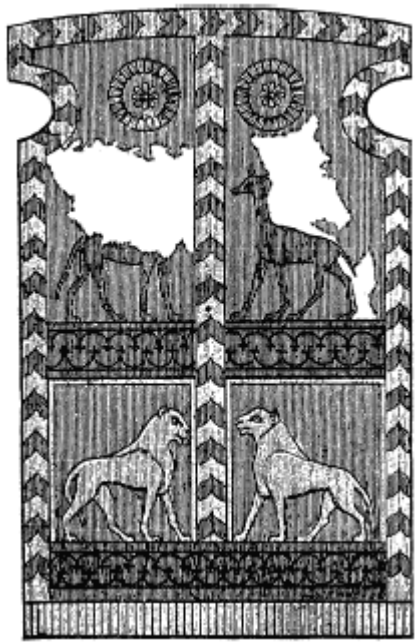
Египетские чиновники, как правило, имели привычку злословить по поводу мадаев, «у которых много поручений», а упомянутый выше Нехтсет, не стараясь выбирать выражения, сравнивает одного из них с «этим врагом Ра» – то есть, как сказали бы мы, с дьяволом. Кроме того, мы можем отметить, что в более поздние времена мадаи, должно быть, играли в египетском государстве еще более важную роль, потому что их имя в виде слова *матои* стало обобщенным обозначением воинов и было в ходу среди египтян еще в христианские времена.

К этим изначальным варварским элементам египетской армии мы при XIX династии должны добавить часто упоминавшихся шардена, кахаков и машауашей – покоренные племена ливийцев и народов моря, которые (как тюрки, курды и кавказцы в Средние века) поступали на службу к фараонам под началом своих собственных *вождей* и так же, как и упомянутые средневековые вожди (например, курд Саладин (Салах-ад-Дин) или мамлюки. – *Ред.),* в конце концов стали править в египетском государстве. О том, что их нанимали в большом количестве, свидетельствует существование того войска в 5000 человек, о котором мы уже упоминали; в него входили 520 шардена, 1620 кахаков и 880 машауашей и негров. Нет сомнения, что Меренптах и Рамсес III (IV) сражались с такими же племенами и их

союзниками главным образом при помощи этих наемников-варваров. В те периоды времени, которые мы рассматриваем, эти войска дикарей всегда специально содержались отдельно от регулярной армии; они по-прежнему принадлежали к различным *племенам,* поскольку Рамсес III (IV) называет начальников, которых он поставил над состоявшими у него на службе варварами, «вождями вспомогательных войск и вождями племен».

Обычно войско делилось на *отряды* . Относительно размера каждого отряда я не могу сделать совершенно никаких выводов, хотя нам известны названия некоторых из них. Например, при XVIII династии мы обнаруживаем отряд «Амон», отряд под названием «Красота солнечного диска» и отряд фараона. При царях XIX династии эти своего рода полки носили еще более звучные имена: например, полк вспомогательных войск, расквартированный в стране Дапур, назывался «отряд, сияющий как солнечный диск», а при Сети I один полк назывался «Амон защищает своих солдат». Во время войны из этих отрядов формировали более крупные войсковые соединения: например, Рамсес II имел четыре таких крупных отряда, названные в честь четырех великих богов Египта – «Амон», «Ра», «Птах» и «Сутех» – точнее, если называть полные имена, «первая армия Амона, который дает победу Рамсесу II» и т. д.[413]

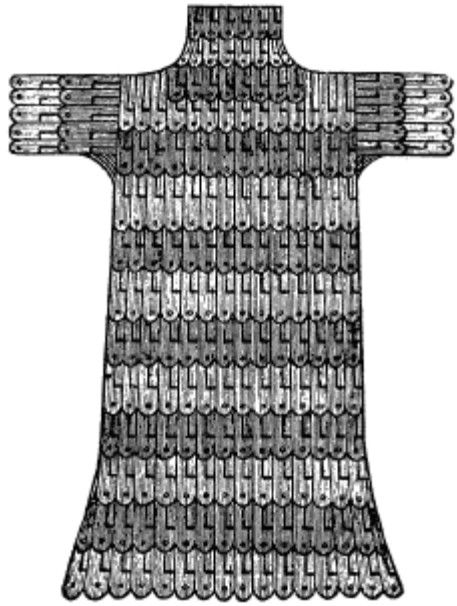
Несомненно, глаз военного легко отличил бы различные части египетской армии одну от другой по одежде и оружию воинов, однако мы не можем овладеть этими знаниями и должны ограничиться указанием на несколько особенно выделяющихся черт внешнего вида воинов.



Стеганый защитный костюм (типа рубахи), украшенный вышивкой (гробница Рамсеса III, согласно W., I. 220)

Поскольку воину нужно быть способным двигаться легко и быстро, египетские воины, как правило, не носили ничего, кроме короткой юбки, которая спереди была еще больше укорочена, чтобы в ней можно было идти быстро. Однако этот наряд совершенно не прикрывал нижнюю часть тела, и поэтому здесь имелся специальный лоскут в форме треугольника или сердца, закрепленный спереди и сделанный, вероятно, из кожи[414]. Похоже – если нас не вводят в заблуждение случайные рисунки, которые мы имеем, – что Рамсес II внес большие изменения в этот предписанный обычаем наряд, поскольку его воины уже не носят в дополнение к своей юбке этот передник, а одеты в своего рода доспехи, в состав которых входили колпак из толстого материала и облегающая тело верхняя одежда[415]. Однако эти шлем и панцирь были, вероятно, не из металла, а скорее всего – насколько можно судить по рисункам – они делались из толстой ткани на ватной подкладке; такие доспехи и теперь (конец XIX в. – *Ред.)* носят в Судане, и они обеспечивают отличную защиту. В редких случаях доспехи все же могли быть покрыты металлическими пластинами. При Рамсесе II высшие военачальники и преимущественно возничие колесниц «несомненно» надевали особую одежду – длинную юбку, верхнюю одежду и поверх них длинную кожаную рубаху, которая прикрывала грудь, спину и бедра. Позже они, видимо, вернулись

к прежнему военному костюму с лоскутом в форме сердца спереди.

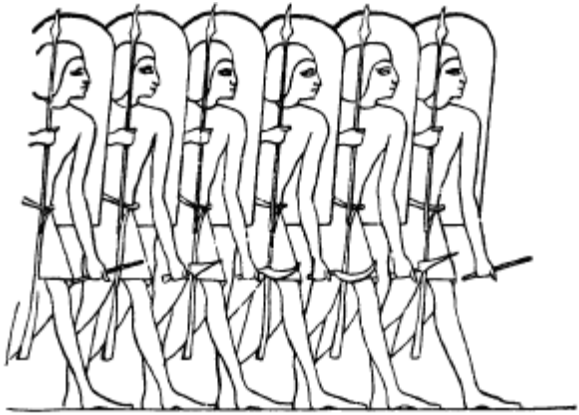


Защитная одежда, покрытая металлическими пластинами (гробница Рамсеса III, согласно W., 221)

Приведенный здесь рисунок, где показана пехота *первой армии* отряда на марше, служит иллюстрацией к рассказу о снаряжении египетских войск при Рамсесе II. Солдаты вооружены копьем и либо кинжалом, либо серповидным мечом; каждый пятый из них – вероятно, младший командир – имеет короткий жезл. На время пути они повесили свои тяжелые щиты за спину.

К несколько более раннему времени относятся другие рисунки – изображения войска, воины которого были телохранителями при дворе царя Эхнатона. Вооружение этих бойцов состояло из щита и легкой пики; командиры имели также дубинки. Воины другой части несли тяжелое копье, секиру и щит и находились под началом командиров, имевших жезлы; они также отличались от воинов первой части прической, волосы закрывали им уши[416]. Кроме того, передний лоскут их юбки тоже был несколько уже. Почти так же были одеты воины сопровождающей части, вооруженные чем-то вроде цепа и находившиеся под командой людей с дубинами. Мы также можем узнать отряд вспомогательных войск того периода – сирийцев в их национальной одежде, вооруженных длинными копьями; в набедренную повязку у них воткнут короткий кинжал; командуют ими египтяне. На других рисунках показаны отряды служивших в войсках этого же царя воинов-негров, вооруженных

луками и стрелами. Эти разнообразные полки, конечно, имеют идущих с ними знаменосцев, которые очень часто упоминаются в надписях. На приведенной здесь иллюстрации показаны изображения нескольких штандартов. Как мы видим, некоторые из штандартов имеют форму вееров, другие состоят всего из одного страусиного пера – оно, как мы уже отметили, было символом победы.

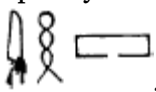


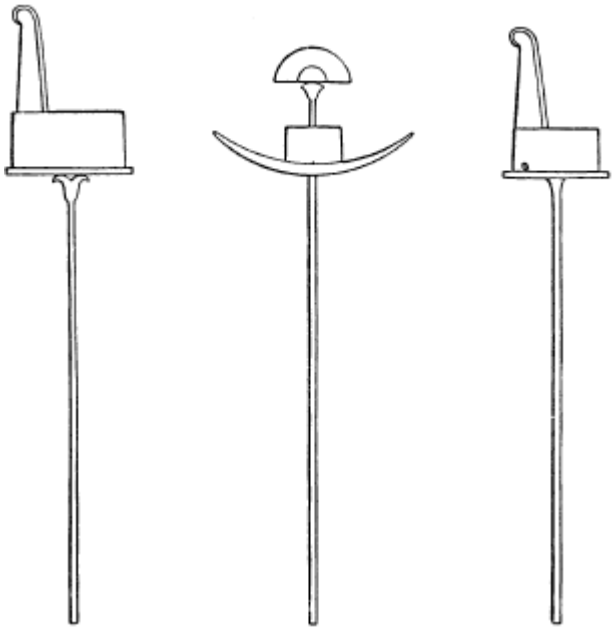
Пехота Рамсеса II (согласно L. D., iii. 155)

Совершенно иными, чем те войска, которые мы сейчас перечислили, были в период Нового царства те войска, которые мы могли бы назвать элитными, – а именно *тент-хтор,* конные силы, то есть войска на колесницах. Они во всех отношениях играли роль нашей конницы. Как мы уже видели в предыдущей главе, колесница в Египте имела иностранное происхождение и, возможно, как раз по этой причине была в очень большом почете у египтян как в мирное, так и в военное время.

Воины конца периода XVIII династии (согласно L. D., iii. 121 b)

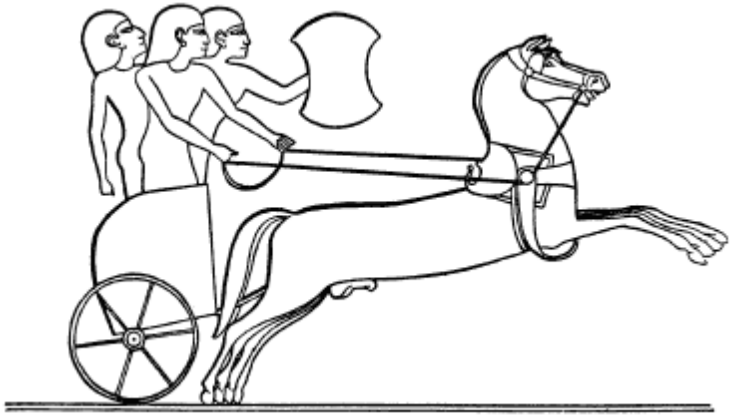
Воины колесничных войск стояли по двое на колеснице,

вровень один с другим. В бою один из них стрелял с колесницы из лука или метал дротики, которые удобно размещались под рукой в двух колчанах на краю колесницы, а другой управлял конями, которые иногда были защищены матерчатыми доспехами на ватной подкладке. Хетты использовали колесницы иначе: они размещали на каждой из них трех воинов, а именно добавляли еще щитоносца, который прикрывал своим щитом двух других (прежде всего бойца), а египетский колесничный воин должен был сам защищаться своим щитом[417]. (Боевая эффективность хеттских колесниц была существенно выше; именно Хеттское царство и другое арийское государство, Митанни (правящий слой этого государства родственный завоевавшим Индию ариям), сделали колесницы по-настоящему ударной силой, а митанниец Киккули создал трактат о коневодстве, поставив это дело на прочную основу. – *Ред.)* Казармами колесничных войск были *эх* —  , то есть царские *конюшни*[418], большие службы со своими «начальниками конюшен»[419] и писцами, которые должны были не только заботиться о лошадях, но и вести много других дел, которые по нашим представлениям в действительности имеют очень мало отношения к армии. Например, писец одной из этих конюшен в письме к своему начальнику после сообщения о том, как обстоят дела с лошадьми, далее пишет: «Я исполнил то, что мой господин писал мне: «Дай продовольствие солдатам и людям аперу, которые везут в Мемфис алтарь Ра-Рамсеса»[420]. Тут мы видим, что отряд колесничных войск в мирное время использовался на общественных работах так же интенсивно, как и пехотинцы. Мы уже упоминали о «конюшне становления», то есть, согласно египетской манере говорить, – образования[421].



Штандарты войск Эхнатона (согласно L. D., iii. 92)

Среди высших командиров этих войск были царские возницы, которые обычно назывались иностранным (индоевропейским. – *Ред.)* словом «катана». Это были (по меньшей мере некоторые из них)[422] знатные и образованные люди с высоким положением в обществе; Рамсес II и Рамсес III назначали собственных сыновей «главными возницами его величества и начальниками коней». Еще один «главный возница», Аменемопет, ряд писем которого сохранился до наших дней, именует в них себя так: «царский посол во всех странах, наместник иноземных стран и народов»; то есть он был не только военачальником, но и дипломатом. Он получил образование в школах и, несомненно, в душе презирал свою низшую военную должность, где было больше практических дел, чем ученых занятий. Вряд ли мы можем понять по-иному то, что среди мудрых писем и отрывков из стихотворений, которые он заставляет записывать своего ученика Паебпасу, есть предостережение против «несчастной должности командира колесничных войск». Бедняга командир, о котором идет речь в этих словах, в возрасте мальчика был, благодаря заботам своего деда, принят на службу в конюшню царя.

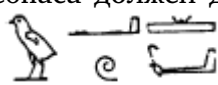


Боевая колесница хеттов (согласно L. D., iii. 158)

Он спешит взять лошадей
В конюшне перед его величеством,
Он получает прекрасных лошадей,
И радуется, и ликует,
И возвращается с ними в свой город.

Однако он не может вынести жизнь дома, поэтому поручает деду заботиться о своем имуществе и уезжает прочь в своей колеснице. После этого с ним происходят всевозможные несчастья, и, когда наконец войскам устраивают смотр, его несчастья достигают высшей степени:

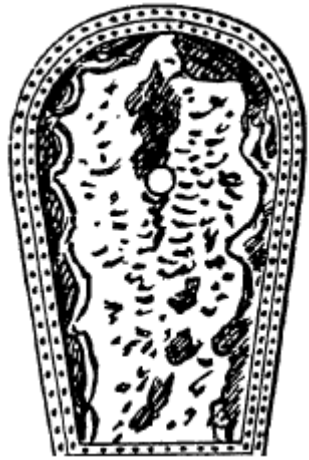
Его бьют палками на земле,
Бьют так, что от палок остается сто следов.

Но еще меньше Паебпаса должен думать о том, чтобы стать «командиром пехоты» –  , участь которого намного хуже даже этой. Чтобы предупредить своего ученика о бедах, которые несет с собой эта должность, Аменемопет предлагает Паебпасу для обсуждения следующее стихотворение, которое мы также обнаруживаем в учебной литературе того времени[423]:

Ох, что значит то, что ты говоришь:
«У командира пехоты судьба лучше, чем у писца»?
Позволь же мне рассказать тебе о судьбе командира, такой полной бедствий.
Когда он еще дитя, его приводят в казармы (?) и держат

там взаперти (?).
Удар, который… он получает в живот,
Удар, разрубающий тело, он получает в брови,
И его голова разорвана раной!
Его кладут и бьют по нему, как по книге,
Он изломан поркой.
Позволь же мне рассказать тебе, как он идет в Сирию,
Как он шагает по верхней стране.
Свои еду и воду он должен нести на своем плече,
Нагруженный, как осел;
От этого шея у него становится негнущейся, как у осла,
И кости его спины ломаются.
Он пьет грязную воду…
Если он, придя, оказывается перед врагами,
Он как птица в силке;
Если он приходит в свой дом в Египте,
Он как дерево, которое едят черви.
Он болен и должен лечь,
Его приходится везти домой на осле,
А за это время его одежду крадут и его слуги убегают.
Поэтому, о писец,
Измени на обратное свое мнение о счастье писца и командира.

Как мы уже говорили, это подчеркнутое презрение одного из высших командиров к должности своего подчиненного явно объясняется тем, что для занятия более высоких должностей всегда требовалось образование ученого человека. И действительно, среди высших военачальников[424] мы всегда встречаем «писцов армии»; а если мы вспомним, что упомянутый выше спор об изящном стиле сочинения писем ведут между собой «царский писец командования армии»[425] и другой командир[426], мы сразу почувствуем, что эти военачальники осознавали себя носителями классического образования.



Щит, покрытый шкурой (согласно W., I. 198)

Кроме того, в число писцов этого разряда входили носители многих и разных должностей. Некоторые из них были только прикреплены к определенной военной части[427], а другие явно были избраны для высших должностей во всей армии, например «начальник солдат и писец армии»[428]. Правда, обладатель этой должности мог выполнять обязанности заместителя при знатном «представителе армии» (которого часто сокращенно называли только «представитель») – при человеке, который, по крайней мере в одном случае, был по порядку старшинства выше, чем даже высокопоставленный «придворный возничий».

Похоже, что это ученое образование военачальников не вредило исполнению ими их практических обязанностей. В мирное время и в более ранний, и в более поздний периоды их использовали на всевозможных инженерных работах – например, при перевозке камня или работах на оросительных каналах. Эти обязанности ничуть не считались унизительными для высших армейских командиров:

> Начальник армии, вождь войск луков, Сакет, стоящий перед ними;
> Знаменосец, представитель,
> Писец армии, командир крестьян —
> Они входят внутрь и выходят наружу
> Во дворах царского дома.

А бедный подчиненный, низший командир, *yay,* сравнивается с нагруженным ослом. Это потому, что «он должен работать, пока не зайдет солнце», а ночью не может спать от голода: «он мертв еще при жизни»[429].

Итак, по представлениям египтян, даже в военной профессии хорошее образование было единственным, что могло принести человеку счастье и успех.

notes

Примечания

1

L. D., iii. 114 і и много других примеров.

2

См. книгу: Schweinfurth. Ueber den afrikanischen Ursprung aegyptischer Kulturpflanzen (Швайнфурт. Об африканском происхождении египетских культурных растений) в переводе Тизлтона Дайера.

3

Надпись Уны (Ä. Z., 1882, 25).

4

В «Илиаде» упоминаются илифии – богини родовых мук, вызывающие роды. *(Примеч. пер.)*

5

Г е л и о п о л ь – позднее греческое название города Он. *(Примеч. ред.)*

Iliad, 9, 381 и след. с., Derby.

Düm. Gesch. Des alt. Aeg., 202.

8

Это современное название канал получил в честь знаменитого средневекового египетского султана курдского происхождения, основателя династии Эйюбидов, Юсуфа Салах-ад-Дина (Саладина). *(Примеч. пер.)*

9

Ed. Meyer, Set, Typhon, p. 7 и след. c., ditto, History of the East, § 93.

10

См.: Tanis, i. 1884–1885; и ii. 1887–1888. Опубликовано Египетским исследовательским фондом.

11

L. D., iii. 136, где имена народов путем игры слов объясняются с помощью имени бога Гора. Слово *Pemy,* которое встречается в этнологических работах, посвященных Египту, – ошибка; это слово читается *Romet.*

Naville. Myth of Horus, 21, 2.

13

Стела из Кубана, строка 3.

14

См.: Bädeker’s Lower Egypt, p. 47.

15

Форма этого имени Тутмос будет использована в этом издании вместо Дхутмос, как более привычная для европейских читателей.

16

Посвящение Хуемхотепу в Бени-Хасане, L. D., ii. 124, II. 36–46.

L. D., iii. 25 i.

18

Три письма некоего Мериетфа (Leyden, i. 365–367) запечатаны такой печатью, а скарабеям, на которых это имя выгравировано, нет числа.

Harris (I.) 75.

Ä. Z., 1883. C. 60, 61.

L. D., iii. 202 a, c.

22

Во всяком случае, супруга его отца носила это же имя. Mar. Cat. d'Ab., 1170.

23

P. j. T., 4, 2; 5, 3.

24

Prisse, Mon. 21.

Harris, 500, 14, 4.

, An., 4, 4, 10.

Ed. Meyer. Gesch. Des Alterthums, § 225.

28

Изображения царей Древнего царства, L. D., ii. 2a, с. 39 и след. ст., 116: Статуи фараона Хафры в Гизе.

29

L. D., ii. 2 a.

30

Стела из Кубана, 1, 8: в наряд царя, который присутствует на совете, входят узкая головная повязка и украшение из двух перьев.

31

Титулы этого и других чиновников найдены на стелах Хентемсете и Хентемсетеура (L. A.), которые обе входят в собрание Анастази; вторая из них сейчас находится в Британском музее.

32

Mar. Cat. d'Ab., 1122.

L. D., iii. 76, 77 и другие подобные отрывки.

34

L. D., iii. 2 b, c. 121 a. Это описание относится к эпохе Нового царства.

35

См. интересные изображения в гробнице Мерира в Эль-Амарне (L. D., iii. 92–94).

Harris, i. 76, 1–4.

37

Праздник коронации, L. D., iii. 31 b. 13.

L. D., iii. 174 d., 175 и след. с.

39

L. D., iii. 162–164, там же 212–213 (полнее в W. iii. Ix.), в обоих местах среди рисунков, изображающих жизнь царя.

40

Согласно легенде, Гор через таких же посланцев сообщил остальным богам о своем восшествии на престол. Об изображении его восшествия на престол: L. D., iv. 57–58.

41

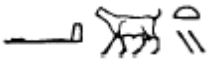
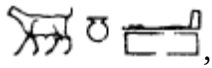
An., 4, 5, 6 и след. с. Сочинение относится к первому году царствования.

42

Diodorus, I, 70.

Стела из Кубана, строка 7, и многие другие примеры.

См.: L. D., iii. 24.

 , старое написание  , например R. J. H., 95. Ср.: Br. Dic. Suppl., p. v. 'ah'a.

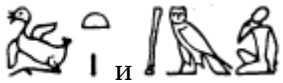
d'd sm'e, напр. An. 4, 4, 9.

Pap. Amherst, 3, 9 и 4, 3.

Insc. Hier. Char., 12.

Abb., 6, 14.

L. D., ii. 149 и и след. с., 140 b.

 первый вариант относится к более раннему периоду, а второй часто встречается во времена после XVIII династии.

52

Стела из Кубана, I, II; L. D, iii. 187.

Harris, i. 75, 10.

Показанная в этих иероглифах форма дворца относится к эпохе Древнего царства (напр., L. D., ii. 48, Mar. Mast, 248, 424); в более поздних изображениях это традиционная форма (напр., W., iii. pl. 1x). Дворец времен Нового царства показан в нескольких разных видах (см. ch. ix.), но в нем всегда есть эти части, которые и называются так же – аха; An., 4, 5, 9; усехет, An., 5, 19, 6.

55

Уже в эпоху Древнего царства были «управляющий благородными жилищами царя», L. D., ii. 35 и след. с., и «тайный советник царя во всех его жилищах», Mar. Mast., 195.

L. D., iii. 159; Harris, i. 4, II. Что эти заупокойные храмы были по меньшей мере формально посвящены Амону, мы видим из L. D., iii. 167; Harris, I, 3, II.

R. J. H., 80.

Согласно рисунку, L. D., iii. 92 и след. с.

59

Стела из Кубана. Возможно, что редактор этой надписи добавил в ее текст поэтические украшения.

60

Этот топорик мы, несомненно, обнаруживаем во времена XVIII династии; L. D., iii. 98, 104, 105; позже он часто отсутствует.

L. D., iii. 92. Между штандартами и веерами нет разницы, они применяются в обоих случаях, L. D., iii. 100 b.

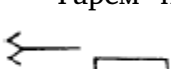
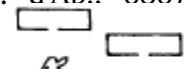
Mar. Mast., 183, 208, 225, R. J. H., 153.

L. D., iii. 132o.

Эти «нест сутен ( ) эн та хемт сутен» имели особую администрацию: L. D., iii. 242 d; также см. там же, 100 d.

L. D., iii. 98.

L. D., iii. 100 d.

Гарем назывался (Маг. Cat. d'Ab.. 686)  (там же, 719), в эпоху Нового царства  .

Часто встречающееся название , похоже, обозначает дом семьи в более широком смысле слова, потому что в нем живут дети царя (там же, 702) и его мать (L. D., iii. 100 d).

Стела из Кефнена, относится ко времени Аменемхета III (L. A., «Mus. Eg., 70»), P. j. T., 5, I. Все эти гаремные чиновники сами были женаты, а значит, не были евнухами.

L. D., iii. 208 a. b. d. Змея-урей из d., несомненно, должна быть цветком.

R. J. H., 79.

R. J. H., 289 = Mar. mon. div., 68 d.

Стела Небпу-Усертсена из Абидоса (L. A.).

73

Стела Хентемсете оттуда же (L. A.).

R. J. H., 2.

75

Провинции Древнего царства: L. D., ii. 3–7; R. J. H., 95; Mar. Mast., 437.

Надписи в Бени-Хасане, Асьюте и Эль-Берше содержат особенно много сведений о провинциях Среднего царства.

Сравните с надписями из Бени-Хасана то, что я установил по текстам из Асьюта, Ä. Z., 1882, с. 161 и след. с. Номархов Древнего царства легко узнать по титулам, но обычно они не указывали место, где жили; а поэтому мы не можем определить, передавалась ли должность наместника провинции по наследству.

L. D., ii. 97 b, возможно, этот сановник и мудрый старец с тем же именем, который упомянут в папирусе Присса, – один и тот же человек.,

Храмовое поместье: , L. D., ii. 88. Поля: Mar. Mast., 115.

80

Дома серебра: L. D., ii. 45 и след. с., 73 и след. с., 77 и след. с.; Mar. Mast., 124 и след. с., 228 и след. с. Склады зерна: L. D., ii. 45 и след. с., 73 и след. с., 77 и след. с.

81

Мастерские: L. D., ii. 45 и след. с.; Mar. Mast., 124 и след. с., 228 и след. с. Дома золота: L. D., ii. 75, 103.

Обители пищи: L. D., ii. 27 и след. с.; Mar. Mast., 228 и след. с. Поля жертвоприношений: R. J. H., 2.

Двухчастное: L. D., ii. 73 и след. с. Единое: Mar. Mast., 214 и след. с., 228 и след. с.

Сравните с этим интересные цитаты в: *Brugsch.* Die. Suppl., 927 и след. с. Согласно этим цитатам, эти сановники были точно тем же самым, что и судьи, хотя изначально так бывало лишь иногда. То, что Диодор (I, 75) пишет о тридцати судьях, которых избирали в трех городах – Фивах, Мемфисе и Гелиополе, – может относиться разве что к самой поздней эпохе.

L. D., ii. 3, показывает, что этот титул не означает «инспектор каналов и дамб» (как утверждает Бругш), а имеет более широкое значение. (Также ср. там же, 100 b, где этот титул следует за словами «управляющий пустыней».)

86

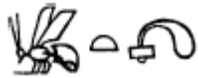
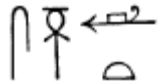
L. D., ii. 3–7; важная во всех отношениях, но очень трудная надпись. В ней идет речь, среди многого другого, и о землях, находившихся в собственности покойного, и о части этих земель, взятой для похоронных жертвоприношений.

87

Еще один начальник округа в этом городе, R. J. H., 63, 65.

R. J. H., 2; Ä. Z., 1882, c. 21.

L. D., ii. 100 c; R. J. H., 90; Mar. Mast., 251 и след. с. Также ср. там же 233 и след. с.

L. D., ii. 149 c; Mar. Cat. d'Ab., 654; Louvre, C. 2, Борхардт показал (Ä. Z., 1890, 87–92), что  не означает «государственный казначей», а является званием, которое носили различные высокопоставленные чиновники, и особенно часто «управляющий казной» – настоящий государственный казначей. Звание это находилось между – «князем» и  – «ближайшим другом».

Так было, во всяком случае, в эпоху Среднего царства. См.: L. D., ii. 137 a. Может быть, он назывался «казначеем бога» потому, что специализировался на работах для храмов и гробниц.

По поводу этих чиновников ср.: Ä. Z., 1882, с. 6; L. D., ii. 18 и след. с., 97 a, 100 b; Mar. Mast., 162, 188 и след. с., R. J. H., 78, 89 (= Mar. Mast., 191).

93

В Бени-Хасане (L. D., ii. 127) он управляет кораблем, который везет тело номарха в Абидос.

Mar – Mast., 108. Начальник юга: L. D., ii. 60 и след. с. Стела Себекхотепа (VI династия, L. A.); Верховный судья: L. D., ii. 73 и след. с.; 77 и след. с.; 103 с.

L. D., ii. 94 d, 110 c; Mar. Mast., 104, 115, 135, 150; R. J. H., 85/101. Исключение сделано для «управляющего писцами по делам сельского хозяйства в номе Быка». Mar. Mast., 437.

96

Стела Антефа, главы кабинета, относится к 39-му году правления Сенусерта I.

Так было при Сенусерте I.

Не вполне ясно, в каком порядке располагались эти должности по старшинству.

99

Во времена Нового царства он носил одежду, украшенную узором в виде звезд.

100

Сын номарха сменяет отца в этой должности: L. D., ii. 122, 134 c.

101

Судя по следующей надписи, сыновья дочерей, возможно, считались главными кандидатами в наследники; с этим согласуются и другие места текста.

102

L. D., ii. 122. Амони явным образом отмечает, что унаследовал ном Газели от своего «старого отца», и сразу после этого стоит дата вступления в наследство.

103

Ср.: Ä. Z., 1882, p. 159 и след. с.

Все, что сказано дальше на эту тему, известно по рисункам из гробницы Хнемхотепа, L. D., ii. 126 и след. с. Мы видим здесь, что казначей строил гробницу Хнемхотепа, L. D., ii. 125, I, 222.

Этих великих домов было шесть, L. D., ii. 150 a, так же как и шесть судов . Это указывает на какое-то деление всего царства или Верхнего Египта на шесть частей.

Например, каменщика. Mar. Cat. d'Ab., 724.

Мы можем видеть, что после гражданской войны Яхмос сам наделял землями своих любимцев (L. D., iii. 12 d., 21). Это подтверждает изложенную выше теорию, потому что он, вероятно, давал им долю из добычи.

No, 7311, где это доверенный слуга.

109

Мы можем считать «писца Пахри, князя Нехебта, начальника пророков» номархом в прежнем смысле этого слова; он жил в начале правления XVIII династии, L. D., iii. 10 и 11.

110

L. D., iii. 128 b. Мы не должны упускать из виду, что там же, 76, «первые люди юга и севера» вместе с «начальником дома» – это всего 34 человека.

111

Сенмут: L. D., iii. 25 i; Хоремхеб (вначале «главные уста», позже «заместитель»). Transactions of Bib. Archae, iii. 486 и след. с.; Рамсес II («заместитель» при своем рождении, а в возрасте десяти лет «главные уста» своего отца); Стела из Кубана, 1, 16, 17; Рамсес III (был «эрпате», а позже одновременно с этой должностью – великими «главными устами для стран Египта, отдающими приказы для всей страны», Harris, 75, 10. При Рамсесе IX «эрпате» сопровождал наместника; Insc. in the hieratic character, Pl. I.

112

При Хоремхебе были «два начальника города, юга и севера», Düm. Hist. Insch., ii. 40e. То же при Рамсесе III, Düm. Hist. Insch., i. 26, 27; Harris, 10, 10, для обеих половин страны. При Рамсесе IX, наоборот, югом и севером управлял один и тот же наместник, как видно из Abb., 6, 22.

113

Впервые, вероятно, при VI династии, R. J. H., 153–154; M. E. – L. D., ii. 122; Mar. Cat. d'Ab., 755; Zouvre, C. 4. C. L. A.

114

«Начальник дома» и «великий начальник дома»: Mar. Cat. d'Ab., 441–449.

115

«Главный казначей» упомянут в L. D., iii. 3 a. b. Mar. Cat. d'Ab., 1061 и на стеле из Кубана, 1, II. В этом случае он еще действительно работает. «Начальник дома серебра» носит титул «главный казначей», L. D., iii. 242.

Что их было несколько в одно и то же время, мы видим в P. j. T. 2, 1, 5, 2.

117

L. D., iii. 242 – как участники похоронной процессии тех, кто перечислен перед ними.

118

An., 4, 7, 9 и след. с. Возможно, слово, переведенное как «доски», означает «брусья», а слова «боковые доски» и «починить» переведены лишь по догадке.

119

Хранитель архивов в казначействе, An., 6, 3, 12.

120

Венский папирус, изданный Бругшем, Ä. Z., 1876, pl. 1. Мой перевод в некоторых местах ненадежен, поскольку текст требует большого числа исправлений.

121

An., 5, 27, 3–7. В чем состояла нечестность, о которой идет речь в тексте, я не могу понять.

122

Изображение награждения золотом на рисунках в двух гробницах Эйе; L. D., iii. 108–109 и L. D., iii. 103–105 со ссылкой на L. D., iii. 97. На втором рисунке среди драгоценностей следует обратить внимание на золотые ладони. См. также: W., iii. pl. 64, годы XIX династии.

123

Мне кажется, невозможно сомневаться в том, что гробницы № 1 и 3 среди южной группы усыпальниц в Эль-Амарне принадлежат одному и тому же человеку: об этом свидетельствуют одни и те же имя, титул и время. Вначале он подготовил себе гробницу № 3, но после свадьбы приказал построить для себя и своей высокородной жены гробницу № 1 с более богатыми росписями. Позже, уже будучи царем в Фивах, он построил себе еще и третью гробницу, в которой его телу также не суждено было найти покой!

Некоторые детали этого перевода указаны лишь предположительно.

125

Ср. интересный список зависимых крестьян, состоявших при некрополе, Tur. 35–38.

126

В Pap. Salt. мы читаем о том, что сын старшего рабочего сменил в этой должности своего отца.

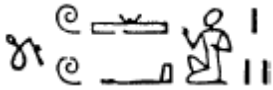
127

См. жалобу против него в Salt. Pap. Другая похожая жалоба одного рабочего на другого: Turin. Pap., 47/48. В своем переводе я попытался воспроизвести неуклюжий стиль, характерный для этого текста.

128

По поводу того, что следует дальше, ср.: Pap. Abbot, Pap. Amherst и мою собственную работу, посвященную этим документам: Ä. Z. 1879, 81 и след. с., 148 и след. с.

129

Слово  может означать «проверяющий чиновник»; An., 4, 7, 7, их снабжают вином с виноградников храма Амона. Такого же мнения придерживается Шаба.

130

Смысл этой бессвязной и очень трудной для понимания речи, видимо, таков: «Я не имею никакого отношения к этому делу, поскольку *не я* направил обвинение царю» (это была только половина правды). Затем иронически: «Прекрасно, что вы нашли взломанной всего *одну* царскую гробницу и, конечно, этот вред не должен быть объяснен плохим управлением, а был вызван особым гневом богов против этого царя».

Abb., 8. и Pap. Mayer, который я знаю, к сожалению, лишь по коротким аннотациям Гудвина. Ä. Z., 1873, 39 и след. с., 1874, 61 и след. с.

132

В виде исключения мы вместо этого титула обнаруживаем, что один из «великих людей юга» назывался «начальник царских приемов для размышления над всеми словами» (Mar. Mast., 109).

133

Бругш первый правильно определил эти «великие дома», а также слова, означавшие «судья» и «главный судья». (Diet. Suppl., 390 и след. с.).

134

По отрывкам, которые цитирует Бругш. Diet. Suppl., 390, видно, что это украшение, о котором упоминает Диодор, на самом деле было традиционным знаком различия верховного судьи.

135

Abb., 7, 3 и след. с. Завершающее предложение, возможно, означает «носитель опахала из дома князя», но при таком переводе возникает одна трудность в грамматике.

136

Эти писцы суда назывались также «царские писцы истины». Mar. Cat. d'Ab., 433, 1216.

137

Приведенное здесь описание большого судебного процесса по делу о государственной измене в царствование Рамсеса III взято из Туринского судебного папируса, Папируса Ли и Папируса Роллена, 1888. Ср.: Ä. Z., 1879, 76 и след. с.

138

Сравните со всем, что написано далее, мою работу Ä. Z., 1882, с. 159 и след. с. Подобные же «опечатанные списки платежей» *(хетемт дхау)* составлялись при заключении соглашений по этому же поводу между жрецами из Абидоса и знатными людьми. Mar. Abyd., ii. 25.

139

Из этого указа до нас дошел только отрывок – выписка, сделанная в более поздние времена: Inscript. In the Hier. Charact., Т. 29. Редакторы Бёрч (Chabas, Melanges, I, с. 324 и след. с.) и Бругш (Ä. Z., 1875, с. 123 и след. с.).

140

L. D., ii. 122, b. Каким ужасным может быть голод в Египте, мы можем увидеть по составленному Абдулатифом описанию голода 1201 года н. э. (Абдулатиф, изд-во де Саси. С. 360 и след. с.).

141

Иллюстрация к этому тексту и второе изображение, также W., I, 281 – единственные известные мне, которые относятся к ранним временам. Водяные колеса, возможно, тоже существовали уже в старину, но нет доказательств их существования в те эпохи, о которых мы говорим.

142

Д'Орбиньи, 2, 3.

143

Согласно изображению из гробницы Пахра в Эль-Кабе, L. D., iii. 10, a.

144

Если лемех коричневый (Ros. M. C., 32, 4, 5), то остальные части плуга светло-желтые. Возможно, это позволяет нам сделать вывод, что они изготовлены из разных видов дерева. Но более темный цвет мог просто изображать землю, прилипшую к лемеху. Так могло быть и с мотыгой (см. примечание 4 на следующей странице).

145

В одной повести времен Нового царства, d'Orb, 2,2 и след. с., упомянута пахота на лошадях, если только слово *хтр* в этом случае надо переводить как «лошадь», что сомнительно.

Возможно, большой рычаг, который несли перед плугом (L. D. ii. 107), применяли, чтобы плуг легче было поворачивать; на изображениях его нижняя часть имеет темный цвет, и это могло бы подтвердить такую гипотезу.

147

Нов.: L. D., iii. 10 a.

148

Мотыги – Др.: L. D., ii. 51 (= Ros. M. C., 32, 1), 56 a (с двумя зубцами?); Badeker, 414. Ср.: L. D., ii. 127; W., ii. 391; Perrot, 4; Ros. M. C., 32, 6 (цветной рисунок, рукоятка светлее лезвия). Нов.: W., ii. 394; Perrot, 704.

149

Молоты – Нов.: Perrot, 704.

150

Сев – Др.: L. D., ii. 51, 56 a; Badeker, p. 414; L. D., ii. 106 b; W., ii. 390. Нов.: W., ii. 394; Perrot, 704; Ros. M. C., 32, 2 (= W., ii. 396); W., I. 372.

151

Овцы, втаптывающие семена в землю, – Др.: L. D., ii. 51 (Ros. M. C., 32, 1), 56 a, 106 b (= Ros. M. C., 32, 3); W., ii. 390. На всех известных мне рисунках изображенные животные – овцы, а не козы, как раньше часто говорили. Что такое маленький мешок и короткая палка, которые погонщик носит с собой в дополнение к хлысту?

152

Люди, которые жнут хлеб, при Др. – IV династия: L. D., ii. 51; и там же, 13. V династия; там же, 43, 47, 73 (неверно понято), 80 с. Badeker, с. 407; VI династия: там же, 106, 107. При Ср.: L. D., ii. 127. При Нов.: W., ii. 419, 422, 424, 427.

Форма серпа бывает очень разной, и при этом мы не можем указать временные границы этих изменений.

154

Так в W., ii. 419 (Нов.). В эпоху Древнего царства колосья срезали примерно на высоте колена.

L. D., ii. 80 c, 106 в, 107, 127.

Brugsch, Gr. W., 165–169.

157

L. D., ii. 9; W., ii. 419.

158

Др.: L. D., ii. 51, 43, 47, 106. Нов.: W., ii. 424. Похоже, что после эпохи Среднего царства египтяне, как правило, не вязали снопы, а собирали сжатый хлеб сразу в корзины или мешки, в которых и отвозили его на ток. Ср.: L. D., ii. 127; W., ii. 419, 420, 422.

159

Др.: L. D., ii. 47.

160

Ср.: L.D., ii. 127 (с надписью *срд,* то есть коптское «срит» – сбор колосьев). Нов.: W., ii. 419, 422.

L. D., ii. 51, 47, 73, 106. Такие сцены до сих пор можно увидеть в повседневной жизни современного Египта.

L. D., ii. 47, 80 a.

163

Она называлась *«eадт»* и делалась из тонких веревок: Perrot, 669; L. D., ii. 80 c, 106. Открытая сверху, там же, 56 a. У седла внизу было кольцо, к которому подвешивали корзину, – там же, 106.

L. D., ii. 51, 43, 73; закрепленный вверху – там же, 47. Bädeker, p. 407.

165

Ср.: L. D., ii. 127. Нов.: W. ii. 420.

L. D., ii. 80, 106. Bädeker, c. 407; Perrot, 669. В одном случае (L. D., ii. 47) это вязанка сорной травы, которую явно несут в таком виде для употребления на корм или в пищу.

L. D., ii. 51, 47, 56 a, 73, 80, 106–107; Bädeker, c. 407.

L. D., п. 51, 43, 56 a, 73, 80, 106. Куча называется , бросок .

169

Ср. рисунок: W., ii. 424.

170

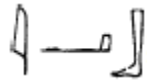
В эпохи Древнего царства и Среднего царства эту площадку рисовали , но, поскольку мы не видим копыт стоящих на ней животных, она должна была быть ниже в середине. При Новом царстве мы обнаруживаем, что она изображается так . Оба наблюдения доказывают один и тот же факт.

171

Ср.: L. D., ii. 127. Нов.: W., ii. 419, 420, 423, 424, L. D., iii. 10 c, d.

W., ii. 420, молотят четыре быка, их рога скреплены вместе палкой, и поэтому им приходится идти в ногу.

173

Сгребание в кучу называлось  ; вилы имели два или три зубца. Др.: Perrot, 36; L. D., ii. 9, 47, 71, 80. Ср.: L. D., ii. 127. Нов.: W., ii. 422, 423.

Возле них сидит надсмотрщик с палкой; L. D., ii. 9.

175

Это ведомство в поместье эпохи Древнего царства состояло, согласно L. D., п. 71, из: 1) – начальника; 2) – писца («писец житницы», L. D., п. 51); 3) – измерителя; 4) – сильного в речах (?) житницы (верное чтение, L. D. ii. 103). «Измеритель зерна» часто встречается и при Новом царстве. Похожие изображения эпохи Нового царства; W., ii. 419, 422.

176

Др.: Perrot, 30. Ср.: W., i. 371 (с лестницей). Нов.: W., I, 371; Perrot, 487 (Prisse texte, с. 218).

177

Также L. D., ii. 127; Perrot, 488. Лестница также в: W., I. 371. Несмотря на то, что крыша не плоская.

178

Форма , куча зерна, поднятая на подставку из ила для предохранения от мышей, была, очевидно, если судить по иероглифам, обычным способом хранения зерна в древнейшие времена. Но из всех известных мне житниц только двойная житница в Эль-Амарне (W., I. 348) – единственная, где такие кучи изображены вместо житницы-склада.

179

L. D., iii. 10 a.

Я специально не затрагиваю здесь трудный вопрос о том, в какие эпохи различные культурные растения были завезены в Египет.

181

Сбор урожая дурры (проса): W., ii. 396, 427, 428; L. D., iii. 10 e.

L. D., iii. 10 e.

183

Ср. имена коровы «Чистейшая из Быков» (так!) и теленка «Хороший Бык» при XII династии в Mar. Cat. d'Ab., 742.

Бахрома: L. D., ii. 15 b, 57, 69, 70 и т. д. Несколько таких украшений дошли до нас и хранятся в Лондоне; они сплетены из тростника.

185

Ср.: R. Hartmann в Ä. Z., 1864, p. 25 о египетских быках. Однако он, видимо, не считал безрогий скот отдельной породой.

186

В списке приношений в Perrot, 667 проведено различие между мясом скота пород *нег, эуа* и *хредеба.*

187

Длиннорогая порода называлась *эуа* – «быки», в отличие от прочих пород. Изображения животных этой породы можно обнаружить везде; необычно крупные рога, напр., L. D., ii. 31; Düm. Res., 9. Цветные рисунки: L. D., ii. 19–21, 57, 58, 66.

188

Порода *нег* изображена в L. D., ii. 14 b (гигантский скот), 24, 54, 91 c.

189

Короткорогие животные: Düm. Res., 9; L. D., ii. 70; до некоторой степени также 47, 74 c, 104 a. При Среднем царстве – бойцовые быки с совсем короткими рогами: L. D., ii. 132.

Безрогий скот обычно назывался – *хредеба,* иногда обозначался просто как эуа, L. D., ii. 9 a (с теленком); 15 b, 45 d, 50 b, 60, 62, 74 c, 77 (с теленком), 80 e, 91 c, 96, 102 a, b, 105. При Среднем царстве его иногда обозначают как *эуа* (L. D., ii. 128, 129, 132), а иногда соединенными вместе слогами «ун» и «ду» (там же, 129, 131); в это время он встречался часто. Пятнистое животное этой эпохи – там же, 152 h. Что *хредеба* – не молодой скот обычной породы, нам позволяет понять существование: 1) телят и 2) «молодого скота» *рен* этой породы (L. D., ii. 105); 3) специально проведенное различие между *нег* и *эуа* в списке даров: Perrot, 667.

191

Изогнутые рога – Др.: L. D., ii. 47, 70, 102 b; Düm. Res., 9. Ср.: L. D., ii. 129. Ср.: R. Hartmann в Ä. Z., 1864, с. 26.

Коровы и быки: L. D., ii. 77, 105.

193

Телящиеся коровы: Düm. Res., 9 и сильно поврежденный: L. D., ii. 96.

D'Orb., 1, 10.

195

Откармливание скота: Düm. Res., 9; L. D., ii. 50 b, 62, 96, 102 b; Br. Gw., 1. В эпоху Среднего царства: L. D., ii. 132. Это тесто *уша* применялось также при откорме антилоп и домашней птицы; в предположение, что в этих случаях изображена дача лекарства, вряд ли можно поверить. «Взбивание теста»: L. D., ii. 66, 77, 96, 105. Скручивание «пирожков»: Perrot, 33; Bädeker, 405 = Prisse, Hist. d'Art, Atlas. Похоже, что затем тесто или пирожки отваривали.

Питье: L. D., ii. 62, 96, 105.

197

Бругш уже отметил, что слово *coxme* означает не «полевые работники», а «жители болот». Я установил их тождество с пастухами, птицеловами и рыбаками. Одежда этих людей: L. D., ii. 12, 50, 54, 66, 69, 70, 96 (желтая), 105. Волосы: Düm. Res., 8, 9; L. D., ii. 45 c. 66, 69, 96; Perrot, 33. Борода: L. D. ii. 69, 96. При Среднем царстве (L. D., ii. 127, 131, 132) пастухи выглядят как обычные египтяне. В это время каждое стадо находится под началом у «старшины пастухов» и «начальника тысячи» (там же, 132).

198

Ср.: Perrot, 36 (L. D., ii. 66, 77; L. D., ii. 77 содержит продолжение рисунка из книги Перро: пастух, который был раньше изображен спящим, теперь проснулся, его собака тоже не спит и смотрит на своего хозяина).

Например, предмет, который виден позади каждого из пастухов, занятых плетением, – нечто вроде ошейника из стеблей, который вешали вместе с бахромой на шею быкам; посох и этот ошейник были отличительными признаками пастуха. Ср., например, рисунок L. D., ii. 132; W., ii. 84, 100 и иероглиф человека с двумя предметами в руках. *(Примеч. пер.)*

«Первый бык стада»: L. D., ii. 61. «Молодой скот» *(рен)* породы *эуа:* L. D., ii. 61, 66, 91, 102 b и т. д.; породы *хредеба:* L. D., ii. 105; породы *нег:* L. D., ii. 91. «Коровы-матери»: L. D., ii. 102 a. «Телята»: L. D., ii. 31, 66, 72 (сосунки), 96, 102, 105; Düm. Res., 9 и т. д.

201

Стада, приведенные на осмотр: L. D., ii. 9, 31. При Среднем царстве: L. D., ii. 131–132. Ср. также рисунки, например: L. D., ii. 91, 102 a, b и т. д., хотя на самом деле на них изображены съестные припасы, предназначенные для обрядов в честь умерших.

L. D., ii. 105.

203

Овцы, которых проводят перед хозяином для осмотра: L. D., ii. 9; Ср.: L. D., ii. 132.

204

Козы, которых проводят для осмотра: L. D., ii. 9; Perrot, 37; Ср.: L. D., ii. 132.

205

Ослы, которых проводят для осмотра: L. D., ii. 9; Ср.: L. D., ii. 132.

Среди многих примеров мы можем указать как особенно заметные: *мауд* – L. D., ii. 14, 17, 24, 45, 50, 54, 102 b, *гахс* — L. D., ii. 14, 46, 70, 102 b; Perrot, 37; *нуду* (?) – L. D., ii. 61 b, 70, 102 b; Düm. Res., 3 (самец и самка); *шес* — L. D., ii. 70; Perrot, 37; *неафу* — L. D., ii. 45, 46, 61 b. Согласно R. Hartmann (Ä. Z., 1864, с. 22 и след. с., Düm. Res., с. 29), мауд – это oryx leucoryx (белый орикс, один из видов рода сернобыков), гахс – газель доркас, нуду – addax nasomaculatus, шес – североафриканская антилопа бубал, неафу – capra nubiana (нубийский горный козел).

Откорм антилоп: L. D., ii. 102 b. При Среднем царстве: L. D., ii. 132.

Рисунки, например L. D., ii. 132, позволяют нам увидеть, что гусей ловили птицеловы; на них стада гусей не входят в число домашних животных сельской усадьбы, а показаны среди изображений, окружающих фигуру птицелова.

209

Хорошие изображения различных видов гусей и т. д. с подписанными возле птиц их именами: L. D., ii. 61 b, 70; Düm. Res., 9; Prisse. Hist. de l'Art., Atlas. Голуби: Düm. Res., 3; L. D., ii. 70. Журавли: L. D., ii. 17 b, 50 b, 70; Prisse. Hist. de l'Art., Atlas.

210

Откармливание гусей изображено в гробнице Ти. Ср.: Prisse. Hist. de l'Art. Atlas и Bädeker, с. 404, 405. Надписи, сопровождающие эти рисунки, полностью приведены в: Brugsch. Gr. W., 4–9, 11–14, 17–21, там же приводятся и надписи, где сказано о даче еды и питья. Однако неясно, к чему относятся слова «четыре раза в день я кормлю» (там же, 15). Во времена Среднего царства: L. D., ii. 132.

Конечно, в Фивах до сих пор существует много ненапечатанного материала, но все же изображения сельских работ в более поздние времена всегда встречаются редко.

212

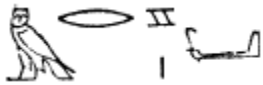
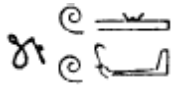
Изображения длиннорогих коров в эпоху Нового царства: L. D., iii. 10 a; W., ii. 84. На рисунках эпохи Нового царства мы не видим особей безрогого скота.

213

Ср.: с. 303.

L. D., iii. 117. Кроме того, изображены длиннорогий скот и одно гигантское животное с широко расставленными рогами; украшение, надетое на гиганта, – такое, которое использовали для своих быков и египтяне, ср.: там же, 94.

215

Harris, I. 7, 9. В этом отрывке чиновники, состоящие при стадах Амона, названы так: 1) начальник быков; 2) писец; 3)  ; 4)  .

D'Orb., 1, 7; An., 4, 3, 11; An., 4, 13, 4 о быках; An., 3, 6, 5 о лошадях. Этим же словом обозначается лагерь армии.

217

W., I, 370, в задней его части видны тринадцать маленьких помещений.

218

Из моих собственных записей. Тот, кто похоронен в этой гробнице, не имел титулов.

219

An., 5, 15, 6 и след. с. = Sall., 1, 5, 11 и след. с. В обоих случаях текст очень неразборчивый.

Такое положение было в Египте несколько лет назад, до отмены барщины.

Sall., 2, 4, 6 и след. с.

222

Sall., 2, 4, 8 и след. с. Перевод четвертой строки очень недостоверен.

223

Сбор папируса: Др. L. D., ii. 106 a; Düm. Res., 8.

Ср.: с. 479, 480.

225

Ср.: с. 227, 228.

Или, скорее, размягчали путем битья и давления; поэтому солдата, которому приходится терпеть много побоев, сравнивают с книгой: An, 4, 9, 7.

Существующие сегодня свитки папируса очень разные; по-прежнему необходимо их углубленное изучение.

Есть свидетельства, что при изготовлении ковров применялся тот же принцип: Ros. M. C., 41, 5 (= W., ii. 170, Нов.). О применении циновок ср.: с. 186, 187. Их стиль и то, что они всегда делились на прямоугольные полосы, показывает, независимо от Perrot, PI. 14, что хорошо известный орнамент в гробницах произошел от узоров на коврах.

229

Ср. цветные изображения: L. D., i. 41; W., i. Pl. 8; Ros. M. C., 71; Prisse, 28.

Такие корзины, например, в Берлинском музее, 9631. Узоры очень похожи на узоры современных нубийских корзин.

Ср., например, хранящиеся в Берлинском музее пелены царя Пепи и царя Меренра из VI династии, а также прозрачную верхнюю одежду эпохи Нового царства в этом же музее, номер 741.

L. D., ii. 96.

233

Их жены были певицами Осириса, Mar. Cat. d'Ab., 1175, 1187.

234

Тканье: L. D., ii. 126 (= W., I. 317 = Ros. M. C., 41, 6 = Champ. Mon., 381 bis); Ros., 41, 4 (= W., ii. 170). Ошибочно указан как происходящий из Эль-Курны, там же, 41, 5, этот рисунок повторяется в более точном исполнении. Подготовка ткацкого станка к работе: Ros. M. C., 41, 3, 42, 4, 5. Согласно Ros. M. C., текст ii. 25, Розеллини видел десять изображений тканья.

W., ii. 171, несмотря на объяснение, которое дано там же, p. ix, рисунок во многом непонятный.

Варка и битье: Ros. M. C., 41, 1. Выравнивание (по-египетски *мсн):* L. D., ii. 126 (= W., I. 317) и Ros. M. C., 41, 2, 3. Прядение: L. D., ii. 126; W., I. 317; Ros. M. C., 41, 2, 4.

237

Номер 7796.

Например, прекрасное погребальное ложе Эти в Гизе, относящееся ко времени правления XI династии.

239

Ср. рисунки эпохи Нового царства, W., ii. 394; Perrot, 704. Так в современном египетском народном календаре «Начало посева» приходится на 5-е число месяца бабе, а «Рубка деревьев» на 10-е бабе. Ср.: Lortet, Calendrier Copte, Lyon, 1851 *(Лорте.* Коптский календарь, 1851, – в трудах тамошней академии).

Древнее царство, рубка сикоморов: L. D., ii. 108 (= Ros. M. C., 28, 3–4), там же, 111. Рельеф в гробнице Ти. Среднее царство, рубка пальм: L. D., ii. 126 (= Ros. M. C., 43, 1). О популярности этой сцены свидетельствует то, что дерево с козами было любимым мотивом в узорах на изделиях египетских художественных ремесел.

241

Теперь храмы Амона есть в Лейдене, Лондоне, замке Алнвик и Гизе.

W., ii. 198, показан деревянный сундук, части которого соединены клеем. На рисунке, W., ii. II. 199, возможно, тоже изображена склейка изделия.

243

Хранящийся в Берлине гроб эпохи Среднего царства является прекрасным древним образцом применения этих различных стилей работы.

L. D., ii. 108.

245

Оружие и скипетры, выполненные в этой технике, – Гиза, 4611, 4725; Берлин, 4724. Табуреты из кусков дерева, на которых оставлена кора, но без обвитых вокруг кусков коры: Гиза.

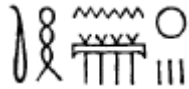
Ср.: Стела С. 14 из Лувра. Нов.: L. D., iii. 64 a.

Существует бесчисленное множество примеров этого, в особенности в Лувре.

248

Похоже, что на это указывает рисунок, а также фигура слева от печи на нашей иллюстрации.

Из эпохи Древнего царства я могу упомянуть лишь несколько грубых статуй в Гизе и фигуру плачущей служанки, из эпохи Нового царства – фрагмент статуи Исиды в Берлине и фрагмент рельефа в Лувре, помещенный среди греческих терракотовых изделий.

Я предполагаю, что  обозначают фаянс; во всяком случае, описание объектов, упоминаемых в этих источниках, соответствует скорее фаянсу, чем стеклу, как предполагает Brugsch, Wb. Suppl., p. v.

251

Ср. и Нов.: W., ii. 140.

252

L. D., 13, 49 b, 74 a (явно не хватает печи – или чем еще этот предмет может быть), Perrot, 32.

Если считать, что это похожее на каплю вещество – стекло, а в пользу этого предположения говорит многое, то эти рисунки, вероятно, изображают изготовление какого-то состава, применявшегося при покрытии фаянса глазурью.

Ср.: W., ii. 234. Нов.; там же, 235 (с острием).

W., ii. 312, отмечает, что острия сделаны из металла, чтобы они не загорелись.

W., ii. 312.

W., ii. 235.

258

Единственный случай, который мы можем здесь упомянуть, это: L. D., ii. 126; W., ii. 234.

259

Mar. Cat. d'Ab., 596.

Mar. Mast., 450.

261

Предположительно . Амон в эпоху Нового царства имел собственных золотых дел мастеров; Mar. Cat. d'Ab., 1078.

По-египетски *хре нб,* Mar. Cat. d'Ab., 1152 (Нов.).

263

Mar. Cat. D'Ab., 596; Mar. Mast., 450. Стела из Турина с именем Аменемхета III (L.A.), на которой упомянуты два «начальника золотых дел мастеров» и четыре «золотых дел мастера».

Мастер, делающий ножи, изображен на L. D., ii. 126.

Эту работу следовало бы возобновить в более широком масштабе; надо бы также изучить отдельно немногие более ранние бронзовые изделия, поскольку значительное большинство существующих бронзовых изделий относятся к такому позднему времени, что не относятся к металлургии чисто египетского периода.

Статуи из коллекции Посно, находящиеся в Лувре, не относятся к эпохе Древнего царства, а выполнены в старинном стиле при XXVI династии.

267

Ср.: *Maspero.* Guide de Musee de Boulaq, p. 296 (Путеводитель по Булакскому музею. С. 296) и Birch, W., ii. 251.

Что касается слова, означавшего железо, ср.: Br. Wb. Suppl., 413 и след. с.

269

См. изображение в гробнице Рехмере; W., I. Pl. ii. a, ii. b.

В первый раз, вероятно, L. D., iii. 30 b, 10, при Тутмосе III; позже так было в текстах XX династии, Abb., 44, Amh. 2, 6, 9 и т. д. То, что в других текстах сохранен прежний порядок, как сохранялись и многие другие традиции, разумеется, не доказательство противоположного.

271

Чтобы определить соотношение составных частей в *усме,* Бругш (Wb., Suppl.) поступил умно: сравнил Harris, 26, II с тем, что дано там же в 34 a, откуда следует, что при взвешивании *усма* использовались 1278 утенов золота, 1891 утен серебра и 67 утенов меди. Этот отрывок подтверждает точку зрения Лепсиуса. Я не могу понять, как Бругш из наличия такого малого количества меди (которая к тому же могла означать гвозди и т. д.) мог сделать вывод, что *усм* – это разновидность бронзы. Кроме того, в обоих отрывках смысл текста такой расплывчатый, что возможно предположить, что часть золота была использована не в составе сплава.

Что при Среднем царстве драгоценные украшения были так же прекрасны, видно по чудесным украшениям эпохи XII династии, которые обнаружил в Дашуре г-н де Морган в апреле 1894 г.

Маска мумии из гроба Эпеанху.

Я имею в виду рисунок W., ii. 234, который Уилкинсон толкует как промывание золота, но я не вполне согласен с этим объяснением. Я не заявляю, что мое толкование обязательно верно.

275

В W., ii. 250 сказано, что Бартон нашел древний железный рудник в Хамами, в Аравийской пустыне.

«Горное золото» делилось на «золото из Коптоса» и «нубийское золото»: Harris, I. 12 a, 6 и след. с. Карту золотых рудников этих гор (например, горы Бехен) см. в: Chabas. Deux papyrus *(Шаба.* Два папируса).

277

W., ii. 238. Уилкинсон говорит на эту тему так, словно видел все своими глазами.

Diodor, iii. 11.

Золотой песок: напр., L. D., iii. 117.

Cwt – центнер (в Англии – 50,8 кг; в США – 45,3 кг).

Ср. в особенности различия, проведенные в папирусе Гарриса, перечисление которых можно найти в указателе Пиля, p. v. nb. כתם также встречается во многих надписях.

282

Стела из Кубана.

283

Опубликовано в: Lepsius, Auswahl, 22; Chabas, Deux papyrus. Также в материалах Мюнхенского конгресса. Lauth, 1870, ii.

L. D., iii. 140 c; имеется в виду миф, пересказанный в гл. XII.

Исключение из этого правила можно обнаружить в L. D., ii. 137 c, где продукцией названы малахит и еще один материал, носивший название .

Рюппель в книге Бёдекера, с. 548.

287

L. D., ii. 137 g. О нынешнем состоянии Талеса и его развалин см.: *Brugsch.* Turkis minen. C. 71.

L. D., ii. 152 a.

289

L. D., ii. 143 и след. c.; L. D., iii. 3 a, b, 71 a, b. Деление каменоломен на части подсказано обозначающим их словом во множественном числе .

О большой древности сооружения свидетельствует та степень, в которой обтесанные камни плотины повреждены погодой, – точно такая же, как у блоков, из которых сложены храмы при пирамидах.

291

Каменоломни в Хат-нуб обнаружил в декабре 1891 г. мистер Перси Ньюбери из Фонда исследований Египта. См.: Proceedings of the Bib. Archae., январь 1894.

292

Надпись Уны: A. Z, 1882, 24.

293

Надписи в каменоломнях Сильсиле: L. D., iii. 110 i.; L. D., VI. 23, 6–8.

Ä. Z., 1882, 22 и след. с.

An., I. 15, 3. Сатирический характер этой книги заставляет сомневаться в ее сообщениях.

L. D., ii. 115 h.

Все, что следует дальше, взято из L. D., iii. 219.

Муррей указывает вес более 1000 тонн.

Leyden, 349, 15; подобное там же, 348, 6, 6.

L. D., ii. 134. Начало надписи следует читать *«шмс тут»*.

301

У меня есть сомнения относительно перевода слов «из-за трудной каменистой почвы – песчаника»: упоминание о песчанике здесь выглядит странным. Правда, возможно, что это слово – «камень роста» первоначально не обозначало именно песчаник. Странно также, что статуя такого размера была сделана из алебастра…

Harris, 500, 5, 2.

303

Лодки из папируса на большинстве рисунков Древнего царства: напр., L. D., ii. 60, 77. Среднего царства: L. D., ii. 127, 130; Ros. M. C., 24, 1. Новое царство: W., ii. 104, 107, 108. Их постройка: Düm. Res., 8 (подробности: у работников есть с собой запас еды, а значит, они находятся далеко в полях); L. D., ii. 106 a, там же, 12, W., ii. 208.

304

Папирусные лодки необычного размера: L. D., ii. 106 a; и Düm. Res., 3 d. Обратите также внимание на то, что в обоих случаях гребцы сидят лицом вперед, что редко случается в деревянных лодках, но всегда бывает в маленьких папирусных челноках.

Ä. Z., 1882, 24.

Я не даю здесь исчерпывающее описание всех этих многочисленных разновидностей. Много информации по этой теме можно найти в сочинении Гласера (Düm. Res.), очень хорошей практической работе.

307

О мачтах, парусах и оснастке в эпоху Древнего царства см., в особенности, Düm. Res., 4, 5; L. D., ii. 28, 43 a, 64 bis a, 96. Закатанный вверх парус: L. D., ii. 45 a. Мачта и рея (или реи) лежат внизу: L. D., ii. 103 b. Рея для нижней подборы, существование которой при Древнем царстве отрицает Гласер: L. D., ii. 28. В этом же примере между половинами мачты есть канат, который, вероятно, служил для того, чтобы поднимать рею нижней подборы.

308

Большие парусные ладьи для путешествий (обычно изображались по две вместе): L. D., ii. 22, 28, 43 a, 45 a, b, 64 bis a, 96; Düm. Res., 4, 5. Подобные им гребные лодки: L. D., ii. 22, 24, 43 a; Düm. Res., 3.

L. D., ii. 28.

Большие грузовые суда: L. D., ii. 62, 104 b. Похожие на них, но приспособленные и для плавания под парусом: L. D., ii. 103. Малые грузовые суда: L. D., ii. 96, 103.

311

Они прикрепляли к своим рулевым веслам поперечину, которая позволяла крепче сжимать весло.

312

Буксировка погребального корабля с помощью канатов маленькими лодками: L. D., ii. 101 b. Буксировка ладьи солнца в Книге мертвых. О этом судне, носившем название «Сат», см. также надпись Уны.

313

Впервые мы видим мачту, сделанную из ствола дерева, и более короткий парус с двумя реями и большим количеством такелажа, на рельефе некоего ("VI династия), привезенном в Булак в 1885 г.; к несчастью, я не сделал записей о способе управления судном.

Суда Среднего царства (все из Бени-Хасана) – парусные: L. D., ii. 127; там же, 126 (Ros. M. C., 109, 1); второе из них еще имеет мачту старого типа. Суда для женщин: L. D., ii. 126 (= Ros. M. C., 109, 2); Ros. M. C., 105, 1. Разгрузка судов: Ros. M. C., 106, 2.

315

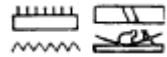
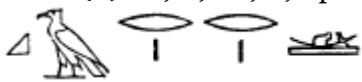
В литературе Нового царства упомянуты многие виды судов. Рисунок судна *усех* см. в: L. D., iii. 10 a, судна *аха* – в Düm. Flotte, 2. Изображения «судов для поездок»: L. D., iii. 10 (= Ros. M. C., 110), там же, 116; W., ii. 224. Государственные суда, царские суда: L. D., iii. 17 a. Из гробницы Рамсеса IV: Ros. M. C., 105–108. «Грузовые суда»: L. D., iii. 10, 76, 116; W., ii. 213. «Рыболовное судно» под полностью поднятым парусом: W., ii. 102.

Такого рода ладья для поездок (например, для официальных путешествий знатнейших аристократов – An., 4, 6, 11; для их переезда в их сельские дома: An., 4, 3, 6) называлась – *баир*. Такие же суда использовались и на море – Harris, 77, 8.

317

Для чего был предназначен канат, протянутый над судном?

Эти грузовые суда Нового царства назывались – «лодки-паромы для быков» и служили, например, для перевозки вина: An., 4, 6, 11.

При Новом царстве морское судно называлось  : An., 4, 3, 10; Harris (I.) 48, 6, 77, 8; кроме того, там же, 48, 6 как морское судно  и там же, 77, 8, *бпайр;* однако по сравнению с судами *менеш* два последних вида судов были скорее судами для сопровождения. При Среднем царстве египтяне плавали по морю на судах *аха* (Ä. Z., 1882, 203); их же мы обнаруживаем при Новом царстве как речные ладьи на Ниле, Harris, I. 77, 13.

319

Здесь тоже над судном на высоте примерно 1,8 м протянут горизонтально канат.

L. D., ii. 50 a, 78 b. Рельеф Эпе в Гизе.

321

Я ошибся, когда утверждал, будто бы при Древнем царстве эти веера использовались в качестве штандартов. Они состояли из длинной ручки и прикрепленной к ней прямоугольной рамы, обтянутой льняной тканью; к узкой стороне рамы крепилось большое подвижное полотнище (из перьев?), которое двигалось вперед и назад, когда веером пользовались.

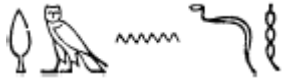
Берлин, 789. Кстати, в одном письме эпохи Нового царства (Ä. Z., 1881, 119) есть упоминание о ковке осла бронзовыми подковами.

323

Способ написания этого иностранного слова позволяет нам сделать вывод, что оно появилось в Египте раньше, чем מרכבה (עגלה) – слова, обозначавшие колесницу.

Оба эти слова есть в коптском языке.

Есть и третье слово, означавшее колесницу, – *уерит,* и оно, *возможно,* имело египетское происхождение. Если же оно заимствовано у другого народа, то, судя по написанию, оно вошло в египетский язык раньше, чем два других слова и одно из слов, означавших лошадь.

Гробница  в Фивах.

327

Описание, которое идет дальше, сделано по L. D., iii. 10 a bis и многим подобным рисункам. Ср. также рисунок, на котором показано изготовление колесницы., Ros. M. C., 44; и те колесницы, которые сохранились до сих пор (= W., I. 227–231, 232, 234, 236).

L. D., 153 и еще часто.

329

В частном доме, L. D., iii. 10 a bis.

L. D., iii. 128 a, 130 b, там же, 126 b; третья – там же, 126 a. Лошади Рамсеса II, там же, 153, 165 и часто там же, 160, 166.

L. D., iii. 153.

L. D., iii. 153.

Например, в упоминавшейся выше гробнице Эмнудема.

334

По фотографии настенного рисунка из Британского музея.

Бегство варваров на конях, Ros. M. C., 120. Семитская богиня войны тоже изображена на коне, L. D., iii. 1380.

336

Попытки доказать, что одно иностранное по происхождению слово египетского языка означает «верблюд», основаны на неверных прочтениях и поэтому могут считаться ошибочными.

337

Надпись иератическими символами. Т. 15.

338

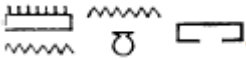
Берлин, 8241. В наше время (конец XIX в.) достаточно хорошего осла в Египте можно приобрести примерно за 80 франков.

339

Сунт – это явно то же слово, которое применялось в прямой связи с пограничной торговлей (L. D., ii. 136 i) и до сих пор существует в коптском языке в форме «соуен» – «цена».

Ä. Z., 1882, c. 12, 25.

L. D., ii. 122.

 . Например, L. D., ii. 123 e и там же, 151 c (названный в честь Сенусерта III). При Новом царстве в упомянутой ниже надписи из гробницы Хуи. Возможно, что это слово и – одно и то же, но в этом нет уверенности из-за того, что написание слова постоянно изменялось.

L. D., 136 h.

L. D., ii. 136 i; торговля в пустыне называлась словом *xpm.*

345

W., i. pl. ii. b.

Однако известен случай, когда похожее украшение было обнаружено на жертвенном животном в египетском храме (L. D., iii. 94).

Исключением является An., 4, 2, 126 (= Koller, 3, 1), где корабельный трос или что-то подобное упоминается как «изделие страны Куш».

Не ясно, в какой период египетский язык стал письменным языком Нубии – то ли при Новом царстве, то ли только после отделения Нубии от Египта.

349

Неопубликованная надпись из гробницы Хуи.

К примеру, эти наместники даже воздвигали храмы, где изображали их самих (L. D., iii. 46, 47, 56, 178).

351

Например, ближе к концу времени правления XX династии. Ср. интересное рекомендательное письмо царя для чиновника, посылаемого в Нубию: Tur., 66–67.

Все сказанное дальше основано на неопубликованных рисунках из гробницы этого человека.

353

Под названием «Нехен» мы должны понимать хорошо известный город Эль-Каб в Верхнем Египте или нубийский город, носивший это же название? (Иераконполь, современный Ком-Эль-Ахмар, ниже Идфу и выше Нехебта, современный Эль-Каб. – *Ред.)*

L. D., iii. 174 c. Если титулы приведены полностью (после них идет пробел), то суд был назначен только для северной, наиболее цивилизованной части страны.

L. D., iii. 229 и след. с.

356

Название Пунт – не односложное слово (такое слово писалось бы Пнт), а слово из двух слогов с согласными p, w, n и окончанием женского рода t. О гласных этого слова ничего не известно.

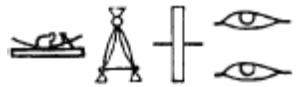
357

Ср.: Ä. Z., 1882, 205. Также L. D., ii. 149 d, L. D., iii. 223 c, где явным образом сказано, что Хаммамат находится в Божественной Стране.

L. D., iii. 29a.

359

В повести, которая хранится в Санкт-Петербурге, явным образом сказано, что до каменоломен плыли на корабле. Дюмихен в своей «Истории…» тоже доказал по более поздней религиозной географии, что древние считали именно так.

К этому же разряду относится капитан  , L. D., ii. 115 b, f, m, 116 a.

Ä. Z., 1882, c. 203.

L. D., iii. 140 d; это выражение взято из надписи эпохи Нового царства.

L. D., ii. 149 q.

364

«Красная страна» – любая иноземная страна в противоположность «черной» («Кеми»), то есть Египту.

L. D., ii. 150 a. Знанием того, как правильно читается слово *уадуер* – море, я обязан Голенищеву, с которым разговаривал об этом. (В.С. Голенищев – знаменитый русский ученый-египтолог. – *Пер.)*

Ä. Z., 1882, c. 203.

367

L. D., ii. 23. По прическе видно, что этот *негр* был из негров *Пунта*.

368

Некоторые из древних литературных произведений, где говорится о странах благовоний, поразительно совпадают с египетской легендой, которая рассказана здесь.

369

В оригинале названы конкретные виды растений и плодов.

Конец этого рассказа очень неясен по смыслу.

371

Я знаю эту необычную повесть только по переводу, который опубликовал ее первооткрыватель Голенищев в «Материалах Берлинского конгресса по вопросам Востока». Во втором рассказе о шторме я перенес на другое место одно предложение, которое, на мой взгляд, было не на месте. Очень надеюсь, что этот важный текст скоро смогут опубликовать.

Об очень интересных изображениях этой экспедиции см.: Düm. Hist. Inschr., ii. pl. 1–3, 8—18 (это же повторяется в: Dum, Flotte; короткое описание дано в: Mariette. Der el Bachri).

373

О царице Хатшепсут говорится в мужском роде.

W., i. pl. 2a.

Йум а н мн кд. Поскольку в L. D., iii. 5 a, Евфрат назван *му кд;* «великое море» в этом выражении должно означать Персидский залив, а поскольку целью путешествия явным образом указан Пунт, здесь несомненно названа Южная Аравия. Конечно, утверждение царя может быть в какой-то степени преувеличенным: невозможно, чтобы его экспедиция проникла далеко в Персидский залив, потому что единственными результатами, с которыми она вернулась назад, были благовония и тому подобные вещества.

Harris (I.) 77.

377

Эта экспедиция коротко описана в: Harris (I.) 77, 8 и след. с.

Sall., 2, 7, 4–6 = An., 7, 2, 6–8.

379

Mar. Cat. d'Ab., 690, 697, 699; Лувр. С. 170. Они, конечно, носят египетские имена, причем часто имена своих хозяек.

L. D., iii. 5 a. В нашем переводе невозможно передать содержащуюся здесь игру слов. Название «обратная вода» встречается также в: Harris (I.) 77, 8.

381

В связи с развитием морской торговли интересно отметить, что согласно An., 4, 3, 10, богач, о котором там идет речь, владел собственным судном, которое привозило ему сокровища из Сирии.

Относительно пограничной торговли в это время см. следующую главу.

383

L. D., iii. 115, 116, 127 b; W., I. pl. 2 a, b.; Ros. Mon. civ., 58. Также не описанная в печати гробница из Дра-абульнеги.

Иностранные товары часто можно опознать по их иностранным названиям (которые к тому же не все семитские); однако есть и такие изделия, которые, несомненно, были привозными, но не носили иностранных названий (например, скот, пиво, вино). Значение большого числа варварских названий до сих пор неизвестно.

Приведенные здесь примеры выбраны случайно, в основном из An. 3 и An. 4; их можно было бы привести в десять раз больше – из этих текстов и из других. То, что сюда не вошло, взято из известных и неизвестных языков и до сих пор нуждается в тщательном исследовании.

Mar. Cat. d'Ab., 1055. Есть много похожих примеров.

Ср., например, среди многих подобных случаев L. D., iii. 156, где князь дергает пленников за бороды.

Финикийцы одевались проще (W., I. pl. 2 a), но их юбки с цветной вышивкой и бахромой тоже выглядели совершенно не по-египетски.

389

Одежда хеттов: L. D., iii. 154, 157, 158, 164, 165. Немного иная: там же, 196. Необычная: Ros. M. S., 103, у одного голова обрита, и на ней оставлен только «конский хвост». Ср. также «северных людей», W., I. pl. 2 b, в длинных белых одеждах.

390

Влияние Египта, несомненно, сильнее всего ощущалось в Сирии, Финикии и других средиземноморских странах во время правления XXVI династии.

391

Тутмос III построил в Ретену «памятник» *(мнну,* это же слово употребляется, когда идет речь о более старых колониях в Нубии): L. D., iii. 30 b, 1. Меренптах построил город в Эмуре (An., 3, 5 Rs.). Рамсес II построил храм в Ханаане (Harris (I.) 9, I и след. с.).

У номархов: R. J. H., 84 = Mar. Mast., 214 и след. с. У верховных судей: L. D., ii. 75. Mar. Mast., 228 и след. с.

393

Гелиопольский верховный жрец именует себя «начальником войск»; Mar. mon. div., 18.

Надпись Уны: Ä. Z., 1882, 12 и след. с.

395

В одной из предыдущих глав и во многих местах я реконструировал этот титул иначе в согласии с Бругшем; однако теперь я предполагаю, что *хнт* в этом титуле на самом деле не имеет ничего общего с *хнт* – «находящийся впереди, нубийский», а означает просто *сад* или что-то подобное.

L. D., ii. 127 (он – третий военачальник нома, L. D., ii. 131).

397

Стела 1198, хранится в Берлине; относится ко времени XII династии.

В частности, отчет: L. D., ii. 122, военачальники на рудниках: L. D., ii. 138 a, 149 g.

L. D., 138 c.

Их легко различить на приведенной здесь иллюстрации, которая скопирована с рисунка эпохи Среднего царства. Что воины Древнего царства были одеты примерно так же, видно по иероглифам, которые часто встречаются в надписях того периода: правда, похоже, что перьев не было, но можно разглядеть концы повязок сзади юбки.

401

Правда, эта крепость могла быть построена Тутмосом III.

402

Ros. M. C., 118. W., I. 242. Планировка построек, расположенных впереди, не вполне понятна.

403

An., 3, 4–6 R. Многое, особенно в именах, невозможно прочесть.

Писец не знал точно, какое это было имя, и потому оставил в середине пустое место. В нынешнем виде оно означает «…на пиру».

L. D., iii. 187 d, ср. еще там же, с. 2 и d. 27; где они названы «начальниками стран».

Это единственная фраза, по которой мы можем понять, что египтяне придавали какое-то значение обычаю обрезания.

407

Это сообщение, Mar. Karn., 52 и след. с., состоит только из половин строк, и потому подробности очень трудно понять. Я не вижу в нем ничего позволяющего считать, что эти племена уже занимали дельту до этой войны.

L. D., iii. 12 d.

Lieblein, 208, 716, 763, 916. Два других корабля – там же, 591, 667.

То, что крупные святилища имели своих воинов уже при Древнем царстве, мы видим по титулам верховных жрецов, например Mar. mon. div., 18 и другие примеры.

В L. D., iii. 219 достойно упоминания то, что следом за воинами регулярной армии упомянуты «200 командиров из отряда государственных рыбаков»; это, видимо, подразумевает, что из крепостных рыбаков была организована военная часть.

Толкование *молодежь* делается вероятным благодаря месту в Mar. Karn, 54, 45, где молодежи, видимо, противопоставлены *старики.* При Рамсесе II существовала *нахаруна* (это слово применено как собирательное существительное) в Эмуре: L. D., iii. 187 e.

413

Армии, названные в честь богов, – это не войска, выставленные храмами этих богов. Во-первых, храмы так сильно отличались по богатству один от другого, что размеры войсковых частей в этом случае тоже сильно бы отличались; кроме того, если принять это допущение, то царь не имел собственных военных сил.

L. D., iii. 94, 97 e, 117, 121 a. Соответствует ли центральный лоскут древнего шендота этой части юбки? И не был ли шендот самым ранним военным нарядом царей?

L. D., iii. 154, 156, 168. Особенно ясно и выглядит немного иначе. L. D., iii. 214.

Не могла ли она изображать шлем?

L. D., iii. 155, 160.

An., 3, 5, Rs.; An., 3, 6, 4; Leyden, 349.

419

Mar. Cat. d'Ab., 1162 как родственник одного из командиров вспомогательных войск. Другой человек был одновременно катаной («катана» первоначально означало всего лишь «возница любимой повозки», L. D., iii 10 a, bis) и наместником Нубии, L. D., iii. 138 n.

Leyden, 349; ср. также: L. D., iii. 219 – «начальник конюшен двора» в Хаммамате.

421

Надпись Бекенхонса, 1, 3. По поводу толкования слова *сохпр* как «образование» ср. среди других отрывков 1, 4 этой же надписи.

422

В L. D., iii. 219 среди самых высших военных и чиновников упомянут «придворный катана» и «пятьдесят катан конных войск» упомянуты после «двадцати старшин придворной конюшни».

423

An., 4, 9, 4 и след. с. Похожее стихотворение с подобным же смыслом: Ä. Z., 1880, с. 96.

Главным источником сведений для определения места различных военачальников в служебной иерархии служит надпись L. D., iii. 219, в которой военачальники и гражданские чиновники перечислены явно в порядке их должностей.

An., 1, 2, 3.

Там же, 1, 8. Я не знаю, что значит .
Ср. в L. D., iii. 219; однако это может быть прочитано и как *snne*.

427

Mar. Cat. d'Ab., 1137. Ср. также: L. D., iii. 219, где, помимо двух упомянутых отдельно «писцов армии» («писец Шу» и «писец-представитель»), названы еще двадцать – все вместе без титулов.

Inscr. In the Hier. Char., 29. Также «царский писец и начальник солдат», An., 5, 21, 8; часто также только «начальник солдат» и, несомненно, также часто просто «царский писец».

Ä. Z., 1880, 96. Объяснение, которое я там дал, теперь кажется мне ошибочным. Неясно, действительно ли в приведенном там поэтическом перечислении военачальников, стоящих выше *yay,* они действительно указаны в порядке старшинства.